Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Европы Российской академии наук

Ю.И. Рубинский

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

Т. 2. Франция: незаконченая модернизация

Издание в трёх томах

Москва
ИЕ РАН
2018

УДК 327.8(100:4)
ББК 66.4(4),9(0),01
Р82

Рецензент:
Обичкина Евгения Олеговна,
доктор исторических наук, профессор

Тема НИР 0191-2014-0023
«Комплексные исследования экономического, политического
и социального равзития стран и регионов Западной Европы
на современном этапе»

Рубинский, Ю. И.
Приметы времени. Т. 2. Франция: незаконченная модернизация : в 3-х т. / Ю. И. Рубинский ; Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук. – М. : Ин-т Европы РАН, 2018. – 424 с. – ISBN 978-5-98163-118-4, ISBN 978-5-98163-120-7.

Мы живём в эпоху глубоких перемен в отношениях человека с природой, государств и цивилизаций, людей между собой. Анализу этих тектонических сдвигов посвящён трёхтомный сборник работ историка, политолога и дипломата, известного российского специалиста по проблемам современной Франции Ю.И. Рубинского. «Приметы времени» подводят итоги его деятельности во главе Центра французских исследований Института Европы РАН и профессора НИУ – Высшей школы экономики в 1997–2017 гг.

ISBN 978-5-98163-118-4
ISBN 978-5-98163-120-7

© Ю.И. Рубинский, 2018
© Оформление. ИЕ РАН, 2018

Моей семье

ЧАСТЬ I.

ЭКОНОМИКА, ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

ГЛАВА 1. ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ*

Этапы эволюции

Накануне и после мировой войны во Франции сложилась оригинальная система смешанной экономики, которая опиралась с одной стороны, на значительный госсектор, с другой – на органы индикативного планирования. Несмотря на широкомасштабную приватизацию и либерализацию, проведённые за последние четверть века, эта система отчасти сохранилась, хотя и в существенно модифицированном виде.

В период её становления – 1945–1946 гг. госсектор охватил главным образом малорентабельные или убыточные инфраструктурные компоненты – энергетику (добыча и переработка угля, нефти, газа, электростанции), ж/д, воздушный, морской транспорт, связь – почту, телеграф, телефон, радио, отчасти финансовую сферу – крупные банки и страховые кампании, прежде всего, центральный Банк Франции, а также некоторые промышленные предприятия, в частности, оборонные – «арсеналы». Последняя волна национализации, охватившая остальные банки и 15 крупнейших промышленных групп, имела место в 1981–1982 гг., при социалистическом правительстве П. Моруа.

Основной задачей госсектора являлось снижение издержек производства базовых отраслей, обеспечивавших остальные сравнительно дешёвыми энергией, транспортом, связью, кредитом за

* Ю.И. Рубинский, К.С. Вяткин. Долгосрочные совместные программы социально-экономического развития центра и регионов (опыт Франции и Германии). ДИЕ РАН № 45. М., 1998 г.

счёт бюджета (т.е. налогоплательщика), который прямо или косвенно покрывал убытки государственных предприятий с помощью субсидий или налоговых льгот. Госсектор включал три основных типа предприятий – казённые, национализированные и автономные, в том числе смешанные по характеру собственности.

Первые целиком принадлежали государству и управлялись им. Они не имели права вступать в самостоятельные сделки, распоряжаться своими банковскими счетами, не платили налогов и амортизационных отчислений. Соответственно их прибыль переводилась в бюджет и убытки покрывались им же, проходя по специальным внебюджетным фондам (Монетный двор, табачно-спичечная монополия «СЕЙТА», типография официальных изданий, фабрика гобеленов и т.д.).

Национализированные общества изначально имели акционированную форму, но единственным или главным акционером их являлось тогда государство. К этой категории относились компании по угледобыче («Шарбоннаж де Франс»), газу («Газ де Франс»), электроэнергетике («Электриситэ де Франс»), железнодорожному транспорту («Сосьетэ де шмен де фер франсэ»), по эксплуатации столичного городского транспорта (РАТП), авиатранспорту («Эр Франс»), по производству авиамоторов (СНЕКМА), автозавод «Рено» и т.д. Президенты и генеральные директора национализированных компаний назначаются главой государства в Совмине, но треть административного совета с самого начала составляли представители частного сектора – потребители их продукции.

Наконец, акции автономных компании делились между государством и частным сектором, причём в ряде случаев последний уже имел контрольный пакет. Если государство владеет не менее чем 10% акций, то оно осуществляет контроль над инвестициями и сбытом через своих представителей в административном совете, избирающем президента и гендиректора (нефтедобывающая «Компания франсэз де петроль» и др.).

К концу 1960-х гг. на национализированных предприятиях работали 16% самодеятельного населения, занятого в промышленности, на транспорте, в связи, торговле и услугах. Они производили 11-12% промышленной продукции, 14% добавленной сто-

имости, на них приходилось 38% всех производственных капиталовложений. В руках государства находились тогда 97% угледобычи, 80% авиационной промышленности, 80% производства электроэнергии, 95% производства газа и т.д.

Финансирование акционированных звеньев госсектора осуществлялось не только из бюджета, но и из других источников – банковского кредита, эмиссии облигаций, самофинансирования в пропорциях, зависевших от рентабельности данной компании.

Функции плановых органов, прежде всего Генерального комиссариата планирования (ГКП), состояли в определении приоритетных звеньев экономики, преимущественное развитие которых обеспечивало бы оптимизацию её структуры, техническое перевооружение, высокие темпы роста, а также ориентировочных прикидках расходов на достижение указанных целей. Основная задача составлявшихся им и выносимых на утверждение парламента 5-летних планов заключалась в увязке государственных и частных инвестиционных программ, полностью или частично финансируемых бюджетом.

Не являясь директивными, органы французского индикативного планирования не давали адресные задания предприятиям госсектора, не говоря уже о частных, не намечали для них объёмы и профиль производства, не назначали поставщиков и получателей продукции. Их роль ограничивалась прогнозированием рыночных пропорций и параметров, на которые государство воздействовало через бюджетные ассигнования, налоговую, кредитно-денежную, финансовую, социальную политики, косвенно влиявшие на основные факторы экономического роста – потребление, инвестиции, запасы, экспорт-импорт. Плановые наметки ГКП давали прогноз и оценку желательного соотношения потребностей и ресурсов экономики страны, рентабельности предприятий ведущих отраслей, их прибылей, убытков и, соответственно, бюджетных расходов на их поддержку. Базой для данных подсчётов служила система ежегодно составляемых «национальных счетов» по методу затрат – продукции, исходя из данных Национального института статистики и экономических исследований (ИНСЕЕ), который выполняет во Франции функции Госкомстата, а также опросов руководителей предприятий всех видов собственности.

Вплоть до конца 1960-х гг. целевые программы, финансировавшиеся на смешанной основе, составлялись в рамках 5-летних планов экономического и социального развития преимущественно в вертикальном разрезе – по отраслям. Первым из них являлся «план Моннэ» (1947–1952 гг.), названный по имени его автора – одного из виднейших представителей французской экономической элиты. Его центральной задачей являлось восстановление разрушенной войной экономики и модернизация базовых отраслей промышленности путём повышения доли производственного накопления. Хотя намётки «плана Моннэ» были реализованы за счёт мобилизации государством национальных ресурсов и американских средств по «плану Маршалла» в среднем лишь наполовину, промышленное производство в стране увеличилось к 1952 г. на 27%, особенно в таких решающих тогда отраслях как угледобыча и энергетика целом. За ним последовали дальнейшие планы «модернизации и оснащения», где основное внимание уделялось, наряду с энергетикой и инфраструктурой – транспортом и связью, а также обрабатывающей промышленности.

Рекомендации ГКП вырабатывались отраслевыми «комиссиями по модернизации», в которые входили представители государственного и частного секторов (последние – свыше 40%), профсоюзов, эксперты-экономисты. Главной из них была инвестиционная комиссия, намечавшая направления и объекты капиталовложений, полностью или частично финансировавшихся за счёт бюджета. С 1960 г. эти функции постепенно перешли к Фонду экономического и социального развития.

В 1949–1958 гг. около 42% инвестиций в промышленности Франции прямо или косвенно финансировались за счёт государственных фондов, а в малорентабельные и убыточные отрасли – ещё больше. Со своей стороны частный сектор также получил возможность увеличить объём своих капиталовложений, которые стимулировались снижением издержек производства на наименее рентабельные их компоненты. В итоге основная задача, ставившаяся перед французской моделью смешанной экономики в её первоначальном варианте, была успешно решена – страна наверстала отставание, накопившееся за застойные 30-е гг., восстановила разрушения Второй мировой войны на современной техни-

ческой основе и подготовилась к следующему важнейшему этапу развития, связанному с процессом европейской интеграции на основе Римского договора 1957 г. Однако теперь прежняя система уже не годилась – более того, она пришла в противоречие с качественными новыми требованиями европейской и мировой экономики, став тормозом на пути дальнейшего развития страны. Два «нефтяных шока» 1973 и 1979 гг. дали мощный толчок прогрессу ресурсосберегающих технологий, развитию атомной энергетики (АЭС обеспечивают 70% потребления Францией электроэнергии), а научно-техническая революция, связанная с информатизацией – трудосберегающих. Основные элементы дорогостоящей инфраструктуры транспорта и связи – сеть современных автодорог, скоростных железных дорог (ТЖВ), большегрузных реактивных самолётов уже были созданы. В результате потребность в продукции многих отраслей, входивших во французский госсектор, сократилась, что значительно увеличило их убыточность. Традиционные отрасли типа угледобычи или чёрной металлургии переживали тяжёлый структурный кризис, требуя огромных средств на их свёртывание или реконверсию.

С другой стороны, ряд авангардных, казалось бы, промышленных программ, инициированных французским государством за счёт бюджетных субсидий, не оправдали себя и обернулись крупными убытками (парижские бойни, сверхзвуковой пассажирский авиалайнер «Конкорд» и т.д.). Если отдельные отраслевые программы государственного, смешанного и частного секторов всё ещё приносили позитивные результаты – например, развитие отстававшего от ведущих зарубежных конкурентов станкостроения, то другие регулярно проваливались, оборачиваясь чувствительными убытками (план «Калькюль» по увеличению национального производства ЭВМ). Колоссальные убытки понесли крупнейший национализированный банк «Креди лионнэ», страховая компания АКСА – только в первой половине 1990-х гг. на их спасение от банкротства потребовалось 300 млрд франков (50 млрд долларов).

Эти расходы ложились тяжёлым бременем на бюджет, увеличивали его дефицит и внутренний долг, что утяжеляло налоговое бремя и заставляло государство откачивать средства с денежного

рынка выпуском облигаций, поднимая учётную ставку и тормозя инвестиционную деятельность не только государственного, но и частного секторов, вместо того, чтобы стимулировать их.

Между тем косвенно финансировать госсектор за счёт инфляции, как это было раньше, стало отныне контрпродуктивно. Она мешала снижению банковского процента, удорожала кредит и импорт, подрывая, в конечном счёте, конкурентоспособность французских товаров на открытом отныне внутреннем и европейском рынках. Да и сам факт наличия во Франции обширного сектора, защищённого от свободной конкуренции монополией государства (электроэнергетика, газовая промышленность, железнодорожный транспорт, связь) шёл вразрез с логикой процессов европейской интеграции и глобализации мировой экономики, вызывая всё более резкую критику со стороны органов ЕС.

Под влиянием всех этих факторов, вместе взятых, экономическая политика французского государства претерпела коренные изменения: её главной целью стала борьба против инфляции, укрепление позиций франка путём сокращения бюджетного дефицита и госдолга с тем, чтобы подготовить страну к жёстким критериям перехода ЕС к единой валюте с 1999 г. На этом пути достигнуты несомненные успехи – инфляция, составлявшая в начале 80-х гг. ещё 14% в год, практически ликвидирована (в 1997 г. рост цен не превысил 1,5%). Тем не менее, удельный вес бюджетного дефицита так и не был доведён до 3% ВВП, что отвечает требованиям Маастрихтского договора как необходимого условия участия Франции в зоне евро.

До конца 1970-х гг. была проведена полная либерализация цен, треть которых в первые послевоенные десятилетия контролировалась государством через Генеральное управление ценообразования. Последней символической мерой в этом плане стала отмена правительством Р. Барра (1976–1981 гг.) контроля над предельными ценами на хлеб. Отныне они формируются в основном под воздействием рыночных факторов – спроса и предложения, а государство ограничивается косвенным воздействием на те из них, которые зависят от НДС или акцизов как крупных источников бюджетных доходов (бензин, табак, алкоголь). С 1980-х гг. органы ЕС взяли курс и на отмену системы гарантированных цен

на сельскохозяйственную продукцию за счёт субсидий из общего фонда, введённую 20 годами ранее под нажимом Франции – ведущего экспортёра товаров АПК на рынке ЕС. Эта система постепенно заменяется адресным субсидированием фермеров в обмен на соблюдение ими ограничительных производственных квот.

Параллельно взят курс на приватизацию основной части госсектора – увеличение доли находящихся в частных руках акций национализированных предприятий, банков, страховых компаний или полную продажу их контрольных пакетов на финансовых рынках. Хотя наиболее энергично приватизацию проводили праволиберальные кабинеты Ж. Ширака (1986–1988 гг.), Э. Балладюра (1993–1995 гг.) и А. Жюппе (1995–1997 гг.), с возвратом к власти социалистов последние тоже теперь отказались от попыток ренационализации, сначала заморозив соотношение государственного и частного секторов в соответствии с формулой президента Ф. Миттерана «Ни-ни» – ни национализации, ни приватизации, а с формированием в 1997 г. правительства Л. Жоспена сами продолжили процесс приватизации (нефтедобыча, автомобилестроение, самолётостроение, телекоммуникации, основная часть ВПК, кредит, страхование и т.д.). Конечной целью провозглашена передача в частные руки и в конкурентную среду всего того, что не является госслужбой, призванной обеспечить социальные потребности общества вне зависимости от критериев финансовой рентабельности.

Правящие круги Франции последовательно ведут дело к тому, чтобы производственными инвестициями, не говоря уже о финансовой сфере, занималось не государство, а преимущественно частный сектор за счёт собственных средств – самофинансирования, размещения ценных бумаг на денежных рынках, банковского кредита. Того же добивается и наиболее динамичная часть делового сообщества – патроната. Именно этой цели подчинена бюджетная политика, которая призвана увеличить прибыли частного сектора за счёт перераспределения в его пользу налогового бремени и обязательных отчислений в фонды соцобеспечения. Вместо того, чтобы самому заниматься снижением издержек производства предприятии частного сектора за счёт искусственно удешевлённых базовых компонентов – энергии, сырья, транспорта и

т.д., за что приходится расплачиваться высокими налогами, государство отныне предпочитает создавать для этого благоприятную внешнюю среду через соответственную интересам частных предприятий фискальную, социальную и кредитную политику.

Соответственно изменилось и функционирование механизма смешанной экономики. Значение органов индикативного планирования заметно снизилось, а 1993 г. правоцентристское правительство Э. Балладюра вообще упразднило практику составления 5-летних планов, которые до того принимались парламентом и имели силу закона.

Тем не менее было бы ошибкой считать, будто эти либеральные реформы вообще поставили крест на экономической роли французского государства. На него всё ещё работает четверть самодеятельного населения, удельный вес трансфертов через госбюджет и фонды соцобеспечения в ВВП не только не сократился, но напротив, ещё более увеличился, достигнув 46,5%. Через бюджеты – государственный и местные перераспределяются 47,5% ВВП. Это на треть больше, чем в США или Японии, что вызывает острую критику со стороны французских ультралибералов, считающих данный фактор главной причиной вялых темпов экономического роста и значительной безработицы (10,2% самодеятельного населения) – самой болезненной социальной проблемы страны.

Несмотря на эту критику даже самые крайние либералы отнюдь не ставят под вопрос принципиальную целесообразность сохранения системы долгосрочных инвестиционных программ социально-экономического развития, совместно осуществляемых государством и частным сектором. Просто центр тяжести их переносится теперь из вертикальной (отраслевой) плоскости в горизонтальную (региональную), доля госсредств в совместных капиталовложениях сокращается, а участниками выступают не только центральные административные органы правительства и частные структуры – промышленные, торговые или финансовые, но также выборные органы местного самоуправления – региональные, генеральные (департаментские), муниципальные советы.

Такой горизонтальный разрез в принципе отнюдь не является новостью. Уже с начала 1950-х гг. во Франции проводилась целе-

направленная политика обустройства территории. Её смысл состоял в более рациональном размещении производительных сил страны с тем, чтобы обеспечить сбалансированное экономическое развитие различных регионов, смягчив значительные контрасты между столицей и провинцией, «богатыми» зонами, расположенными вокруг крупных промышленных центров (Парижский район, Лион, Нормандия, Эльзас) и «бедными» (Центральный массив, Бретань, Юго-Запад). Теоретическая основа под эту политику была подведена известным экономистом Ф. Перру, выдвинувшим концепцию «полюсов роста». Обустройство территории должно было смягчать на местах последствия отраслевой структурной перестройки, обрекавшей на глубокий упадок и массовую безработицу регионы, специализированные на традиционных отраслях, свёртываемых под давлением научно-технического прогресса (угледобыча, металлургия, текстиль Северо-Востока и Лотарингии).

Значительные средства, ежегодно выделявшиеся на обустройство территории в бюджете, дали определённые результаты, способствовав формированию новых полюсов роста вокруг Тулузы (авиакосмический комплекс), Марселя (нефтехимия, металлургия) и т.д. Однако результативность данной политики снижалась чрезмерной административной централизацией, лишавшей провинцию материальных ресурсов и необходимой инфраструктуры, что сдерживало активность органов самоуправления и частного сектора на местах. Сейчас эти препятствия во многом устранены, открывая более широкие перспективы для реализации ими совместных целевых проектов.

Организационная структура

Инициатива таких проектов может исходить как сверху – из центра, так и снизу – от регионов. В центре почти в каждом министерстве (промышленности, сельского хозяйства, транспорта, связи и т.д.) имеются плановые отделы, которые готовят соответствующие программы, касающиеся всей страны или отдельных объектов на местах. Аналогичные звенья существуют на местах – в аппаратах префектур и местных органов самоуправления. Координационные обязанности при сведении их воедино выполняют

два ведомства – оснащения и обустройства территории и ТКП. Министерство оснащения занимается больше проектами национального масштаба, обустройства территории – регионального. Ядром последнего служит Делегация по обустройству территории и региональной деятельности (ДАТАР), имеющая представительства на местах.

Все эти административные структуры временами подчинялись тому или иному крупному министерству – например, в 1993–1995 гг. обустройство территории было передано МВД, контролирующему полномочных представителей государства на местах, регионах и департаментах – префектов. ГКП подчинялся поочерёдно премьер-министру (1946–1954, 1962–1967, 1974–1976, 1977–1981, 1991–1992 гг.), министерству финансов и экономики (1954–1962 гг.), либо выделялся в самостоятельные министерство или госсекретариат (1967–1974, 1976–1977, 1981–1983, 1983–1984, 1984–1986, 1986–1991 гг.). Однако крупными бюджетными ассигнованиями, достаточными для самостоятельной реализации долгосрочных инвестиционных проектов, они никогда не располагали.

Ключевую роль в экспертизе, оценке и составлении смет под проекты по-прежнему играет ГКП. От кого бы ни исходила инициатива проектов, они обязательно проходят оценку Генкомиссариата по планированию, затем поступают в Минфин, который даёт своё заключение по бюджетной доле финансирования, а конечное решение принимает глава правительства.

В любом случае, даже если речь идёт о национальном (отраслевом) проекте и тем более – о региональном, обязательно запрашивается мнение префектов тех регионов и департаментов, которых затрагивает их реализация. Они обсуждают данный проект в пределах подчинённой им территории с выборными лицами органов местного самоуправления всех трёх уровней – региональными, генеральными (департаментскими) советами, прежде всего их председателями, мэрами коммун и т.н. «межкоммунальными синдикатами», объединяющими несколько коммун для совместного осуществления крупного проекта, в котором они заинтересованы, на предмет долевого финансового участия за счёт как национального, так и местного бюджетов.

Полномочия и финансовая база этих «территориальных кол-

лективов», как их называют во Франции, значительно расширились в результате принятия в 1982 г, очередной серии законов о децентрализации. Отныне председатели региональных, генеральных (департаментских) советов, мэры крупных городов располагают внушительным аппаратом и средствами, поступающими как за счёт местных налогов и сборов с предприятий, на недвижимость, личный автотранспорт и пр., так и в виде бюджетных субсидий из центра, которые выделяются теперь «пакетом», без жёсткого целевого расписания. Использование последних они определяют сами.

Прямые бюджетные субсидии регионам, департаментам и коммунам составляют лишь часть процесса децентрализации. Не менее, если не более значительным его аспектом служит систематическое создание вокруг всех сколько-нибудь крупных, и зачастую даже средних и малых населенных пунктов «зон приоритетного развития» промышленности, торговли, услуг, а также строительства жилья и объектов социально-культурной сферы. Представители частного сектора привлекаются туда льготным налоговым режимом на общегосударственном и локальном уровнях, предоставлением готовой инфраструктуры и т.д. Со своей стороны частные предприниматели берут на себя обязательства по согласованию своих инвестиционных программ с местными и центральными властями, что составляет социально-экономическую ткань совместных долгосрочных проектов более крупного масштаба.

Префектуры, в которых есть подразделения по всем основным вопросам (они имеют двойное подчинение – соответствующим центральным министерствам и МВД в лице префекта), предлагают долевое финансовое участие в проекте представителям территориальных коллективов и частного сектора. Их привлекают перспективой выгодных заказов, общего развития экономики региона, налоговыми льготами. От лица частного сектора выступают местные торгово-промышленные палаты, «общества смешанной экономики», постоянно работающие с территориальными коллективами через те же «зоны приоритетного развития», а также «городские сообщества», получая от них заказы на развитие коммунального хозяйства. На национальном уровне перегово-

ры с частным сектором идут через «офисы» – объединения производителей той или иной продукции ими напрямую с солидными фирмами и банками. Порой государство использует не только «пряник», то и «кнут» – угрозы ущемить частника, уклоняющегося от партнёрства. Однако доля частного сектора в финансировании многолетних крупных проектов пока ещё явно уступает доле регионов и госбюджета.

Итогом диалога префектуры с их местными партнёрами служит «плановый контракт», включающий обоснование целей и чёткое распределение финансового участия каждой стороны. Его проект проходит апробацию соответствующих ведомств, начиная с оснащения, обустройства территории, ГКП и, конечно, Минфина, после чего подписывается участниками и поэтапно реализуется в соответствии с намеченными сроками.

Содержание проектов

После отмены практики принятия законов о 5-летних планах рамками для «плановых контрактов» остаётся общая экономическая политика правительства. Она определяет стратегические приоритеты государства в соответствии, с одной стороны, с требованиями общества и внешнего мира, особенно европейского строительства, с другой – с материальными возможностями страны при решении поставленных задач, необходимостью сокращения бюджетного дефицита, госдолга, поддержания прочности национальной валюты.

Основными объектами «плановых контрактов» остаются крупные инвестиции, которые требуют больших средств, но окупаются слишком долго для сугубо частной инициативы. Это по-прежнему, прежде всего, инфраструктура – строительство, транспорт, телекоммуникации, а также всё чаще технологические инновации, народное образование, подготовка кадров, наконец, защита окружающей среды, социальная сфера, туризм, культура.

В области транспорта речь идёт о сооружении дорог, в частности, автострад (они строятся по инициативе государства совместными силами, а затем передаются для эксплуатации частным компаниям, взимающим плату за пользование ими), мостов, тунелей, каналов. Самый крупный из них – проект канала Рона-Рейн

пришлось недавно законсервировать из-за высокой стоимости и в связи с угрозой серьёзного ущерба окружающей среде.

Промышленные проекты касаются сооружения масштабных объектов энергетики (ТЭЦ, ГЭС, АЭС), внедрения энергосберегающих технологий, модернизации отстающих, но стратегически важных отраслей.

В социально-культурной сфере на первом плане строительство зданий яслей, детских садов, школ, университетских городков, приютов, благоустройство пригородных зон.

Конкретным примером «планового контракта» может служить комплексный контракт для региона Бургундия. Подписанный от имени государства префектом региона М. Бессом, от регионального совета – его председателем Ж.-Ф. Базеном, он намечает стратегические задачи на период 1994–1998 гг. Средства для их решения были выделены постановлениями межведомственного комитета по обустройству территории от 12 июля 1993 г. и регионального совета от 10 сентября того же года.

Контракт состоит из введения, определяющего его цели, 28 программ в пяти областях и финансового приложения с обязательствами сторон. Созданы смешанные комиссии с участием, в случае необходимости, экспертов и представителей отраслевых структур, которые работают в следующих отраслях: «Профобучение», «Экономика и занятость», «Сельское и лесное хозяйство», «Дороги», «Высшее образование, научные исследования, передача технологий», «Полюс индустриализации», «Сельские местности», «Окружающая среда», «Приюты», «Культурное наследство», «Туризм» и т.д.

По каждому направлению составляется подробная программа (например, строительство порта для стыковки разных видов транспорта) и определяется финансовый вклад сторон, расписанный по годам и на 5 лет.

В беседе представители ГКП высказали мнение, что для повышения эффективности проектов их общее количество и число участников должны быть ограничены разумными лимитами, позволяющими избежать распыления инвестиций и сбоев в связи с невыполнением финансовых обязательств одним из участников. Они признали также, что если финансовый контроль за исполь-

зованием ассигнованных бюджетных средств поставлен во Франции неплохо, то контроль за фактическим исполнением заказов частными фирмами и качеством их работы оставляет желать лучшего.

Дело в том, что проверка использования бюджетных средств – как прямо, так и косвенно, в рамках смешанных проектов, в т.ч. региональных осуществляется весьма авторитетными центральными государственными ведомствами – Генеральной инспекцией финансов и Счётной палатой. Первая входит на правах одного из главных управлений в систему министерства экономики, финансов и бюджета и проводит текущие ревизии на местах, вторая имеет автономный статус судебного учреждения и изучает бухгалтерскую отчётность предприятий или учреждений, находящихся полностью или частично на бюджетном финансировании. Инспекторы финансов обычно оценивают не целесообразность расходов бюджетных средств в принципе, а проверяют лишь правильность использования средств в соответствии с принятым парламентом «финансовым законом», т.е. бюджетом. Зато Счётная палата, её филиалы в департаментах и регионах вправе выносить рекомендации о самой целесообразности этих расходов, хотя её доклады имеют выборочный и факультативный характер, нередко оставаясь без последствий.

Следует отметить, что премьер-министр социалист Л. Жоспен принял 7 января с.г. решение сменить Генерального комиссара по планированию, назначив на этот пост Ж.-М. Шарпена вместо его предшественника А. Гуэно, близкого к потерпевшим поражение на парламентских выборах в июне 1997 г. голлистам. В письме на имя нового генкомиссара глава правительства поставил задачу «найти пути модернизации нашего общества и нашего государства, совместимые с социальным сплочением». Среди вызовов, с которыми стране придётся иметь дело, премьер назвал глобализацию экономики, европейскую интеграцию, переход ЕС к единой валюте, крупные технологические тенденции, демографию, социальную защиту, проблемы сохранения окружающей среды. ГКП должен определить в этом контексте средства более быстрого экономического роста, создающего рабочие места.

ГЛАВА 2. ГОСУДАРСТВО И СОЦИАЛЬНЫЕ ПАРТНЁРЫ*

Государство и бизнес

Отношения между государством и частным сектором во Франции определяются рядом исторически сложившихся особенностей как административной системы страны, так и её экономической жизни:

• высокой степенью централизации госаппарата, располагающего разветвлённой сетью локальных звеньев, деятельность которых координируется на местах полномочными представителями правительства в регионах и департаментах (префектами);

• широкими масштабами вмешательства государства в экономические процессы как непосредственно через различные виды публичной или смешанной собственности, так и косвенно с помощью фискальной, кредитно-банковской, промышленной, региональной политики;

• наличие одной из самых масштабных в мире систем социального обеспечения, финансирование и управление которой осуществляются под эгидой государства в рамках принятого парламентом законодательства;

• высоким удельным весом в ВВП (46,5%) налогов и обязательных отчислений в фонды соцстраха от доходов предприятий и физических лиц, что позволяет государству перераспределять значительные финансовые потоки между различными категориями населения, регионами и отраслями экономики;

• активной поддержкой интересов национального бизнеса за рубежом со стороны государства через систему специализированных учреждений.

После Второй мировой войны, преодоление последствий которой осуществлялось левоцентристскими правительствами, во французской экономической теории и практике надолго возобла-

* В.Б. Белов, К.К. Баранова, Ал.А. Громыко, Ю.И. Рубинский. Опыт ведущих западноевропейских стран в сфере поиска оптимальных взаимоотношений государства с частным бизнесом. ДИЕ РАН № 137. М., 2004 г. С. 90-127.

дали идеи кейнсианства и дирижизма, шедшие вразрез с англосаксонской либеральной традицией. Они нашли выражение в национализации части промышленности и банковской системы, гарантиях закупочных цен сельскохозяйственным производителям, регулировании внешней торговли, валютно-финансовой политики и кредита. Эта дирижистская тенденция достигла своего апогея в первые годы после освобождения страны от гитлеровской оккупации (1945–1948 гг.).

В рамках сложившейся тогда системы смешанной экономики госсектор монопольно контролировал энергетику, транспорт, связь, отчасти кредит, а также ведущие группы автомобилестроения и самолётостроения. В 1949–1958 гг. около 42% инвестиций в промышленности Франции прямо или косвенно финансировались за счёт государственных средств, а в малорентабельных или убыточных отраслях – ещё больше. К концу 60-х гг. на национализированных предприятиях были заняты 16% всего самодеятельного населения страны, а с госслужащими – 25%. Они производили 11-12% промышленной продукции, создавали 14% добавленной стоимости, на них приходилось 38% всех производственных капиталовложений. В руках государства находились ведущие банки, 97% угледобычи, 80% производства электроэнергии, 95% – газа, 100% железнодорожного и 95% воздушного транспорта.

В период т.н. «славного тридцатилетия» быстрых темпов экономического роста (конец 40-х – начало 70-х гг.) французский вариант смешанной экономики немало способствовал укреплению позиций частного бизнеса. Восстановление и модернизация инфраструктуры, требовавшие значительных, но, как правило, нерентабельных инвестиций, финансировались за счёт бюджета, т.е. налогоплательщиков (а на первых порах и средств, поступавших из США по плану Маршалла). В результате частный сектор, получавший как оптовый клиент энергию, топливо, услуги транспорта и связи, банковские кредиты по льготным тарифным ставкам, мог снижать издержки производства, инвестировать в обновление основного капитала и повышать конкурентоспособность своей продукции на внутреннем и внешнем рынках. Структурная перестройка экономики осуществлялась через гибкую систему индикативного планирования.

Благодаря этой своеобразной системе Франция сумела, несмотря на 14 лет разорительных и неудачных колониальных войн в Индокитае и Алжире, наверстать отставание, накопившееся в период застойных 30-х гг., преодолеть на современной технической основе разрушения Второй мировой войны и подготовить экономику страны к новому этапу развития, связанному с участием в процессах европейской интеграции и глобализации.

Однако к этому времени французский вариант смешанной экономики исчерпал себя, превратившись из стимула в тормоз дальнейшего развития частного сектора. С начала 70-х гг. этот вариант вступил в полосу системного кризиса, из которого страна не вышла даже четверть века спустя. Основные характеристики этого кризиса сводятся к следующему:

- к началу 70-х гг. создание современной базовой инфраструктуры (строительство сети автострад, скоростных железных дорог, большегрузных авиалайнеров и т.д.) в основном завершилось, что сузило рынок для монополий госсектора и значительно увеличило его убыточность, компенсация которой из бюджета ложилась тяжёлым налоговым бременем как на потребителей, так и на производителей;
- развитие новых авангардных производств на основе государственных программ оказывалось всё чаще нерентабельным;
- два «нефтяных шока» – резких скачков цен на импортные энергоносители 1973 и 1979 гг. дали мощный импульс развитию атомной энергетики и ресурсосберегающих технологий, а научно-техническая революция, связанная с информатикой, и трудосберегающих технологий, в том числе в решающей отныне сфере услуг. В результате значительно обострилась проблема занятости (этому также способствовали и демографические факторы);
- открытие экономики Франции внешнему миру в связи с участием в евростроительстве исключало сохранение прежних мер стимулирования бизнеса за счёт государства – антимонопольное законодательство ЕС сделало эти меры в виде бюджетных субсидий или налоговых льгот для государственного и частного сектора не только контрпродуктивными, но и просто невозможными;
- ликвидация таможенных барьеров, свобода передвижения

товаров, капиталов и людей в рамках Евросоюза, а затем и всего мира, требовали максимального повышения конкурентоспособности французской экспорта, что диктовалось ростом пассивов торгового и платёжного баланса, утечкой капиталов в развивающиеся страны с более дешёвой рабочей силой, низкими налогами и мало обязывающими экологическими нормами.

На первый план в системе приоритетов французского государства выдвинулись сокращение дефицитов бюджета за счёт свёртывания государственного сектора и отчасти фондов соцстраха, снижение за счёт этого бремени налогов и инфляции, подготовка к переходу от национальной валюты к евро, прекращение новых национализаций, а затем и приватизация. Эта политика последовательно проводилась в жизнь, хотя и в разных формах, всеми французскими правительствами на протяжении 20 лет – вплоть до настоящего времени.

Уже к концу 1970-х гг. была проведена полная либерализация цен, которые в первые послевоенные десятилетия контролировались государством через Генеральное управление ценообразования. Они формируются отныне под воздействием рынка – баланса спроса и предложения. Государство продолжает влиять на них лишь косвенно – через уровень НДС или акцизы на определённые виды продукции, играющие важную роль в наполнении доходной части бюджета (бензин, алкоголь, табак). Под давлением партнёров Франции по Евросоюзу начался пересмотр навязанной Парижем в начале 1960-х гг. единой сельскохозяйственной политики ЕС – переход от гарантированных из европейского фонда закупочных цен к адресному субсидированию фермеров в обмен на соблюдение ими производственных квот.

Негативные итоги национализации всех банков и 15 промышленных групп, проведённые после избрания президентом социалиста Ф. Миттерана в соответствии с совместной программой союза левых сил, вызвали крутой поворот политики правительства к «строгой экономии» бюджетных средств и ограничению субсидирования убытков госпредприятий.

Вскоре после этого началась приватизация госсектора путём увеличения доли частных держателей, в т.ч. иностранных, в акционерном капитале национализированных предприятий, банков,

страховых компаний, а затем и продажа государством на финансовом рынке принадлежавших ему контрольных пакетов. Поначалу приватизацию более активно проводили правые правительства Ж. Ширака (1986–1988 гг.), Э. Балладюра (1993–1995 гг.) и А. Жюппе (1995–1997 гг.). Премьеры-социалисты Л. Фабиус, М. Рокар, Э. Крессон, П. Береговуа, наконец, Л. Жоспен окончательно отказались от попыток ренационализации и приватизировали госпредприятия порой ещё активнее, чем их правые оппоненты.

К началу XXI в. в частный сектор полностью или частично перешли добыча и сбыт нефти, строительство и эксплуатация автодорог, морской и авиавоздушный транспорт, автомобильная и авиакосмическая промышленность, телекоммуникации (кроме почты, телефона и телеграфа), наконец, банки и страховые компании. Приватизации последних немало способствовал крах в начале 1990-х гг. крупнейшего в Европе французского банка «Креди лионнэ», национализированного в 1981 г. и спасенного от банкротства лишь за счёт многомиллиардных вливаний государства, принявшего на себя сомнительные активы. Аналогичная история произошла с ведущей страховой компанией «АКСА» и электротехнической группой «Альстом». Стратегической целью государства отныне провозглашён перевод в конкурентную среду всего того, что не является «общественной службой». В 1993 г. правоцентристское правительство Э. Балладюра упразднило практику составления пятилетних планов, которые ранее принимались парламентом.

Тем не менее этот крутой поворот не привёл к переходу Франции на рельсы либерал-монетаризма англосаксонского образца. «Консервативная революция», связанная с именами Рейгана и Тэтчер, задержалась на границах Франции на четверть века – вплоть до конца второго десятилетия следующего столетия. Это объяснялось упорным сопротивлением профсоюзов любым попыткам сократить дефициты бюджета и фондов соцстраха за счёт ужесточения условий пенсионного обеспечения, пособий по болезни и безработице, демонтажа законодательства об условиях найма и увольнений. Их ударной силой являлись работники госсектора – транспортники, диспетчеры и пилоты авиакомпаний, учителя, медсёстры и т.д., зарплата которых была ниже, чем в частном секто-

ре, а социальные льготы и гарантии занятости заметно выше. При этом рабочие и служащие частного сектора, для которых прямое участие в акциях протеста сопряжено с повышенным риском, как правило, поддерживали своих коллег, хотя и испытывали немалые трудности в связи со стачками на транспорте, почте и телеграфе и т.д.

Несмотря на то что профсоюзы во Франции охватывают всего 10-12% лиц наёмного труда и расколоты на реформистские и конфронтационные, движения протеста на раз охватывали всю страну (декабрь 1995 г., июнь 2003 г.), выводя из строя основные элементы инфраструктуры, особенно транспорт и связь, что вело к параличу всей экономики и заставляло правительство отступать.

Массовые формы протеста против покушений на «завоёванные права», т.е. корпоративные льготы и привилегии – от кампаний в СМИ и лоббизма в правительственных органах до забастовок, митингов, демонстраций – широко применяют и социальные слои, не входящие в число лиц наёмного труда: студенты, фермеры, торговцы, врачи, адвокаты, артисты и т.д. Дело порой доходит до актов насилия – перегораживания крестьянами автодорог или захвата в заложники представителей местных органов власти.

Живучесть «французской социальной модели» на фоне демонтажа её аналогов в других странах ЕС вызывало растущее недовольство бизнес-сообщества («патроната»), отвечавшего утечкой капиталов и производств в страны Центральной и Восточной Европы, Азии, Африки, Латинской Америки.

Критику в кругах патроната вызывала и стойкая инерция дирижистских подходов к экономике среди значительной части управленческих элит в верхних эшелонах представителей чиновничьей касты, вышедшей из привилегированных учебных заведений – т.н. «больших школ»: Политехнической, Горной, Центральной, Мостодорожной, Института политических наук и Национальной школы администрации (ЭНА). Воспитанные в традициях строго вертикальной модели управления представители французской управленческой элиты переносят присущий им бюрократический и управленческий менталитет и в частный сектор, куда уходят в поиске более высокого материального вознаграждения.

Поэтому французская модель корпоративного менеджмента,

постепенно усваивающая современные сетевые модели, до сих пор сохраняет сильный отпечаток иерархической структуры и дирижистского подхода – тем более, что выходцев из чиновничества ценят в частных компаниях прежде всего за доскональное знание всех тонкостей функционирования госаппарата и личные связи с его руководителями, вышедшими из одних и тех же учебных заведений.

В итоге Франция, оказавшаяся на полдороги между исчерпавшей себя старой системой и формирующейся новой, настойчиво ищет такой вариант отношений между государством и частным бизнесом, который отвечал бы вызовам глобализирующегося мира, но в то же время сохранял бы свои специфические национальные особенности.

Переходный характер французской модели экономического развития диктует как государству, так и деловому сообществу необходимость обоюдных усилий по оптимизации взаимоотношений. Предприниматели частного сектора добиваются от государства прежде всего:

- снижения налогов и обязательных отчислений из фонда зарплаты;
- придания большей гибкости трудовому законодательству, особенно в вопросах найма и увольнения, рабочей силы;
- дебюрократизации налоговой отчётности, упрощения системы финансового контроля, облегчения административных процедур при создании закрытии предприятий, порядка наследования и перехода собственности из рук в руки;
- более жёсткого подхода к социальным требованиям работников госсектора с тем, чтобы не подрывать позиции частных предпринимателей в диалоге с социальными партнёрами и общего сокращения численности госслужащих;
- более эффективной поддержки (как административной, так и финансовой) участия частных предприятий в государственных программах по развитию инфраструктуры, модернизации вооружённых сил и т.д.;
- наращивания усилий государственных органов по защите интересов и продвижению французских товаров на внешние рынки, особенно в органах Евросоюза и ВТО (государственное стра-

хование, налоговые льготы для экспорта и т.д.).

Со своей стороны государство требует от предпринимательского сообщества встречных усилий:

- сведения к минимуму практики ухода от налогов (особенно распространённой в малом и среднем бизнесе);
- преодоления иждивенческой психологии, которая выражается в постоянном выспрашивании у государства всевозможных льгот, субсидий и т.п., нарушающих принципы равенства и свободной конкуренции (особенно с учётом необходимости соблюдения норм ЕС);
- сбалансированного подхода к свёртыванию архаичных производств и развитию инноваций, тяжесть расходов на которые частный сектор стремится в значительной мере переложить на государство;
- ответственного подхода к вопросам слияний и поглощений, которые не только зачастую нарушают правила ЕС, но и оборачиваются крупными убытками, ложащимися в конечном счёте на налогоплательщиков;
- более агрессивной инвестиционной политики, особенно за рубежом, неизбежный риск которой частный сектор стремится переложить на государство через систему страховых гарантии частных рисков;
- большей гибкости в отношениях с профсоюзами с тем, чтобы избежать риска социально-политических потрясений.

Обе стороны стремятся примирить эти нередко противоречивые требования путём систематического диалога предпринимательских организаций с государственными органами в целях оптимизации итогов их взаимодействия.

Общеэкономическая политика государства и патронат

Консерватизм современного французского общества находит выражение в специфических формах предпринимательского лоббизма. Бизнес-структуры парадоксально сочетают две крайности – широкое распространение практики неформальных контактов личного характера с жёстко формализованными официальными рамками. Французский бизнес-лоббизм, лишённый детально разработанных (как в США) юридических норм легальной деятельности,

постоянно колеблется между «серой зоной» личных отношений на грани коррупции и бюрократизированной системой множества различных органов с консультативными функциями – как постоянно действующих, так и временных, которые создаются по конкретному вопросу и от случая к случаю.

Со стороны бизнеса ведущей организацией, созданной для лоббирования интересов предпринимательского сообщества и социального диалога, является Движение французских предприятий (МЕДЕФ), аналогичное предпринимательским союзам в других развитых странах Запада или РСПП в России.

Созданное в 1998 г. на основе прежнего Национального совета французских предпринимателей, МЕДЕФ представляет собой конфедерацию 87 отраслевых федераций, которые в свою очередь состоят из 681 синдикальной палаты и межпрофессиональных союзов по территориальному признаку (51 местный, 88 департаментских и 26 региональных). Всего МЕДЕФ охватывает более миллиона предприятий – от мелких и средних до гигантских и любого статуса – частных, смешанных или государственных, на которых занято в общей сложности 1,3 млн рабочих и служащих. Его бюджет в 2001 г. составлял 100 млн франков (15 млн евро). Основную роль в МЕДЕФ изначально играли федерации крупных предприятий добывающей и обрабатывающей промышленности, телекоммуникаций, добычи, переработки и сбыта нефти, электротехники, химии, автомобилестроения, банков, страховых компаний, медиабизнеса, строительства.

Ныне на первый план выступают представители динамичных инновационных отраслей будущего – информатики, цифровой экономики и сферы услуг (коммуникации, СМИ, высокая мода, туризм и т.д.), занимающей ¾ ВВП страны.

Наряду с МЕДЕФ существуют автономные, многочисленные и активные ассоциации мелких и средних предприятий, а также торговцев, ремесленников, лиц свободных профессий. Весьма влиятельной организацией аграрного бизнеса является Национальная федерация синдикатов сельскохозяйственных производителей (ФНСЕА).

МЕДЕФ и остальные предпринимательские союзы, именуемые «патронатом», лоббируют интересы не отдельных входящих

в них предприятий, а бизнес-сообщества в целом, представляя его в различных государственных и смешанных органах. Они имеют солидные исследовательские звенья, которые готовят требования и предложения правительству и социальным партнёрам для переговоров с властями и профсоюзами на всех уровнях – общенациональном, отраслевом и локальном.

Например, в 1989 г. программа требований бизнес-сообщества, одобренная Генеральной ассамблеей патроната, включала снижение налога на акционерные общества, отказ от прогрессивности при расчёте профессионального сбора, расширения кредита при уплате налогов на научно-технические исследования для мелких и средних предприятий, улучшение законодательства о передаче предприятий по наследству, упразднение дискриминационных различий при возмещении НДС на экспортные товары.

Если МЕДЕФ и прочие предпринимательские организации (обозначаемые во Франции тем же термином, что и профсоюзы – «синдикаты») имеют сугубо частный статус и, соответственно, только собственные источники финансирования, то торгово-промышленные палаты (ТПП) представляют собой смешанную структуру, которая обслуживает интересы как бизнес-сообщества, так и государства, что отражается и на его материальной базе.

Созданные законом от 9 апреля 1898 г. ТПП включают 152 местные палаты (плюс 9 в заморских департаментах и территориях), которые в свою очередь объединены в региональные палаты. Их деятельность координируется Ассамблеей французских ТПП. В неё входят 64 постоянных члена, представляющих отраслевые интересы. На практике ведущую роль в системе французских ТПП играет, с учётом всё ещё весьма высокой степени административной централизации и огромного экономического веса столицы, ТПП Парижа, объединяющая 295 тыс. предприятий четырёх департаментов столичного региона Иль-де-Франс. Она руководится Генеральной ассамблей и бюро из 12 членов. Имея статус публичного (т.е. общественного) учреждения, официально находящегося под эгидой государства, ТПП выполняют весьма разнообразные функции:

а) консульские – представительство интересов частных предпринимателей перед центральными и местными административ-

ными органами, для чего 1800 предприятий-членов избирают 4550 «консульских представителей», имеющих постоянный аппарат порядка 26 тыс. человек;

б) административные – управление 68 складскими комплексами, торговыми биржами, пóртами (112 морских, 38 речных, 47 прогулочных), аэропортами (56) и выставочными зонами (400);

в) подготовка кадров и специалистов коммерческими школами, в т.ч. 28 высшими, 310 курсами повышения квалификации, готовящими ежегодно до полумиллиона служащих для торговли и промышленности.

Бюджет ТПП финансируется на 26% за счёт отчислений от определённых налогов, на 5% – прямых государственных субсидий, остальное – за счёт взносов предприятий.

Индивидуальные предприятия ремесленного характера имеют собственные «палаты ремёсел» (ПР), созданные в 1925 г. Они помогают своим членам в юридическом плане при взаимодействии с администраций, занимаются профессиональным обучением. В ПР входят 840 тыс. членов, они обучают в год 150 тыс. подмастерьев. Отношения ПР с государством в принципе мало отличаются от модели ТПП.

На национальном уровне официальной площадкой для диалога между государством и бизнес-сообществом призван служить Экономический и социальный совет – ЭСС (к названию которого добавилось недавно ещё прилагательное «экологический»). Согласно разделу XI действующей Конституции 1958 г., ЭСС «консультирует правительство по любой проблеме экономического или социального характера, представляющей интерес для Республики. На его заключение представляется каждый план и программный законопроект экономического или социального характера». По запросу правительства ЭСС даёт заключения на проекты законов, ордонансов и декретов, а также на представленные ему законодательные предложения.

ЭСС включает 231 советника, назначаемых на 5 лет, трудовой стаж которых в соответствующей социальной категории должен быть не меньше двух лет. Среди них 69 лиц наёмного труда, представленных основными профцентрами, 27 частных предпринимателей, в основном от МЕДЕФ, 25 фермеров, 3 лица свобод-

ных профессий, 9 представителей производственных и потребительских кооперативов и т.д., а также 40 экспертов и 72 советника, назначенных декретами правительства.

ЭСС разделён на 9 секций – по социальным вопросам, труду, экономике регионов, финансам, условиям жизни, внешним экономическим связям, производственной деятельности, научным исследованиям и технологии, общим экономическим вопросам и конъюнктуре, а также планированию. Заключения ЭСС по различным законопроектам экономического или социального характера представляются правительству по его запросам или по собственной инициативе (кроме проекта бюджета) и публикуются в официальном вестнике.

Однако реальная эффективность ЭСС для предпринимательского сообщества довольно ограничена. Будучи сугубо консультативным органом, он не оказывает сколько-нибудь заметного влияния на политику правительства и является местом для диалога чересчур многочисленных социальных категорий и их организаций, чья представительность, влияние и интересы колеблются в слишком широком диапазоне.

Попытка де Голля исправить положение, объединив ЭСС с Сенатом, т.е. назначенных представителей гражданского общества с выборными представителями местных органов власти, не удалось. Она настолько резко противоречила конституционной традиции Франции, что провалилась на референдуме в апреле 1969 г., побудив генерала подать в отставку.

Поэтому МЕДЕФ, его отраслевые федерации и прочие ассоциации товаропроизводителей, не говоря уже об отдельных крупных корпорациях, сами осуществляют лоббирование своих интересов в органах законодательной и исполнительной власти – обеих палатах парламента (Национальном собрании и Сенате), министерствах и ведомствах, прежде всего, экономического профиля, а на местах – в региональных, генеральных (департаментских), муниципальных советах.

Непосредственное публичное участие представителей французского бизнеса, особенно крупного, в кампаниях перед парламентскими выборами вообще в политической жизни – большая редкость. Оно является скорее исключением, чем правилом – в

2000 г., например, среди депутатов и сенаторов было не более 11% промышленников и торговцев (столько же фермеров). Топ-менеджеров и госслужащих высшего эшелона было 13%. Зато лиц свободных профессий вдвое больше – 25%. Естественно, что лоббизм интересов бизнеса в парламенте поручается прежде всего профессиональным политикам или политтехнологам. При этом с начала 1990-х гг. прямое финансирование предвыборных кампаний депутатов жёстко ограничено законом, нарушение которого неоднократно вызывало коррупционные скандалы и судебные преследования. С учётом этого бизнес-сообщество практикует иные, более завуалированные формы влияния – заказ консультативных или комиссионных услуг, поручение представительских функций, организация заграничных поездок и т.д.

Среди партийных фракций парламента ближе всего по своим программным установкам к интересам патроната правоцентристские либеральные и консервативные группировки. Основное внимание патронат уделяет двум ведущим партиям правого и левого центра, которые сменяют друг друга в правительстве и оппозиции – неоголлистам, слившимся с большинством либералов, и умеренному социал-либеральному крылу социалистов.

Лоббистская деятельность осуществляется в постоянных комиссиях (их насчитывается по 6 в каждой палате), прежде всего экономического профиля – финансов, общей экономики и планирования, производства и торговли. Другими рамками служат специальные комиссии и «делегации», создаваемые для подготовки информационных докладов по конкретным вопросам на временной основе.

Ещё большее значение имеют временные комиссии, назначаемые правительством, в которые входят представители различных общественных организаций, включая патронат, и эксперты. Их доклады публикуются, получая значительный резонанс в СМИ, и, как правило, учитываются правительством при подготовке законопроектов или административных актов.

Наиболее ярким примером может служить комиссия под председательством виднейших экспертов – финансиста Жака Рюэффа и топ-менеджера Луи Армана, чей доклад, одобренный де Голлем, наметил основные направления финансово-экономической

политики Пятой республики на полтора десятилетия вперёд. Однако главным каналом лоббистского общения бизнес-сообщества с государственной администрацией остаются регулярные контакты с членами правительства, высокопоставленными чиновниками секретариатов министров, премьера и самого президента (генсекретариаты Матиньонского и Елисейского дворцов).

Помимо конкретных деловых интересов тех или иных частных компаний, главным объектом лоббирования патроната в целом – МЕДЕФ, его отраслевых федераций, торгово-промышленных палат – являются бюджетная (особенно налоговая), финансово-кредитная, социальная и региональная политика государства. Речь идёт, прежде всего, об общей экономической стратегии находящегося у власти правительства, закреплённой в очередном «финансовом законе» (проекте бюджета): приоритете курса на стимулирование темпов роста ВВП и, соответственно, занятости, за счёт увеличения бюджетных расходов, а через них спроса, или, напротив, борьбы против инфляционной опасности путём их сокращения.

Первый вариант, основанный на неокейнсианских, дирижистских рецептах, как правило, применяется в периоды депрессии и левыми правительствами, электорат которых – лица наёмного труда и скромного достатка заинтересован в ассигнованиях на социальные нужды (образование, здравоохранение, экология, борьба с безработицей и бедностью). Второй характерен для правых кабинетов, придерживающихся либерально-монетаристских установок. Он больше отвечает интересам основной массы работодателей, заинтересованных в облегчении бремени налогов и обязательных отчислений в фонды соцобеспечения, снижении учётной ставки по кредитам, смягчении административного регулирования трудового законодательства. Естественно, что патронат (МЕДЕФ), а также синдикаты фермеров, ассоциации лиц свободных профессии активно лоббируют второй вариант, что предопределяет и их политические симпатии. Их главный пропагандистский лозунг гласит: «Снижение налогов сегодня – это рост инвестиций завтра и рабочие места послезавтра».

На практике выбор между двумя этими курсами никогда не бывает однозначным – он зависит от состояния экономической

конъюнктуры не только во Франции, но и в Европе и в мире, чем от партийно-политического профиля правительства. В определённых условиях социалисты шли на весьма жестокие либерально-монетаристские меры[1]. Напротив, правый кабинет Ж. Ширака (1974–1976 гг.) активно практиковал бюджетное стимулирование конъюнктуры после первого «нефтяного шока».

Однако ни правым, ни левым правительствам до сих пор не удалось снизить удельный вес перераспределяемой через бюджет доли ВВП, которые остаются во Франции в 1,5-2 раза выше, чем в США или Японии. Поэтому речь чаще всего идёт лишь о снижении одних налогов за счёт увеличения других. Здесь лоббистская деятельность патроната играет решающую роль: он естественно выступает больше против прямых налогов на прибыли предприятий и доходы физических лиц, чем косвенных, преобладающих в структуре доходной части французского бюджета. Излюбленными мишенями критики предпринимателей служат налог на крупные состояния, введённый социалистами в 1982 г., «налог солидарности» на имущество, подоходный налог, общий социальный взнос, налог на акционерные общества, НДС. По всем этим видам налогов патронату удалось добиться введения разных льготных режимов (скидки для вновь созданных предприятий, на семейную собственность, на патенты, возврат НДС для экспортёров и т.п.).

Иными словами, перераспределительная функция французского государства не исчезла, а лишь изменила свои формы и повлияла на общий итог: удельный вес накоплений, инвестиций, инноваций и экспорта повысился за счёт текущего потребления семей.

Промышленная и региональная политики

Аналогичная тенденция очевидна и в сфере ***промышленной политики***. Постепенный уход государства из сферы производства путём приватизации не означает полного свёртывания его роли как фактора, влияющего на структуру экономического потенциала страны в целом. Эта роль лишь меняет формы, которые,

[1] Например, правительство Моруа решилось в начале 1980-х гг. на революционный шаг – отмену в целях борьбы с инфляцией автоматической индексации всей сетки зарплат в случае повышения минимальной.

переходят от прямых к косвенным, от общих к точечным, избирательным.

В руках государства остаётся фундаментальная наука, которой руководят Министерство по науке (через подчинённый ему Национальный центр научных исследований), а также национальные институты сельскохозяйственных исследований, медицины, в частности, онкологический Институт Кюри, Дом наук о человеке, Национальный фонд политических наук и т.д. Все они находятся, как и высшая школа, на полном бюджетном обеспечении.

Среди отраслей, где по-разному проявляется переходный характер от старой к новой модели отношений государства с бизнесом, можно выделить три типа:

а) те, где всё ещё преобладает государственная собственность;

б) те, где государство и частный сектор выступают партнёрами;

в) тех, которые перешли целиком в частные руки.

Соответственно каждый из этих типов по-разному вписывается в рыночную среду́ – от полной монополии до неограниченной внутренней и международной конкуренции.

Среди отраслей первого типа выделяются национализированные, т.е. государственные компании, осуществляющие, вопреки директивам ЕС, фактическую монополию на внутреннем рынке. К ним относятся Национальное общество железных дорог (СНСФ), Автономное управление парижского городского транспорта (РАТП), электроэнергетическая компания «Электриситэ де Франс», газовая – «Газ де Франс», угледобывающая «Шарбоннаж де Франс», почта, телеграф, телефон (кроме мобильных). Национальная авиатранспортная компания «Эр Франс» уже уступила часть капитала и рынка отечественным и иностранным конкурентам. Атомная энергетика, разведка переработка, добыча и сбыт нефти делятся между государством и частным бизнесом, причём последний уже преобладает. Таким образом, прежняя модель более или менее сохраняется только на транспорте (кроме авто и морских перевозок), в традиционных видах связи и отчасти в ТЭК.

Образцом промежуточной модели (второй тип) может служить ВПК. В оборонной промышленности основные производства либо уже перешли, либо переходят в частный сектор. При этом французское государство остаётся главным заказчиком (наряду с

иностранными импортёрами) французских вооружений. Оно сохраняет определённую долю активов в авиакосмической индустрии, особенно в международных консорциумах «Ариан-спейс» и «Эйрбас-индастри». Ведущие фирмы по производству боевой авиаракетной техники («Дассо», ЕАДС, «Талес»), электроники оборонного назначения («Матра») после недолгой национализации в начале 1980-х гг. были приватизированы.

Партнёрство между государством и частным сектором в ВПК принимает формы совместной разработки долгосрочных программ модернизации вооружений, организации тендеров на исполнение госзаказа, финансирования государством частных НИОКР в оборонной сфере и т.д. Новой тенденцией является курс Генерального делегата по вооружениям на кооперацию частных военно-промышленных групп с малыми и средними предприятиями, выступающими в роли субподрядчиков. В 2002 г. на оборону работали 4 тыс. таких предприятий (с числом занятых не свыше 250), объём заказов им превысил 3 млрд евро, а доля госзаказа в их обороте составляла около 30%. При региональных ТПП созданы консультативные «Форумы предприятия – оборона», где обсуждаются способы дальнейшего расширения сотрудничества государства с частным сектором в сфере оборонной промышленности, материально-технического снабжения, строительства и быта вооружённых сил.

Все остальные отрасли (третий тип) – металлургия, машиностроение, электротехника, электроника, информатика, химия, фармацевтика, лёгкая и пищевая промышленность, АПК – полностью находятся в частном, конкурентном секторе, где содействие государства бизнесу органично вписывается в его общеэкономическую политику.

Региональная политика государства во Франции, также проводимая в тесном контакте с частным сектором, имеет три главных стратегических направления: обустройство территории, оснащение и децентрализацию.

Обустройство территории, начатое ещё в 1950-е гг., имеет целью обеспечить рациональное размещение производительных сил в стране, где существуют значительные межрегиональные перекосы – например, непомерное разбухание экономической роли

столичного региона Иль-де-Франс. Результатом являются всё более резкие контрасты между «богатыми» регионами, расположенные вокруг крупных промышленных центров (Лион, Марсель, Руан, Страсбург) и «бедными» сельскохозяйственными (Овернь, Бретань). Эти контрасты усугублялись упадком традиционных отраслей – угледобычи, металлургии, текстиля, судостроения (Северо-Запад, Лотарингия, Запад) и ростом новых – авиакосмической, электронной (Юго-Запад).

Меры по смягчению этих контрастов разрабатываются специальными министерствами оснащения и обустройства территории. Ядром последнего служит Делегация по обустройству территории и региональной деятельности (ДАТАР), имеющая представительства на местах – в департаментах и регионах. С тем, чтобы облегчить их координацию с остальными ведомствами, оба ведомства нередко подчиняются одному из крупных традиционных министерств и ведомств – МВД, экономики и финансов, располагающих гораздо более значительными бюджетными средствами и аппаратом.

Основной задачей Министерства оснащения и обустройства территории, а также Генерального комиссариата планирования, сохранившего ряд немаловажных функций и после отмены практики составления пятилетних планов, является разработка комплексных программ развития отдельных регионов. К нему привлекаются и плановые отделы других министерств, имеющих филиалы и объекты на местах (промышленности, транспорта, связи, народного образования, здравоохранения, культуры, туризма и спорта и т. д.). Эти проекты, согласованные с Минфином, который изыскивает для них бюджетные средства, спускаются затем префектам соответствующих регионов, которые начинают длительную процедуру их обсуждения с выборными органами местного самоуправления – региональными, генеральными, муниципальными советами.

Отдавая себе отчёт в том, что чрезмерное сосредоточение власти в столице тормозит развитие страны, правительство П. Моруа сделало первый шаг к административной децентрализации: полномочия выборных органов местного самоуправления были существенно расширены, а их финансовая база укреплена за счёт

местных налогов, сборов и бюджетных субсидий. Новая волна децентрализации, инициированная правоцентристским кабинетом Ж.-П. Раффарена, пришедшим к власти в 2002 г., идёт в том же направлении.

Важным этапом в составлении комплексного плана развития региона является подключение к нему частного сектора. Местные промышленники, торговцы, банкиры, предприниматели сферы услуг (владельцы гостиниц, кинотеатров, казино и т.д.), вступают в переговоры с представителями центральной и местной администрации, но не в личном качестве, а организованно – через региональные или департаментские торгово-промышленные палаты, синдикаты, «общества смешанной экономики», постоянно работающие с местными властями в пригородных «зонах приоритетного развития» или «городских сообществах». Через них они получают заказы на дорожное строительство, сооружение объектов промышленной инфраструктуры, социальной сферы, культуры, коммунального хозяйства.

Участие местного, а иногда и крупного бизнеса в комплексных планах развития экономики регионов поощряется государством через предоставления налоговых льгот. В итоге с заключается «плановый контракт», в котором прописываются общие задачи, сроки их решения, условия совместного финансирования инвестиций. Он подписывается тремя сторонами – представителями государства (префектом), местной власти (председателем регионального совета) и частного сектора (президентами торгово-промышленной палаты или синдикатов местных предпринимателей).

Целями такой кооперации является сооружение частными фирмами при поддержке государства объектов, которые имеют невысокую рентабельность и окупаются медленно – ТЭЦ, ГЭС, АЭС, дорожно-транспортной сети, особенно автострад, театров, яслей, школ, университетов, больниц, приютов для престарелых и неимущих, а также развитие туризма, природоохранных сооружении и т.д. Таким образом, формируется новый вариант французской смешанной экономики, избегающий крайностей как бюрократического дирижизма, так и безраздельного диктата рыночной стихии, где единственным критерием является максимально быстрая и значительная финансовая отдача затрат.

Социальная политика

Интересы французского бизнес-сообщества (патроната) в отношении политики государства в социальной сфере сводятся к трём задачам:

- сокращению обязательных отчислений частных предприятий в фонды соцстраха;
- максимальной либерализации законодательства о труде и зарплате;
- уходу государства от прямого участия в диалоге работодателей с профсоюзами.

В то же время существуют опасения предпринимателей перед выходом трудовых конфликтов из-под контроля и превращением их в социально-политические кризисы общенационального масштаба. Тогда патронат сам обращается к помощи государства для поддержания общественного порядка, освобождения занятых бастующими рабочими предприятий и возобновления контактов с профсоюзами при посредничестве и участии правительства. Так было в период Народного фронта (1936 г.), на заключительном этапе социально-политического кризиса 1968 г., в декабре 1995 г., когда глава правительства созывал в резиденции премьер-министра Отель Матиньон или в Министерстве по социальным делам на улице Гренель трёхсторонние встречи представителей патроната и профсоюзов под своим председательством, в итоге которых составлялись компромиссные соглашения.

Помимо этих чрезвычайных ситуаций, работодатели предпочитают вести прямой диалог с рабочими, служащими, ИТР на индивидуальной основе или на уровне своего предприятия, результатом чего являются трудовые соглашения или коллективный договор, подписываемый с комитетом персонала (избираемого по спискам профсоюзов). Переговоры патроната с профсоюзами на общенациональном и даже отраслевом уровнях о повышении зарплаты, улучшении условий труда и т.д. проводятся всё реже – не чаще раза в год, причём представители министерств труда и социальных вопросов присутствуют на них лишь в качестве наблюдателей (хотя в кулуарах их роль в поисках сторонами взаимоприемлемых компромиссов достаточно велика). Германская практика «соуправления» предприятием во Франции не привилась.

Роль государства в диалоге между социальными партнёрами состоит главным образом в определении его юридических рамок. Речь идёт о правах и обязанностях работодателей и лиц наёмного труда, условиях найма и увольнения последних, роли комитетов персонала, профделегатов. Содействие «полюбовному» улаживанию конфликтов осуществляется совместными усилиями выборных мировых судей по трудовым делам – «прюдомов», представителей дирекции и государственных инспекторов по труду, либо общим судебным порядком.

Несмотря на пребывание социалистов у власти во Франции в конце XX в. на протяжении почти двух десятилетий, трудовое законодательство в целом эволюционировало за этот период больше в сторону требований работодателей. Главным аргументом в их пользу служат ссылки на то, что без такого учёта открытая французская экономика не выдержит иностранной конкуренции, темпы роста инвестиций и производства будут снижаться, капитал – уходить за рубеж, банкротства участятся, а безработица расти.

Эта тенденция проявилась в таких вопросах, как регламентация законом осуществления конституционного права на забастовку (обязательное предварительное уведомление, запрет захвата бастующими производственных помещений или блокирование допуска в них, принятие решений о продлении или прекращении стачки не руководством профсоюзов, а тайным голосованием всего персонала предприятия и т.д.).

Редкими случаями прямой конфронтации организованного бизнеса с правительствами во главе с социалистами были национализации 1981–1982 гг. и сокращение рабочий недели сначала с 40 до 39, а затем до 35 часов (1998 г.). В последнем случае президент МЕДЕФ Ж. Гандуа демонстративно подал в отставку. В ответ правительство пошло на уступки по части сроков и условий проведения этой реформы в жизнь.

Одной из главных претензией предпринимательского сообщества к государству в сфере социальных отношений является его поведение как работодателя в госсекторе со служащими госучреждений и работниками национализированных отраслей (учителя, связисты, транспортники и т.д.). Средний уровень зарплаты у

них ниже, чем в частном секторе, но зато занятость и выслуга лет гарантированы, а социальные льготы гораздо солиднее. При защите этих льгот и в борьбе за повышение зарплаты работники госсектора шире и эффективнее, чем частного, используют отраслевые и общенациональные стачки, парализующие работу смежных частных предприятий и заставляют правительство идти на уступки. Под давлением патроната правые кабинеты А. Жюппе (1995–1997 гг.), и Ж.-П. Раффарена пошли на введение во время стачек обязательной нормы работы для общественных служб, в частности, транспорта.

С середины 1970-х гг. наиболее сложной социально-экономической проблемой страны является занятость. Поэтому как правые, так и особенно левые кабинеты принимали множество мер по смягчению безработицы, особенно среди молодёжи, в том числе такие как поощрение частных предпринимателей к созданию новых рабочих мест путём предоставления налоговых льгот, организация на тех же условиях оплачиваемых курсов стажировок, профобучения и переквалификации на предприятиях. Предпринимательское сообщество относится к этим мерам скептически, считая их напрасной тратой средств налогоплательщиков, и видит единственный реальный способ создания рабочих мест в ликвидации административных ограничений при увольнении, смягчении законодательной регламентации рабочего времени и снижении обязательных социальных отчислений работодателей из фонда зарплаты. Работодатели ссылаются на то, что именно эти факторы усугубляют безработицу, заставляя их воздерживаться от найма дополнительной рабочей силы из опасений трудностей с персоналом в случае ухудшения конъюнктуры.

Данные требования бизнеса получили, несмотря на упорное сопротивление профсоюзов, частичное удовлетворение. В 1986 г. правое правительство Ж. Ширака упразднило обязательное административное разрешение на увольнение по экономическим причинам[2]. С тем, чтобы получить полную свободу рук в вопросах увольнения и избавиться от обязательств трудоустройства персонала в случае массового сокращения или закрытия предприятия,

[2] По дисциплинарным причинам оно регулируется Кодексом законов о труде.

а также от выплаты ему выходного пособия, работодатели предпочитают заключать не постоянные, а временные трудовые соглашения, где гарантии сохранения работы не предусмотрены. Удельный вес таких «хрупких» рабочих мест в общем числе лиц наёмного труда неуклонно растёт.

С обязательными отчислениями в фонды соцстраха дело обстоит сложнее. Во Франции имеется три основных фонда («кассы») социального обеспечения – по болезни, по старости и пособий для многосемейных. Они финансируются за счёт наёмных работников, работодателей и государства. У первых обязательные отчисления составляют свыше 10% от их зарплаты, у работодателей – вдвое больше. Общий объём средств всех трёх фондов и их доля в ВВП (16-18%) сравнимы с госбюджетом. Кроме того, существует отдельный фонд пособий по безработице, созданный, финансируемый и управляемый на паритетных началах профсоюзами и патронатом.

Значительная безработица (9,5% самодеятельного населения), рост доли неработающих, пенсионеров, учащихся, домохозяек в населении ведут к тому, что система соцстраха сводит свои финансовые счета со значительным дефицитом. Государству приходится либо компенсировать его из бюджета, либо ужесточать нормы выплаты социальных пособий и условия их предоставления, что находит решительную поддержку со стороны патроната.

Основные направления *реформы пенсионной системы*, начатой кабинетом Жюппе в 1995 г. и проведённой правительством Ж.-П. Раффарена в 2003 г. вопреки мощной кампании протеста, сводятся к выравниванию возраста выхода на пенсию, минимального стажа, а так же взносов в пенсионную кассу для занятых в частном и государственных секторах. Сейчас в частном секторе возраст, дающий право выхода на полную пенсию, составляет как для мужчин, так и для женщин 60 лет, а общий стаж работы – 40 лет. В то же время для многих категорий работников госсектора они снижены до 50-55 и до 37,5 лет соответственно.

Патронат считает это различие невыгодным для себя, поскольку оно провоцирует работников на дополнительные требования (как это происходит с ежегодным индексированием зарплаты госчиновников). Работодатели ссылаются на улучшение усло-

вий труда специальностей, пользующихся льготами, по сравнению с периодом, когда они вводились (например, машинистов на железных дорогах), и существенным удлинением средней продолжительности жизни – 74 года для мужчин и 82 – для женщин.

Изменена система управления кассами соцстраха. Паритетное представительство советников, выбранных работодателями и профсоюзами, дополнено членами административных советов, назначаемых на 5 лет правительством. Оно же назначает теперь и директоров касс. Деятельность административных советов всех трёх касс контролируется наблюдательным советом, состоящим из парламентариев, членов семейных ассоциаций или союзов пенсионеров.

Радикальным решением проблемы предпринимательское сообщество считает замену перераспределительной системы социальной защиты накопительным страхованием по американскому образцу. Уже сейчас общие пенсии и пособия по болезни дополняются выплатами из частных касс взаимопомощи («мютюэль»), финансируемых за счёт добровольных взносов застрахованных.

Одной из важнейших функций государства в сфере трудовых отношений остаётся регулирование рынка труда по двум направлениям – трудоустройство и регламентация миграционных потоков.

Первое осуществляется созданным в 1967 г. ***Национальным агентством по занятости*** (АНПЕ), подчинённым Министерству труда и располагающим широкой сетью отделений на местах (общей численностью 853). Агентство ведёт учёт лиц, ищущих работу, и запросов предприятий, составляя детальные картотеки тех и других по возрасту, специальности, квалификации и т.д. Оно консультирует безработных, помогает им в приобретении более перспективной специальности, способствует смене места жительства в соответствии с потребностями регионов в рабочей силе. В отделениях АНПЕ зарегистрировано около 6 млн человек из 26 млн самодеятельного населения страны. Работодатели считают деятельность АНПЕ в целом позитивной, но 60% их предпочитают искать подходящую им по профилю рабочую силу и особенно специалистов сами или с помощью частных агентств.

Второе направление – привлечение иностранной рабочей си-

лы на французский рынок труда регулируется законами, принимаемыми парламентом, как правило, по инициативе правительства. Хотя левые партии подходят к вопросу о мигрантах, особенно из стран «Третьего мира» (бывшие французские колонии в Африке) заметно либеральнее, чем правые, общий курс иммиграционный политики страны на протяжении последних 30 лет неуклонно ужесточается. Это связанно с высоким уровнем безработицы, и соответственно, негативной реакцией коренного населения на иммигрантов.

Предпринимательское сообщество занимает в этом болезненном вопросе двойственную позицию. Будучи заинтересован в дешёвой рабочей силе, патронат выражает в то же время недовольство автоматическим распространением на иммигрантов, не имеющих гражданства, французских социальных гарантий (пособия по болезни, инвалидности, для многосемейных, по безработице и т.д.), в том числе на неработающих. Предприниматели считают это одной из главных причин кризиса системы соцобеспечения, дефицит которой приходится оплачивать всем налогоплательщикам, в том числе и предприятиям.

Аналогично отношение предпринимателей к проблеме т.н. «Четвёртого мира» – маргинальных слоёв населения, живущих за гранью бедности, нередко бездомных. Во Франции функции общественной благотворительности делятся между государством и частными, в т.ч. церковными, организациями. Если в последних предпринимательское сообщество участвует довольно охотно, то законодательные гарантии минимальной социальной помощи за счёт бюджета оно критикует по тем же причинам, что и существующую систему пособий по безработице. Оно видит в них разбазаривание средств налогоплательщиков и поощрение социального иждивенчества.

В целом, социальная политика французского государства, как и его общеэкономическая политика, учитывает интересы и запросы бизнес-сообщества, но удовлетворяет их лишь в той мере, в какой это совместимо с задачами поддержания социально-политической стабильности в стране.

Создание, ликвидация бизнеса и решение хозяйственных споров

Создание новых частных предприятий рассматривается как самый эффективный способ решения проблемы занятости. Ежегодно в среднем регистрируется 200 тыс. фирм – 8% от общей численности, из которых половина малых и средних предприятий приходится на сферу обслуживания (ремонт и т.п.), четверть – на торговлю, 14% – строительство.

Вместе с тем 60% новых предприятий, создающих основную массу рабочих мест, не выдерживают конкуренции и в течение года закрываются. Поэтому поощрение создания предприятий и предотвращение их банкротств является одной из ключевых сфер сотрудничества государства с бизнесом. Этим занимается специальное учреждение – ***Национальное агентство по созданию предприятий*** (АНСЕ), которое не только содействует будущим частным предпринимателям, но и изыскивает возможности скупки предприятий при возникновении угрозы банкротства.

За последние четверть века в стране создана внушительная *государственная система стимулирования малого бизнеса.* Новые малые предприятия освобождаются на 2 года от налога на акционерные общества, от местных налогов. Для них снижаются также подоходный налог и налог с инвестируемой части прибыли. Новый предприниматель освобождается на год от обязательных социальных выплат в кассы соцстраха, если он сам был раньше безработным или нанял ещё не работавшую раньше молодёжь. Ему предоставляются субсидии на технические инновации и на экспорт.

Помимо АНСЕ, государственную помощь при создании предприятий оказывают органы министерств по обустройству территории, торгово-промышленные палаты, выборные органы местного самоуправления – региональные и генеральные советы, а также частные фонды, созданные крупными фирмами, получающими в свою очередь целевые налоговые льготы (фонды Жака Дуса, Жака Гийомарка и т.д.).

Значительно упрощены административные формальности при создании индивидуальных предприятий. Необходима лишь регистрация – занесение в списки предприятий промышленности, тор-

говли или ремесла, причём с индивидуальных предпринимателей денежные сборы в виде процента с основного капитала не взимаются.

Напротив, для создания акционерных обществ существует довольно сложная бюрократическая процедура. Их учредители должны представить в особое учреждение комплект документов, включающий проект деятельности общества, его устав, цели, организационную структуру, размеры уставного капитала, заявление о соответствии действующему законодательству и административным правилам. Досье передаётся в ***Центр формальностей по созданию предприятий***, который рассылает его копии в центральное статистическое управление, торговый суд, налоговую службу, инспекцию по условиям труда, соцстрах, фонд по безработице. После получения подтверждения компания вносится в реестр торговли и акционерных обществ и получает регистрационный номер, фигурирующий в общенациональной электронной картотеке.

В конце каждого года предприятие должно представить бухгалтерский отчёт с оценкой актива (основного капитала, оборотных средств, собственных и заёмных запасов, фонда зарплаты) и пассива, в частности долгов, с подведением баланса. На основании этого отчёта рассчитываются налоги и обязательные отчисления в фонды соцобеспечения. Компании получают налоговые льготы на амортизацию, инновации, новые капиталовложения, обучение персонала и т.д. С 1988 г. налог на акционерные общества снижен с 50 до 33,3%.

Одним из поводов для претензий предпринимателей к государству является регистрационный сбор, взимаемый при изменении собственника предприятия, в том числе путём изменения структуры акционерного капитала. В случае невозможности для предприятия выполнить свои долговые обязательства вступает в силу процедура банкротства. Она инициируется самим предприятием-должником (в течение 2 недель), его кредиторами, либо судебными органами – прокурором или коммерческим судом. Предприятие переводится в состояние так называемого «юридического исправления». Коммерческий суд назначает комиссара для обеспечения интересов кредиторов, персонала и администратора, временно управляющего предприятием, а также представителей

кредиторов и персонала. Права прежних владельцев замораживаются. В течение 6-18 месяцев после решения коммерческого суда администратор оценивает состояние предприятия и представляет суду свои рекомендации, чтобы избежать закрытия предприятия и, соответственно, увольнения всего персонала, а также минимизировать убытки кредиторов. Обычное средство для этого – продажа части или всех акций компании новым владельцам, представляющим наиболее убедительный план оздоровления, оцениваемый администратором. План обязательно содержит социальную часть – меры по трудоустройству или компенсации сокращаемой части персонала.

Если оздоровление и сохранение предприятия оказываются невозможными, кредиторы назначают уполномоченного по ликвидации. Остаток может быть выкуплен желающими за символическую сумму при условии представления письменных разъяснений по дальнейшему использованию приобретённого имущества и предполагаемых инвестиций, необходимых для возобновления производственной деятельности предприятия путем его перепрофилирования, или путей реализации непроданного за долги основного капитала.

Контрольные функции

Государство осуществляет жёсткий контроль в сфере экономики, прежде всего за расходованием бюджетных средств. Непосредственными объектами его являются госучреждения бюджетной сферы (администрация, народное образование, научные исследования, вооружённые силы, правоохранительные органы и т.д.).

Вместе с тем финансовому контролю подлежат также общественные службы и национализированные отрасли или, автономные предприятия со смешанным капиталом, где имеются госучастие – например, почта, телеграф, телефон (ПТТ), Национальное общество железных дорог (СНСФ), авиакомпания «Эр Франс», Учётно-сберегательная касса, спичечная монополия «СЕЙТА» и т.п. Наконец, в сферу деятельности госконтроля входит и огромная система соцобеспечения (страхкассы по болезни, пенсиям и пособиям для многодетных семей).

Органы административного и финансового контроля, именуемые «большими государственными корпусами», включают Счётную палату, Генеральную инспекцию финансов, Генеральную инспекцию администрации и Генеральную инспекцию армии. Особое место занимает Государственный совет, имеющий статус высшей инстанции системы административной юстиции. Он консультирует правительство по вопросам соответствия подзаконных актов законодательным нормам и разрешает конфликты граждан с госучреждениями. Счетная палата выборочно анализирует бухгалтерскую отчётность государственных учреждений, национализированных предприятий и системы соцобеспечения прежде всего на предмет соответствия финансовому закону (бюджету). Вместе с тем она принимает решения также по вопросу о целесообразности и эффективности использования государственных средств. Для этого в рамках палаты имеются Суд бюджетно-финансовой дисциплины и Центральный комитет по расследованию затрат на деятельность госучреждений.

Палата возглавляется председателем, генеральным прокурором, 7 председателями отраслевых палат и генеральным секретарём. Она включает 57 советников-референтов, генерального адвоката и двух его заместителей, 17 аудиторов, 35 докладчиков и т.д. В регионах имеются местные Счётные палаты. Генеральная инспекция финансов, входящая в структуру министерства экономики и финансов, осуществляет контроль над текущей финансовой деятельностью всех госучреждений и госпредприятий с помощью бригад, направленных для аудита, ревизии и проверки их расходов. Она состоит из 32 генеральных инспекторов и 69 инспекторов четырёх классов, набираемых по конкурсу. Престиж этого органа по сути даже выше, чем Счётной палаты, поскольку инспекторы финансов, чьё звание является пожизненным, могут откомандировываться в секретариаты (кабинеты) министров. Многие из них делают затем политическую карьеру вплоть занятия высших постов в государстве – ими были двое из пяти президентов Пятой республики, половина премьер-министров и большинство членов правительства. Немало инспекторов финансов переходит и в частный сектор, где они занимают посты президентов или генеральных директоров ведущих промышленных групп и банков.

Частный сектор подлежит контролю государства по трём основным каналам – налоговому, банковскому и уголовному.

Налоговый контроль осуществляется выборочной проверкой деклараций о доходах, подаваемых всеми физическими и юридическими лицами раз в год (в марте), либо трижды в год с разбивкой уплаты. К декларации прилагаются подтверждающие документы по каждому из видов дохода. Они по почте поступают каждому налогоплательщику. Частота контрольных проверок колеблется в зависимости от отрасли или специальности – например, за год выборочно проверяются 150 фермеров, 75 агентов по продаже недвижимости и т.д. Столь же регулярно, но тоже выборочно, производятся проверки бухгалтерской отчётности в финансовых отделах фирм (около 50 тыс. в год).

Банковский контроль состоит в том, что банки – как государственные, так и частные – обязаны сообщать центральному Банку Франции обо всех крупных платежах при купле-продаже собственности (движимой и недвижимой), а при переводах за границу – даже сравнительно небольших сумм порядка 2 тыс. евро. Контроль над функционированием банков, в т.ч. частных, осуществляется комитетом по банковской и финансовой регламентации (определяет правила), комитетом кредитных и инвестиционных учреждений (регистрирует банки), банковской комиссией (проверяет соблюдение правил), консультативным комитетом (представляет интересы клиентов, но не решат их конфликты с банками). Политика государства в кредитной сфере вырабатывается при участии Национального совета кредита и банков, в который входят министр экономики и финансов, управляющий Банком Франции и 51 советник, представляющие государство, банки и инвестиционные компании, клиентов, профсоюзы, обе палаты парламента, регионы, и эксперты.

Комиссия по биржевым операциям (КБО) регламентирует деятельность финансовых рынков, выявляет ложную информацию о ценных бумагах (акциях, облигациях), пересекает незаконное манипулирование их курсами, защищает интересы вкладчиков и миноритарных акционеров, преследует использование в спекулятивных целях конфиденциальной информации, полученной от должностных лиц.

Наконец, *уголовный контроль* осуществляется финансовыми бригадами (отделами) полиции, существующими во всех префектурах и подчинёнными соответствующему главному управлению МВД. Его задачей служит раскрытие экономических преступлений – отмывания денег, мошенничества, незаконного оборота наркотиков, оружия, финансирования организованной преступности и терроризма. Особый отдел занимается игорным бизнесом.

Умышленное отклонение от налогов, не говоря уже об особо тяжких противоправных действиях в экономической сфере, карается во Франции довольно сурово: минимум 40 тыс. евро штрафа и 5 годами тюремного заключения. В то же время французское фискальное законодательство, крайне сложное и запутанное, включается огромное количество налоговых льгот, как для физических, так и для юридических льгот. Несмотря на это, оно обоснованно считается на Западе менее благоприятным для бизнеса, чем британское или германское, результатом чего является отток национального капитала и кадров, особенно молодых топ-менеджеров, за рубеж (в частности, в Великобританию).

Внешнеэкономические связи

Французская экономика долгое время зависела от импорта и экспорта в меньшей степени, чем в Германии или Британии. Поэтому государство было склонно проводить под давлением большей части деловых кругов политику протекционистской защиты внутреннего рынка с помощью высоких таможенных тарифов, количественных квот и т.д. С середины XX в. положение круто изменилось: потребность в импорте для восстановления и коренной модернизации промышленности, энергетическая зависимость, перестройка АПК, сделавшая страну вторым в мире после США экспортёром сельскохозяйственной продукции (по стоимости), утрата колониальной империи, наконец, процессы европейской интеграции и глобализации привели к всё большей открытости французской экономики внешнему миру.

В настоящее время треть ВВП Франции реализуется в сфере внешней торговли и международного движения капиталов. В связанных с ними отраслях занята четверть самодеятельного населения страны. Соответственно изменилась и внешнеэкономическая

деятельность государства, во многом определяемая членством в международных организациях, особенно в Евросоюзе и ВТО. Это относится, прежде всего, к ЕС, превратившемуся к началу XXI в. в единое экономическое пространство со свободным движением товаров, капиталов и людей, общей валютой (для 12 стран) и общим Центральным банком. Коль скоро внешнеторговая, сельскохозяйственная, региональная кредитно-банковская, валютная политика стран – членов ЕС определяется отныне органами Евросоюза, французский патронат добивается от государства максимально жёсткой защиты своих интересов в Совете министров, Европарламенте, Суде, Евробанке. Крупнейшие промышленные, банковские группы Франции имеют в Брюсселе, Страсбурге, Люксембурге, Франкфурте-на-Майне активные лоббистские структуры, которые действуют в тесном контакте с официальными представительствами правительства, а неофициально – с французами, занимающими видные посты в аппарате ЕС.

В Париже взаимодействие государства с частным сектором по проблемам Евросоюза, как и политика Франции в органах последнего, координируется отдельным министром по европейским делам, подчинённым министру иностранных дел. В самом МИДе экономические и финансовые вопросы относятся к ведению соответствующего департамента. Однако основные функции в этой сфере сосредоточены в ***Главном управлении внешнеэкономических связей*** (ДРЕЕ) министерства экономики и финансов. Именно ДРЕЕ, а не МИД или министерство внешней торговли, то создаваемое, то упраздняемое, представлено в посольствах Франции аппаратами экономических советников, являющихся не кадровыми дипломатами, а ответственными сотрудниками Минфина.

В Париже ДРЕЕ работает в тесном контакте с ***Французским центром внешней торговли*** (ФИВТ) и ***Торгово-промышленной палатой*** (ТПП), которые координируют работу по изучению внешних рынков, готовят информационные материалы, осуществляют маркетинг, проводят конференции, семинары, коллоквиумы по отдельным странам и регионам. Аналитическое обеспечение осуществляет государственный ***Центр внешнеэкономической информации и прогнозирования*** (СЕПИИ), публикующий периодические бюллетени, доклады и исследования. Ими пользуются

не только госучреждения, но и аналитические отделы крупных частных фирм и банков.

За рубежом экономические советники при посольствах Франции не только ведут переговоры с госучреждениями страны пребывания, но и выступают в роли посредников, ходатайствуют перед местными властями по делам французских частных фирм. Местные филиалы последних имеют и собственного уполномоченного по внешней торговле. Таким образом, в центре и на местах образуется стройная система взаимодействия государства с частным сектором по всему кругу внешнеэкономических вопросов.

Классической формой поощрения экспорта во Франции служит льготный налоговый режим для экспортёров, прежде всего освобождение их от НДС, а также соглашения об избежании двойного налогообложения, заключённые на двусторонней основе с несколькими десятками государств.

Чрезвычайно важную роль в содействии экспансии частного сектора за рубежом играет ***Французское общество страхования внешней торговли*** (КОФАС). Оно гарантирует до 95% объёма осуществляемых в кредит экспортных операций и оказывает поддержку французским фирмам на торгах при распределении иностранных заказов. Объём операций в КОФАС достигает 1 млрд евро в год. Особенность её статуса состоит в том, что все акционеры КОФАС являются частными лицами, а средства, компенсирующие возможные убытки по застрахованным сделкам, поступают из бюджета.

Как и в других странах, во Франции высшие должностные лица государства – парламентарии, министры, премьер-министр и сам президент Республики – уделяют во время официальных зарубежных визитов значительную часть своей программы продвижению французского экспорта, особенно в форме заказов на строительство за рубежом крупных объектов инфраструктуры, получения выгодных контрактов, продажи вооружения и т.д. Главу государства и правительства почти всегда сопровождают делегации крупных предпринимателей и банкиров.

* * *

Французский опыт отношений между государством и бизнесом заслуживает внимания, прежде всего, в связи с тем, что всё

ещё находится на переходном этапе от жёсткой дирижистской модели первых послевоенных десятилетий, замкнутой в национальных рамках, к глобализированной неолиберальной экономике постиндустриального общества. Издержки этого перехода гораздо меньше, чем при «шоковом» скачке от тотального директивного планирования к рыночной экономике. Поэтому переходные механизмы, созданные во Франции, безусловно, заслуживают внимания и могут быть использованы в России. Вместе с тем ряд архаичных, малоэффективных, а то и просто негативных аспектов французской экономики, которые подрывают её конкурентоспособность на мировых рынках, служат скорее примерами опасностей, которых следует избегать.

Среди ***позитивных*** особенностей французского опыта обращают на себя внимания следующие:

1. Чётко отработанный механизм диалога между французским государственным и частным сектором в процессе приватизации создаёт возможности для оптимального взаимодействия различных форм собственности. Диапазон их юридического статуса весьма широк – от монопольных «общественных служб», где 100% капитала находится в руках государства, до его миноритарного участия в акционерном капитале частных групп, полностью включённых в конкурентную среду.

Каждая из таких форм имеет определённый юридический статус, определяющий степень интеграции данной фирмы в свободную конкурентную среду – не только на национальном, но и на международном, прежде всего европейском, уровнях. Коль скоро логика интеграционного процесса навязывает всем членам ЕС, включая Францию, максимальную открытость и жёсткие антимонопольные правила, сокращающие возможности административных ограничений и льгот – бюджетных или налоговых, требует соблюдения общих санитарных и экологических норм, то преобладает тенденция в пользу расширения частного сектора и конкурентной среды. Однако включение в неё французской экономики происходит постепенно, шаг за шагом, по мере расширения частного сектора за счёт государственного и повышения его конкурентоспособности, причём французские представители ЕС и ВТО жёстко отстаивают выгодные им условия.

2. Основной сферой приложения средств и использования инструментов регулирования остаются отрасли, требующие крупных и медленно окупающихся инвестиций. Это, прежде всего, инфраструктура (энергетика, дорожная и транспортная сеть, традиционные виды связи), НИОКР, ВПК, АПК и социальная сфера – образование, здравоохранение, защита социально уязвимых и маргинальных слоёв населения. В результате частный бизнес, лишённый в рамках ЕС льготных тарифов, которые в первые послевоенные десятилетия предоставлялись отраслям, монополизированным госсектором, получает возможность снижать издержки производства, повышать норму накопления и конкурентоспособность своей продукции иным путём.

3. Подобный подход практикуется не только в вертикальном, т.е. отраслевом разрезе, но и в горизонтальном, на уровне регионов. Сохраняя на местах представителей централизованного административного аппарата – префектов, Франция одновре́менно стала на путь децентрализации, расширяя права и финансовые возможности выборных органов местного самоуправления (территориальных коллективов) на трёх уровнях – региональном, департаментском и коммунальном. Каждый из них имеет свой, дифференцированный объём социально-экономических полномочий и источники финансирования – как местные, так и бюджетные. Это дало возможность внедрить практику развития регионов на базе взаимодействия государства, местных органов и частного сектора на основе согласованных или комплексных планов долгосрочного характера, финансируемых на паритетных началах, но осуществляемых частными предприятиями (строительство дорожной сети, объектов социальной сферы и т.д.).

4. Подобная система, сочетающая остатки былого дирижизма с преимуществами открытого свободного рынка, была бы невозможна без разветвлённой и самостоятельной организации частного бизнеса – как крупного, так и мелкого, способного выступать на всех уровнях в качестве полновесного партнёра государства и органов местного самоуправления. Наряду с обычной лоббистской деятельностью, организационные структуры частного бизнеса дублируют госаппарат сверху донизу – от МЕДЕФ (патроната) в столице до региональных торгово-промышленных палат. Опи-

раясь в центре и на местах на смешанные органы консультативного и оперативного характера («зоны приоритетного развития»), эти структуры имеют возможность поддерживать постоянный диалог между бизнесом, профсоюзами, государством и местным самоуправлением с целью практического взаимодействия.

5. Хотя общий для всех развитых стран процесс дерегулирования и дебюрократизации деятельности частного сектора сталкивается во Франции с неизжитыми традициями государственной опеки, дирижизма и протекционизма, он развивается в первую очередь на уровне мелких и средних предприятий, создающих основную массу рабочих мест. Мелкий бизнес освобождается от административных формальностей в приоритетном порядке («единое окно»), он всё шире привлекается к выполнению субподрядных работ крупными компаниями, в том числе государственными (вплоть до оборонного заказа ВПК), а также регионами, департаментами и муниципалитетами на основе открытых тендеров.

6. Жёсткий государственный контроль осуществляется в первую очередь над деятельностью не частного бизнеса, а расходованием государственных бюджетных средств (Счётная палата, Генеральная инспекция финансов). В частном секторе главным объектом контроля являются финансово-банковский сектор и биржевые операции с ценными бумагами. Именно через банковские операции производится налоговый контроль, осуществляемый Минфином и центральным Банком Франции. Поэтому удушающая инициативу и плодящая коррупцию система проверок отдельных частных фирм, особенно мелких, по сути дела, отмирает – она практикуется только правоохранительными органами в случае подозрений в совершении уголовно наказуемых деяний (отмывание денег и т.п.). На это имеются специальные финотделы полиции, отделы по контролю над игорным бизнесом, по борьбе с наркобизнесом, незаконной проституцией – основными сферами деятельности организованной преступности. Иными словами, в легальном частном бизнесе государство не видит ничего предосудительного.

7. Если формальности при создании нового частного бизнеса сведены во Франции к минимуму, то порядок банкротства обставлен довольно сложными правилами с целью защиты прав персо-

нала, кредиторов и акционеров. Предусмотрена, в частности, особая процедура мер по возможному оздоровлению предприятия, прекратившего платежи, причём весь этот процесс обеспечивается судебным порядком. В случае угрозы банкротства крупных структур национального масштаба («Креди Лионнэ», «Бюль», «Альстом») государство берёт на себя в той или иной форме их долги. Фактическое банкротство «Альстом» дало импульс существенному реформированию правил банкротства в направлении либерализации его условий для частных предпринимателей и помощи им со стороны государства. Безусловным достижением французской модели является наличие особых судебных систем – коммерческой, по трудовым спорам (прюдомы) и административной (по столкновению интересов государства в лице чиновников с интересами физических лиц).

Среди ***негативных*** черт французской модели отношений государства с частным бизнесом можно отметить следующее:

1. Значительные расходы государства, хронический бюджетный дефицит, связанное с ним тяжёлое бремя налогов и обязательных отчислений в фонды соцобеспечения, бюрократическая система письменной налоговой отчётности как для юридических, так и для физических лиц, затрудняют создание новых предприятий.

2. Увеличение бюджетного дефицита и госдолга, особенно внутреннего, стимулирует выпуск казначейских облигаций во избежание дальнейшего увеличения налогового пресса. Это обескровливает денежный рынок, сужая возможности банковского кредита для финансирования инвестиций и потребления.

3. Жёсткое трудовое законодательство, имеющее цель сохранить рабочие места, оборачивается обострением главной социальной проблемы – занятости, поскольку предприниматели избегают расширять численность постоянного персонала, опасаясь трудностей с увольнением в случае экономических трудностей. Оно же способствует, наряду с высокими налогами и обязательными социальными отличиями, оттоку капиталов и квалифицированных кадров за рубеж.

4. Государство сталкивается с проблемой выбора между адресной социальной помощью, свёртыванием архаичных и разви-

тием перспективных отраслей, стимулированием динамичных и помощью отстающим регионам, наконец, боле или менее значительным перераспределением ВВП через налоги и фонды соцстраха между верхами и низами общества, что подрывает основополагающий конституционный принцип равенства перед законом.

В результате в государственном, и в какой-то мере в частном секторе, умножаются корпоративные привилегии (сроки выхода на пенсию, её исчисление, налоговые льготы и т.п.), которыми располагают представители различных профессий. Соответствующие категории, хорошо организованные в профессиональном плане (учителя, транспортники, почтовики), жёстко отстаивают свои «завоёванные права», прибегая не просто к обычному лоббизму, но и к активным действиям – забастовкам, демонстрациям, а в некоторых случаях и к прямому насилию. Профессиональные структуры становятся закостеневшими, снижается социальная мобильность и, в конечном счёте, динамизм экономики в целом.

ГЛАВА 3. МАЛЫЙ БИЗНЕС*

Для многих Франция – это, прежде всего, государство с легендарной историей и богатыми культурными традициями. Однако и в этой окутанной романтикой стране кипит деловая жизнь. Одной из её составляющих является малый бизнес. Именно о нём мы попросили рассказать руководителя Центра французских исследований Института Европы РАН, доктора исторических наук Юрия Рубинского.

– Юрий Ильич, сколько предприятий малого бизнеса работает во Франции и какова их роль в жизни страны?

– В настоящее время во Франции зарегистрировано около 3 млн малых предприятий. Из них 1,5 млн работает в сфере услуг, 780 тыс. – в торговле, 350тыс. – в строительстве, 303 тыс. – в промышленности. Это – классическая структура постиндустриаль-

* Деловая Москва, № 15, 2005 г. С. 11. Беседу вела Марина Масляева.

ной экономики. Ежегодно в стране открывается около 250 тыс. малых предприятий, а банкротится 50 тыс. При этом 40-50% новых рабочих мест, создаваемых во Франции, приходится именно на предприятия малого бизнеса. Этот вклад в жизнь государства трудно переоценить. Ведь 10%самодеятельного населения Франции числятся полностью или частично безработными, что является главной экономической, социальной и политической проблемой страны. Не случайно каждое новое правительство начинает свою деятельность с обещаний хотя бы частично справиться с безработицей. Правда, пока это сделать не удаётся. Если бы не усилия малого бизнеса, то проблема занятости стояла бы ещё острее.

– Существуют ли определённые критерии, характеризующие предприятия французского малого бизнеса?

– Во Франции к категории малых относятся предприятия, на которых трудится менее 50 наёмных работников. Сейчас из 3 млн малых предприятий около 1,5 млн относится к индивидуальному или семейному бизнесу и обходится вообще без наёмного персонала, а на 1200 тыс. предприятий трудится менее чем по 10 человек. Доходы фирм и компаний малого бизнеса не имеют чётких законодательных ограничений. Можно лишь констатировать, что, по налоговым данным, в среднем доходы малых предприятий колеблются от 10 до 100 тыс. евро в год.

– Немного. Сам собой возникает вопрос: а не уклоняются ли владельцы малых предприятий Франции от уплаты налогов, скромно занижая в отчётах суммы своих истинных доходов? Кстати, существует ли в бизнес-среде этой страны такое понятие, как «чёрный нал»?

– Действительно известно, что представители малого и среднего бизнеса Франции виртуозно владеют различными приёмами ухода от налогов. Наименее закононепослушными в этом отношении являются представители свободных профессий – дантисты, адвокаты, художники, косметологи, автомеханики и т.п. Именно среди них расчёты с клиентами нередко производятся «чёрным налом» без соответствующего документального оформления, что, конечно, запрещено законом. Объясняется это высокими налоговыми ставками и необходимостью делать весьма серьёзные отчисления в социальные кассы. Ни для кого не секрет, что во Франции

существуют (чаще всего в крупных городах) и подпольные мастерские, на которых «вчёрную» трудятся иммигранты, в том числе и нелегальные. Вообще активный уход от налоговых выплат начался с 60-х гг. XX в., когда страну накрыла волна иммиграции. Конечно, такого размаха в налоговых нарушениях, как в Италии, где уклонение от налогов считается чуть ли не национальной традицией, во Франции нет. Тем более что налоговая инквизиция, как её называют французы, не дремлет. А потому безнаказанно уходить от уплаты налогов удаётся далеко не всем правонарушителям.

– А по каким вообще каналам контролируется французский частный бизнес?

– Во Франции частный бизнес подлежит контролю государства по трём основным каналам – налоговому, банковскому и уголовному. Налоговый контроль осуществляется выборочной проверкой деклараций о доходах, подаваемых всеми физическими и юридическими лицами либо раз в год (в марте), либо трижды в год с разбивкой уплаты. К декларации прилагаются подтверждающие документы по каждому виду доходов. Они по почте поступают всем налогоплательщикам. Частота контрольных проверок колеблется в зависимости от отрасли или специальности. Например, за год выборочно проверяются 150 фермеров, 75 агентов по продаже недвижимости и т.д. Столь же регулярно, но тоже выборочно проводятся проверки бухгалтерской отчётности в финансовых отделах фирм (около 50 тыс. в год). Банковский контроль состоит в том, что банки – как государственные, так и частные – обязаны сообщать центральному Банку Франции обо всех крупных платежах при купле-продаже собственности (движимой и недвижимой), а при переводах за границу – даже о сравнительно небольших суммах порядка 2 тыс. евро.

Уголовный контроль проводится финансовыми бригадами (отделами) полиции, которые существуют во всех префектурах и подчиняются соответствующему главному управлению МВД. Цель этого контроля состоит в раскрытии всевозможных экономических преступлений. Умышленное уклонение от налогов, не говоря уже об особо тяжких противоправных действиях в экономической сфере, карается во Франции довольно сурово: штра-

фом от 40 тыс. евро и пятью годами тюремного заключения.

– Контроль за предпринимателями, конечно, нужен. Но ведь необходима и система стимулирования малого бизнеса. Как с этим обстоят дела во Франции?

– За последние четверть века в стране создана внушительная государственная система стимулирования малого бизнеса. Новые малые предприятия на 2 года освобождаются от налога на акционерные общества и от местных налогов. Для них снижаются подоходный налог и налог с инвестируемой части прибыли. Особую лояльность государство проявляет к тем, кто решил открыть свой бизнес в экономически депрессивных зонах. На таких предпринимателей распространяются скидки и отмены выплат в фонды социального обеспечения (здравоохранения, пенсионного фонда, фонда для многосемейных, в кассу пособий для безработных). В отдельных случаях предпринимателям выплачиваются подъёмные. Для безработных, решивших создать собственный бизнес, разработана своя система поддержки: они освобождаются от налогов не на 2, а на 3 года и на год от обязательных социальных выплат в кассы соцстраха. Безработным, ставшим предпринимателями, выдаются специальные книжки, отрывными чеками из которых можно расплачиваться за консультации по менеджменту, юриспруденции, бухгалтерскому учёту и т.п. Практически все владельцы малых предприятий могут рассчитывать на получение тех или иных льготных кредитов, ссуд и субсидий.

Поощрение создания предприятий и предотвращение их банкротств является одной из ключевых сфер сотрудничества государства и бизнеса. Этим занимается специальное учреждение – Национальное агентство по созданию предприятий (АНСЕ), которое не только содействует будущим частным предпринимателям, но и изыскивает возможности скупки предприятий при возникновении угрозы банкротства.

Наряду с АНСЕ государственную помощь при создании предприятий оказывают органы министерств по обустройству территорий, торгово-промышленные палаты, выборные органы местного самоуправления – региональные и генеральные советы, а также частные фонды, созданные крупными корпорациями, получающими в свою очередь целевые налоговые льготы (фонды Жака

Дуса, Жака Гийомарка и др.). На территории всей страны существуют свободные портовые экономические зоны, где создаются максимально благоприятные условия для создания и развития малого бизнеса.

– А меняется ли малый бизнес Франции в связи с общими процессами модернизации французской экономики, её глобализацией и европейской интеграцией?

– Малый бизнес Франции существенно изменился за последние 20-30 лет. До этого времени небольшие производственные предприятия представляли собой весьма архаичный сегмент рынка, так как их владельцы могли позволить себе приобретение лишь дешёвого или устаревшего оборудования. Сегодня ситуация качественно другая. Современные малые предприятия, особенно в производственной сфере, работают на высоких технологиях. В большинстве случаев это происходит потому, что крупным корпорациям теперь невыгодно все производить своими силами. Они стали сотрудничать на принципах подряда или субподряда с более мелкими предприятиями, которые и выпускают для промышленных гигантов отдельные комплектующие. При этом крупные предприятия на коммерческой основе помогают мелким фирмам оборудованием, сырьём, передачей технологий и т.п. По-прежнему уверенно чувствуют себя малые предприятия, работающие в сфере сервиса. Очень широко распространены комбинированные точки обслуживания. Например, состоящие из кафе, табачной лавки и зала по распространению десятков видов лотерейных билетов. Популярна и комбинация загородной бензозаправочной станции с небольшим магазинчиком и закусочной. Как правило, каждый такой небольшой комплекс принадлежит одному хозяину.

– Престижно ли во Франции быть владельцем малого предприятия?

– В глубинке владельцы лавок, мастерских и других мелких предприятий – уважаемые люди. Власти стараются идти им навстречу. Ведь, если хозяин магазинчика или парикмахерской скажет своим клиентам, что поднял цены на товары или услуги из-за плохих условий, созданных местными властями, это может негативно отразиться на результатах очередных выборов... В крупных городах гораздо престижнее быть, например, чиновником

или педагогом, чем мелким предпринимателем. Исключение составляют представители свободных профессий и те, кто работает в сфере высоких технологий.

– Есть ли во Франции организация, представляющая интересы мелких предпринимателей?

– Ведущей организацией, созданной для лоббирования предпринимательского сообщества, является Движение французских предпринимателей (МЕДЕФ) – организация, аналогичная РСПП в России. К МЕДЕФ на автономных началах примыкает Всеобщая конфедерация малого и среднего бизнеса, состоящая их 400 отраслевых федераций. Владельцы малых предприятий достаточно жёстко и решительно отстаивают свои права в диалоге с государством. Особенно когда дело касается налогов и отчислений во всевозможные фонды. Нередко предприниматели устраивают забастовки, одновре́менно закрывая свои мастерские, парикмахерские или магазины, и, надо сказать, добиваются своего.

ГЛАВА 4. ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА*

Историческая специфика

По численности и удельному весу в населении кадрового чиновничества в самодеятельном населении, объёму и разнообразию его функций Франция заметно превосходит другие постиндустриальные страны Запада. Эта специфика во многом объясняется историческими особенностями становления французской государственности.

Со времён абсолютной монархии сосредоточение власти в руках короля сопровождалось прогрессирующим ограничением прав промежуточных эшелонов между центром и провинцией – как привилегий феодальной аристократии, так и коммунальных свобод городской буржуазии. Революция 1789 г. не ослабила, а, напротив, ещё более укрепила централизованную структуру бюрократического аппарата государства. Упразднив старинные про-

* Современная Европа, № 2(30), апрель-июнь 2007 г. С. 78-90.

винции, якобинская диктатура, затем наполеоновская империя разделили страну на департаменты по сугубо географическому признаку. Управление ими было поручено корпусу префектов – чиновников Министерства внутренних дел, назначенных главой государства, на которых было возложено поддержание общественного порядка и безопасности, координация деятельности центральных министерств и ведомств на местах, контроль над функционированием выборных органов местного самоуправления.

Наряду с централизацией характерной чертой французской административной системы всегда было строгое единообразие. В противоположность федеративным государствам – США, Германии, Бельгии, Австрии, Канаде, Мексике, Индии, Бразилии, примеру которых следуют теперь Испания, Великобритания и многие другие, во Франции законы и их применение всегда были и остаются идентичными на всей территории «единой и неделимой» республики, в том числе на её окраинах, сохраняющих заметное этнолингвистическое и культурное своеобразие (Корсика, Бретань, Эльзас, Страна Басков).

Роль государства в экономике Франции достигла апогея двумя столетиями спустя – после Второй мировой войны, когда в стране сложились мощный национализированный сектор, охвативший основные звенья инфраструктуры (энергетику, транспорт, связь, часть промышленности и банков), и одна из самых продвинутых систем социального обеспечения. Эта специфическая модель социальной рыночной экономики сыграла немалую роль в послевоенном восстановлении и реконструкции страны.

Однако в последней четверти XX в. она начала исчерпывать свой ресурс. В функционировании как экономики, так и госаппарата произошли немалые перемены, диктовавшиеся требованиями научно-технической революции на базе информатики, процессами европейской интеграции и глобализации. Чрезмерный централизм и бюрократический дирижизм постепенно смягчаются – в 1981–1982 и 2002–2003 гг. были приняты законы, которые заметно расширили права «территориальных коллективов», т.е. выборных органов местного самоуправления департаментов и коммун, к которым добавились более крупные регионы. Значительная часть госсектора приватизирована, в капитал оставшихся ес-

тественных госмонополий («общественных служб») открыт доступ частным инвесторам, в том числе иностранным.

К началу XXI в. в стране насчитывалось 26 регионов (22 в метрополии и 4 в заморских департаментах и территориях), 100 департаментов (96 в метрополии) и 35,5 тыс. коммун. Хотя территориально коммуны входят в департаменты, а департаменты в регионы, вертикальное подчинение между ними крайне ограничено – каждый из трёх уровней административно-территориального деления имеет свой круг прав и обязанностей и свои источники финансирования: регион, объединяющий несколько департаментов, может иметь меньший бюджет, чем каждый из них.

Тем не менее степень административной децентрализации и экономической либерализации во Франции всё ещё остаётся заметно ниже, чем у большинства её партнёров по Евросоюзу. Хотя формы регулирования экономических процессов эволюционируют в сторону дальнейшего расширения свободы частного бизнеса, государство отнюдь не ушло из экономики и тем более социальной сферы. Удельный вес в ВВП госбюджета и системы соцстраха, финансируемых за счёт налогов и обязательных отчислений в кассы соцобеспечения (пенсионную, по болезни, пособий для многодетных), составил в 2003 г. 53,5% – больше, чем в Германии (48,8), Италии (49), Великобритании (43,5), уступая в ЕС только Швеции (58,7%). Столь же значительна занятых в общественном секторе доля лиц наёмного труда в самодеятельном населении страны: в 2004 г. она достигла 22,9% против 15,5% в среднем по еврозоне, уступая только той же Швеции (31,7%)[3].

Правовой статус госслужбы

Юридическое закрепление прав и обязанностей государственных служащих во Франции началось после окончания Второй мировой войны ордонансом (указом) главы Временного правительства генерала де Голля от 9 октября 1945 г. На основании этого документа были созданы Национальная школа администрации, Управление госслужбы и межведомственный корпус гражданских администраторов, включающий руководящие кадры верхнего эшелона.

[3] L'Economie française 2006. OFCE, La Découverte, Paris. P. 34-35.

Комплексный закон о статуте госслужбы был принят Учредительным собранием год спустя – 5 октября 1946 г. За прошедшие с тех пор более полувека этот статут претерпел многочисленные коррективы – ордонанс от 4 февраля 1959 г., законы от 13 июля 1983, 11 и 26 января 1984, 9 января 1986 гг. пересмотрели многие положения Общего статута чиновников в соответствии с установками политических сил, приходивших к власти, – правых в первом случае, левых во втором. Тем не менее, структурное равновесие, установленное в первом варианте статута, более или менее сохранилось.

В принципе предполагается, что французский чиновник принадлежит к одной и той же ведомственной системе, где проходит вся его карьера вплоть до выхода на пенсию. Однако перевод кадровых чиновников из одного ведомства в другое или временное откомандирование их в кабинеты (секретариаты) министров, главы правительства и государства являются повседневной практикой, давая определённые карьерные преимущества по службе. Чиновники сохраняют в таком случае не только непрерывность стажа, но и выслугу лет с присвоением очередных рангов.

Классы (ранги) каждого чиновника, имеющие по нескольку промежуточных ступеней, далеко не всегда соответствуют занимаемой им должности. Тем не менее, перемещения внутри одной ведомственной системы или перевод из одной в другую не должны отражаться на карьере: при каждом новом назначении госслужащих должны обязательно учитываться ранг и место каждого в единой тарифной сетке оплаты труда на прежней работе.

Французское законодательство различает несколько категорий госслужбы. В широком смысле она охватывает всех лиц наёмного труда, на которых распространяются нормы публичного права, в том числе персонал системы государственного образования, здравоохранения, почт, телеграфа, а также работников госмонополий как «общественных служб» (энергетиков, газовщиков, связистов, железнодорожников и т.д.).

В более узком смысле чиновниками считаются только «агенты государства» (les agents publics), выполняющие те или иные административные функции – правоохранительные, финансовые, управленческие, дипломатические и т.д. Это определение исклю-

чает работников госсектора в экономической сфере, но частично распространяется тем не менее на социальную (система народного образования).

В свою очередь «агенты государства», подпадающие под действие административного права, включают штатных (titulaires) и нештатных (non-titulaires). Только первые пользуются всеми привилегиями чиновников в том, что касается гарантий занятости, карьеры с присвоением очередных рангов (классов) и повышением по службе с учётом стажа и выслуги лет, особыми условиями выхода на пенсию, существующими в данной ведомственной системе. Напротив, нештатные служащие, обычно сугубо технические (секретарши, курьеры, уборщики, охранники и т. д.), работающие по контракту, лишены всех этих преимуществ и мало отличаются по статусу от аналогичных категорий частного сектора.

Среди штатных чиновников особым статусом пользуются военнослужащие (в том числе жандармы, которые считаются родом войск) и судебно-прокурорские работники. Они лишены, например, права на объединение в профсоюзы и проведения забастовок, которыми пользуются полицейские и прочие сотрудники системы МВД, приравненные к гражданской службе.

Не менее важным является различие между государственной и «территориальной» гражданской службой. К первой относятся чиновники центральных министерств и ведомств в столице и их служб на местах, ко второй – служащие (но не выборные члены) местных органов самоуправления – региональных, генеральных (департаментских), муниципальных советов. Хотя в принципе их правовой статус сопоставим, первые, как правило, находятся в более привилегированном положении, чем вторые.

Организационная структура

С учётом центрального места, которое занимает президент в конституционной системе Пятой республики, его аппарат в Елисейском дворце играет ключевую роль в формировании внутренней и внешней политики Франции. Он состоит из трёх подразделений: кабинета во главе с директором, генерального секретариата, возглавляемого генсеком, и военного штаба. Состав аппарата Елисейского дворца сравнительно невелик – он обычно не пре-

вышает 60-70 человек, назначенных лично главой государства.

Кабинет и личный кабинет (секретариат) занимаются организацией рабочего времени президента – его встречами, поездками, протоколом, безопасностью, контактами с общественностью и особыми поручениями. Генеральный секретариат, состоящий из советников (conseillers), уполномоченных (chargés de mission) и референтов (attachés), поддерживает постоянную связь с правительством, парламентом, политическими партиями, общественными организациями, СМИ. Каждый советник или референт курирует определённый круг вопросов и соответствующие ведомства.

Генсек Елисейского дворца готовит вместе со своим коллегой из аппарата премьер-министра (генсеком правительства) повестку дня еженедельного заседания Совмина под председательством президента и участвует наряду с министром по связи с парламентом в процессе прохождения правительственных законопроектов через нижнюю и верхнюю палаты – Национальное собрание и Сенат. Штаб президента обеспечивает ему, как верховному главнокомандующему, постоянную связь с Минобороны и Генштабом.

Сотрудники персонала Елисейского дворца рекрутируются в большинстве своём из чиновников различных министерств и ведомств. Основным критерием служит при этом сочетание профессиональной компетентности с политической лояльностью и, разумеется, доверие первого лица. Последние качества являются решающими, причём президент нередко добавляет к чиновникам своих соратников и личных друзей. Поэтому с приходом нового главы государства аппарат Елисейского дворца меняется, как правило, полностью (кроме техсостава). Кадровые чиновники возвращаются в свои ведомства, остальные – к прежним занятиям[4]. По такой же схеме построена и организация аппарата премьер-министра в его дворце – «Отель Матиньон», который возглавляют директор кабинета и генеральный секретарь правительства.

[4] Официально содержание Елисейского дворца, проходящее в госбюджете отдельной строкой, финансово сравнительно ограничено, так как основные расходы идут по бюджетам соответствующих министерств – МИД (поездки), МВД (охрана) и т.д.

Члены правительства выполняют как политические, так и административные функции – они издают по своему ведомству приказы (arrêtés), инструкции, циркуляры, распоряжаются бюджетными ассигнованиями по своему министерству, решают кадровые вопросы – продвижение чиновников по службе, повышение их в ранге с учётом выслуги лет и личных заслуг, дисциплинарные взыскания и т.д. Назначение чиновников на ответственные должности, как и структурная реорганизация основных звеньев аппарата министерств, согласовывается с премьером, а на самые высокие посты – префектов, послов, командующих военными округами, директоров национализированных предприятий утверждается президентом Республики в Совете министров по представлению соответствующего министра[5].

Центральный аппарат министерств состоит из управлений (directions) во главе с директорами, отделов (bureaux) и подотделов с учётом административной специфики каждого ведомства. Им подчинены «внешние службы» на местах – префектуры в МВД, посольства в МИД, учебные округа в Министерстве народного образования (académies), военные округа в Минобороны, генеральные казначеи департаментов в Минфине и т.д.

Роль связующих звеньев между министром как политическим представителем высшего звена исполнительной власти и административным персоналом его ведомства играют две фигуры – директор кабинета (секретариата) министра и генеральный секретарь министерства. Функции кабинета и его директора в министерствах аналогичны (на более низком уровне) соответствующим службам Елисейского дворца и «Отель Матиньон», с сотрудниками которых они поддерживают постоянный рабочий контакт. Со своей стороны, генсек каждого министерства является кадровым чиновником, который играет роль первого заместителя министра. Оставаясь на месте при смене последнего, он обеспечивает преемственность администрации при любых политических и персональных переменах на уровне правительства и парламента.

Хотя главным фактором продвижения по службе официально является выслуга лет, немалую роль играют и иные критерии, в

[5] Gérard Bélorgey. Le Gouvernement et l'Administration de la France. Armand Colin, Paris, 1967. P. 86-98.

том числе политические.

Все чиновники французской госслужбы разделены по вертикали на четыре категории (класса) – A, B, C и D, принадлежность к которым определяется уровнем административно-управленческой ответственности при принятии решений. Категория A – это директорá управлений и департаментов, B – начальники отделов и подотделов, C – исполнители, D – штатный техперсонал. Категории включают, в свою очередь, определённые ранги (классы), должности и, соответственно, уровни оплаты труда. Её сетка сочетает принципы эквивалентности, то есть соответствия другим по горизонтали, учёта специфики данного ведомства и исторически сложившихся привилегий его работников. Так, например, супрефект или дивизионный комиссар полиции в МВД примерно эквивалентны посланнику в МИДе, генеральному инспектору Министерства народного образования, полковнику в армии и т.д.

К началу XXI в. на госслужбе (Fonction publique) во Франции числились 2 294 тыс. человек, в том числе 1 876 тыс. по гражданским министерствам и 417 тыс. в системе Минобороны (после завершения перехода вооружённых сил на профессиональную основу). Среди первых доля штатных чиновников составляла 88,1%. Вольнонаёмных в армии было всего 8,1%. На штатной госслужбе в узком понимании состояли тогда 400 тыс. человек, в том числе в административных структурах 131,3 тыс.[6]

На службе в территориальных органах местного самоуправления – региональных, генеральных (департаментских), мэриях насчитывалось 1,5 млн чиновников, включая 286,9 тыс. – в коммунальных хозяйственных службах.

Подготовка кадров

Общий статут госслужбы, принятый в 1946 г., закрепил принцип приёма на неё путём конкурса, практиковавшийся ещё со

[6] Documents d'études, № 2.01, edition 2002. La Documentation française, Paris, 2002. P. 8. Фактически во всей системе государственного народного образования – начальных, средних (коллежи, лицеи) школах и университетах работало свыше 500 тыс. человек, зарплата которых проводится по особой бюджетной строке. По численности и объёму расходов (8% ВВП) Министерство народного образования занимает первое место в госслужбе Франции, далеко опережая МВД и Минобороны.

времён Великой французской революции (ст. 6 Декларации прав человека и гражданина). В конкурсе на замещение административных должностей имеют право участвовать граждане Французской республики обоего пола, достигшие совершеннолетия и не лишённые по суду гражданских прав. Дискриминация по национальному признаку, политическим, профсоюзным, религиозным мотивам запрещена законом.

Вместе с тем к конкурсу на занятие определённых должностей допускаются только лица, пригодные по состоянию здоровья, обладающие требуемой профессиональной подготовкой, не имеющие судимости и не преследуемые по закону. Граждане стран Евросоюза также могут участвовать в конкурсах (ст. 48 Римского договора 1957 г. о создании ЕС), но не на все должности. Некоторые сферы деятельности (юстиция, полиция, дипломатия, народное образование и др.) доступны лишь для граждан Франции.

Конкурсное жюри, состоящее из чиновников соответствующего ведомства, отбирает кандидатов по порядку из списка в соответствии с требованиями и с учётом числа вакантных мест. Решения жюри могут быть опротестованы в административном суде. Вместе с тем около 700 высших должностей – префекты, послы, директора управлений министерств и национализированных предприятий – назначаются только президентом Республики в Совете министров.

Для принятия заявлений на участие в конкурсе от кандидатов требуются дипломы об образовании, уровень которых зависит от искомой должности. Для техсостава категории D достаточно среднего образования: диплом бакалавра, который получают сейчас до 80% выпускников коллежей и лицеев («бак»), плюс двух- или трёхгодичные курсы по специальности. Претендентам на категорию C необходим уже диплом о высшем образовании соответствующего профиля. Наконец, для допуска в категории B и A требуются дипломы элитных учебных заведений – это, как правило, юридические и экономические факультеты университетов, Политехнической, Высшей нормальной (педагогической) школ, парижского Института политических наук, а главное – Национальной школы администрации (ЭНА).

Созданная в 1945 г. на базе прежней Вольной школы полити-

ческих наук ЭНА стала главным питомником французской административной элиты. Для допуска к вступительным конкурсным экзаменам кандидаты должны располагать дипломом о высшем образовании и иметь стаж работы в госаппарате. Обучение длится два года плюс год стажировки в той или иной административной системе – префектуре, министерстве, посольстве и т.д.[7] С учётом конституционного принципа разделения властей судебная система, включая прокуратуру, входящую во Франции в структуру Министерства юстиции, имеет собственный аналог ЭНА – Высшую школу магистратуры.

Французские вооружённые силы формируют, как во всех странах, офицерские кадры через систему военных училищ, имеющих статус высшей школы, – Сен-Сирское, Сомюрскос, Сен-Мексанское, Коэткиданское, а также Военную школу, соответствующую Академии Генштаба.

С тем, чтобы создать у чиновничества стимулы для повышения квалификации и избежать его превращения в замкнутую, оторванную от граждан касту, французские законодатели включили в последние редакции Общего статута госслужбы обязательство администрации обеспечить в каждом ведомстве возможности для непрерывного обучения[8]. Это предусматривает прохождение служащими краткосрочных курсов, окончание которых облегчает продвижение по службе, в том числе через конкурсную систему.

Контрольные, дисциплинарные и арбитражные инстанции

Одной из оригинальных черт французской административной системы является наличие в ней особых органов контроля и разрешения конфликтов между представителями госаппарата и гражданами, между чиновниками и их начальниками, наконец, между отдельными ведомствами.

Главным из них является Государственный совет, сочетающий две основные функции – юрисконсульта правительства и высшей инстанции системы административных судов.

---

[7] В рамках процесса административной децентрализации ЭНА была переведена из Парижа в Страсбург, где находится к тому же ряд органов Совета Европы и ЕС.

[8] Рамочный закон от 29 июня 1989 г.

В первом своём качестве Госсовет даёт заключения на предмет соответствия существующему законодательству подзаконных нормативных актов всех уровней – постановлений правительства, приказов, инструкций, регламентов министерств, ведомств, органов местного самоуправления. Соответствие самих новых законов, принятых парламентом, действующей Конституции контролирует особый Конституционный совет (суд). Он состоит из девяти членов, назначенных на девять лет равными долями (по три) президентом и председателями обеих палат парламента – Национального собрания и Сената. В него входят также бывшие президенты Республики.

Если решения Конституционного совета окончательны и обжалованию не подлежат, то заключения Госсовета считаются факультативными, хотя по ряду подзаконных актов консультация с ним обязательна. Однако правительство обычно избегает игнорировать мнение Госсовета, поскольку это чревато отрицательными последствиями не только в глазах общественности, но и в оперативном плане, ибо в случае жалоб граждан на соответствующие тексты административные суды могут принять их сторону.

В качестве высшей инстанции административной юстиции Госсовет и подчинённые ему региональные административные суды разрешают конфликты между ведомствами, между ними и их чиновниками, а главное – между учреждениями и гражданами. Подобная система критикуется в англосаксонских странах, юристы которых считают, что сам принцип наличия особой административной юстиции является порочным, ибо государство выступает в ней одновре́менно арбитром и одной из сторон в спорах (в США или Великобритании такие споры решают суды общей юрисдикции). Их французские коллеги не принимают эту критику, рассматривая административную юстицию как необходимую гарантию против нарушений правил нормального функционирования государственной службы.

Госсовет разбит на секции, главной из которых является конфликтная. Их сотрудники имеют особую табель о рангах – от референта до госсоветника, причём они присваиваются пожизненно вне зависимости от того, продолжает ли чиновник служить в Совете до пенсии или переходит в другое ведомство.

Вторым по значению контрольным органом высокого уровня является Счётная палата. Её задача – проверка соответствия госбюджету («финансовому закону», принятому парламентом), расходования средств всеми госучреждениями, независимо от ведомственного подчинения, а также смешанными структурами, использующими частично бюджетное финансирование, путём выборочного изучения их годовой бухгалтерской отчётности. По итогам рассмотрения составляется отчёт, где указываются нарушения и даются рекомендации насчёт более рационального использования бюджетных средств в будущем. Он публикуется для всеобщего сведения. Счётная палата, как и Госсовет, также имеет собственную «Табель о рангах» (референты, аудиторы, советники-аудиторы и т.д.).

Наконец, третьим, причём фактически самым влиятельным органом административно-финансового контроля является Генеральная инспекция финансов. Не имея, в отличие от предыдущих, особого правово́го статуса, она является одним из управлений министерства экономики и финансов. Её задача – повседневный оперативный контроль за расходованием бюджетных средств, осуществляемый передвижными бригадами инспекторов, которые направляются не только в центральные аппараты министерств, но и в их местные учреждения или предприятия госсектора. Высшим рангом в её иерархии является пожизненное звание генерального инспектора финансов.

В законодательных текстах и юридической литературе к «большим государственным корпусам» причисляют и корпус префектов, поскольку префекты не только осуществляют административные функции сами, как чиновники МВД, но и координируют деятельность местных представительств остальных центральных ведомств, кроме министерств финансов, обороны и юстиции (хотя последние также информируют префектуру о принятых решениях).

Роль «больших государственных корпусов» во французском госаппарате отнюдь не исчерпывается их собственными функциями. Основой особого положения этих структур является то, что принадлежащие к ним чиновники поставляют основной контингент сотрудников Елисейского дворца, «Отеля Матиньон», каби-

нетов (секретариатов) министров и председателей палат парламента. Благодаря своему опыту они лучше кого бы то ни было знают тонкости функционирования административной машины и могут обеспечить политическому руководству квалифицированную помощь по любым конкретным вопросам. Тем более что при смене министров, премьера или президента они не опасаются за будущее, имея право вернуться в свой «корпус» без потери стажа и выслуги *с* лет, а зачастую даже со значительным повышением.

Госсоветники, аудиторы Счётной палаты, но особенно инспекторы финансов оказываются основным связующим звеном между администрацией, политикой и деловым миром. Многие депутаты, сенаторы, большинство министров являются выходцами из «больших государственных корпусов», дав Пятой республике три президента из пяти: Ж. Помпиду был госсоветником, В. Жискар д'Эстен и Ж. Ширак – инспекторами финансов.

Эта тенденция явно нарушает принцип политической нейтральности госслужбы, приводя не только к бюрократизации партий, но и к обратному эффекту – политизации части чиновничества. В Пятой республике процесс политизации элиты чиновничества, как и бюрократизации политического класса, усилился, охватив основные звенья госаппарата: принадлежность к правящей «партии власти» или близость к её лидерам в кабинетах (секретариатах) министров, премьера, президента нередко открывает шансы для успешного продвижения по службе или начала собственной политической карьеры.

Наряду с политикой чиновники «больших государственных корпусов», в первую очередь инспекторы финансов, имеют возможность перейти в частный сектор, где занимают посты консультантов, а нередко и топ-менеджеров, вплоть до уровня президентов – генеральных директоров ведущих компаний. Такой переход, именуемый «надеванием домашних туфель» (pantouflage) приносит бывшим чиновникам несравненно более высокие оклады, а иногда и участие в капитале (stock-options). Разрыв в окладах чиновников низшего и высшего уровней не превышает 4-5 раз (от 2,5 до 10-12 тыс. евро в месяц), тогда как в частном секторе доходы генеральных директоров компаний могут достигать 100-200 тыс. евро (1,5-2 млн евро в год).

Со своей стороны, бизнес-структуры используют не только высокую компетентность инспекторов финансов и доскональное знание ими госаппарата изнутри, но и их широкие личные связи (carnets d'adresses) с товарищами по ЭНА и бывшими коллегами, оставшимися на госслужбе, для лоббирования выгодных проектов, получения государственных заказов, налоговых льгот, поддержки на внешних рынках и т.д.

Практика «надевания домашних туфель» нередко вызывает обвинения в нарушении правил деонтологии – этического кодекса поведения чиновников, а иногда даже в коррупции, когда речь идёт о взаимных услугах бывших и действующих чиновников из одних и тех же ведомств. Сам факт использования в корыстных целях, например, для биржевых спекуляций, инсайдерской информации, сведений, представляющих служебную тайну (délit d'initié), карается законом в уголовном порядке.

Тем не менее, высшее французское чиновничество (les grands commis de l'Etat) высоко ценит свой привилегированный социальный статус и является, как правило, реже коррумпированным, нежели низовое, особенно служащие «территориальных» звеньев – органов местного самоуправления, служащие которых нередко служат посредниками между бизнесом и политиками при распределении земельных участков под строительство, заказов на коммунальные услуги и прочее.

Громкие скандалы, связанные с незаконным финансированием «дружественными» мэриями касс политических партий или устройством на фиктивные должности партийных функционеров, привели к принятию ряда законов, регулирующих отношения между госаппаратом, партиями и бизнесом с целью избежать конфликта интересов. Ст. 25 закона от 13 июля 1983 г. гласит: «Чиновники не имеют права ни прямо, ни через подставных лиц получать долю в предприятии, контролируемом администрацией, к которой они принадлежат, или находиться в отношениях с ним, способных затронуть их независимость». Эти деяния подпадают под ст. 432-12 Уголовного кодекса, грозящую нарушителям пятью годами тюремного заключения и крупным денежным штрафом. Чиновник может приобрести собственность на часть такого предприятия лишь через 5 лет после ухода со службы. Такое же наказание полагается за взяточничество или казнокрадство.

Права, обязанности и социальные гарантии госслужащих

В условиях, когда на государство во Франции работает почти четверть самодеятельного населения, госслужащие являются одной из наиболее сильных, организованных и влиятельных «групп давления», способной эффективно отстаивать свои интересы перед общим работодателем – государством. Хотя уровень зарплаты частного сектора в среднем выше, чем публичного, последний предоставляет своим работникам ряд важных социальных гарантий и льгот. Главная из них – факически пожизненная занятость: даже в случае упразднения тех или иных должностей, ликвидации учреждений и национализированных предприятий их персонал не просто увольняется по сокращению штатов, а получает обязательные компенсации в виде выходных пособий и переподготовки на курсах для продолжения карьеры на новом месте либо право досрочного выхода на пенсию.

Чиновник, прекращающий по тем или иным причинам прежнюю служебную деятельность до достижения пенсионного возраста, может по его выбору быть временно откомандирован (например, в секретариат министра), выведен за штат, получить более или менее длительный отпуск без содержания с возможностью возврата на службу с сохранением стажа.

Само пенсионное обеспечение у чиновников различных ведомств сочетает общий режим соцобеспечения, предоставляемый всем лицам наёмного труда, с множеством особых льготных режимов для военнослужащих, дипломатов, учителей, железнодорожников и т.д., например, до реформы 2003 г. машинисты локомотивов имели право выхода на пенсию не в 60, как все остальные категории пенсионеров, а в 50 лет. Эта реформа, проведённая правительством Ж.-П. Раффарена, подтянула не только пенсионный возраст, но и обязательный трудовой стаж для чиновников (47,5 лет) к общенациональному (50 лет).

Другими важными преимуществами чиновников госслужбы являются гарантии служебного продвижения по степеням, рангам, категориям на основе выслуги лет, защита административной юстицией от угроз, нападок СМИ и судебных преследований, возбуждённых частными лицами за действия, совершённые в рам-

ках исполнения служебных обязанностей.

В свою очередь, чиновники обязаны неукоснительно исполнять указания вышестоящих инстанций, не совмещать свою служебную карьеру с какой-либо иной оплачиваемой профессиональной деятельностью, в том числе в частном секторе, соблюдать беспристрастие к любым категориям граждан, придерживаться конституционного принципа отделения церкви от государства, строго хранить служебную и государственную тайну, избегать публичных заявлений политического характера.

За нарушение этих обязательств, недобросовестное исполнение своих обязанностей или допущенные профессиональные ошибки в работе госслужащие могут быть подвергнуты дисциплинарным взысканиям вплоть до отстранения от должности (révocation) и увольнения со службы. Констатация этих нарушений и выбор взыскания определяются в административном порядке (закон от 13 июля 1983 г.). Баланс между правами и обязанностями госслужащих обеспечивается прежде всего возможностью обращения по всем спорным вопросам в административные суды различных инстанций, включая высшую – Госсовет.

Кроме того, для защиты своих интересов чиновники (кроме военнослужащих) имеют конституционное право объединяться в профсоюзы, которые защищают их интересы через представителей в паритетных административных комиссиях вплоть до Высшего совета госслужбы, а для судейских и прокурорских работников – Высшего совета магистратуры. Если спорный вопрос, касающийся повышения зарплаты, карьеры чиновников, конфликтов при исполнении ими служебных обязанностей внутри учреждения или ведомства, не может быть решён компромиссом, госслужащие (кроме военных) имеют право на забастовку на общих основаниях с предварительным уведомлением администрации. Тем не менее, для некоторых категорий служащих это право ограничено необходимостью поддержания порядка, безопасности и нормального функционирования общественных служб. Если оно оказывается под угрозой, то власти могут прибегать к реквизиции, то есть принудительной мобилизации или замене бастующих военными.

Норма синдикализации, или удельный вес членов профсоюзов в общей численности лиц наёмного труда в самодеятельном насе-

лении Франции, не превышает 9%. Это гораздо ниже, чем в любой другой стране Евросоюза (в скандинавских странах эта норма достигает 85-90%). Тем не менее во французском публичном секторе – в госучреждениях, системах народного образования, здравоохранения и на национализированных предприятиях – в энергетике, связи, на транспорте норма синдикализации заметно более высока, чем в частном. К началу XXI в. в выборах членов паритетных административных комиссий участвовали 74,4% из 2 млн госслужащих центральных ведомств,69,5% – территориальных органов и 61,3% – в государственном секторе здравоохранения.

На фоне традиционного для Франции профсоюзного плюрализма голоса́ распределились несколько иначе, чем по стране в целом. Самый крупный национальный профцентр – Всеобщая конфедерация труда (ВКТ), в прошлом тесно связанная с компартией, получила среди госчиновников только 10,9%, близкая к социалистам Французская демократическая конфедерация трудящихся (ФДКТ) – тоже 10%, отколовшаяся от ВКТ «Форс увриер» – 9,6%, тогда как автономные профсоюзы учителей и других категорий служащих – в общей сложности 24,7%[9]. Таким образом, госслужащие ощущают себя особой категорией, чьи интересы не всегда совпадают с интересами остальных рабочих и служащих частного сектора, не имеющего предоставленных чиновникам дополнительных социальных гарантий.

Дело ещё и в том, что госслужащие, в отличие от них, могут бастовать, не опасаясь угрозы потери работы. Поэтому в их требованиях основное место занимают не сохранение рабочих мест, а повышение зарплаты. Более того, сам характер деятельности госсектора таков, что прекращение им работы парализует экономику страны в целом, оказываясь более эффективным и менее рискованным для участников: как правило, они даже продолжают получать зарплату за дни забастовки.

Естественно, что правительство оказывается более уязвимым для давления профсоюзов госслужащих, чем предприниматели (патронат). Стремясь не доводить дела до прямой пробы сил, пра-

[9] Documents d'études № 2.01, édition 2002. La Documentation française, Paris, 2002. P. 33.

вящие круги в лице министра по делам госслужбы и административной реформы предпочитают упреждать стачки регулярным повышением зарплаты чиновникам (с учётом роста цен) в итоге переговоров. В частном секторе такое автоматическое индексирование распространяется только на минимальную зарплату.

В целом, функционирование госаппарата во Франции представляет для современной России двоякий интерес. С одной стороны, оно является примером рациональной административной системы в стране, где исторически сильны традиции централизованной вертикально-иерархической администрации, играющей значительную роль в социально-экономической жизни. Вместе с тем сами эти традиции явно расходятся с объективными требованиями дебюрократизации, перехода к более гибкому сетевому правлению, диктуемыми логикой необходимой научно-технической модернизации в условиях открытия экономики и общества на глобализированный внешний мир.

ГЛАВА 5. КОРРУПЦИЯ И БОРЬБА С НЕЙ*

Подкуп должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей – явление универсальное, присущее в той или иной мере всем странам, но её масштабы, конкретные проявления и способы борьбы с этим социальным злом варьируются в весьма широком диапазоне.

Франция не представляет собой в этом плане исключение, занимая с 6,3 балла 25-е место от конца среди 102 стран, где проводились опросы по международному десятибалльному индексу восприятия коррупции представителями деловых кругов. Тем не менее отношения между чиновничеством и гражданами имеют у неё определённую национальную специфику, которая во многом определяет и антикоррупционные меры как в рамках законодательства, так и практики его применения.

* Франция: коррупция и борьба с ней. Современная Европа, № 2(42), апрель-июнь 2010 г. С. 76-88.

Учитывая тот факт, что коррупция имеет наибольший размах в развивающихся странах или странах с переходной экономикой, может создаться впечатление, что этот фено́мен связан прежде всего с бедностью. Если, однако, сравнивать государства с сопоставимым уровнем, экономического развития, в частности, членов Евросоюза, то во Франции коррупция чиновничества и политиков заметно менее распространена, чем в соседних Италии или Испании, но явно больше, чем в Финляндии, Швеции или Германии. Таким образом, один лишь объём ВВП на душу населения сам по себе явно недостаточен для того, чтобы выявить бо́льшую или мень шую уязвимость общества к коррупции.

Важен и характер политического режима: говорят, что коррупция является «болезнью для демократии, но здоровьем для авторитаризма». В самом деле, эффективными препятствиями для неё служат разделение и равновесие властей, независимость правосудия, гласность и прозрачность принятия решений государственными органами, гарантии гражданских свобод, особенно слова и СМИ, наконец, рыночная конкуренция в экономике и соревнование политических партий на выборах, возможностью ротацию их у власти.

Эти основополагающие принципы демократии, впервые сформулированные именно во Франции великими просветителями XVIII в. – Руссо, Дидро, Монтескьё, отражены в действующей Конституции 1958 г. и применяются в жизни. Однако вряд ли можно считать государственный строй, например, скандинавских стран, где эти принципы не связаны с наследием Просвещения, намного менее демократичным, нежели во Франции.

Дело, следовательно, не только в экономическом развитии и политической демократии, но и в других факторах – исторических традициях, коллективной психологии и правовой культуре, наконец, структурных параметрах административной системы Франции, из которых вытекает специфика отношений представителей власти с гражданским обществом, – традиций, прочно сложившихся на протяжении жизни многих поколений.

Корни присущих Франции специфических форм коррупции уходят в далёкое прошлое, они связаны с особенностями формирования её государственности.

Во времена становления абсолютной монархии королевская власть утверждала свой авторитет перед лицом земельной аристократии и городской буржуазии при опоре на разветвлённый, строго централизованный и единообразный бюрократический аппарат. Его стержнем служили полномочные представители короны в провинциях – байи, предшественники учреждённого после революции Наполеоном корпуса префектов, который остаётся костяком государственной структуры вплоть до наших дней. При сборе налогов и отправлении правосудия байи помогали интенданты финансов и королевские суды – парламенты.

Между тем отбор кандидатов на ответственные должности вплоть до Великой революции 1789 г. происходил путём вполне официальной продажи многих чиновничьих постов частным лицам за деньги (la vénalité des offices), смягчавшей монополию привилегированных по рождению сословий – дворянства и духовенства, освобождённых от налогов, на доступ в верхние эшелоны власти. Пополняя королевскую казну, такой порядок не мог не вести к злоупотреблениям. Купившие государственные должности представители «третьего сословия» – городские буржуа, нередко возведённые королём в «дворянство мантии» (в отличие от наследственного «дворянства шпаги»), рассматривали их как частную собственность, нередко передававшуюся по наследству, и соответственно как источник дохода. Это относилось даже к членам судебных учреждений, принимавших от истцов и ответчиков материальное вознаграждение за свои услуги (т.н. «приправу) – les épices.

В XVII–XVIII вв. была широко распространена также система откупов – приобретения частными лицами за единовременный взнос в казну права распоряжаться теми или иными источниками доходов государства (сбор налогов, таможенных, дорожных, портовых сборов и т.д.). Естественно, что сумма откупа всегда была меньше, чем фактический доход откупщика. Именно из семей «генеральных откупщиков» берут начало многие буржуазные династии, особенно в финансовой сфере.

Система откупов получила продолжение и развитие в практике кредитования королевской казны, вечно нуждавшейся в деньгах на разорительные войны и содержание пышного двора, круп-

нейшими банкирами, размещавшими среди мелких вкладчиков государственные облигации (ренту), причём получали доход в виде процентов с обеих сторон. Естественно, что кредиторы нуждались при предоставлении займов и определении их выгодных условий в поддержке влиятельных придворных сановников и чиновников вплоть до министров, которая предоставлялась отнюдь небескорыстно. Сравнительно ограниченные, но зато гарантированные доходы держателей классической государственной трёхпроцентной ренты – зажиточных крестьян, ремесленников, торговцев, лиц свободных профессий, порождали иждивенческую психологию: вершиной социального выдвижения для их детей была престижная карьера государственного служащего.

Между тем даже после окончательного утверждения во Франции в итоге четырёх революций – 1789, 1830, 1848, 1870 гг. демократической республики доступ кандидатов к такой карьере зависел не только от образования и результатов конкурса, но и от связей их родителей с влиятельными лицами на местах – «нотаблями», занимавшими посты мэров, депутатов, сенаторов. В свою очередь политики нуждались для успеха своих избирательных кампаний в клиентуре, чья преданность оплачивалась материальными услугами, выбитыми для них парламентариями в канцеляриях столичных министерств. Тем самым на стыке чиновничества, политики и бизнеса формировалась своего рода круговая порука – сращивание разных ветвей элит по происхождению и карьере.

Клиентелистские отношения нередко коррупционного характера сохраняются до сих пор, особенно в южных регионах Франции (Прованс – Лазурный берег, Корсика), напоминая нравы итальянского Юга – Сицилии, Калабрии, Неаполя с их мафиозными структурами. Самым памятным прецедентом в этой связи была деятельность сюринтенданта (министра) финансов «короля-солнца» Людовика XIV Кольбера во второй половине XVII в. Начав с приведения в порядок бюджета: сокращения расходов, модернизации налоговой системы, консолидации ренты, решительной борьбы с казнокрадством, Кольбер активно содействовал развитию мануфактур, основанию компаний для заморской торговли, строительству торгового и военного флота. Меркантилистская таможенная политика поощрения экспорта при ограничении им-

порта обеспечивала стране активный торговый баланс.

Хотя плоды многих начинаний Кольбера были впоследствии утрачены, остатки «кольберизма» сохранились у многих представителей французской деловой элиты вплоть до наших дней, побуждая её искать поддержки, в том числе финансовой, у государства. Кольбертистские традиции, нашедшие продолжение в начале XIX в. в идеях великого социалиста-утописта Сен-Симона, отметили экономическую историю Франции и менталитет её элит на протяжении трёх столетий.

Квинтэссенцией стал период после Второй мировой войны, когда в стране сложилась своеобразная модель смешанной экономики – «дирижизм».

Она опиралась на мощный госсектор, включавший основные элементы инфраструктуры – энергетику, транспорт, связь, а также часть банков и обрабатывающей промышленности. Взаимодействуя с частным сектором в рамках гибкой системы индикативного планирования, определявшего приоритеты инвестиционной политики, эта модель содействовала структурной модернизации французской экономики и открытию её на внешний мир благодаря процессам европейской интеграции.

Даже с середины 1970-х гг., когда на фоне резких скачков цен на энергоносители, нового витка научно-технической революции и глобализации мировой экономики неокейнсианская модель исчерпала свой ресурс, уступая место неолиберальной, Франция долго пыталась идти против течения. Приход к власти соцпартии в 1981 г. повлёк за собой новую этатистскую волну – национализацию всех банков и 15 крупнейших промышленных групп. Однако уже двумя годами позже в условиях серьёзных финансовых трудностей президент Ф. Миттеран объявил о «паузе» в дирижистской экономической политике, а спустя несколько лет реванш правых партий привёл к массированной приватизации госсобственности, ставшей с тех пор необратимой.

Очевидно, что тесное переплетение защищённого от конкуренции госсектора, всё ещё сохраняющего немалые позиции в инфраструктурных отраслях на фоне резких колебаний форм собственности, создавало объективные условия для развития неформального взаимодействия чиновничества с частным бизнесом.

Результатом оказывались периодические коррупционные скандалы, в которых были замешаны порой весьма высокие общественные фигуры, которые влекли за собой далеко идущие политические последствия не только для заинтересованных лиц, но и для режима в целом. Уже в XVII в. арест предшественника Кольбера на посту сюринтенданта финансов Фуке и осуждение его на пожизненное заключение за казнокрадство стал отправной точкой в процессе окончательного утверждения власти короля Людовика XIV. Позднее колоссальный резонанс получил скандал со спекулятивной эмиссией необеспеченных бумажных денежных знаков банкиром английского происхождения Джоном Лоу, вызвавший серьёзные уличные волнения разорённых держателей ассигнаций. Столетие спустя громкий скандал в связи с оплатой «ожерелья королевы», запятнавший супругу Людовика XVI Марию-Антуанетту, способствовал дискредитации монархии накануне революции 1789 г.

Финансово-политическими скандалами пестрит история Франции при всех её многочисленных республиканских режимах. Подкупом не брезговал один из вождей революции 1789 г. Дантон, министр иностранных дел Директории и Наполеона Талейран, член Директории Баррас. В конце XIX в. Третью республику потряс грандиозный скандал в связи с банкротством Компании Панамского канала, разорившей сотни тысяч мелких акционеров. Поскольку деятельность компании подлежала контролю государства, её финансовые трудности скрывались путём подкупа четверти членов палаты депутатов. С тех пор само слово «Панама» стало нарицательным, обозначая особо крупную коррупционную аферу не только во Франции. На закате Третьей республики широкий резонанс получили финансовые махинации авантюриста Ставиского, который пользовался щедро оплаченной благосклонностью депутатов и министров, что давало повод для бурных уличных манифестаций 6 февраля 1934 г., едва не переросших в фашистский путч.

Эти далёкие прецеденты представляют интерес отнюдь не только для историков. Коррупционные скандалы продолжают давать пищу падким на сенсации СМИ, приобретая политическое, а порой и международное измерение. Один из наиболее нашумев-

ших связан с продажей в 1992 г. военных судов Тайваню на весьма крупную сумму. Поскольку эта сделка, в которой была заинтересована государственная нефтяная компания «Эльф-Акитэн», грозила вызывать негативную реакцию властей КНР и отразиться на франко-китайских отношениях в целом, требовалась санкция МИД. Она была дана тогдашним министром Р. Дюма, личным другом и адвокатом президента Миттерана. Разразившийся скандал стоил репутации и карьеры не только ему, но и президенту компании, угодившему в тюрьму.

Публичные скандалы являются лишь вершиной айсберга, основная масса которого скрыта под водой. Её питает прочно сложившаяся повседневная практика коррупционных отношений между представителями власти и бизнеса на всех уровнях.

«Более равные, чем другие»

Почва для коррупционных явлений во французской общественной жизни обусловлена противоречивым сочетанием двух базовых ценностей общества – принципа равенства граждан перед законом, провозглашённого в Декларации прав человека и гражданина 1789 г., который фигурирует в Конституции, и стремлением различных социальных категорий, профессий, даже отдельных граждан добиться для себя групповых или индивидуальных привилегий, льгот, исключений из общих правил.

Хотя такие статусные льготы могут иметь довольно ограниченные материальные последствия, их сохранение и расширение служит объектом юридических споров и прямых конфликтов вне правового поля, где арбитром, а зачастую одновре́менно и стороной оказывается государство в лице его учреждений и отдельных чиновников. Генералу де Голлю приписывается ироническая фраза о том, что «француз хочет равенства для других, но привилегии для себя». Например, наряду с общей системой соцобеспечения в стране существуют не менее 600 «особых режимов» соцзащиты (пенсионного, медицинского обслуживания и т.д.)!

У основания социальной пирамиды коррупция носит мелкий, бытовой, но зато наиболее массовый, системный характер. Её причины и формы достаточно банальны – они широко распространены во многих других странах. Рядовые чиновники на местах

– полицейские, налоговые инспекторы, работники пожарного, санитарного контроля, природоохранных органов, социальной сферы подвержены постоянному искушению округлить свою зарплату за счёт подопечных, закрывая глаза на нарушения административных правил, инструкций или законов, регулирующих розничную торговлю, ремесло и т.д. Жертвами такой практики, принимающей порой форму вымогательства, особенно часто оказываются нелегальные иммигранты, не имеющие видов на жительство и работающие «по-чёрному», а также их работодатели или владельцы ночлежек. Это, как правило, выходцы из стран «Третьего мира», селящиеся в пригородных зонах, где наиболее высок уровень безработицы и, соответственно, преступности – незаконного оборота наркотиков, проституции, воровства, хулиганства.

Заинтересованность здесь часто бывает обоюдной. Те же категории чиновников низшего ранга, особенно полицейские, для успешного исполнения своих служебных обязанностей – борьбы с преступностью на локальной или этнической основе нуждаются в сети осведомителей – платных или добровольных. На эту роль лучше всего подходят представители сферы услуг, находящиеся в постоянном контакте с населением – содержатели кафе, табачных лавок, заведений, букмекеры, консьержки, проститутки и их сутенёры, остро заинтересованные в благосклонности представителей власти для сокрытия мелких правонарушений. В результате между ними устанавливаются личные связи, основанные на обмене услугами более или менее коррупционного характера.

Справедливости ради следует отметить, что французской инспекции дорожного движения, которую вне населённых пунктов осуществляет военизированная жандармерия, коррупционные нравы, столь знакомые автомобилистам в России, абсолютно чужды, чему способствует чётко поставленная система страхования от ДТП.

На следующей, более высокой ступени социальной иерархии рассадниками коррупции нередко оказываются выборные органы местного самоуправления, в деятельности которых тесно переплетаются административные, хозяйственные и политические функции. Государственная власть местах до сих пор сосредоточена в руках полномочных представителей МВД, правительства и

государства в целом – префектов, назначенных президентом. Однако требования экономической целесообразности заставляют правящие круги расширить с начала 1980-х гг. полномочия 36 тыс. муниципальных, 96 генеральных (департаментских) и 22 региональных советов метрополии (помимо заморских департаментов и территорий).

В рамках политики децентрализации эти «территориальные коллективы» получили довольно значительные новые полномочия в вопросах, которые непосредственно затрагивают повседневную жизнь граждан – использовании земельных участков, градостроительстве, благоустройстве. От них зависят коммунальная инфраструктура и важная часть социальной сферы – образования, здравоохранения, помощи неимущим. Выборные советы каждого уровня располагают многочисленным наёмным персоналом, составляющим около четверти численности персонала всей гражданской службы.

«Территориальные коллективы» получают из госбюджета субсидии, выделяемые ныне общим «пакетом» без детализации по отдельным статьям расходов. Кроме того, каждый совет располагает собственными источниками доходов за счёт местных налогов и сборов (на землю, жильё, личный автотранспорт и пр.). Если мэры сельских коммун с сотней жителей едва сводят концы с концами, то мэрии крупных региональных агломераций – Марселя, Лиона, Бордо, Страсбурга, не говоря уже о Париже, распоряжаются весьма внушительными суммами.

За счёт местных бюджетов финансируются как текущие коммунальные расходы, так и комплексные планы социально-экономического развития коммун, департаментов, регионов. Наряду с местными советами в реализации эти планов участвуют государство и частный сектор в лице торгово-промышленных палат или отдельных крупных фирм. Однако тесное и далеко не всегда прозрачное переплетение интересов публичного и частного секторов потенциально чревато злоупотреблениями коррупционного характера.

Речь идёт о распределении муниципальных земельных участков под застройку, заказов на строительство жилых домов с умеренной квартплатой, объектов коммунальной инфраструктуры –

водопровода, канализации, улучшения дорог, городского транспорта и т.д. В принципе торги по этим заказам обязательно проводятся на конкурсной основе, детально регулируемой соответствующим законодательством. На деле, однако, его нередко обходят в пользу «дружественных» подрядчиков, которые поддерживают тесные связи с представителями местных властей на основе взаимных материальных услуг – как личного, так и политического характера.

Коль скоро на муниципальных, кантональных (в генсоветы), региональных выборах борьба идёт между представителями соперничающих политических партий, их кандидаты, одержавшие победу и ставшие мэрами, членами и председателями советов, оказывают своим партиям многочисленные услуги материального свойства. Если в ходе предвыборных кампаний речь идёт о льготах при финансировании массовых мероприятий в нарушение существующих правовых норм, то после них победители расплачиваются за общественный счёт. Самый распространённый из них – зачисление партийных функционеров на фиктивные, но оплачиваемые должности в мэриях, муниципальных службах и т.д.

Несмотря на законодательную регламентацию порядка распределения заказов на оснащение коммунальной инфраструктуры, его не раз обходили путём создания подставных фирм, занимавшихся, якобы, планированием и технико-экономическим обоснованием соответствующих проектов для будущих подрядчиков. На деле никакой реальной работой они не занимались, а полученная от мэрий оплата за неё под тем или иным предлогом перечислялась в партийные кассы. Вплоть до середины 1990-х гг. эти «финансовые насосы» использовали все партии – как левые, так и правые. Той же цели служили благотворительные, исследовательские, культурные фонды, получающие взносы как от органов местного самоуправления, так и близких к ним фирм или частных лиц.

Одной из особенностей французской политической системы является личная уния политического персонала в центре и на местах. Депутаты, сенаторы, министры начинают обычно свою карьеру с избрания муниципальным, генеральным советником, мэром, а после избрания в парламент сохраняют эти посты с тем, чтобы

обеспечить себе в своём округе гарантированное переизбрание. А коль скоро это требует оказания услуг местным «нотаблям», результатом нередко оказывается коррупционный конфликт интересов.

Да и выборные руководители этих органов, чьё официальное вознаграждение является довольно скромным, не забывают себя и своих близких. Наибольший резонанс в этом плане получили обвинения в адрес Ж. Ширака, занимавшего (до избрания президентом) пост мэра Парижа на протяжении 18 лет, и премьер-министра А. Жюппе, являвшегося заместителем мэра по финансам и заодно казначеем неоголлистской партии «Объединение в поддержку Республики» (ОПР).

Главу государства обвиняли не только в практике предоставления фиктивных муниципальных должностей активистам его партии, но и в использовании средств мэрии для личных целей – оплате наличными путешествий с семьёй, превышении сметы расходов на питание, прислугу и т.д. Жюппе, чьё дело усугубилось получением им на льготных условиях квартиры из муниципального фонда мэрии Парижа, был приговорён к временному поражению в правах, которое не помешало ему по истечении срока успешно стать мэром Бордо.

Проблемы с правосудием имели в 1980–1990-х гг. преемник Ширака в мэрии Парижа Тибери, жена которого получила круглую сумму за формально заказанный ей аналитический доклад, не представлявший никакого интереса, его заместитель Руссэн, обвинённый в получении комиссионных от строительных фирм, бывший министр внутренних дел Паскуа, казначей соцпартии Эмманюэли и многие другие. Мэр Гренобля даже попал в тюрьму за незаконное финансирование мэрией его пропагандистских изданий в ходе кампании перед муниципальными выборами.

«Кадры решают всё»

На общегосударственном уровне органическое переплетение администрации, бизнеса и политики, создающее почву для коррупционных явлений, во многом связано со спецификой формирования французской элиты для этих трёх сфер. Их представители являются, как правило, выходцами из одних и тех же привиле-

гированных т.н. «больших школ» – инженерных (Политехнической, Центральной, Горной, Мостодорожной) или гуманитарных (Высшей нормальной, Парижского института политических наук), а после них – Национальной школы администрации (ЭНА), своего рода кузнице кадров высшей бюрократии. Для поступления в одну из «больших школ» требуется как минимум двухгодичная подготовка, без которой выдержать весьма суровый конкурсный экзамен практически невозможно. Очевидно, что это могут позволить себе лишь обеспеченные семьи.

Общность социального происхождения выпускников «больших школ» подкрепляется корпоративной солидарностью обладателей их дипломов, сохраняющих личные связи (нередко в форме членства в элитных клубах) на всю жизнь. Карьера для многих из них, прежде всего выпускников парижского Института политических наук и военно-инженерной Политехнической школы начинается, как правило, в госучреждении – министерстве, ведомстве, префектуре, национализированном предприятии. Окончание после этого ЭНА (где тоже имеет место жёсткий конкурс) открывает перед молодыми чиновниками путь в верхние эшелоны госслужбы, т.н. «большие государственные корпуса» – Государственный совет, Счётную палату, Генеральную инспекцию финансов, корпус префектов, МИД.

Ознакомившись там со всеми тонкостями процесса принятия административных решений, молодые чиновники – «энархи» (прозвище выпускников ЭНА) зачастую откомандировываются в кабинеты (секретариаты) членов правительства, премьер-министра или главы государства в качестве референтов, экспертов, советников. Там они могут либо начать с помощью своего влиятельного «патрона» самостоятельную политическую карьеру, выдвинув свою кандидатуру на выборах от его партии, либо перейти в бизнес в качестве топ-менеджеров крупных частных компаний и банков. Причём такой переход, фамильярно именуемый «надеванием домашних туфель» («пантуфляж»), не сопряжён с каким-либо риском, так как за чиновником сохраняется право вплоть до пенсии в любой момент вернуться в его прежнее госучреждение без потери стажа и социальных льгот.

Для бизнеса ценность «энархов» – бывших сотрудников

«больших государственных корпусов» определяется не только их высокой профессиональной компетентностью в правовых, экономических, инженерно-технических (для окончивших Политехническую школу) вопросах, доскональном знании ими изнутри ключевых звеньев госаппарата, но прежде всего личными связями, которые они сами именуют «блокнотом адресов». Кастовая сплочённость выпускников «больших школ», особенно однокурсников, облегчает неформальные контакты между ними и практику оказания взаимных услуг, скрепляемых зачастую косвенной или прямой коррупцией.

Она принимает форму оплаты заграничных путешествий под предлогом «исследовательских миссий», заказа аналитических записок с запредельно высоким гонораром, предоставления льготных кредитов и условий при сделках с недвижимостью, уступки непосредственно через родственников или подставных лиц пакетов акций, наконец, предоставления инсайдерской информации о планах государства, открывающей возможности для выгодных биржевых операций.

На этой почве в начале 1990-х гг. разразился громкий скандал, в котором оказалось замешанным окружение премьер-министра Береговуа. Его советник по вопросам промышленности Бублиль заранее предоставил сведения о предстоящем приобретении государством одной из американских фирм личному другу президента Пела, дав ему возможность успешно сыграть на бирже. Пела не остался в долгу, предоставив премьеру беспроцентный, а фактически безвозвратный кредит на покупку квартиры. Этот скандал способствовал поражению социалистов на парламентских выборах и толкнул бывшего премьера на самоубийство.

Противостояние коррупции

Уязвимость французского государства перед лицом коррупционной опасности побудила правящие круги под давлением общественного мнения принять целый комплекс мер по борьбе с ней как законодательных, так и институциональных.

Изначально борьбой не столько с коррупцией как таковой, т.е. мздоимством чиновников, сколько, прежде всего, расточительством и казнокрадством всегда занимались уже упоминавшиеся

«большие государственные корпуса» – Госсовет, Счётная палата и Генеральная инспекция финансов.

Госсовет консультирует правительство на предмет соответствия законодательству всех подзаконных актов (приказов, инструкций, регламентов и т.д.) всех министерств и ведомств, а также служит высшей инстанцией системы административной юстиции, разбирающей споры между гражданами и чиновниками.

Счётная палата проводит выборочное изучение бухгалтерской отчётности госучреждений, а также использующих бюджетные средства государственных и смешанных компаний, передавая свои доклады правительству и публикуя их для сведения общественности. В 1995 г. Национальным собранием (нижней палатой парламента) принят «закон Сегена», предоставивший Счётной палате также право контроля за назначением чиновников вне зависимости от их ведомственной принадлежности.

Наконец, Генеральная инспекция финансов, входящая в систему Минфина, осуществляет текущую ревизию расходования бюджетных средств, направляя бригады ревизоров в центральные учреждения и на места, где их работа опирается на помощь департаментских казначеев.

В связи с расширением масштабов и усложнением форм экономической преступности в МВД создано Главное управление финансовой полиции, имеющее соответствующие службы во всех департаментах (les brigades financières). В случае выявления правонарушений, подпадающих под уголовное законодательство, в том числе связанных с взяточничеством, разглашением служебной тайны в корыстных целях и т.п. соответствующие досье передаются для расследования в прокуратуру, входящую во Франции в структуру Минюста и имеющую особую службу, специализирующуюся на коррупционных делах.

С начала 1990-х гг. ряд скандалов, связанных с коррупцией, побудил соцпартию, находившуюся тогда у власти, создать комиссию во главе с Бошери для изучения данной проблемы. В своём докладе она предложила создать на уровне правительства специальный межведомственный орган по борьбе с коррупцией, которому предоставлялись бы весьма широкие полномочия (сбор информации, проведение расследований, формирование по их

итогам единой базы данных, координация деятельности соответствующих структур других госучреждений, проведение правового и финансового аудита в случае получения информации о коррупции в правоохранительных органа, включая суды).

Однако в ходе парламентских дебатов правая оппозиция подвергла законопроект резкой критике. Обвинив его авторов в нарушении гарантированных конституцией гражданских свобод, они передали дело в Конституционный совет, который заметно выхолостил первоначальный текст, сочтя статьи, наделяющие будущий антикоррупционный орган следственными функциями, нарушающими прерогативы судебной власти и тем самым противоречащими Основному закону. В итоге полномочия этого органа, включённого в структуру Минюста (Центральная служба по предотвращению коррупции), ограничили сбором информации.

Кроме того, с 1991 г. в системе Министерства экономики и финансов существует отдел по борьбе с отмыванием денег, полученных незаконным путём, а также по проверке соблюдения правил подписания госзаказов с частными фирмами для проведения общественных работ («Тракфин»). Центральный банк Франции обязан информировать его обо всех финансовых операциях и переводах, в частности международных, на сумму свыше 20 тыс. евро. Копии этой информации направляются в налоговые органы. С 1993 г. этот отдел получил статус межведомственной комиссии.

Что могут и чего не могут законы

Если попытки создания во Франции единой межведомственной антикоррупционной структуры с широкими полномочиями не увенчались успехом, то законодательная база для борьбы с коррупцией в рамках существующих институтов постоянно расширяется. Двумя основными её задачами являются, с одной стороны, профилактика и пресечение должностных преступлений чиновников, совершённых в корыстных целях, а с другой – чёткая регламентация порядка финансирования политических партий и их избирательных кампаний.

В силу действующей Конституции 1958 г. члены правительства не имеют права совмещать свою должность с парламентским мандатом и любой профессиональной деятельностью как в госу-

дарственном, так и в частном секторах. После отставки министр не может в течение шести месяцев занимать там руководящие посты (кроме тех, где он уже работал до назначения в правительство).

В Уголовный кодекс включена статья, запрещающая чиновникам в течение пяти лет после отставки переходить на службу в частную компанию, которую они контролировали во время пребывания на госслужбе. Нарушение карается лишением свободы на срок до двух лет и крупным денежным штрафом.

В 1946 и 1992 гг. аналогичное положение было введено в обе редакции Статута гражданской службы, прибавлявшее к уголовной ответственности административную (лишение всех привилегий, включая выслугу лет, ведомственные пенсии и т.д.). В морально-этический кодекс («деонтологию») госслужбы введено понятие косвенного «покровительства» в любой форме, имеющее целью предотвратить «соединение частных финансовых интересов с исполнением должностных функций госслужащего».

Тем не менее эти санкции практически не отразились на практике перехода чиновников в частный сектор. Структура современных финансово-промышленных групп является настолько разветвлённой, что найти для нужного чиновника пост в «родственной» компании или договориться с партнёрами об обмене кандидатами на должности топ-менеджеров не составляет большого труда. К тому же от госслужащих в отличие от выборных политиков не требуется отчёта о личных доходах и имуществе до поступления на службу и после ухода с неё, помимо общей для всех граждан налоговой декларации. Достаточно лишь дополнительного заявления «под честное слово» об имущественном состоянии в случае выдвижения кандидатом на выборах (оно разрешено чиновникам без предварительного сложения их служебных обязанностей с зачислением в резерв – которое имеет место лишь после избрания (это не касается мандатов в местных органах самоуправления).

Если коррупционные тенденции на грани соприкосновения между государством и частным сектором пресечь полностью не удаётся ввиду теснейшего переплетения их деятельности, то законодательные меры по ограничению таких тенденций в сфере политической жизни, принятые с начала 1990-х гг., принесли более

ощутимые результаты.

Поставленная перед законодателями задача состояла в том, чтобы покончить с укоренившейся практикой негласного финансирования политических партий вне их официальных бюджетов, формируемых за счёт членских взносов, массовых мероприятий, издательской деятельности и т.п. На протяжении десятилетий основными источниками средств для содержания кадровых партийных аппаратов, пропаганды через СМИ, а главное – проведения весьма затратных предвыборных кампаний служили «чёрные кассы» предпринимательских синдикатов, профсоюзов и других массовых неполитических организаций, деятельность подконтрольных партиям коммерческих структур, в частности, через органы местного самоуправления в обмен на услуги по линии бюджета, законодательства, распределения госзаказов и т.д.

Серия коррупционных скандалов, которые компрометировали не только конкретных лиц, но и политическую систему в целом, поставили правящие круги перед выбором. Одно возможное решение состояло в том, чтобы пойти по пути США, узаконив т.н. «фандрайзинг» – открытый сбор партиями и их кандидатами на выборах средств среди частных лиц (физических и юридических) и законодательно регламентировать лоббистскую деятельность. Однако французские традиции и ментальность воспринимали такие методы как аморальные. Поэтому Франция пошла по типичному для неё пути подчинения финансирования партии контролю государства.

В силу принятых в 1988 и 1990 гг. законов установлены предельные лимиты («потолки») расходов каждого кандидата на выборах всех уровней – муниципальных, кантональных, региональных, парламентских, в Европарламент, наконец, президентских. Согласно закону от 19 января 1995 г. и решению Конституционного совета, превышение этих лимитов влечёт за собой аннулирование результатов выборов, а нарушители лишаются права получения кандидатами компенсаций расходов из госбюджета.

Расходы на ведение официальных предвыборных кампаний частично принимает на себя государство. Речь идёт о печатании и рассылке бюллетеней, оплате заказов на урны для голосования, кабины, помещения участков, содержание избирательных комис-

сий, оплату равного эфирного времени для каждого кандидата или его партии на государственных телеканалах (на общенациональном уровне – двух из шести, не считая кабельных и спутниковых). Все эти расходы кандидаты оплачивают в кредит, получая после выборов компенсацию, но только в случае, если за них подано не менее 5% голосов.

Превышение лимитов за счёт собственных средств допускается до определённых пределов. Субсидии государства достигают обычно половины расходов на кампании перед всеми выборами, кроме президентских, где они составляют четверть. Размеры субсидий партиям зависят от числа полученных их кандидатами голосов, что даёт преимущество крупным партиям перед мелкими. Таким образом, каждый депутат или сенатор обходится бюджету в определённую сумму, помимо их общего парламентского вознаграждения на протяжении срока их полномочий, часть которого они передают в партийные кассы.

Антикоррупционные» законы от 11 марта 1988 г., 25 января 1990 г., 25 июня 1992 г. и 29 января 1993 г. обязывают кандидатов представлять за два месяца до выборов в местную префектуру, где находится их округ, счета доходов и расходов своей будущей кампании на заключение бухгалтерского аудита. Пожертвования физических лиц жёстко ограничены, причём любой дар, превышающий 150 евро, должен вноситься не наличными, а банковским чеком. Пожертвования юридических лиц, кроме самих партий, запрещены вообще. Соблюдение всех этих правил контролируется национальной комиссией.

Этот внушительный комплекс законов безусловно способствовал «морализации» французской общественной, прежде всего политической, жизни, но до полного искоренения коррупции ей ещё очень далеко. Личная уния трёх элит – деловой, политической и административной и мостиков для перехода из одной в другую – всё ещё сохраняется на всех уровнях: социального происхождения, образования, системы ценностей. Именно она служит основной питательной средой для коррупции, выходящей за рамки бытовой.

Её реальными ограничителями служат не столько институциональные барьеры или законодательные санкции, сколько объек-

тивные тенденции. Среди них фигурируют увеличение роли сетевого управления по сравнению с иерархической «вертикалью власти», свёртывание присутствия государства в реальной экономике, дерегламентация сферы услуг, наконец, существенное изменение требований, предъявляемых современному топ-менеджменту в глобализированной системе производства и обмена. В результате симбиоз политиков, бизнесменов и чиновников, присущий Франции на протяжении всей её долгой истории, постепенно уступает место сосредоточению каждой из трёх элит на своём прямом призвании, что отражается на системе их формирования, реструктурирования и, соответственно, характере взаимосвязей.

Немаловажным фактором, способствующим успеху антикоррупционных мер на национальном уровне, является также активное участие Франции в международных структурах соответствующего профиля. Она входит, в частности, в Группу по борьбе с отмыванием денег при ОЭСР, созданную в 1988 г., и её европейскую группу, образованную 16 лет спустя.

Важное значение страна придаёт и сотрудничеству в данной сфере с Россией, которое развивается с 2001 г. на основе Протокола о сотрудничестве между Академией управления МВД РФ и Институтом высших исследований по внутренней безопасности МВД Франции. В рамках дополнения № 1 к этому протоколу проводилась совместная исследовательская программа на тему: «Сравнительный анализ опыта борьбы с экономической преступностью в России и Франции»[10]. О большой значимости сотрудничества для обеих стран в области антикоррупционных мер говорит и такой факт: подписав одними из первых среди 140 государств Конвенцию ООН по борьбе с коррупцией от 9 декабря 2003 г., Франция и Россия – единственные из членов «восьмёрки», которые ратифицировали её.

[10] См.: И.В. Бочарников. Зарубежный опыт противодействия коррупции. Аналитический вестник СФ ФС РФ, № 6(351), 2008 г.

ЧАСТЬ II.

ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА

ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ*

Экономические кризисы происходят не только вследствие определённых конкретных причин (нынешний кризис, т.н. Великая рецессия 2007–2009 гг., берёт начало в крахе системы ипотечного кредитования в США), но носят и циклический характер, имманентно присущий рыночному хозяйству вообще и капиталистическому способу производства в частности.

Цикличность свойственна не только экономике, но и политике, где периоды сравнительно упорядоченного, плавного развития время от времени прерываются войнами и революциями, существенно меняющими режимы государств и характер отношений между ними. Причём экономические и политические кризисы, как правило, тесно переплетены: например, Великая депрессия 1929–1933 гг. способствовала приходу Гитлера к власти в Германии и послужила одной из важнейших предпосылок Второй мировой войны.

Такая взаимосвязь особенно заметна во Франции, где очередное обострение социально-экономических проблем или военные поражения не раз приводили к смене государственного строя, которая происходила чаще не мирным путём прагматического компромисса элит, а в результате жёсткой конфронтации общественных сил, в том числе на баррикадах.

За немногим более двух столетий после Великой французской революции 1789 г. в стране сменились 14 конституций и основанных на них режимов (абсолютная и конституционная монархии, две империи, пять республик – три парламентские, президентская и нынешняя полупрезидентская).

* «Европа после кризиса», под ред. А.А. Громыко. ДИЕ РАН № 240. М., изд-во «Русский сувенир», 2009 г. С. 112-117.

Склонность французов к политизации экономических конфликтов, сближавшая экономические циклы с политическими, объяснялась не только их повышенной пассионарностью, сколько сочетанием глубокого социального консерватизма правящих элит Франции с крайне централизованной структурой бюрократического госаппарата, восходящей к временам абсолютной монархии, якобинской диктатуры и наполеоновской империи.

Хотя полоса французских революций, начиная с Великой (1789 г.), относится к концу XVIII–XIX столетиям, в XX в. страна прошла через немалые политические потрясения: попытку фашистского путча 6 февраля 1934 г., Народный фронт 1936–1938 гг., когда за победой левых партий на выборах последовала всеобщая забастовка с занятием рабочими предприятий, крушение Третьей республики в результате разгрома 1940 г. и гитлеровской оккупации, сопровождавшееся гражданской войной между марионеточным режимом Виши и движением Сопротивления.

После Второй мировой войны общественная жизнь Франции была отмечена мощными забастовочными волнами 1947–1948 гг., крахом десятилетие спустя парламентской Четвёртой республики, не сумевшей решить проблему деколонизации и рухнувшей под ударами дислоцированной в Алжире армии.

С приходом к власти в 1958 г. генерала де Голля могло показаться, что полоса чередования политических циклов во Франции завершена: Конституция Пятой республики сосредоточила основную власть в руках избранного всеобщим голосованием президента, урезав, но всё же сохранив полномочия парламента и ответственного перед ним правительства.

Покончив с войной в Алжире, де Голль модернизировал армию, сокращённую вдвое и оснащённую ядерным оружием, обеспечил независимость от США в рамках Североатлантического союза, поднял престиж Франции на международной арене за счёт гибкого лавирования между Западом и Востоком, Севером и Югом.

Тем не менее всего десятилетие спустя – в мае 1968 г. страну потряс беспрецедентный социально-политический кризис, инициатором которого стала учащаяся молодёжь. Де Голлю удалось восстановить контроль над положением в стране, хотя менее го-

да спустя «самому знаменитому из французов» пришлось подать в отставку. Его преемники на посту главы государства смягчили чрезмерную жёсткость голлистской вертикали власти, проведя значительную децентрализацию административных структур в пользу местных выборных органов.

Периодическая смена конституций и режимов уступила место упорядоченной ротации партий между большинством и оппозицией с учётом результатов выборов на всех уровнях, включая высший: в 1974 г. голлиста Жоржа Помпиду сменил в Елисейском дворце либерал Жискар д'Эстен, в 1981 г. на его место пришёл социалист Франсуа Миттеран, в 1995 г. президентом был избран неоголлист Жак Ширак, в 2007 г. – лидер блока неоголлистов с либералами Николя Саркози. Когда результаты президентских и парламентских выборов не совпадали (в 1966–1968, 1993–1995, 1997–2002 гг.), то глава государства и премьер-министр, опиравшийся на иное политическое большинство в Национальном собрании, волей-неволей практиковали относительно лояльное «сожительство» между собой.

Нормализации политических циклов, безусловно, способствовала и эволюция партийной системы. Издавна свойственная Франции многопартийность (до сих пор число официально зарегистрированных партий достигает 88) постепенно уступает место если не двухпартийной, то биполярной системе, свойственной большинству западных стран. У власти и в оппозиции сменяются две системообразующие умеренные группировки право- и левоцентристского толка («Союз за народное движение» Саркози и Социалистическая партия).

Этому решающим образом содействовал упадок влияния экстремистских партий на крайне левом и крайне правом флангах политического спектра: с 1981 г. коммунистов, а с 2002 г. – Национального фронта. Их осколки – троцкисты, «зелёные» слева, ультранационалисты справа не имеют никаких шансов на приход к власти, а центристская партия «Современная демократия» (МОДЕМ) может играть лишь роль младшего партнёра двух основных партий.

Тем не менее считать, что французская политическая система окончательно устоялась, было бы преждевременно. За последние

полтора десятилетия страна уже трижды пережила острые социальные кризисы общегосударственного масштаба – в 1995 г., когда французская экономика и общественная жизнь были парализованы всеобщей стачкой на транспорте, в 2005 г. из-за бунтов младшего поколения иммигрантов арабского происхождения, сосредоточенных в пригородах крупных промышленных центров, а год спустя – из-за массовых забастовок и демонстраций учащейся молодёжи, протестовавшей против реформы трудового законодательства («контракт первого найма»).

Характерно, что с развёртыванием нынешнего мирового финансово-экономического кризиса среди промышленно развитых стран именно во Франции движение протеста против роста безработицы, углубления имущественных контрастов и угрозы свёртывания системы соцобеспечения приобрело наиболее широкий размах и острые формы (вплоть до всеобщих стачек, массовых демонстраций и даже блокирования предпринимателей и менеджеров в их офисах).

Можно ли предполагать, что эти эксцессы выльются, как не раз бывало прежде, в полномасштабный политический кризис, угрожающий не только дестабилизировать Францию, но и переброситься на другие страны Евросоюза, как уже произошло в Греции?

Окончательного ответа на этот вопрос пока нет. Многое зависит от глубины и продолжительности кризиса в мировой экономике, включая французскую, а также от эффективности антикризисной программы Саркози, совершившего крутой поворот от восхваления англосаксонской неолиберальной модели к резкой критике паразитического «финансового капитализма» и возврату к похороненным, казалось, дирижистским традициям, издавна свойственным Франции.

На сегодняшний день неизбежное в условиях кризиса падение рейтинга президента (55% недовольных против 30% два года назад) не выглядит катастрофично. Оно вполне сравнимо с непопулярностью его предшественников – Миттерана и Ширака в середине их первого президентского мандата. Оппозиционная Соцпартия переживает глубокий идейный кризис и не способна стать серьёзным конкурентом правой «партии власти», мелкие лево- и правоэкстремистские группировки распылены. Профдвижение

переживает затяжной системный упадок (в профсоюзах, расколотых на 4-5 соперничающих центров, состоит не более 9% самодеятельного населения страны).

Результаты последних выборов в Европарламент (7 июня 2009 г.), на которых правящая партия добилась, несмотря на серьёзное недовольство избирателей, более убедительного успеха, чем левая оппозиция, позволяют предположить, что кризис и безработица в экономике вряд ли на этот раз выльются в политические потрясения национального масштаба. Однако бурная история Франции не позволяет считать такой сценарий полностью гарантированным.

Независимо от формы перехода Франции от одного политического цикла к другому сам факт неизбежности такого перехода в итоге мирового экономического кризиса не вызывает сомнений. Речь идёт не о смене нынешней правоцентристской «партии власти» – СНД и шансах на переизбрание её лидера – президента Саркози в 2012 г. на второй пятилетий срок, а о его конкретном политическом курсе с учётом уроков мирового кризиса.

На протяжении полувековой истории Пятой республики правые партии находились у власти вдвое дольше, чем левые – 39 лет против 19 (из них 9 – в форме «сожительства»). Однако эти периоды включали разные политические циклы как у правых, так и у левых: период завершения алжирской войны у де Голля и, после её окончания, президентства Жискар д'Эстена и Ширака у одних, первый, второй мандаты Миттерана и премьерство Жоспена – у других. Причём дело было не столько в личностях президентов, сколько в характере стоявших перед страной проблем: например, де Голль проводил порой реформы, соответствующие программе социалистов, а Миттеран – правых. Не исключено, что так будет и с Саркози: различие между его действиями до кризиса и после его развёртывания бросается в глаза.

Это касается не только внутренней, но и внешней политики. Например, цикл президентства де Голля до окончания алжирской войны был отмечен конфронтацией с СССР, а после её окончания – диалогом с Москвой. То же относится к двум президентствам Миттерана до и после конца холодной войны, и Ширака – до и после распада Югославии и начала второй войны США против Ирака в 2003 г.

ГЛАВА 2. ФРАНЦУЗСКИЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЭПОХИ ПЕРЕМЕН*

Богатый политический лексикон Франции пополнился недавно новым термином – «деклинизм» (от фр. declin – упадок, закат). Это понятие якобы характеризует в последние годы внутреннее развитие и международную роль Парижа в стремительно меняющемся мире. Термин вошёл в оборот благодаря острому памфлету Никола Бавереза – экономиста и историка по образованию, но адвоката и публициста по профессии. Опубликованный осенью 2003 г. под броским названием «Падающая Франция», памфлет вызвал горячую дискуссию: всего за несколько месяцев появилось несколько книг и более сотни статей, авторы которых либо разделяют взгляды Бавереза, либо решительно спорят с ним.

Полемика вокруг «деклинизма» не замедлила перешагнуть границы Франции. Книгу подняли на щит представители неоконсервативного крыла республиканской администрации США и их британские союзники. Они увидели в ней подкрепление своего тезиса об упадке так называемой «старой Европы», прежде всего Франции и Германии – основных оппонентов политики Вашингтона и Лондона в иракском вопросе.

Подобные споры отнюдь не новы. В Великобритании, например, несмотря на прогресс европейской интеграции, модель общества, сложившаяся по другую сторону Ла-Манша, подвергается критике вот уже два столетия подряд – от страстных обличений Эдмундом Бёрком Великой французской революции (1789–1794) до целой серии появившихся за последнюю пару лет книг, посвящённых сегодняшней Франции.

Французы законно считают свою страну колыбелью идей прав человека, сформулированных ещё великими французскими философами Просвещения. Что же касается экономического развития страны, то Франция вплоть до XX в. мало нуждалась во внешнем

* Рецензия на: Nicolas Baverez. La France qui tombe. Paris: Perrin, 2003. 135 p. (Никола Баверез. Падающая Франция). «Россия в глобальной политике», том 2, № 3, май-июнь 2004 г. С. 192-197.

мире и потому не форсировала обмены с ним. Протекционизм тормозил её хозяйственное развитие, Франция по экономическим показателям отставала от Германии, а потом и от Японии.

Контраст между идеологическим универсализмом, временами сплавленным с притязаниями на политическое лидерство в Европе, и сравнительной ограниченностью материального потенциала страны (её военная безопасность после франко-прусской войны 1870–1871 гг. зависела от внешних союзов) придавал имиджу Франции известную противоречивость.

Бывший министр, член Французской академии Жан-Франсуа Деньо иронически заметил как-то, что Франция может оставаться верной самой себе лишь в той мере, в какой стремится выглядеть больше, чем она есть на самом деле. Вместе с тем после глубоких болезненных травм – поражения в войне с Германией в 1940-м, утраты мировой империи в результате неудачных колониальных войн в Индокитае и Алжире – критика собственных недостатков доходила во Франции до деморализующего самоуничижения, потери веры в себя. Очередным примером такой фрейдистской смеси комплексов превосходства и неполноценности и является нынешнее «деклинистское» поветрие.

Никола Баверез убедительно анализирует исторический генезис проблем, с которыми столкнулась сегодняшняя Франция. Автор констатирует очевидный факт: среди промышленно развитых демократических стран Запада Франция пережила за последние два столетия наибольшее число государственно-правовых, политических и социальных потрясений, в ходе которых чередовались периоды упадка и восстановления. «Эта хроническая неустойчивость уходит корнями в радикальность революционного проекта 1789 г., который, в противоположность процессам перемен в Англии или США, пытался основать свободу на решительном разрыве с существующим порядком, традицией и религией, придать абсолютный приоритет политике, утвердить прямую конфронтацию между гражданами и государством, отвергающую любое посредничество промежуточных структур. Такая конфронтация сопровождается глубоким консерватизмом, который проявляется в крайне трудном приспособлении к великим переменам, потрясающим мировую геополитическую и экономическую системы».

Иными словами, идейно-политический радикализм становился во Франции причиной нерешённости многих внутренних проблем. Попытки тотального разрыва с прошлым оборачивались социально-экономическим консерватизмом, обусловленным страхом правящих элит перед риском перерастания реформ в очередной политический кризис. Пытаясь забежать вперёд, страна оказывалась отброшенной назад.

Если в англосаксонских странах назревшие перемены происходили в результате реформ на основе компромисса между интересами различных социальных слоёв, то во Франции они, как правило, бывали следствием острых общественных конфликтов с активным участием государства, что придавало им ярко выраженную политико-идеологическую форму. Недаром США сохраняют одну и ту же Конституцию более 200 лет, а Великобритания вообще обходится без неё, тогда как во Франции за это время сменилось 16 Основных законов.

По мнению автора, Франция, поглощённая внутренними раздорами из-за давно решённых историей проблем XIX–XX вв., прошла на пороге нынешнего столетия мимо трёх важнейших событий, коренным образом изменивших облик планеты. Это крах социалистического эксперимента на востоке Европы, глобализация мировой экономики и теракты 11 сентября 2001 г. в США. Невзирая на случившееся правящие круги Парижа – как левые, так и правые – продолжают, считает Баверез, упрямо цепляться за обломки устаревшей модели трёх первых послевоенных десятилетий, отмеченных быстрым экономическим ростом, активным вмешательством государства в хозяйственную жизнь, созданием разветвлённой системы социальной защиты. Даже когда энергетические кризисы 1970-х резко затормозили темпы роста производства в Европе и вызвали хроническую массовую безработицу (9,6% самодеятельного населения), усугублённую иммиграцией из стран Третьего мира, французские руководители не захотели пойти по пути «консервативной революции», начатой в 1980-х гг. Маргарет Тэтчер и Рональдом Рейганом. Провозгласив главным приоритетом борьбу против инфляции и установление твёрдой, а затем и единой валюты Евросоюза, открыв в процессе европейской интеграции страну внешнему миру, они не решились пойти

на непопулярные внутренние меры, диктуемые этим выбором: окончательную приватизацию госсектора, свёртывание перераспределительной системы соцстраха, демонтаж законодательного регулирования трудовых отношений.

Такая половинчатость повлекла за собой далеко идущие последствия. Консервирование при помощи государственных субсидий архаичных секторов производства, сохранение убыточной системы соцобеспечения, регламентация условий найма и увольнения привели к накоплению бюджетных дефицитов и разбуханию государственного долга, выросшего за последние два десятилетия втрое. Итогом стали рост налогов и обязательных отчислений в фонды соцстраха, что ослабляло стимулы предпринимательской инициативы, вызывало утечку капиталов и квалифицированных кадров из Франции за границу. Более того, возникла тенденция к «деиндустриализации» французской экономики.

Вывод автора однозначен: Франция нуждается в болезненной «шоковой терапии», главная цель которой – избавить экономику от бремени чрезмерно разбухшего государства. Если сломить твёрдой рукой сопротивление профсоюзов госсектора, стоящих на страже корпоративных привилегий, демонтировать систему соцобеспечения и положить конец административному регулированию трудовых отношений, то все проблемы будут решены: увеличатся инвестиции, ускорится рост ВВП, смягчится проблема занятости, чему мешает принятый социалистами закон о 35-часовой рабочей неделе, и т.д.

Тем самым оздоровится и внутриполитическая обстановка в стране: уйдёт почва из-под ног левацкого и ультраправого экстремизма, питающегося протестным голосованием, упорядочится функционирование институтов власти Пятой республики, будет исключено повторение прецедентов порочного «сожительства» правых президентов с левыми премьерами.

Многие из этих предложений не лишены здравого смысла. В большинстве государств Евросоюза не только консерваторы, но и социал-демократы давно идут к модернизированному по британскому образцу «социал-либерализму». Однако, как говорил Паскаль, истина по одну сторону Пиренеев превращается в заблуждение по другую. Механическое перенесение германского, бри-

танского или американского опыта во Францию было бы, скорее всего, губительно. Главный недостаток рецептов французских «деклинистов» в том, что чрезмерная драматизация стоящих перед страной проблем и односторонность их решения толкает на повторение фатальной ошибки, которую они сами обоснованно осуждают, – радикальный разрыв с прошлым, чреватый непредсказуемыми, но наверняка разрушительными последствиями.

В эссе, озаглавленном «Речь в защиту сомневающейся Франции», один из авторитетных французских экономистов Жан Буассонна возражает Баверезу: страна не топчется на месте и – тем более – не падает в пропасть, а «вступает, хотя и неспешными шагами, в новое столетие». Парижская биржа остаётся по масштабам финансовых операций четвёртой после Нью-Йорка, Токио и Лондона. По объёму ВВП, экспорту и зарубежным инвестициям Франция делит с Великобританией четвёртое и пятое места в мире. Наконец, в одном лишь 2002 г. прямые иностранные инвестиции во Францию составили 52,9 млрд евро, а французские за рубежом – 70,9 млрд, что выдвинуло её по этому показателю на первое место среди стран – участниц Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Подобно многим другим странам сравнимого уровня развития, Франция находится сейчас на стадии перехода от социально-экономической модели первых послевоенных десятилетий к качественно новой, контуры которой ещё далеко не определились.

Основной тезис оппонентов Бавереза сводится к тому, что преимущество США перед «старой Европой» заключается не в приверженности той или иной теоретической догме, а, наоборот, в предельном прагматизме, позволяющем гибко приспосабливаться в ходе циклического развития к резким поворотам международной конъюнктуры. В частности, президент Движения французских предприятий (МЕДЕФ) Эрнест-Антуан Сельер призывает к новому позитивизму, который «должен позволить нам выйти за рамки нормативного мышления и изобрести новые методы управления, установить новую связь между экономикой и политикой».

Речь идёт о сосредоточении усилий на ключевых участках, где экономика Франции наиболее серьёзно отстаёт от конкурентов в структурном отношении, но имеет наилучшие перспективы.

Это, прежде всего, форсированное развитие «кумулятивных» наукоёмких производств с высокой добавленной стоимостью: авто- или авиапрома, космоса, телекоммуникаций, информатики – за счёт коренной модернизации традиционных отраслей, где конкуренция новых индустриальных стран особенно сильна.

Никола Баверез упрекает французскую дипломатию в том, что она остаётся в плену устаревших представлений времён холодной войны и биполярного мира и во внешней политике. Если тогда Париж мог более или менее успешно лавировать между двумя сверхдержавами, повышая за счёт этого свой вес на мировой арене, то с крушением СССР подобная тактика себя исчерпала. Между тем собственных сил и средств для противостояния США у Франции явно нет. «Разрыв между великодержавной риторикой и средствами, на которые она может рассчитывать, углубляется. Франция знает, чего она не хочет – гегемонии Соединённых Штатов над демократическими державами или лидерства Великобритании в Европе. Но она не знает, чего хочет. В итоге страна переживает явный упадок в Европе, которая деградирует и сама по себе».

Аргументированный ответ на эту филиппику последовал от её непосредственного адресата – министра иностранных дел Франции Доминика де Вильпена. В своей последней книге «Другой мир», в ряде интервью ведущим СМИ руководитель французской дипломатии высказал своё мнение относительно психологических истоков «деклинизма». Стенания по поводу упадка, бессилия, чуть ли не агонии всегда сопровождали крутые повороты в развитии международного положения Франции и соответственно поиск места страны на мировой арене. Страх перед непредсказуемым будущим, ностальгия по прошлому вообще свойственны человеческой натуре, а французам с их бурной, нередко драматической историей – в особенности. Де Вильпен считает подобные подходы к проблемам Франции губительными. Государство сегодня действительно переживает немалые трудности, которые провоцируют разочарование в политике, абсентеизм на выборах, усиление экстремизма. Францию тревожат перспективы развития процессов европейской интеграции и глобализации. «Однако сомнение – это ещё не провал, а кризис не означает неизбежности кру-

шения», – подчёркивает министр. Формирование современной, эффективной, приемлемой для французов модели общества, как и сохранение роли страны в глобальном масштабе, бесспорно, требует реформ. Но условием успеха преобразований может быть только постоянный диалог власти с гражданским обществом: «Мы переходим сейчас от культуры конфронтации к культуре диалога и общественного договора... Цель Франции – способствовать внедрению в самую сердцевину постепенно формирующегося мирового сознания фундаментальных принципов, которым мы привержены, прежде всего, универсализма и многосторонности».

Значительная часть суждений, высказанных в ходе нынешней полемики вокруг французского «деклинизма», во многом перекликаются с идеями, нередко звучащими и в нашей стране. С распадом Советского Союза Россия тоже столкнулась с проблемой поиска нового места в круто изменившемся постбиполярном мире. Реакция россиян на сложившуюся обстановку оказалась столь же неоднозначной, как и французов: она колеблется между бесплодной имперской ностальгией и «национал-мазохистским» самобичеванием. Преодолеть такие опасные крайности, найти трезвый, эффективный, соответствующий реальным возможностям и национальным интересам страны ответ на вызовы XXI в. – одна из главных задач, которую обеим странам предстоит решать в предстоящие годы.

Иного просто не дано – ни Парижу, ни Москве.

ГЛАВА 3. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ*

Если территория Франции в Европе не менялась веками, то абсолютная и особенно относительная численность её населения не раз претерпевала существенные колебания, что не могло не отражаться как на жизни страны, так и на балансе её сил с соседями.

Сравнительно обширная площадь, мягкий и разнообразный

* Современная Европа, № 1, январь-март 2005 г. С. 53-59.

климат, обилие влаги и плодородных земель объясняют тот факт, что Франция долгое время была самой населённой страной Европы. Уже две тысячи лет назад, после завоевания Галлии Юлием Цезарем, она насчитывала 6,7 млн жителей – больше, чем любая другая провинция Римской империи. В Средние века, например в царствование Людовика IX Святого (1228 г.), французов насчитывалось уже 16 млн, во времена «короля-солнца» Людовика XIV (1700 г.) – 20 млн.

Их было тогда в полтора раза больше, чем немцев или итальянцев, втрое, чем испанцев. Франция превосходила по населению даже Россию времён Петра I. В середине XVII в. (1650 г.) удельный вес Франции в населении Европы достигает 24,4% – каждый четвёртый европеец был французом.

Поскольку в те времена мощь государства определялась прежде всего числом подданных, способных платить налоги и поставлять солдат в армию, а французы, в подавляющем большинстве крестьяне, отвечали обоим этим требованиям, их монархи – от Бурбонов до Бонапартов – не раз претендовали на европейскую гегемонию. Немногими соперниками их в демографическом плане были сначала австро-испанская империя Габсбургов с её огромными заморскими владениями, затем «владычица морей» – Британская империя, раньше вступившая на путь промышленной революции, наконец, бескрайняя Россия.

Положение начало существенно меняться с конца XVIII в. За два столетия (1740–1940 гг.) численность французов возросла не более чем на треть – с 30 до 40 млн, стабилизировавшись на этом уровне вплоть до второй половины XX в. За то же время население многих других европейских стран удвоилось или утроилось. По демографическому потенциалу Франция отстала сначала от России, затем от Германии, практически сравнявшись с Англией и Италией[1]. Это в известной мере предопределило исход франко-прусской войны 1870–1871 гг., после которой потерпевшая тяжёлое поражение Франция могла обеспечивать собственную без-

[1] Несмотря на то, что из Германии, Италии, Испании, но особенно из Англии с XVIII в. не прекращался мощный отток эмигрантов в Америку, Южную Африку, Австралию, тогда как Франция, напротив, сама привлекала иммигрантов из соседних стран.

опасность лишь в союзе с другими великими державами – Россией, Великобританией, США.

Одним из способов компенсации демографического упадка Франции служила колониальная экспансия: в середине XX в. население французской империи накануне её крушения составляло 60 млн человек – наполовину больше, чем в метрополии. Известны боевые заслуги сенегальских или марокканских стрелков во французской армии в ходе Первой, а отчасти и во Второй мировых войн.

Другим, не менее важным способом являлась массовая иммиграция – сначала из более бедных европейских стран (Италия, Испания, Португалия, Польша), затем из бывших заморских владений, особенно стран Северной Африки – Алжира, Туниса, Марокко, снабжавших экономику дешёвой рабочей силой.

Демографические трудности, которые переживала Франция на протяжении полутора столетий, объяснялись отнюдь не биологическими причинами, как утверждали в своё время гитлеровские «теоретики» расизма, и даже не тяжёлыми потерями в ходе многочисленных войн. Другие европейские державы, особенно Россия и Германия, страдали от потерь на полях сражений ничуть не меньше Франции[2]. Дело было, прежде всего, в социально-экономических факторах объективного и субъективного порядка.

Создав компактный слой мелкособственнического крестьянства, Великая Французская революция 1789 г. ввела английское правило майората (наследования недвижимости старшим сыном) только в северной части страны, где сохранилось крупное помещичье землевладение. На юге, где преобладала мелкая земельная собственность, после смерти главы семьи земля делилась между всеми потомками поровну. Стремясь избежать дробления земельных участков, крестьяне ограничивали число детей двумя-тремя, что, с учётом высокой тогда детской смертности, тормозило рождаемость.

Аналогичная мальтузианская психология была свойственна и представителям городских средних слоёв того времени – торгов-

[2] Только наполеоновские походы начала XIX в. обошлись Франции более чем в 2 млн убитых – в то время 15% всего взрослого мужского населения страны. Спустя столетие Первая мировая война унесла 1,6 млн погибших – 10%.

цам и ремесленникам. «Этот средний класс формировал мелкую буржуазию, чьей амбицией являлось приравнивание к крупной буржуазии путём обогащения детей и их образования. Такая амбиция побуждала многие семейные пары ограничиваться одним ребёнком, чтобы обеспечить его социальное выдвижение», – отмечает известный французский социолог А. Мандрас[3]. А коль скоро собственническое крестьянство и традиционные средние слои составляли вплоть до Второй мировой войны больше половины населения Франции, то неудивительно, что с 1806 г., когда впервые началась статистическая оценка рождаемости по годам, и на протяжении почти двухсот лет рождаемость во Франции установилась почти на одном и том же уровне – 1 млн в XIX, 750-800 тыс. в XX в. «Ни одна страна в мире не знала, видимо, подобного постоянства», – констатирует обзор французского Национального института демографических исследований.

Поскольку вплоть до Второй мировой войны смертность снижалась во Франции медленнее, чем в других европейских странах, прирост населения сокращался. В 1935 г. смертность впервые превысила рождаемость на 18 тыс., в 1936 и 1937 гг. – на 11 тыс., в предвоенном 1938-м – уже на 35 тыс. Между тем в соседних странах ещё продолжался тогда абсолютный прирост населения – 4 на тысячу в Англии, 8 – в Германии, 10 – в Италии. На этом основании авторитетный французский демограф Альфред Сови прогнозировал тогда, что к 1985 г. ежегодный перевес смертности над рождаемостью во Франции превысит 400 тыс., а её население сократится до 30 млн человек, т.е. вернётся к уровню начала XIX в.[4]

Однако жизнь полностью опровергла эти мрачные прогнозы. После Второй мировой войны Франция, как и остальные европейские страны, пережила мощный всплеск рождаемости («бэби-бум»). В основе его повсюду были одни и те же причины: возврат мужчин из армии, ускорение темпов роста экономики в связи с её восстановлением и коренной реконструкцией, наконец, просто надежды людей на лучшую жизнь после тяжёлых испытаний во-

[3] Heri Mendras et Laurence Dubois Freney. Français, comme vous avez changé. Histoire des Français depuis 1945. Paris, 2004. P. 13.
[4] A. Sauvy. Perspectives statistiques sur la population, l'enseignement ct le chômage. «Journal de la Société de Statistique de Paris», juin 1937. P. 233.

енных лет. Природа как бы компенсировала тем самым огромные людские потери в войне.

Во Франции эффект всех этих факторов оказался более значительным и длительным, чем у её европейских соседей, не только из-за низкого исходного рубежа, но и вследствие сдвигов в социальной структуре, где упала доля традиционного крестьянства, торговцев, ремесленников с их мальтузианской психологией, а в значительной мере также благодаря целенаправленной государственной политике поощрения рождаемости и помощи многодетным семьям. Начатая как национальный императив в 1930-х гг. левыми правительствами Народного фронта, продолженная ультраправым режимом Виши во время Второй мировой войны, она окончательно оформилась после освобождения страны от нацистской оккупации в 1945–1946 гг., став одним из важнейших компонентов системы социальной защиты, по развитию которой Франция выдвинулась на одно из ведущих мест в Европе и в мире[5].

Улучшение демографической динамики во Франции к концу XX – началу XXI в. во многом связано с изменениями политики государства в отношении проблем семьи.

За полвека, прошедшие после создания существующей системы соцобеспечения, роль пособий для многодетных, явившихся мощным катализатором «бэби-бума» первых послевоенных лет, заметно уменьшилась. Если вначале они составляли для семьи среднего достатка с двумя-тремя детьми существенное подспорье, давая 15-20% прибавки к доходам, то ныне эта доля сократилась почти вдвое. Дело не столько в высокой инфляции 1950–70-х гг. (покупательная способность пособий индексирована на рост цен), сколько в повышении общего жизненного уровня в стране за 50 лет в 3,5-4 раза. Естественно, что удельный вес пособий на детей в семейных бюджетах, а вместе с ним и их стимулирующая рождаемость роль заметно снизились.

В таких условиях правящие круги взяли курс, с одной стороны, на легализацию не оформленных юридически свободных сожительств и охрану прав рождённых вне брака детей (которых чуть ли не четверть, не считая детей разведённых родителей), а с

[5] Dominique et Michèle Frémy. Quid 2001. Paris, 2002. P. 1613-1621.

другой – на значительное расширение сети дошкольных учреждений. Сейчас так называемых «материнских школ» для детей с трёх до шести или семи лет немногим меньше, чем начальных школ, обучение в которых уже полтора столетия является обязательным и бесплатным (хотя существуют и платные частные школы). Практически «материнские школы» во Франции – эквивалент российских детских садов, число которых явно недостаточно.

Результаты не заставили себя ждать: за вторую половину XX в. население Франции увеличилось наполовину – с 40 до 60 млн человек. Ранее для такого стремительного демографического скачка требовалось втрое больше времени.

Однако «бэби-бум» завершился в начале 1970-х гг., когда подошло к концу так называемое «славное тридцатилетие» быстрых темпов экономического роста, снизившихся на протяжении последней четверти XX в. вдвое: с 5,5-6 до 2-3%, а порой до 1-2% в год. Этому способствовали завершение послевоенной реконструкции, обострение конкурентной борьбы на мировых рынках с выходом на них ряда развивающихся стран Азии с их дешёвой рабочей силой, резкое вздорожание импортных энергоносителей. Нехватка рабочей силы сменилась хронической безработицей, достигшей почти 10% самодеятельного населения.

Дала себя знать и коренная ломка психологии, нравов, ценностных установок французского общества, значительно ускорившаяся после социально-политического кризиса мая-июня 1968 г. Продление срока обучения молодёжи в средней и высшей школе, оттягивающее брачный возраст, включение основной массы женщин в самостоятельную производственную деятельность, кризис традиционной моногамной семьи, наконец, совершенствование методов и правовых норм семейного планирования (появление эффективных противозачаточных медикаментов, легализация абортов) – всё это вместе взятое не могло не отразиться на уровне рождаемости.

В 2001 г. она составила во Франции 774,8 тыс. Число детей на женщину, способную по возрасту к деторождению (15-49лет), достигало 1,9, тогда как минимум, необходимый для простого воспроизводства населения, равняется 2,1. Во время «бэби-бума» он поднимался до 2,4-2,6. Французские демографы заговорили о

том, что «бэби-бум» сменился «бэби-крахом».

Тем не менее, после временного спада, достигшего низшей точки в середине 1990-х г., французская рождаемость снова обнаружила тенденцию к росту, хотя и весьма скромную: в 1997–2002 гг. её ежегодный прирост достигал 65 тыс., несколько превысив 13 новорождённых на тысячу жителей. За тот же период смертность оставалась стабильной или несколько уменьшилась: в 2001 г. она равнялась 528 тыс.[6] В итоге чистый прирост населения Франции в начале XXI в. достиг 327 тыс. человек в год, т.е. четыре на тысячу жителей. Причём, из них 265,5 тыс. приходится на население самой Франции и только 62 тыс. – на иммиграцию.

В противоположность ситуации XIX и первой трети XX в. демографическая динамика Франции выглядит ныне не хуже, а лучше, чем в большинстве других европейских стран. «С 1999 года Франция стала, наряду с Ирландией, чемпионом по рождаемости в Европе», – считает социолог Жерар Мерме[7]. Например, в соседней Германии коэффициент плодовитости в 2002 г. был на треть ниже, чем во Франции, – 1,3, а смертность превысила рождаемость на 122 тыс. К середине XXI в. этот показатель грозит достигнуть 580 тыс.[8] Без иммиграции население ФРГ встало бы на путь абсолютного сокращения, как это уже произошло в Восточной Европе, включая Россию.

Таким образом, по части демографической динамики соотношение между двумя крупнейшими континентальными странами Евросоюза оказалось обратным тому, каким оно было во время трёх войн между ними на протяжении жизни двух поколений – франко-прусской, Первой и Второй мировых. Это, наряду со многими другими факторами военно-политического порядка, смягчило давний французский комплекс неполноценности перед лицом соседей за Рейном, способствуя франко-германскому примирению и привилегированному сотрудничеству – главному двигателю европейской интеграции.

Ещё более резок контраст при сравнении демографической динамики Франции и стран Южной или Восточной Европы. По

[6] Population et Sociétés, numero 378, avril 2002. P. 1.
[7] Gerard Mermet. Francoscopie 2003. Paris, 2002. P. 162.
[8] The Wall Street Journal Europe, Thursday, May 27, 2004.

оценкам ООН, к 2025 г. население Южной Европы должно сократиться на 8 млн человек, а Восточной – на 17 млн, тогда как во Франции оно увеличится на 4-5 млн.

На 1 января 2003 г. население Франции составило 61,1 млн человек, из которых 59,3 млн – в метрополии и 1,8 млн (4%) – в заморских департаментах и территориях[9]. Если удельный вес населения Франции в мире не превышает 1%, обеспечивая ей скромное 20-е место среди 191 государства – члена ООН, то в Европе её доля достигает уже 11,5%. Это вдвое ниже, чем в середине XVIII в. (23,6%), но всё же выше, чем в середине XX (10,6%). Среди 44 ев ропейских государств Франция занимает третье место после России (114 млн в европейской части РФ) и Германии (82 млн), а среди 25 членов Евросоюза – второе после ФРГ. Это лучше, чем в 1975 г., когда она занимала в Европе только пятое место. Почти на том же уровне, но несколько ниже находятся Великобритания (59,1 млн) и Италия (58,1 млн)[10].

Итак, в демографическом пейзаже Европы Франция выглядит ныне вполне достойно: не вернувшись ко временам Людовика XIV, она тем не менее прочно утвердила свой ранг как одна из четырёх крупнейших по населению стран Евросоюза. В обозримом будущем это её положение вряд ли изменится.

Серьёзную тревогу у французов вызывает теперь не демографическое положение их страны в Европе, а место Европы в целом, а следовательно, их самих в глобализированном мире. Если в 1950 г. европейцы ещё составляли 22% населения планеты (54 млн), то в 1975 г. – уже 16,6 (676 млн), в 2000 г. – 12 (728 млн), а в 2025 г. их будет, по оценкам ООН, не более 9,1% (713 млн из 9 млрд)[11].

Правда, по прогнозом демографов, в середине XXI в. рост населения Земли, достигнув 9 млрд, остановится и начнёт постепенно сокращаться. Но к этому времени население Индии и Китая составит уже по 1,5 млрд человек, т.е. треть человечества, а насе-

[9] Gilles Pison. La population de la France en 2001. «Population et Sociétés», INED, numero 392, juillet-aout 2003. P. 1-8.
[10] Ibid.
[11] Jacques Dupaquier. Vers une dépopulation de l'Europe. Géopolitique, № 74, juin 2001. P. 3.

ление Африки, стран арабского мира, Турции, Ирана, Латинской Америки как минимум удвоится. На этом фоне Европа, включая Францию, сможет сохранить свою роль одного из ведущих центров мировой цивилизации лишь при условии форсирования экономического роста на основе дальнейшего углубления и расширения интеграционных процессов.

Другой, не менее серьёзной причиной беспокойства французов является всё более явная неблагоприятная возрастная структура населения Европы и самой Франции. К концу XX в. доля людей старше 65 лет составляла в Европе 14%, а молодёжи до 20 лет – 18%, тогда как в Азии, Африке, Америке первых было всего 5, а вторых – 35%[12].

Во Франции на протяжении трёх десятилетий, прошедших после окончания «бэби-бума» основным фактором, обеспечивающим рост населения, является не столько превышение рождаемости над смертностью и иммиграция, сколько увеличение средней продолжительности жизни благодаря успехам медицины и здравоохранения. Если после Второй мировой войны 60-летний француз мог надеяться прожить ещё 15,3 года, то к началу XXI в. – уже 19,9. Для француженки соответствующие данные составили 18,1 и 25,1 лет. В 2001 г. надежда на дожитие достигла у мужчин 75,5 лет, у женщин – 83 года. Большее долголетие только в Японии.

Следствием этого впечатляющего прогресса оказалось существенное изменение баланса между поколениями: «бэби крах» тридцати последних лет до того подточил основание возрастной пирамиды, что «она стала напоминать по форме туз пик, считающийся, как общеизвестно, предвестником беды», – утверждает французский демограф Ив-Мари Лолан[13].

В самом деле, к началу XXI в. почти половину самодеятельного населения Франции (42,4%) составляли так называемые «бэби-бумеры» – люди, родившиеся в 1946–1973 гг. Численность молодёжи до 25 лет выросла тогда на четверть – с 15,7 до 21,1 млн. Именно она была основной движущей силой мощного молодёжного движения в мае–июне 1968 г., способствовавшего модерни-

[12] 15. Ibid.
[13] Yves-Marie Laulan. L'Europe malthusienne. Géopolitique, № 74, juin 2001. P. 11.

зации нравов, привычек, образа жизни французов, особенно в том, что касается отношений между полами и поколениями. Вступив в зрелый возраст, она стала главной пружиной развития французской экономики в последней четверти XX и начале XXI в., когда темпы её роста заметно притормозились. В этот период удельный вес людей старше 60 лет едва превышал 20% (каждый пятый француз).

В ближайшие годы это равновесие грозит нарушиться: к 2040 г. уже каждый третий житель страны будет старше 60 лет. С 2006 г. всё большее число «бэби-бумеров» начнёт достигать так называемого третьего, т.е. пенсионного возраста, что существенно увеличит нагрузку, ложащуюся на плечи всё менее многочисленных младших поколений. Если в 2001 г. на десять работников приходилось четыре пенсионера, то в 2040 их будет уже семь[14].

Некоторые демографы и экономисты ссылаются на то, что относительное и даже абсолютное сокращение самодеятельного населения, ввиду падения рождаемости и роста продолжительности жизни, может быть компенсировано ростом производительности труда работающих поколений благодаря ускорению научно-технического прогресса. Очевидно тем не менее, что страна, большинство населения которой составляют люди преклонного возраста, неизбежно становится менее динамичной, более консервативной во всех отношениях, в том числе в научно-технической области и в плане предпринимательской инициативы, чем страна с более молодым населением.

Согласно прогнозам Национального института статистики и экономических исследований, к этому моменту население страны стабилизируется на уровне 65 млн человек. При этом средний возраст французов повысится с 35,5 до 46 лет, а численность людей старше 60 лет почти удвоится – она вырастет с 12,2 до 22 млн человек. Причём внутри этой возрастной группы доля представителей «четвёртого возраста» – самых старых поколений, которым будет свыше 75 лет, достигнет, а затем и превысит 17% населения страны вместо 7,1 в начале XXI в.

Столь глубокие сдвиги в возрастной структуре неизбежно при-

[14] Tableaux de l'economie française. 2003–2004, Paris, 2003. P. 100.

ближают кризис существующей системы социального обеспечения, основанной на солидарности поколений и существующей благодаря широкомасштабному перераспределению их доходов государством. «Францию ожидают два демографических шока – удар по пенсиям с 2006 г., по бюджету здравоохранения и социальной защиты в ходе десятилетия 2010–2020 годов» – предсказывал академик Жак Дюпакье в докладе на коллоквиуме, посвящённом этой проблеме[15]. Первые признаки этого кризиса уже дают о себе знать.

ГЛАВА 4. КОНФЛИКТ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ИЛИ КРИЗИС МОДЕЛЕЙ?*

В октябре-ноябре 2005 г. телерепортажи из Франции напоминали сводки с театров военных действий в «горячих точках» планеты или кадры из голливудских «фильмов-катастроф». Пылающие автомашины, разгромленные здания школ и магазинов, облавы полиции на банды хулиганов в предместьях Парижа и десятков провинциальных городов могли создать впечатление, будто одна из самых высокоразвитых стран Европы внезапно охвачена огнём полномасштабной гражданской войны.

Резонанс французских событий усугублялся тем, что зачинщиками беспорядков были представители младшего поколения иммигрантов из бывших заморских владений Франции в Северной и Тропической Африке, главным образом арабы. Волнения перебросились, хотя и в гораздо меньших масштабах, на соседние страны – Бельгию, Германию, Италию. В связи с этим заговорили о «европейской интифаде» по ближневосточному сценарию, вспоминались мрачные пророчества насчёт грозящего «столкновения цивилизаций», возврата к тысячелетнему противоборству ислама с христианством, об опасности которых ещё в середине 1990-х гг. предупреждал С. Хантингтон.

[15] Jacques Dupaquier. Population française: les perspectives demographiques. «Retraites, santé: n'est-il pas trop tard?». Paris, 2002. P. 44.

* Современная Европа, № 1(25), январь-март 2006 г. С. 49-60.

Однако эти апокалиптические картинки были далеки от реальности. Поджоги и погромы являлись делом рук лишь нескольких сотен мелких групп «отморозков», в основном несовершеннолетних (14-17 лет), использовавших в качестве основного оружия бутылки с самодельной зажигательной смесью – так называемые «коктейли Молотова». Их импровизированная организационная структура ограничивалась связью по мобильным телефонам и Интернету, а быстрота передвижения обеспечивалась мотоциклами и мотороллерами. Какой-либо определённой политической программы и признанных лидеров у них не было, связи с сетями международного исламского фундаментализма и терроризма тогда тоже не просматривались.

По признанию Службы общей информации МВД (французская политическая полиция), аналитический доклад которой появился в газете «Паризьен», налицо был стихийный взрыв возмущения вполне определённой социальной категории, имевшей чёткие возрастные, пространственные и этнические ограничители. В соответствии со старой традицией французской политической культуры он выплеснулся на улицу, приняв на сей раз форму слепого вандализма. В противоположность исполнителям кровавых терактов «Аль-Каиды» в Нью-Йорке, Мадриде или Лондоне, во Франции молодые арабы и африканцы второго-третьего поколения стремились не разрушить западную цивилизацию, в которой родились и выросли, а, напротив, добиться более широких возможностей приобщиться к её плодам, в чём им по существу было отказано. Определение их министром внутренних дел Н. Саркози как «подонков» и «отбросов» лишь подлило масла в огонь.

Наведение порядка правоохранительными органами, захваченными сначала врасплох, оказалось делом техники и времени. 4 770 хулиганов были задержаны; пойманные с поличным отданы под суд, в отношении 120 из них была начата процедура принудительной высылки из страны после отбытия наказания. 15 ноября 2005 г. нижняя палата парламента – Национальное собрание 346 голосами против 148 продлило на три месяца действие закона, принятого 3 апреля 1955 г., в начале алжирской войны, и дающего префектам право вводить на территории своих департаментов чрезвычайное положение, в том числе комендантский час.

Восстановлению правопорядка способствовали и контакты властей с умеренными мусульманскими организациями, лидеры которых публично осудили насилие, объявив его противоречащим Корану. В итоге уже через три недели обстановка в стране практически нормализовалась.

За весь период волнений погибли три человека – два подростка-араба, убитые током высокого напряжения при попытке укрыться в трансформаторной будке от полиции (что и послужило поводом для мятежа), а также француз-пенсионер, до смерти избитый погромщиками. В стране было сожжено в общей сложности около 10 тыс. легковых автомобилей (в одной только городской черте Парижа их зарегистрировано 2,5 млн) – меньше, чем выходит из строя за год в дорожно-транспортных происшествиях. Более или менее значительные повреждения получили 255 школ, 233 здания госучереждений, 51 почтовое отделение. Общий материальный ущерб оценивается в 200-300 млн евро. Решение Еврокомиссии об оказании Франции финансовой помощи выглядело на этом фоне не более чем демонстративным жестом моральной солидарности.

Опасаясь за имидж страны на международном уровне, в частности за интересы её процветающей индустрии туризма, представитель правительства по связям с печатью Копе провёл специальную пресс-конференцию для аккредитованных в Париже иностранных корреспондентов, упрекнув их в чрезмерной драматизации обстановки. Особенно досталось представителям известной американской компании «Си-эн-эн», чьи круглосуточные передачи с места событий смотрят в реальном времени сотни миллионов людей во всех странах мира.

Американские журналисты не остались в долгу, обвинив своих французских коллег в необъективном освещении войны в Ираке и излишне жёсткой критике действий федеральных властей США при оказании помощи жертвам урагана Катрин в Новом Орлеане (их обвиняли не только в неэффективности, но и в дискриминации пострадавших по расовому признаку).

Тем не менее независимо от этих франко-американских разборок, дискуссия во Франции вокруг вопроса о причинах «кризиса пригородов», а главное – мер по предотвращению его рецидивов

в будущем приобрела весьма острый характер. Её накалу способствует приближение президентских и парламентских выборов 2007 г., на которых определится преемник Жака Ширака в Елисейском дворце. Борьба идёт не только между стоящим у власти с 2002 г. правоцентристским большинством и левой оппозицией, но и внутри каждого из этих лагерей. В первом основными претендентами выступают премьер-министр Доминик де Вильпен, поддерживаемый нынешним президентом, и честолюбивый министр внутренних дел и общественной безопасности, председатель правящей неоголлистской партии «Союз за народное движение» (СНД) Николя Саркози. Первый предпочитает политический подход к кризису, второй – силовой. Оппозиционная соцпартия также не смогла пока выдвинуть свою кандидатуру на президентский пост – на это претендуют сразу несколько её лидеров – и ограничилась на своём последнем съезде в ноябре 2005 г. принятием компромиссной общей программы.

В первом туре предстоящих президентских выборов наверняка примут участие, помимо «системных» партий, также около полу дюжины маргиналов с крайних флангов политического спектра, которые будут ещё более обострять вопрос о поисках виновных в кризисе. Слева это будут коммунисты, троцкисты, «зелёные», справа – лидер ультранационалистического Национального фронта Жан-Мари Ле Пен. Вся его долгая политическая карьера изначально строилась на требованиях резкого ужесточения иммиграционной политики – высылки всех нелегалов, «национального преимущества» для этнических французов при приёме на работу, доступе к жилью, социальным гарантиям и т.д. В первом туре президентских выборов 2002 г. Ле Пену удалось обойти тогдашнего премьер-министра социалиста Лионеля Жоспена и выйти во второй тур для поединка с Шираком, победившим с подавляющим преимуществом (82% поданных голосов).

Приход ультраправых к власти во Франции даже в коалиции заведомо исключён (Ле Пен никогда не собирал на выборах более 18% голосов), но не подлежит сомнению и то, что осенние события 2005 г. сыграли лидеру Национального фронта на руку. Заявив, что жизнь убедительно подтвердила его правоту, Ле Пен возложил всю ответственность за происшедшее на своих конку-

рентов, прежде всего Ширака и Саркози. В центре Парижа прошёл массовый митинг НФ под лозунгами «Хватит иммиграции, мятежей, взрывов в пригородах!»[16]. Есть шанс, что в таких условиях иммиграционная политика, как и французская модель интеграции иммигрантов в национальное сообщество, выдвинется в число основных вопросов предвыборной кампании 2007 г.

* * *

Франция с её обширной по европейским меркам территорией, плодородными землями, мягким климатом издавна привлекала выходцев из более бедных стран, прежде всего соседних средиземноморских, близких к ней по языку и религии – Италии, Испании, Португалии. Этому способствовало начавшееся во Франции ещё в первой трети XIX в. снижение рождаемости коренного населения, связанное в основном с социальными факторами. Уже в начале XX в. численность иностранцев достигала 3% от всего населения Франции. После Первой мировой войны, унёсшей жизни 1,6 млн французов, а особенно в период межвоенного экономического кризиса доля приезжих удвоилась, составив в 1931 г. 6,5% (2,7 млн человек), не считая 360 тыс., получивших французское гражданство.

Точно такой же уровень сохранялся и 40 лет спустя – в 1975 г., на исходе периода «славного тридцатилетия» быстрых темпов экономического роста, связанных с восстановлением и коренной структурной модернизацией французской экономики после Второй мировой войны: он составлял 6,5% (3,4 млн человек). Ещё четверть века спустя, с учётом роста населения страны на треть – до 60 млн человек, число иммигрантов, родившихся вне Франции, достигло почти 10% (3,3 млн иностранцев и 2,3 млн новых граждан).

С середины 1970-х гг. послевоенное «славное тридцатилетие» подошло к концу: энергетические кризисы, увеличившие издержки производства, новый виток научно-технической революции на основе информатики, который повышал требования к квалификации наёмного труда, наконец, конкуренция ряда развивающихся стран Южной и Восточной Азии на фоне глобализации ми-

[16] Le Figaro, 14 novembre 2005.

ровой экономики значительно затормозили темпы роста, обострив проблему занятости. Особенно это сказалось на странах континентальной Западной Европы – Франции, Германии, Италии, Испании с их высокими социальными расходами и жёсткими экологическими нормами.

Между тем как раз тогда же в рабочий возраст в этих странах вступили «бэби-бумеры» – многочисленные поколения детей, родившихся во время всплеска рождаемости первых послевоенных лет. Во Франции на этой почве возобновился прирост населения: по его динамике она уступает сейчас в ЕС только Ирландии. Зато хроническая массовая безработица колеблется уже много лет в пределах 2,5-3 млн человек, затрагивая 9,6% самодеятельного населения – почти вдвое больше, чем в США или Великобритании.

В то же время с 1960-х гг., когда в основном завершился процесс деколонизации, список стран-доноров иммигрантов существенно изменился. Завоевавшие политическую независимость бывшие колонии погрязли в нищете и безработице, усугубляемых высокой демографической динамикой и междоусобными войнами. Неудивительно, что наиболее активная часть их населения, прежде всего молодёжь, искала любые способы, чтобы проникнуть в поисках работы и лучших условий жизни в бывшие метрополии, образовав там значительные диаспоры. В Великобритании это пакистанцы, в Германии (потерявшей свою заморскую империю ещё в итоге Первой мировой войны) – турки, в Голландии – индонезийцы. Во Франции их основную массу представляли арабы – выходцы из стран Магриба и уроженцы Тропической Африки – Мали, Сенегала, Буркина-Фасо и т.д. В 2002 г. из 156 тыс. иммигрантов люди неевропейского происхождения составили две трети – 103 тыс. плюс 30 тыс. нелегалов.

Тормозом процесса их адаптации к иной цивилизационной среде являются обречённость на неквалифицированный низкооплачиваемый труд, концентрация в определённых местах проживания и высокая безработица. Если в среднем по стране ею затронут каждый десятый работоспособный француз, то среди молодёжи 18-24 лет уже каждый четвёртый, а среди молодых иммигрантов – каждый третий. В свою очередь, буфером, отчасти амортизирующим эти трудности, оказывается традиционная племенная и ре-

лигиозная солидарность, прежде всего ислам.

Общая численность мусульман во Франции – около 5 млн, в том числе 700-800 тыс. выходцев из Алжира, 300-400 тыс. – из Туниса, 176 тыс. – из Сенегала, Мали, Гвинеи, 350 тыс. турок. Наряду с пятью большими «соборными» мечетями имеется около 1,5 тыс. обычных и импровизированных молельных залов[17]. В то же время в Великобритании мусульман тоже не менее 2 млн, в Германии – 3,2 млн, в Нидерландах – 700 тысяч.

Франция вовсе не является в этом плане уникальным исключением. Речь идёт об одном из аспектов общей проблемы отношений между промышленно развитым Севером и отсталым, но перенаселённым Югом, которая имеет планетарные масштабы. Полного решения её пока не найдено нигде, в том числе в России.

Взаимные упрёки в чрезмерно либеральной иммиграционной политике и безоглядном предоставлении гражданства, которыми обмениваются в ходе предвыборных баталий соперничающие партии во Франции (прежде всего правые и ультраправые), вряд ли стоит целиком принимать на веру. С 1974 г. въезд во Францию с целью получения там постоянного места жительства и работы крайне ограничен. Если он всё же продолжается, то на определённых правовых основаниях – воссоединение семей, учёба в высших учебных заведениях, предоставление политического убежища беженцам и т.д. Воссоединение семей здесь на первом плане: по данным МВД Франции, в 2004 г. им было выдано в общей сложности 88 тыс. видов на жительство (годичных или 10-летних) по семейным причинам, из которых 50 тыс. – супругу или супруге[18]. Однако попытка одного из французских министров объяснить «кризис пригородов» наплывом мусульман-многожёнцев, результатом чего якобы оказалась беспризорность их детей, вызвала откровенные насмешки: многожёнство запрещено во Франции ещё в 1945 г. и никак не может служить основанием для воссоединения семей.

Ничуть не менее ограничительным, чем в других европейских государствах сходного уровня развития, является и французское

[17] И.В. Понкин. Ислам во Франции. Москва, 2005 г. С. 4-5.
[18] Le Monde, 18 novembre 2005.

законодательство о гражданстве. Хотя за 20 лет число натурализаций, то есть предоставления французского гражданства, за год и удвоилось – с 48,8 тыс. в 1982-м до 90,4 тыс. в 2002 г., оно обставлено рядом жёстких условий. Со времен революции 1789 г. в стране действует так называемое «право почвы» (в отличие от «права крови», принятого в соседней Германии). Согласно этому принципу, возможность получения гражданства имеют родившиеся во Франции дети иностранцев, но не автоматически, а по достижении совершеннолетия на основании заявления родителей и с личного согласия просителя (в порядке исключения – с 13 лет). Причём каждое заявление рассматривается в соответствующей префектуре индивидуально с учётом всех данных, касающихся родителей[19]. Например, в 2000 г. из 68 тыс. заявлений 57 тыс. были отложены, причём в трёх случаях из четырёх больше чем на 2 года, а каждый десятый претендент получил отказ[20].

Причины, по которым глобальная проблема массовой миграции с Юга на Север приобрела взрывоопасный характер именно во Франции, связаны, судя по всему, не столько с политическими, сколько с социально-экономическими, а отчасти и психологическими факторами.

* * *

Распад французской колониальной империи происходил не постепенно, упорядоченно и сравнительно мирно, как британской, а в форме затяжных, жестоких войн сначала в Индокитае, затем в Алжире, длившихся 14 лет и закончившихся для метрополии унизительными неудачами. Они оставили в памяти обеих сторон тяжёлый осадок взаимного недоверия. Это особенно касалось Алжира, откуда после окончания войны в 1962 г. во Францию хлынул поток европейских колонистов («черноногих») и сражавшихся на стороне французов арабов, имевших французское гражданство («харки»). Встретив в метрополии не слишком радушный приём, они затаили глубокую обиду на соотечественников и непримиримую вражду к иммигрантам-арабам из независимых отныне стран Магриба.

[19] L'Express, 25 septembre 2005.
[20] Dominique et Michèle Frémy-Quid 2005. Paris, 2004. P. 730.

С другой стороны, у многих французов, особенно левых, выступавших некогда против алжирской войны с её чередой жестокостей – расправами с мирными жителями, пытками пленных, «стратегическими деревнями», окружёнными колючей проволокой, эти воспоминания породили болезненный постколониальный комплекс вины, с которым Франция не может полностью расстаться до сих пор. Отсюда – чередование таких противоречивых жестов, как введение в школьные учебники упоминаний о позитивных аспектах колонизации (вызвавшее шумные протесты левых партий), с одной стороны, выдача видов на жительство иммигрантам-нелегалам, захватывающим силой пустующие здания или церкви, – с другой. Эти колебания затрудняют проведение последовательной иммиграционной политики, усиливая отчуждение между основной массой коренного населения и иммигрантами.

Немалую роль играет при этом и ислам: для многих французов-католиков, придерживающихся обычно правых взглядов, тот факт, что в их стране, считавшейся некогда «старшей дочерью» римско-католической церкви, мусульманство стало второй по числу верующих религией, переварить нелегко. В то же время левых – сторонников светского характера государства, отделённого от церкви ещё в 1905 г., активных поборников женского равноправия – коробит дискриминационное отношение мусульманской религии к месту женщины в семье и обществе.

Следствием стало принятие французским парламентом закона, запретившего ношение в государственных светских школах «демонстративных знаков принадлежности к религиозному культу». Хотя он касается в равной мере крестов поверх одежды или иудейской кипы, болезненную реакцию правоверных мусульман во Франции и в ряде исламских стран вызвало то, что острие закона было явно направлено против женских платков-«хиджабов», а надевавшие их ученицы не допускались к занятиям. Очевидно, что этот закон не способствовал взаимопониманию между коренными французами и мусульманской общиной («уммой»).

Правда, до сих пор фундаменталистские течения ислама типа ваххабизма пользуются во Франции значительно меньшим влиянием, чем, например, среди мусульман в Великобритании, Германии и США, где саудовские экстремисты «Аль-Каиды» готовили

теракты 11 сентября 2001 г. Гораздо важнее то, что французская модель интеграции всегда строилась, в отличие от британской или германской, на безоговорочном принятии приезжими не только законов страны приёма, но и её языка, культуры, нравов и обычаев. «Франция – это не этнос, а культура», – говорил бывший премьер-министр Раймон Барр.

Речь идёт по существу об ассимиляции, то есть полном слиянии всего населения страны в единое монокультурное сообщество на неделимом территориальном пространстве, краеугольным камнем которого является провозглашённый революцией 1789 г. принцип равенства всех граждан перед законом, независимо от их этнического происхождения, автором которого был французский юрист XVI в. Жан Боден. Этот принцип цементируется строго централизованной, единообразной административной структурой суверенного национального государства.

Недаром культурно и лингвистически своеобразные национальные окраины – Эльзас, часть Лотарингии, Бретань, Страна басков, Корсика (в общей сложности порядка 10% населения) никогда не пользовались сколько-нибудь значительной автономией, а этнокультурные меньшинства вроде евреев (650 тыс.), армян (350 тыс.), цыган (150 тыс.) официально считаются французами. Сами понятия «гражданство» и «национальность» нередко обозначаются во Франции одним словом (la nationalité). Притом, что в действительности ксенофобия и антисемитизм во Франции всё ещё дают о себе знать, порой весьма ощутимо. На них-то и делает ставку Национальный фронт Ле Пена.

До тех пор пока иммигрантами были представители близких к французам по языку и идентичных в религиозном отношении романских народов, а между двумя мировыми войнами среди иммигрантов были также многочисленные поляки и «белые» русские (250-300 тыс.), проблемы их адаптации, порой нелёгкие, ограничивались первым поколением. Во втором и тем более третьем они по существу растворялись во французской среде, чему способствовали государственная светская школа, обязательная служба в армии, наконец, смешанные браки. По статистике, у каждого четвёртого француза один из четырёх предков в третьем поколении – бабушка или дедушка – родился вне Франции.

С притоком арабов и африканцев, особенно мусульман, ситуация осложнилась. Дело отнюдь не только и даже не столько в трудностях адаптации людей с иными уровнем и образом жизни, нравами и обычаями, религией и культурой. Гораздо важнее значительная эволюция социальной обстановки в самой Франции. Нехватка рабочей силы давно сменилась там её избытком. Армия перешла на профессиональную основу, перестав служить инструментом интеграции. То же самое фактически произошло и со школой. Качество обучения в рабочих пригородах крупных промышленных центров, где селились иммигранты из стран «Третьего мира», не шло ни в какое сравнение с уровнем учебных заведений буржуазных «красивых» кварталов. Дети и внуки приезжих получали худо-бедно второсортное образование, а ещё чаще проваливались на экзаменах и бросали школу, не получая аттестата. А это наглухо закрывало двери в высшую и даже среднюю школы (коллежи и лицеи). Без дипломов поиски работы заведомо обречены на неудачу.

Между тем в условиях высокой безработицы также и среди родителей их авторитет в глазах детей падает, семейные узы расшатываются. Арабская и африканская молодёжь пригородов, лишённая определённых занятий и средств к существованию (социальная помощь и пособия по безработице выплачиваются только уже работавшим), сбивалась в уличные банды во главе с вожаками – «каидами», промышляя мелким воровством, рэкетом, торговлей наркотиками, проституцией. Пригородные зоны постепенно превращались в изолированные от внешнего мира территории, где закон и порядок, общий для всей страны, практически не соблюдались, а полиция, окружённая враждебной атмосферой, не контролировала обстановку.

Тупиковый характер этой ситуации определялся ещё и тем, что второе-третье поколения иммигрантов из Магриба или африканских стран (так называемые «буры»), в отличие от первого, утратили языковую, культурную, порой даже религиозную связь со своей «исторической родиной». Возвращаться туда они не хотят – она стала для них совершенно чуждой. Интегрироваться же во Франции, где они родились, учились и язык которой стал для них родным, они не могут из-за невидимых, но весьма ощутимых ба-

рьеров для людей с неевропейскими фамилиями и внешностью. Заученные во французской школе молодыми арабами и африканцами благородные лозунги революции 1789 г. – «Свобода, равенство, братство», не подкреплённые собственным жизненным опытом, начали восприниматься как лицемерие и обман. Лишённые прежних цивилизационных корней, но не обретя новые, «франко-африканцы» становились лёгкой добычей для уголовного мира или проповедников исламизма, обученных за рубежом. Мишенями их разрушительного вандализма недаром стали автомашины и школы: автомобиль является символом того самого «общества потребления», куда образование так и не открыло им доступ.

* * *

Феномен этнических «гетто» не нов – он хорошо известен на примере США, где такие гетто располагаются, в отличие от Европы, в городских кварталах (Гарлем или Южный Бронкс в Нью-Йорке), куда белым показываться небезопасно даже днём. Белое население селится в зелёных и тихих пригородах. В 1960-х гг. волна мятежей в американских чёрных гетто заставила федеральные власти прибегнуть даже к помощи войск Национальной гвардии.

Однако с тех пор положение там существенно улучшилось благодаря целенаправленной политике смешанного обучения детей с переброской их на специальных автобусах в общие школы (busing) и так называемой «позитивной дискриминации» (the affirmative action) – преимуществу для афро-американцев при приёме в университетские колледжи, на работу и выдвижении на ответственные посты. В результате сегрегация, открыто практиковавшаяся ещё полвека назад, отступила (хотя не исчезла), а многочисленные представители расовых и национальных меньшинств появились в высших эшелонах административной, интеллектуальной и управленческой элит.

Это, разумеется, вовсе не значит, будто в США проблема тем самым решена, она просто изменилась. По прогнозам экспертов, к середине XXI в. больше половины американцев будут иметь неевропейское происхождение. Среди них треть латиноамериканцев, четверть азиатов, 12-13% африканцев. Уже сейчас в США насчитывается 10,3 млн нелегальных иммигрантов, почти исключительно из Мексики и других стран Латинской Америки. Конгресс

принял за последнее десятилетие не менее шести законопроектов, ужесточающих условия допуска иммигрантов. Некоторые конгрессмены требуют даже прибегнуть к массовой депортации нелегалов и построить вдоль мексиканской границы стену по образцу берлинской или израильской, установив на ней вооружённую охрану.

Определённые шаги в этом направлении обещал сделать президент Буш-младший: выступая с речью в Аризоне 28 ноября 2005 г., он обязался увеличить расходы на обустройство границы на 60%. Тем не менее президент одновре́менно призвал к проведению серьёзных комплексных реформ, поощряющих создание новых, пусть даже временных, рабочих мест для нелегальных иммигрантов[21].

Аналогичное сочетание мер по борьбе с нелегальной иммиграцией и облегчением интеграции иностранцев «в законе» планируют предпринять после «кризиса пригородов» и правящие круги Франции. Министр внутренних дел Саркози готовит к весне 2006 г. законопроект, который ужесточает правила въезда на основании «воссоединения семей». Для последнего необходимо будет отныне сдать экзамен на знание французского языка и «принципов, на которых основана Французская республика». Мэры получат право давать оценку материальной возможности воссоединения с учётом жилищных условий приглашающего и способности приезжих интегрироваться во французское общество. Для получения французского гражданства по причине брака сроки фактического совместного проживания супругов во Франции продлеваются с двух до трёх лет, а за границей – с трёх до пяти[22]. Усилена уголовная ответственность за незаконное получение пособий по безработице, торговлю наркотиками, фиктивные браки, а главное – за переброску в страну и подпольное использование рабочей силы из числа нелегальных иммигрантов.

Одновре́менно президент Ширак в речи на конгрессе Ассоциации мэров Франции потребовал, чтобы 750 коммун неукоснительно выполняли закон «О городской солидарности и обновле-

[21] The Wall Street Journal, November 30, 2005.
[22] Le Monde, 18 novembre 2005.

нии», в силу которого они должны не менее 20% нового жилья отдавать под дома с умеренной квартплатой, в которых селятся в основном иммигранты из стран «Третьего мира». Создание новых предприятий в пригородах будет поощряться налоговыми льготами. Министр по вопросам равноправия Азуз Бегаг, алжирец по происхождению, высказался в пользу увеличения числа детей иммигрантов в административных органах (полиции, суде, прокуратуре) и на ответственных постах в частном секторе. Характерно, что данную идею поддержал даже непримиримый враг нелегальной иммиграции – министр внутренних дел Н. Саркози, чей отец эмигрировал во Францию из Венгрии.

Большинство французов оценили эффективность этого сочетания кнута и пряника с определённым скептицизмом. Они напоминают, что проблема нелегальной иммиграции в обозримом будущем никуда не исчезнет: для того чтобы плотно перекрыть все 6 тыс. км границ Франции потребуется 100-тысячная армия – треть вооружённых сил и правоохранительных органов страны, тогда как сейчас численность пограничной охраны, подчиняющейся МВД, не превышает 4 тыс. полицейских. В таких условиях ни о какой «стене» речи быть не может.

Что же касается домов с умеренной квартплатой, где проживают свыше 10 млн человек – каждый шестой француз, то иммигрантов без гражданства среди них не более 11%. Причём они-то и составляют пригородные «гетто». Речь идёт о «спальных» микрорайонах из стандартных железобетонных башен, строившихся ещё в 1960-х гг. для французов – беженцев из Алжира. Когда же они перебрались в более комфортабельное жильё, то их место заняли арабы или африканцы, жившие прежде в грязных трущобах «бидонвиллей» – хибарах из фанеры и жести, являвшихся рассадником нищеты, болезней и преступности. Обитатели подобных микрорайонов селятся там, прежде всего, по экономическим причинам – лучшее жильё в других, более престижных местах им просто не по карману (за последние пять лет цены на недвижимость во Франции выросли на треть).

Иными словами, дело не только в жилье для иммигрантов, но прежде всего в качественной квалификации и достойной работе для них. А это предполагает коренные реформы существующей

архаичной системы образования, особенно профессионального, часто оторванного от нужд производства, и придания большей гибкости трудовому законодательству. А главное – без форсирования темпов экономического роста, без чего проблему занятости не решить.

* * *

Таким образом, «кризис пригородов» во Франции – это отнюдь не только и даже не столько вопрос совместимости разных этносов, религий и цивилизационных ценностей в ходе массовых миграций с Юга на Север, полностью остановить которые в глобализированном мире невозможно. Их необходимо лишь ввести в определённые законодательные рамки, учитывающие реальный потенциал абсорбции каждой из стран. Евросоюз уже приступил к согласованию иммиграционной политики всех своих 25 членов, в том числе с помощью квот по возрастным и профессиональным критериям, как входящих в шенгенское пространство, так и остающихся пока вне его. «Франция не может принять у себя всю нищету мира», – откровенно сказал как-то бывший французский премьер-социалист Мишель Рокар.

Однако во Франции принятие всех этих мер затрудняется прогрессирующим кризисом двух её моделей – ассимилятивного принципа приёма иностранцев, полностью игнорирующего их национально-культурную специфику, и «государства благоденствия», опирающегося на дирижизм в экономике и перераспределительную систему соцобеспечения. Как первая, так и вторая модели, которые были весьма эффективны в первые послевоенные десятилетия, теперь, спустя полвека, исчерпывают себя под нажимом демографических факторов, помноженных на эффект глобализации.

Разумеется, просто заменить их со дня на день англосаксонскими моделями – поликультурными и мультиконфессиональными, с одной стороны, и экономически ультралиберальными – с другой, было бы также крайне неосторожно. В конце концов, самые масштабные акты международного, в частности исламистского, терроризма имели место не только во Франции, но также в США и Великобритании. Речь идёт не о копировании чужих моделей, а лишь о модернизации собственных, отвечающих историческим традициям Франции и национальным реалиям. Но от адап-

тации прежних моделей к новым вызовам третьего тысячелетия французам никуда не уйти.

ГЛАВА 5. НОВЫЕ ПРАВИЛА ИГРЫ?*

Избирательные системы и политические партии

Обманчивая нормализация

Выборы в нижнюю палату французского парламента, состоявшиеся 9 и 16 июня 2002 г., принесли гораздо меньше сюрпризов, чем недавние президентские (см. № 5 журнала за 2002 г.). Как и ожидалось, убедительную победу на них одержали правые партии, тогда как прежнее левое большинство во главе с социалистами отброшено в оппозицию.

В первом же туре правые получили в общей сложности 43,62% голосов, левые – 33,37%. Внутри каждого лагеря чётко обозначилось преобладание одной ведущей партии: справа это был Союз за президентское большинство (СПБ), созданный сторонниками переизбранного в мае главой государства Жака Ширака, слева – социалисты.

В отличие от первого тура президентских выборов, где значительная масса избирателей оказалась распылённой среди 16 кандидатов, все остальные партии были оттеснены на второй план. Коммунисты собрали 4,91%, лишь немного улучшив катастрофический результат своего лидера Робера Ю на президентских выборах, «зелёные» – 4,44%, три троцкистские группировки вместе взятые – 2,5%, прочие левые – примерно столько же.

Аналогичная картина наблюдалась у правых. Центристскому Союзу за французскую демократию (СФД) достались 4,79%, «Либеральной демократии» – 0,42%, остальным четырём – немногим более 5-6% на всех. Ультраправый Национальный фронт, чей вождь Жан Мари Ле Пен вызвал сенсацию на президентских выборах, прорвавшись во второй тур, на сей раз привлёк лишь

* Выборы. Законодательство и технологии. Европейские параллели. № 8-9, сентябрь 2002. С. 58-63.

11,12% голосов – на треть меньше, чем месяцем ранее.

Второй тур подтвердил и ещё более усугубил тенденцию к биполяризации партийно-политического пейзажа. СПБ, ядром которого служит неоголлистское Объединение в поддержку республики (ОПР), добился абсолютного большинства депутатских мандатов в новом составе Национального собрания – 358 из 577. Все правые вместе взятые получили 399 мест, причём СФД достались всего 30 мандатов, прочим правым – 11. В левой оппозиции доминирует соцпартия, у которой 140 мест из 178, тогда как у коммунистов – 22, левых радикалов – 7, «зелёных» – 3, прочих – 6.

Из 577 депутатов 400, то есть две трети, ранее уже избирались в парламент. Средний возраст их остался достаточно высоким – 53,2 года. В социальном плане французский депутатский корпус всегда отличался преобладанием госслужащих, особенно преподавателей, у левых партий, представителей свободных профессий, предпринимателей, менеджеров у правых. Это подтвердилось и сейчас: среди вновь избранных депутатов 21,7% – менеджеры частного сектора, 6% – предприниматели, 6% – адвокаты, 11,3% – врачи, 3% – журналисты, 35,6% – госслужащие, в том числе 17,3% – преподаватели. Рабочих всего лишь 3,5%, крестьян – 3%. Попрежнему немного среди народных избранников и представительниц прекрасного пола: несмотря на принятый 6 июня 2000 г. закон, призванный обеспечить паритет мужчин и женщин, последних в новом Национальном собрании 71 (вместо 64 в прошлом), из которых 35 – у СПБ и 23 – у социалистов.

Эти результаты вписываются в общеевропейскую тенденцию смены власти социал-демократов либеральными и консервативными партиями. Во второй половине 1990-х гг. страны Евросоюза переживали экономический подъём. Тогда главной задачей считался более справедливый раздел общественного «пирога», путём социальных реформ, которые являются естественным призванием левых партий. Однако за последние полтора-два года экономика США, а вслед за ней и Западной Европы вступила в фазу депрессии, выдвигающей на первый план задачу форсирования темпов роста производства путём снижения налогов – основы программ праволиберальных партий.

Не выглядит «французским исключением» и то, что на ныне-

шнем витке ротации власти амплитуда колебаний политического маятника вышла за рамки смены левого центра правым, введя в политическую игру крайне правый фланг в виде Национального фронта. В Австрии и Дании, Италии и Нидерландах ультраправые привлекли ещё больше избирателей, войдя в состав парламентского большинства и правительства эти стран.

Главным итогом прошедших парламентских выборов во Франции можно считать то, что они на какое-то время исключили практику так называемого «сожительства» президента и премьер-министра разной политической ориентации. Она уже трижды – в 1986–1988, 1993–1995 и 1997–2002 гг. – создавала некое подобие двоевластия, подрывая эффективность механизма принятия политических решений, деля ответственность за них между парламентским большинством и оппозицией.

Хотя в центре кампании перед парламентскими выборами 2002 г. оставались те же конкретные проблемы, что и перед президентскими (обеспечение безопасности граждан, борьба с нелегальной иммиграцией, преступностью, безработицей, уменьшение налогового бремени), в политическом плане она свелась именно к проблеме «сожительства», ликвидация которого подавалась как необходимое условие решения всех стоящих перед страной остальных проблем.

Перед президентскими выборами перекрёстный огонь по «сожительству» вели как левые, так и правые. Начальник секретариата премьер-министра О. Шрамек опубликовал получившую большой резонанс книгу, в которой резко критиковал поведение президента Ширака в течение пятилетнего «сожительства», обвиняя его в систематическом саботаже деятельности левого правительства. Глава последнего – социалист Л. Жоспен явно пытался тем самым свалить вину за нерешённость стоящих перед страной проблем на президента.

Когда же Жоспен с треском проиграл первый тур президентских выборов, во втором туре которых Ширак столкнулся с вождём ультраправых Ле Пеном, левые партии оказались в весьма затруднительном положении. Вынужденные волей-неволей поддержать Ширака, переизбранного главой государства беспрецедентным большинством (82% голосов), они совершили затем на пар-

ламентских выборах крутой тактический вираж, призвав избирателей не дать правым сосредоточить в своих руках всю полноту власти. Очевидно, что такой лозунг, по сути дела, выглядел как призыв восстановить осуждавшееся ими самими «сожительство». Это противоречие не замедлили использовать правые партии, чья кампания строилась на лозунге предоставить только что переизбранному президенту политические средства для эффективного решения назревших проблем. Поэтому их победа выглядела вполне логично.

В итоге на ближайшие пять лет восстановлена единая властная вертикаль во главе с президентом, который опирается на назначенное им правительство и прочное большинство в обеих палатах парламента, а также в выборных советах большей части регионов.

На первый взгляд может показаться, что режим Пятой республики, созданный почти полвека назад генералом де Голлем, вновь обрёл свойственную ему внутреннюю устойчивость, оставив позади очередной кризис. Однако такое впечатление было бы обманчивым: политическую систему Франции уже давно подтачивает изнутри серьёзная болезнь, присущая в той или иной мере всем западным демократическим и ещё больше – переходным режимам посткоммунистических государств, включая Россию.

История болезни

Симптомы болезни повсюду одни и те же: это отчуждение значительной части граждан от общественной жизни и падение доверия к профессиональным политикам любого толка, что ведёт к неуклонному росту абсентеизма на выборах и появлению на крайних флангах партий и движений экстремистского толка, открыто бросающих вызов базовым ценностям демократии.

В первом туре парламентских выборов 9 июня 2002 г. удельный вес воздержавшихся составил 35,1% зарегистрированных избирателей – абсолютный рекорд для всех 12 выборов в Национальное собрание Пятой республики с 1958 г. На местных выборах и выборах в Европарламент показатель абсентеизма зашкаливает за 40%, а иной раз даже за 50%. В ходе опроса, проведённого одним из французских институтов общественного мнения вечером 9 июня, 33% телезрителей сочли трансляцию по телевидению матча

Франция-Дания более интересным зрелищем, чем анализ результатов парламентских выборов, а 9% заявили, что их не интересует ни то, ни другое.

Наиболее высокий процент воздержавшихся наблюдался на северо-востоке, востоке и юго-востоке страны, где сосредоточена основная часть её промышленного потенциала. По данным института ИПСОС, особенно много воздержавшихся среди молодёжи 18-24 лет (58%) и самой активной в экономическом плане части населения 25-34 лет (54%), тогда как гражданскую ответственность в большей степени проявили люди пожилого возраста, особенно пенсионеры. Среди французов старше 60 лет не пошли голосовать только 20-22%. Выше среднего по стране уровня этот показатель был у рабочих (45%) и служащих (45%), особенно у людей со скромным достатком.

Характерно, что примерно такой же социальных состав присущ протестному электорату ультраправых партий. В обоих случаях налицо реакция отторжения существующей системы в целом.

Состав парламента резко контрастирует с соответствующими параметрами структуры избирательного корпуса, что подрывает легитимность представительных учреждений: «легальная» страна отрывается от «реальной». Причём это касается прежде всего ключевых категорий избирателей – молодёжи, женщин, рабочих, служащих, фермеров, проживающих в наиболее динамичных регионах страны.

«Помимо выборов и слишком редких референдумов французская демократия не сумела изобрести пути и способы привлечения гражданина к общественным делам, – с тревогой констатирует ближайший соратник Ширака, бывший генсек Елисейского дворца (администрации президента) Доминик Де Вильпен, назначенный после выборов министром иностранных дел. – Рост абсентеизма всегда выражает не равнодушие, а презрение… Мы должны опасаться, как бы отлив всеобщего голосования не сменился скоро приливом насилия».

Среди причин этих тенденций главными бесспорно являются неоднозначные последствия процессов глобализации мировой экономики. Связанные с ними резкие сдвиги в социальной структуре даже самых благополучных стран подрывают уверенность

людей в завтрашнем дне, ведут к маргинализации части общества, особенно молодёжи. Этому способствует сочетание безработицы, большее всего бьющей именно по молодёжи, с массовым притоком иммигрантов из стран бывшего «Третьего мира», оседающих в предместьях крупных городов. Превращаясь в рассадник преступности, наркомании, болезней, они становятся благоприятной питательной почвой для межэтнической напряжённости, на которой играют национал-популисты.

Нерешённость проблем общества ведёт к блокированию режима, ослаблению связей власти с гражданским обществом, ввиду чего демократия вырождается в анархию, а она, в свою очередь, ведёт к явной или прикрытой демократическим фасадом диктатуре. Хотя сегодняшней богатой, благополучной Франции такая перспектива кажется невероятной – слишком уж далека она от тяжелейшего кризиса 1930-х гг., породившего фашизм, исключать подобную опасность полностью нельзя. Естественно, что в таких условиях правящие круги страны всерьёз задумываются о мерах повышения эффективности существующей политической системы, с тем чтобы сделать её способной во всеоружии встретить вызовы XXI в.

Судя по всему, речь отнюдь не идёт о коренной ревизии действующей Конституции 1958 г. – пересмотре отношений между тремя ветвями власти с целью приближения Франции к президентскому режиму американского типа или парламентской системе британского образца. Хотя среди французских политиков и юристов есть сторонники обоих вариантов, «анатомия» нынешнего полупрезидентского режима, находящегося где-то между ними, вряд ли имеет шансы радикально измениться, во всяком случае во время второго (и последнего) мандата Ж. Ширака. Глава государства не раз заявлял, что считает институты Пятой республики главным, самым ценным наследием генерала де Голля, а себя – его верным хранителем.

Зато «физиология» системы – правила политической игры, в качестве которых выступают избирательные законы, и сами игроки, то есть партии, – претерпят, видимо, определённые изменения.

Игроки и правила игры

Сосредоточение голосов французских избирателей в ходе пар-

ламентских выборов 2002 г. на двух основных «системных» партиях правого большинства и левой оппозиции пока не предвещает перехода страны к англосаксонской двухпартийной системе, остающейся для западных демократий скорее исключением, чем правилом. Франции, как и почти всем континентальным европейским государствам, издавна свойственна многопартийность: участвуют в выборах и делят между собой места в парламенте не менее десятка партий общенационального масштаба.

Известный французский юрист и политолог Морис Дюверже выдвинул в связи с этим в своей капитальной работе «Политические партии» концепцию, согласно которой число партий, их роль в представительных учреждениях и, соответственно, эффективность последних на всех уровнях зависят не только и даже не столько от социального состава электората или идеологических платформ, сколько от избирательных систем.

Эта концепция во многом подтвердилась на практике. В момент её появления на свет в Четвёртой республике действовала система пропорционального представительства с голосованием в рамках крупных округов (департаментов) по партийным спискам. Её главными преимуществами считались справедливое представительство всех идейно-политических течений и то, что избиратель голосовал не столько за определённых кандидатов с их личными достоинствами и недостатками, сколько за выдвигаемую партией программу, за которую её депутаты несли общую ответственность.

Вместе с тем при пропорциональном представительстве решающую роль в избрании депутатов приобретают партийные штабы, определяющие состав и порядковые номера кандидатов в списках, то есть их шансы на избрание. Посредником между избирателем и его кандидатом оказывается партийный функционер, склонный давать преимущество «номенклатурному» столичному политику.

Главным недостатком пропорциональной системы было то, что она способствовала фрагментации, дроблению партий, ни одна из которых не могла рассчитывать на самостоятельное парламентское большинство. Поэтому правительства были вынуждены опираться на парламенте на неустойчивые коалиции, распад

которых вызывал правительственные кризисы. В таких условиях проведение сколько-нибудь чёткой, последовательной политики крайне затруднялось. За 12 лет существования Четвёртой республики сменилось 22 кабинета. Ключевую роль в них играли сравнительно небольшие центристские фракции, без которых формирование большинства исключалось: они служили арбитрами между левым и правым лагерями, выторговывая за свои услуги львиную долю министерских портфелей.

Критики пропорционального представительства во Франции противопоставляли ему британскую систему мажоритарного голосования по одномандатным округам в один тур, где для избрания достаточно относительного большинства – побеждает тот, кто опередил всех остальных соперников. Эта система консолидировала двухпартийную систему, отсеивая всех неперспективных кандидатов, а их партии, лишённые парламентского представительства, умирали естественной смертью.

В Палате общин формировались стабильное большинство во главе с лидером победившей партии, становившимся премьер-министром, и оппозиция с её «теневым кабинетом». Рядовые депутаты-«заднескамеечники» оставались под бдительным присмотром партийных «кнутов», ответственных за поддержание дисциплины солидарного голосования под страхом исключения из фракции.

Однако подобная система тоже имеет свои минусы. Жёстко отсекая мелкие партии от представительных учреждений, она способствует радикализации оппозиционных политических течений. Если в Англии это смягчается широкими правами органов местного самоуправления, то во Франции с её крайней административной централизацией монополия на власть одной какой-либо партии оказалась бы чревата поляризацией политических сил и перенесением их борьбы на улицу, как уже не раз бывало в прошлом.

Поэтому французские законодатели на протяжении всей истории республиканского строя, окончательно утвердившегося в 1875 г., постоянно пытались найти оптимальное сочетание пропорциональной и мажоритарной систем, подобно тому, как авторы многочисленных конституций – равновесие между законодательной и исполнительной властями.

В итоге Франция оказалась единственной европейской стра-

ной, где на выборах каждого уровня применяются различные избирательные системы. На региональных – пропорциональное представительство по партийным спискам в рамках региона, в Европарламент – то же, но в национальном масштабе. На кантональных выборах – от мелких единиц административно-территориального деления (в генеральные советы департаментов), муниципальных и парламентских в нижнюю палату – разные виды мажоритарной системы в два тура, а в Сенат – двухстепенное голосование в участием депутатов, членов генеральных и представителей муниципальных советов. Заметим, что в ФРГ поступили проще: бундестаг формируется двойным голосованием: одна половина по пропорциональной системе партийных списков, вторая – мажоритарным голосованием по одномандатным округам. Аналогичная система, как известно, принята и в России.

В Пятой республике почти на всех выборах в нижнюю палату парламента (кроме 1986 г., когда президент Ф. Миттеран восстановил пропорциональное представительство, вскоре отменённое правыми партиями) применялось мажоритарное голосование по одномандатным округам в два тура.

При этой системе в первом туре победителем считается кандидат, получивший абсолютное число поданных голосов – 50% плюс один голос. Однако поскольку каждая партия национальнго масштаба стремится подсчитать свои возможности и заявить о себе собственным кандидатом, к которому добавляются местные беспартийный претенденты, избрание депутата в первом туре оказывается довольно редким явлением: в 1997 г. их было 12, в 2002 г. – 58 из 577. Это, как правило, хорошо известные в своих округах общественные деятели («нотабли») – мэры, председатели генеральных и региональных советов, депутаты с солидным стажем, обычно местные уроженцы либо видные государственные деятели, способные успешно отстаивать интересы округа в столице.

В остальных округах через неделю проводится второй тур – баллотировка, где для избрания достаточно относительного большинства: побеждает кандидат, собравший больше голосов, чем остальные. Для прохождения во второй тур надо набрать в первом не менее 12,5% поданных голосов. Между двумя турами внутри двух традиционных партийных лагерей – левого и правого –

идёт ожесточённый торг вокруг снятия неперспективных кандидатов в пользу того, кто имеет наибольшие шансы предотвратить победу противоположного лагеря.

Считается, что в первом туре избиратель голосует за того, кто ему близок, а во втором – против того, кто наиболее неприемлем. В принципе такими едиными кандидатами должны были бы стать те, кто вышел вперёд в своём лагере в первом туре (у левых автоматическое снятие в их пользу остальных именуется правилом «республиканской дисциплины»). На деле, однако, критерии могут быть сложнее: например, умеренный кандидат, отставший в первом туре от крайнего, может добиваться решения в свою пользу, ссылаясь на то, что во втором туре ему будет легче привлечь на свою сторону колеблющихся избирателей центра. В тех же округах, где победа противоположного лагеря заведомо исключена, обычно сохраняются по два левых или соответственно по два правых кандидата, между которыми происходит решающий поединок.

Вопросы о взаимном снятии кандидатур решаются центральными инстанциями партий, заключающими общенациональное соглашение на компенсационной основе. В соглашении оговаривается, кто снимает своих кандидатов в пользу партнёра, где именно и на что он может рассчитывать в обмен в других округах. При этом некоторые амбициозные кандидаты, прочно укоренённые на своих территориях, могут игнорировать директивы центра, даже под угрозой лишения за нарушение дисциплины партийной этикетки на выборах, исключения из рядов партии и её парламентской фракции.

Столь, казалось бы, сложная, но вполне доступная пониманию рядового французского избирателя система преследует двоякую цель: премировать бóльшим количеством парламентских мандатов, по сравнению с числом полученных голосов, тот лагерь, который обеспечит себе более высокую степень внутреннего единства, а внутри каждого – дать преимущество умеренным партиям перед крайними. В результате в новом Национальном собрании формируется достаточно работоспособное большинство. В то же время оппозиция не лишается возможности критиковать курс правительства.

В условиях Пятой республики мажоритарное голосование в

два тура на протяжении четверти века успешно решало обе эти задачи. В 1958–1981 гг. у власти постоянно находились правые партии – голлисты в союзе с либералами, тогда как левые оставались в оппозиции из-за раскола между социалистами и коммунистами. Создав в 1972 г. союз левых сил на основе единой правительственной программы и перетянув на сторону соцпартии $^{2}/_{3}$ избирателей коммунистов, Ф. Миттеран сделал возможным своё избрание главой государства (в 1981 и 1988 гг.) и обеспечил левым прочное большинство в Национальном собрании. Не в последнюю очередь это произошло из-за соперничества в правом лагере между неоголлистами и либералами, лидеры которых – Ж. Ширак и В. Жискар д'Эстен – превратились в оппозиции из союзников в конкурентов.

Когда же правым удавалось преодолеть свои распри и вернуться к власти (в 1986–1988, 1993–1997 гг.), их единство подрывалось появлением, не без закулисной поддержки Миттерана, ультраправого Национального фронта. Заключать во втором туре соглашения с «фронтистами» о взаимном снятии кандидатур неоголлисты и либералы не решались, ибо это компрометировало их репутацию демократов и грозило оттолкнуть часть центристских избирателей влево или в ряды воздержавшихся. В ответ Ле Пен сохранял своих кандидатов во всех округах, где им удавалось собрать в первом туре более 12,5% голосов, раскалывая правый лагерь перед лицом единых левых кандидатов.

На предыдущих внеочередных выборах 1997 г. в Национальное собрание именно это во многом предопределило победу блока левых партий. В 76 округах из 577 во втором туре столкнулись три кандидата – левый, умеренный и ультраправый. В 46 из этих «треугольных» сражений победителями вышли левые, в 29 – правые. Даже там, где второй тур принимал форму традиционной дуэли левого и умеренно правого кандидатов, среди избирателей Национального фронта лишь половина отдавала свои голоса неоголлисту или либералу, тогда как четверть воздерживалась, а остальные голосовали за левых.

На парламентских выборах 2002 г. лидеры умеренно правых партий всерьёз опасались повторения такого сценария, учитывая внушительный результат Ле Пена на недавних президентских вы-

борах. Однако на этот раз их опасения оказались преувеличенными. Во второй тур прошли всего 37 кандидатов Национального фронта – вдвое меньше, чем пять лет назад. В остальных округах лепеновский электорат вёл себя более дисциплинированно – половина его избирателей проголосовала за умеренных правых кандидатов, 41% воздержались. А коль скоро общий результат ультраправых был достаточно скромен, они не смогли оказать сколько-нибудь существенного влияния на конечный результат выборов.

Тем не менее руководители нового большинства не считают возможным предаваться эйфории. Наряду с программой конкретных мер, объявленных президентом Шираком в традиционном интервью журналистам в день национального праздника 14 июля (приоритетами расширенного состава правительства Ж.-П. Раффарена названы жёсткие меры по обеспечению внутренней безопасности, пресечению нелегальной иммиграции, борьбе с безработицей, снижению налогов), начата подготовка к пересмотру правил игры, призванному исключить на будущее возможность повторения «сожительства» или превращения экстремистских сил в арбитров политической ситуации.

Важным шагом к решению первой задачи является проведённое ещё до выборов сокращение мандата президента с 7 до 5 лет (столько же длится срок полномочий Национального собрания). На первых порах Ж. Ширак выступал против этой реформы, требовавшей частичной ревизии конституции, но в конечном счёте он её поддержал. К тому же решением депутатов президентские выборы были проведены, вопреки конституционному календарю, перед парламентскими, что во многом предопределило результаты последних.

Вторая, не менее трудная проблема могла бы быть значительно облегчена в случае некоторой модификации избирательного закона, предложенной во время недавней кампании перед парламентскими выборами новым премьер-министром Ж.-П. Раффареном. По его словам, отказываться от применяемого сейчас мажоритарного голосования по одномандатным округам не следует – достаточно лишь дополнить его положением, согласно которому во второй тур допускаются только два кандидата, собравшие наибольшее число голосов в первом, как это имеет место на прези-

дентских выборах.

Дальнейшее развитие событий показало, что идея, высказанная Раффареном между двумя турами выборов в Национальное собрание, не замедлила найти своё практическое воплощение. Как только голосование осталось позади, представители нового правительственного большинства сообщили журналистам, что в повестку дня осенне-зимней сессии парламента, открывающейся по традиции 2 октября и обычно посвящённой обсуждению бюджета, будут внесены два законопроекта о реформе системы выборов в региональные советы и в Национальное собрание.

Первый законопроект обещает быть более радикальным, поскольку речь пойдёт о замене принципа пропорционального представительства мажоритарным. Однако цель обоих проектов одна и та же – уменьшить разброс голосов в первом туре между кандидатами мелких партий и затруднить их прохождение во второй тур с тем, чтобы избежать уже упоминавшихся «треугольных» вариантов.

Для достижения этой цели возможно использование различных приёмов: изменение условий прохождения во второй тур (например, существенное поднятие действующего порога – 12,5% в первом); ужесточение условий частичной финансовой компенсации расходов на избирательную кампанию из бюджета (поднятие нынешнего минимума – 5%); наконец, принудительное сохранение во втором туре только двух кандидатов, получивших наибольшее число голосов в первом, как это делается на президентских выборах (идея Раффарена).

Хотя детали обоих проектов пока до конца не проработаны и держатся в секрете, правящие круги не скрывают их общий смысл – закрепить на парламентском уровне решающее преобладание одной главной политической силы в каждом из двух традиционных лагерей – левом (соцпартия) и правом (СПБ).

Эта идея, естественно, вызвала шумные протесты со стороны мелких партий на крайних флангах – троцкистов и «зелёных» слева, Национального фронта – справа. Однако наличие у СПБ в нынешнем составе Национального собрания абсолютного большинства и тот факт, что его рядах неоголлисты впервые объединились с частью центристов в единую фракцию, говорит о том, что шан-

сы на одобрение намеченных реформ избирательной системы достаточно высоки. На́ руку их инициаторам играет и то, что многие избиратели, шокированные неожиданным эффектор распыления голосов в первом туре президентских выборов, предпочли в обоих турах последовавших парламентских выборов «голосовать с пользой», то есть сосредоточить свои голоса на двух основных партиях. Тем самым намеченные реформы могут рассчитывать на поддержку не только в парламенте, но и в стране.

Предлагаемые поправки весьма существенно меняют нынешние правила политической игры на выборах. Межпартийный торг в промежутке между двумя турами по поводу взаимного снятия кандидатур на компенсационной основе становится беспредметным, а «треугольные» выборы заведомо исключаются. Коль скоро экстремистским кандидатам – на сегодняшний день лепеновцам – лишь в очень редких случаях удаётся занять даже второе место в первом туре, они теряют надежду на выход во втором тур и не могут более выступать там в роли арбитров, как это случилось в 1997 г. Главная же идея заключается в том, чтобы превратить СПБ из конъюнктурного предвыборного блока в единую дисциплинированную партию с общей организационной структурой и политической платформой по образцу неоголлистского ОПР. Для этого сейчас есть ряд благоприятных предпосылок: наличие единого лидера в лице Ширака с его резко подскочившим после переизбрания рейтингом, мощный административный ресурс Елисейского дворца, сбросившего оковы «сожительства», общая фракция в Национальном собрании.

Наконец социальные и идейно-политические различия между двумя основными умеренными течениями правого лагеря – неоголлистами и либерал-центристами, представленными СФД и «Либеральной демократией», сведены к минимуму. Шираковцы давно отошли от свойственного «историческому» голлизму авторитарно-этатистского и социал-реформистского кредо во внутренней политике, великодержавно-националистического – во внешней, приняв на вооружение многие из либеральных, децентрализаторских, европеистских и атлантических лозунгов своих конкурентов. Электорат обоих течений в социальном плане почти идентичен.

Неудивительно, что на президентских и парламентских выбо-

рах 2002 г. непримиримые голлисты вроде Ш. Паскуа и лидеры СФД Ф. Байру, «Либеральной демократии» А. Мадлен, враждебные идее единой партии, собрали весьма скромное число голосов, а многие либерал-центристы во главе с мэром Тулузы Ф. Дуст-Блази и новых премьером Ж.-П. Раффареном просто перебежали в СПБ.

И всё же на пути сплочения правого лагеря вокруг единой партии, хотя бы в той же степени, в какой это удалось социалистам в левом, остаётся немало препятствий. За предстоящие пять лет срока полномочий только что переизбранных президента и Национального собрания может случиться многое. С учётом возраста главы государства (71 год) гарантий от досрочных президентских выборов быть не может. На его пост сейчас явно претендуют как минимум два потенциальных преемника – бывший премьер, ныне мэр Тулузы А. Жюппе и министр внутренних дел Н. Саркози. Один возглавил СПБ, другой контролирует МВД, ко-торое располагает через префектов мощными рычагами административного влияния на выборы. Столкновение между ними могло бы расколоть не только СПБ, но и его неоголлистское ядро – ОПР, как это уже произошло в 1995 г., когда тогдашний премьер – неоголлист Э. Балладюр стал при поддержке СФД соперником Ширака.

К тому же гегемония социалистов в лагере левой оппозиции не столь прочна, как это казалось ещё недавно. Разгром её сателлитов – коммунистов, троцкистов, экологов, левых радикалов – на парламентских выборах 2002 г. нанёс смертельный удар по «множественному» левому большинству, стоявшему у власти в 1997–2002 гг. В своём стремлении политически выжить младшие партнёры социалистов будут, скорее всего, пытаться конкурировать с социалистами, обходя их слева за счёт леворадикальной демагогии.

А это, в свою очередь, способно усилить центробежные тенденции внутри самой соцпартии, обезглавленной поражением и уходом с политической арены Л. Жоспена. В борьбе за его наследство сталкиваются представители правого, социал-либерального крыла в лице бывших министров экономики и финансов Д. Строс-Кана, Л. Фабиуса и левого – в лице мэра Лилля М. Обри и

бывшего председателя Национального собрания А. Эмманюэли. Причём шансы всех этих представителей постмиттерановского руководства подрываются причастностью к разного рода скандалам и поражением на последних выборах (Обри даже не прошла в парламент). Для нового старта соцпартии придётся, видимо, ждать следующего поколения лидеров. Так что переход Франции к некоему подобию двухпартийной системы – долгое дело.

Поэтому президентские и парламентские выборы 2002 г. пока рано считать началом процесса коренной реформы французской избирательной и партийно-политической системы. Реальные предпосылки для неё зависят не столько от изменений в законодательстве о выборах и манёвров партийных штабов, сколько от решения кардинальных проблем, стоящих перед Францией в начале XXI в. Только оно способно примирить значительную часть французов с политической жизнью, вновь приведя к избирательным урнам от трети до половины разочарованных в ней граждан. Насколько это будет успешным, покажет время.

ГЛАВА 6. ЭВОЛЮЦИЯ РЕЖИМА ПЯТОЙ РЕСПУБЛИКИ*

Французская политическая культура и конституционные циклы

В 2008 г. исполнится полвека с тех пор, как во Франции парламентский режим Четвёртой республики, неспособный решить болезненные проблемы деколонизации, рухнул под ударами мятежа европейских поселенцев в Алжире и дислоцированного там армейского контингента, уступив место Пятой республике. Конституция 1958 г., скроенная по мерке генерала де Голля, коренным образом изменила баланс между ветвями власти в пользу ис-

* Ю.И. Рубинский, Т.В. Белик. Политическая система Франции: незаконченная модернизация. М., изд-во «ОГНИ ТД», 2006 г. В сборе и обработке материала для работы участвовала аспирант ИЕ РАН, ассистент проф. Ю.И. Рубинского Т.В. Белик.

полнительной вертикали, вершиной которой стал президент, который с 1962г. избирается всеобщим прямым голосованием.

Вместе с тем эта конституция сохранила, в отличие от последовательно президентского режима по типу США, правительство во главе с премьер-министром, назначенное президентом, но ответственное перед нижней палатой парламента – Национальным собранием. Это оригинальное сочетание президентского и парламентского режимов было положено в основу действующей Конституции Российской Федерации, принятой, как и во Франции, путём референдума в декабре 1993 г. в не менее драматических обстоятельствах прямого конфликта между исполнительной и законодательной властями с использованием армии. Это произошло спустя всего два года после распада Советского Союза, который завершил процесс деколонизации в глобальном масштабе, и конца биполярного мира времён холодной войны.

Такое совпадение не случайно. Между традициями французской и российской государственности есть немало общего: централизаторская традиция, важное место иерархической бюрократии во всех сферах жизни общества, в частности, в экономике, вертикальная структура административной машины, идеологизация политической борьбы, придающая ей форму столкновения зачастую несовместимых систем ценностей, приоритет конфликта над компромиссом внутри правящих элит.

Однако конституционно сопоставимые политические режимы Франции и России эволюционировали в конце XX – начале XXI вв. в противоположных направлениях. В первом случае президентская гегемония постепенно смягчалась благодаря ротации власти на всех уровнях между различными политическими силами, ставшей с 1981 г. регулярной. Во втором наоборот, ключевая роль президента неуклонно усиливалась в ущерб всем остальным институтам государственной власти, а смена носителя верховной власти осуществлялась путём «наследования» при опоре на разные фракции одних и тех же постсоветских элит – административных или олигархических.

Здесь даёт себя знать существенное различие сложившихся веками политических культур обеих стран, отношения не только их элит, но и основной массы граждан к понятиям правового го-

сударства, независимости правосудия и СМИ, плюрализма интересов различных социальных слоёв, способам разрешения конфликтов между ними, стиля отношений государства с гражданским обществом.

Партийная структура Франции постепенно переходит от чрезмерной многопартийности к биполяризации, сосредоточению вокруг двух системообразующих партий – неоголлистов, слившихся с большинством либералов в консервативный Союз за народное движение (ЮМП) справа, соцпартии слева, регулярно сменяющих друг друга у власти и в оппозиции. Напротив, в России идёт процесс возврата к «партии власти», опирающейся на административный ресурс государства, в сочетании с псевдо-оппозиционными, но по сути сугубо декоративными довесками в виде миноритарных партий, представленных в парламенте или органах местного самоуправления, но отнюдь не в правительстве (т.н. «управляемая» или «суверенная» демократия).

Тем не менее эволюция режимов как Франции, так и России ещё далека от завершения. Обе страны находятся, каждая по своему, в процессе адаптации их социально-экономических и политических структур к стремительно меняющемуся глобализированному миру, изолироваться от которого не дано никому. Отсюда – несомненный научный и практический интерес анализа этой эволюции во Франции, который может быть полезен и для лучшего понимания российской действительности.

Это особенно очевидно на пороге важного рубежа 2007–2008 гг., когда в обеих странах предстоит смена не только носителей верховной власти, но и целых поколений, в том числе на уровне политических элит.

На протяжении второй половины XX в. такая смена происходила во Франции дважды. В середине 40-х и конце 50-х гг. к руководству страной пришло поколение, сформированное суровым опытом Второй мировой войны, режима Виши и движения Сопротивления гитлеровским оккупантам. Именно оно было движущей силой послевоенного «славного тридцатилетия» высоких темпов роста экономики, обеспечившего восстановление и коренную реконструкцию хозяйственной инфраструктуры страны. Благодаря ему Франции удалось, несмотря на острые внутриполитиче-

ские коллизии, сохранить основы плюралистической демократии, избежав сползания к левому или правому тоталитаризму, создать одну из самых продвинутых систем социальной защиты, обеспечить внешнюю безопасность страны в нелёгких условиях холодной войны.

В конце 60-х – начале 70-х гг. достигло зрелости и вышло на авансцену многочисленное поколение «бэби-бумеров», родившихся в первые послевоенные годы и заявившие о себе бурным социально-политическим кризисом мая 1968 г. Он способствовал существенной модернизации ценностей французов, чьи социальные запросы и ожидания значительно повысились по сравнению с послевоенными годами.

Между тем удовлетворение этих ожиданий становилось всё более затруднительным. Скачки цен на энергоносители ускорили научно-техническую революцию на основе информатики, которая форсировала в свою очередь процессы европейской интеграции и глобализации. Диктуемая ими структурная перестройка экономики снизила темпы роста ВВП Франции вдвое, резко обострив проблему занятости, особенно для молодёжи, тогда как необходимость борьбы с инфляцией потребовала резкого ужесточения бюджетно-финансовой политики.

В таких условиях неокейнсианские методы стимулирования экономического роста с помощью государственного вмешательства, характерные для послевоенного периода, постепенно исчерпывали себя. Их теснили неолиберальные подходы – массированная приватизация, дерегулирование рынка, свёртывание всё более убыточной системы соцстраха, либерализация трудовых отношений.

На международной арене Франции пришлось приспосабливать прежнюю голлистскую парадигму – твёрдую защиту национального суверенитета страны и её статуса великой державы путём сочетания евростроительства и атлантической солидарности с гибким лавированием между Востоком и Западом, Севером и Югом – парадигмы, которая с трудом вписывалась в реалии постбиполярного мира.

Результатом оказалась перманентная напряжённость морального и социального климата в стране, политическим отражением которой являлись частая смена большинства на выборах, голосо-

вание за маргинальные популистские группировки, растущий абсентеизм избирателей, наконец, прямая конфронтация различных категорий населения, считавших свои интересы ущемлёнными, с властью – всеобщие стачки, митинги, демонстрации, которые нередко выходили за рамки правового поля в виде актов насилия и вандализма.

На этом фоне преемники де Голля в Елисейском дворце – Жорж Помпиду, Валери Жискар д'Эстен, Франсуа Миттеран, Жак Ширак, оставаясь верными устоям Конституции Пятой республики, стремились, каждый по-своему, адаптировать её конкретное применение к стремительно менявшимся вызовам французского общества и внешнего мира за счёт частичных реформ в законодательной сфере и эволюции партийной системы в сторону придания ей большей стабильности и эффективности.

Нет сомнения в том, что следующий французский президент продолжит эти усилия. Однако ему придётся уже управлять Францией в обстановке, когда основная масса «бэби-бумеров» уступит место третьему послевоенному поколению, родившемуся уже после «славного тридцатилетия», окончания холодной войны и крушения всего мироустройства, сложившегося в середине прошлого века. Очевидно, что политическая система Франции продолжит процесс модернизации уже в этой новой системе координат.

* * *

В начале XXI в. Франция столкнулась с задачей приспособления к качественно новым условиям её государственных институтов, которые ещё недавно казались окончательно устоявшимися после долгой полосы конституционной и политической нестабильности. «Бессилие властей выглядит всё более очевидным. Граждане никогда не были более далеки от тех, кто ими правит. Никогда необходимые реформы не были настолько блокированы. Главный вопрос состоит в том, как выйти из такого положения. Этот спор определяет политическую жизнь нашей страны, причём центральным пунктом его является перестройка функционирования государственных институтов как предпосылка любой реформы», – писал обозреватель консервативной газеты «Фигаро» А.-Ж. Слама[23].

[23] «Le Figaro», 17 janvier 2005.

Столь драматическая оценка ситуации может показаться преувеличением. В самом деле, в ходе опроса, проведённого французским институтом БВА в ноябре 2004 года, 62% респондентов нашли, что основные государственные институты функционируют хорошо, хотя более половины (51%) высказались за расширение полномочий нижней палаты парламента – Национального собрания. Лишь немногим свыше трети (36%) были убеждены, что существующий конституционный механизм работает плохо или очень плохо[24].

Тем не менее провал на референдуме 29 мая 2005 г. проекта конституции Европейского союза, разработанного по инициативе самой Франции и поддержанного виднейшими представителями её истеблишмента – президентом, правительством, парламентским большинством, наконец, основными лидерами оппозиции, выдвинул на повестку дня проблему преодоления очевидного разрыва между политической элитой страны и основной массой граждан.

Эту необходимость подтвердили один за другим два серьёзных социальных кризиса, потрясших страну осенью 2005 и весной 2006 гг. За волной насилия, развязанной представителями младшего поколения иммигрантов из стран «Третьего мира», в основном арабов и африканцев, в пригородах крупных городов последовало всего три-четыре месяца спустя мощное движение протеста студенческой молодёжи, поддержанной профсоюзами, против закона о либерализации трудовых отношений, выдвинутого премьером де Вильпеном и принятого правоцентристским парламентским большинством. После 12 недель массовых демонстраций и забастовок, грозивших дестабилизировать положение в стране, президенту Шираку и правительству прошлось отступить, аннулировав спорный закон.

Эта капитуляция была воспринята как симптом эрозии демократической легитимности государства, теряющего контакт с гражданским обществом. Данная проблема актуальна не только для Франции: близкий к её правящим кругам Фонд политической инновации посвятил специальный выпуск своего бюллетеня «дефи-

[24] «Le Figaro», 23 novembre 2004.

циту демократии» в современном мире, в том числе в постиндустриальных странах[25]. Хотя о смене государственного строя, основы которого были заложены генералом де Голлем, речь отнюдь не идёт, необходимость внесения в его механизм определённых корректив не вызывает более сомнений.

Поиски государственных структур, сочетающих политическую свободу с эффективностью принятия решений и проведения их в жизнь, присущи всей новой и новейшей истории Франции. Сама идея закрепления в основном законе прав человека и гражданина наряду с принципами демократической организации государства на базе разделения и равновесия властей принадлежат французским просветителям XVIII в. («Дух законов» Ш. Монтескье, «Общественный договор» Ж.-Ж. Руссо). Однако её реализация на практике выглядит пока менее успешной, чем в ряде других промышленно развитых стран: если, например, США живут с одной и той же конституцией уже более двух столетий, а Великобритания вообще обходится без неё, то во Франции за тот же период сменилось 16 основных законов и приравненных к ним документов.

Самый эфемерный из них – Дополнительный акт Наполеона I от 22 апреля 1815 г. после его недолгого возвращения с острова Эльбы оставался в силе всего 2,5 месяца, самая долговечная конституция Третьей республики, принятая 25 февраля 1875 г., просуществовала 65 лет (точнее, де-факто до 6 июня 1940 г., а де-юре до 2 ноября 1945 г.). К этому почтенному по французским меркам возрасту приближается и действующая конституция Пятой республики, вступившая в силу 4 октября 1958 г.

За два с лишним века страна перепробовала восемь типов государственного устройства: абсолютную и две конституционных монархии, две империи (причём последнюю в авторитарном и либеральном вариантах), тоталитарный режим Виши во время Второй мировой войны и пять республик – три парламентские, президентскую (конституция от 14 января 1852 г.) и нынешнюю полупрезидентскую.

Среди причин такой текучести часто называют груз прошлого, богатого конфликтами, которые оставили в сознании францу-

[25] Fondation pour l'innovation politique. Newsletter № 12, May 2005. P. 1.

зов болезненные шрамы, продолжающие разделять их до сих пор. «Нет государства, чей политический режим не носил бы более или менее глубоких следов былого. Но это особенно справедливо для Франции, где воспоминания о борьбе партий в прошлом и привычки, превратившиеся в настоящие юридические обычаи, зачастую более сильные, чем законодательные или конституционные тексты, всегда лежали тяжёлым грузом на политической жизни страны», – отмечал политолог Франсуа Гогель[26].

В этих рассуждениях есть доля истины. Однако дело, разумеется, не просто в особой цепкости исторической памяти французов. Политические конфликты в любом обществе отражают, прежде всего, неоднородность его экономической ткани, этнические, культурные и региональные различия, столкновение интересов социальных групп и ценностных установок народа, многие представители которого чувствуют себя живущими как бы в разных эпохах. «В старых странах новые потрясения не стирают следов предыдущих, а накладываются на них. Последствия экономической и промышленной революции конца XIX века не сменили конфликты, вызванные политической и интеллектуальной революцией конца XVIII века, но лишь прибавились к ним. Партии, родившиеся в первой, сосуществуют с партиями, вышедшими из второй», – отмечал главный редактор газеты «Монд» Жак Фовэ[27].

Асинхронность эволюции социально-экономических структур и их институционально-правовых рамок присуща и современной Франции. Она во многом объясняет такую характерную особенность политического темперамента французов, как преобладание конфликта над компромиссом. Этим они всегда отличались от более прагматичной англосаксонской политической культуры, в которой порядок приоритетов как правило обратный. Отсюда – обилие политических потрясений, многие из которых завершались принятием новых конституций (революции 1789, 1830, 1848, 1870 гг., попытки военных путчей, массовые демонстрации, всеобщие забастовки и т.д.). «Франция является, вероятно, единственной страной в мире, где любой серьёзный политический кри-

[26] François Goguel. Le régime politigue français. Paris, 1955. P. 8.
[27] Jacques Fauvet. La France déchirée. Paris, 1957. P. 87.

зис ставит проблему государственных институтов», – отмечал президент Жорж Помпиду[28].

Тем не менее эта повышенная турбулентность оставалась обычно недолгой и довольно поверхностной – она вовсе не означала перманентного хаоса и беспорядков. После каждого очередного кризиса жизнь довольно скоро возвращалась в привычную колею и верх брала тенденция к частичной реставрации в новых формах традиционных устоев общества[29]. А. де Токвиль убедительно показал, что даже после такого эпохального события, как Великая французская революция 1789 г., ставшая водоразделом в истории не только Франции, но и Европы, если не всего человечества, преемственность многих черт старого режима ещё долго преобладала над переменами.

Да и сами политические потрясения оказывались следствием не столько якобы имманентно присущего французам фрондёрского духа, сколько склонностью их правящих элит к затягиванию решения давно назревших проблем: «Консерватизм может служить плотиной, которая сдерживает напор потока допущенных ошибок. Если бы поток протекал свободно, он снёс бы всё на своём пути. Определённый механизм может упорядочить течение, использовать его силу, если нужно профильтровывать. Это консерватизм по-английски. В противном случае плотина поднимается вместе с уровнем воды до тех пор, пока её однажды не прорвёт. Это консерватизм по-французски. Революции вспыхивают только потому, что эволюции слишком запаздывают», – писал Жак Фовэ[30].

Сочетание политической пассионарности, причём скорее декларативной, вербальной, чем реальной с социально-экономическим консерватизмом во многом объясняется спецификой становления французской государственности.

После завоевания древней Галлии – колыбели нынешней Франции легионами Юлия Цезаря в I в. до н.э., Римская империя, господство которой длилось пять веков, навязала своей самой обширной и богатой провинции писаное право, детально определяв-

[28] George Pompidou. Le noeud gordien. Paris, 1974. P. 62.
[29] Raymond Aron. Immuable et changeante, de la IVe à la Ve République. Paris, 1959.
[30] Jacques Fauvet. Op. cit. P. 31-32.

шее законодательными актами любые нюансы отношений между физическими и юридическими лицами, частной и публичной сферами жизни. Бесконечное разнообразие конфликтных ситуаций с трудом укладывалось в его жестокое прокрустово ложе, направляя недовольство ущемлённых социальных групп не только против конкретных чиновников, но и против власти в целом. Этому способствовал вертикально-иерархический характер римской администрации, стремившейся предельно централизовать и унифицировать управление неоднородными составными частями огромной империи.

Между тем галльские племена были чрезвычайно разнообразны и разобщены бесконечными распрями, что облегчило подчинение их Риму. После падения империи это разнообразие ещё более усилилось, когда северо-восток Галлии завоевали германские племена с их обычным «салическим» правом. Вожди одного сильного из них – франков дали стране само её название и очертили естественные границы территории, простирающейся от Ла-Манша на севере до Средиземноморья и Пиренеев на юге, от побережья Атлантики на западе до горных цепей Арденн, Вогезов, Альп на востоке. В результате на французской земле встретились два основных цивилизационных ареала Западной Европы – германский с его англосаксонской и скандинавской ветвями и романо-средиземноморский, так и не слившиеся воедино до конца. Граница между ними делит Францию пополам на уровне течения Луары, по обе стороны которой до сих пор сохраняются ощутимые этнокультурные оттенки[31].

Значительные различия между северными и южными областями, иногда гораздо более глубокие, чем во Франции, существуют во многих других европейских странах – Великобритании, Германии, Италии, Испании. Но если немцы или итальянцы сохраняли политическую раздробленность веками, ничуть не теряя при этом сознания принадлежности к одному народу, а швейцарцы или бельгийцы налаживали сожительство разных народов, пусть с переменным успехом, в рамках федерации или конфедерации (теперь по тому же пути идут испанцы, итальянцы и даже британ-

[31] Ж. и К. Виллар. Формирование французской нации. Пер. с фр. М., 1957.

цы), то во Франции формирование единой нации произошло не снизу, а сверху с помощью жёсткого политико-административного инструмента – унитарного государства. В результате понятия государства и нации оказались у французов почти синонимами. «Преемственность Франции покоится прежде всего на постоянстве её администрации, которая пережила все династии, все революции, все катастрофы. За изменчивым фасадом феодальной, абсолютной, либеральной монархий, империй и пронумерованных республик основные государственные институты, а вместе с ними и само государство оставались всё теми же, без коренных изменений», – писал швейцарский публицист Герберт Люти в эссе «По часам своей колокольни»[32].

Длительный процесс собирания вокруг Парижа пёстрых в экономическом, культурном, даже языковом отношениях французских земель происходил не только и даже не столько путём войн и династических браков, сколько с помощью строгой административной централизации и унификации управления ими. Подавив мятежи и междоусобицы феодальных баронов, ограничив коммунальные свободы городов, королевская власть создала классический образец абсолютной монархии.

«Король-солнце» Людовик XIV, версальский двор которого служил в XVII–XVIII вв. примером для всех европейских монархов, не случайно бросил крылатую фразу: «Государство – это я». Сосредоточение всей полноты политической власти в руках монарха, а административной – назначенных им чиновников усугублялось значительной ролью государства в хозяйственной жизни. Министр финансов Людовика XIV Кольбер дал своё имя широкой практике государственных займов, откупов, таможенного протекционизма, казённых заказов для армии и флота, создания королевских мануфактур, учреждения монопольных компаний для заморской торговли.

Между тем присущая кольбертизму придирчивая регламентация экономической деятельности в конечном счёте не столько поощряла, сколько тормозила её развитие. Огромные расходы на содержание громоздкого бюрократического аппарата, пышного дво-

[32] Herbert Lüthy. A l'heure de son clocher. Essai sur la France. Paris, 1955. P. 20.

ра, могучей армии, которая вела разорительные войны, утяжеляли налоговое бремя, распределение которого служило постоянным источником недовольства. Привилегированные сословия – дворянство и духовенство, освобождённые от налогов и составлявшие высший эшелон власти в государстве, всё больше отчуждались от подавляющего большинства нации – «Третьего сословия» во главе с городской буржуазией. Продажа доходных должностей, борьба придворных клик и провинциальных кланов за доступ к принятию властями выгодных им решений поощряли коррупцию, которая расшатывала государство, дискредитируя его в глазах подданных. Накопление критической массы протеста в низах и раскол элит, часть которых открыто оспаривала традиционные порядки, привели, в конце концов, к беспрецедентному революционному катаклизму 1789 г.

Тем не менее решительный разрыв с прошлым, который прокламировали наиболее радикальные вожди Великой французской революции, не ослабил, а напротив, ещё более усугубил централизаторские принципы построения бюрократической машины государства. Якобинская диктатура, затем наполеоновская империя разделили страну вместо старинных провинций на стандартизованные департаменты по географическим признакам, носящие чаще всего названия рек или гор. Стержнем французской административной системы стал корпус префектов – полномочных представителей правительства на местах, опекающих выборные органы местного самоуправления.

Жёсткость административных структур влекла за собой двоякую реакцию. С одной стороны она вызывала стремление к обходу закона, уклонению от налогов, с другой – поощряла иждивенчество, склонность добиваться от государства максимума льгот, субсидий, исключений из общих правил. Усиливая групповой эгоизм, притупляя чувство личной ответственности и готовность к предпринимательскому риску, бюрократическая система вела в конечном счёте к противостоянию государства с гражданским обществом. Именно поэтому конфликты социально-экономических интересов так часто принимали во Франции политическое измерение. «Прогрессирующий паралич местной инициативы при параллельном расширении поля деятельности правительства поро-

ждали во французском общественном мнении привычку одновременно не доверять чересчур сильной власти и слишком полагаться на неё», – отмечал Ф. Гогель[33].

К тому же различия между регионами, отражающие разнообразие их природных условий, исторических и культурных традиций, порождают среди их жителей чувства местного патриотизма, принадлежности к «малой родине». Хотя окраины страны – Эльзас, Бретань, Страна басков, Корсика, сохранили этническую и культурно-языковую специфику, структура управления Францией была и всё ещё во многом остаётся сугубо однородной – любое отклонение от этого правила всегда рассматривалось центральной властью как подрыв принципа равенства граждан перед законом, более того, как угрозу целостности единого и неделимого государства – нации.

Централизация и унификация административной системы затрудняли поиск компромиссных решений местных проблем на промежуточных между столицей и провинцией уровнях. Поднимая даже сравнительно второстепенные спорные вопросы на всё более высокие этажи вертикали власти, государство поощряло оппозицию снизу и раскол в верхах. «Крайне централизованная власть наверху провоцирует постоянное сопротивление внизу, во всяком случае при свободных режимах. В более децентрализованных странах индивидуализм граждан даёт о себе знать меньше – власть там ближе к ним, человечнее», – отмечал Ж. Фовэ[34].

К этому следует добавить ещё одну характерную черту французской политической культуры – её идеологизированность. Во времена феодальной и абсолютной монархий «христианнейшие» короли Франции объявили свою страну «старшей дочерью» римско-католической церкви (что, впрочем, не мешало им упорно защищать галликанство – автономию французского духовенства от Ватикана). Союз монархии и церкви, скреплённый общностью интересов дворянства и духовенства, объясняет тот факт, что Великая французская революция 1789 г. совершилась не в мантии религиозного пуританства, как до неё нидерландская или анг-

[33] François Goguel. Op. cit. P. 11.
[34] Jacques Fauvet. Op. cit. P. 24.

лийская, а под флагом воинствующего антиклерикального свободомыслия. Со своей стороны католическая церковь во Франции долго отвергала идеи республики, демократии, светского образования. Противостояние республики и церкви, затянувшееся вплоть до XX в. (последний рецидив его, связанный с неудачной попыткой реформы социалистами системы образования, подчинявшей частные католические школы контролю государства, имел место в 1984 г.) придавало французской общественной жизни характер столкновения не только материальных интересов и политических убеждений, но и систем духовных ценностей[35].

В принципе религиозно-этические проблемы французской общественной жизни были решены отделением церкви от государства ещё сто лет назад законом 1905 г. Однако идеологические мотивации в подходе французов к политическим проблемам и по сей день принимают порой квазирелигиозную форму. Сохранение на крайних флангах политического спектра приверженцев экстремистских идеологий (пусть даже маргинальных) тормозит процесс модернизации общественной жизни страны, диктуемой реалиями XXI в. Оно сужает свободу действий «системных» партий – социал-демократических и либеральных. Вынужденные учитывать, особенно перед выборами, влияние популистской демагогии на часть их избирателей, эти партии, будучи в оппозиции, не только оспаривают те или иные конкретные меры правительства, но и зачастую ставят под вопрос порядок их принятия, если не саму легитимность. Отсюда трудности разделения властей в рамках гибкой системы сдержек и противовесов, присущей большинству постиндустриальных государств Запада и периодическое возобновление извечной дискуссии относительно адекватности существующего государственного строя и его основы – конституции требованиям времени.

Если вплоть до революции 1789 г. единоличным носителем суверенитета считался король «Божьей милостью», то после неё им был провозглашён народ, осуществляющий свои права либо прямо через президента, который черпает свою легитимность из прямых выборов всеобщим голосованием или референдумов (пле-

[35] Bernard-Henri Lévy. L'idéologie française. Paris, 1981.

бисцитов), либо косвенно, через его представителей – депутатов парламента, формирующих ответственное перед ними правительство. Образцом первого варианта считается президентский режим США, второго – парламентская («вестминстерская») система Великобритании.

Франция же на протяжении двух последних столетий постоянно колебалась между этими двумя моделями, которые не раз принимали у неё крайние формы. Представительная демократия оборачивалась всевластием парламента («режимом Ассамблеи»), хронической неустойчивостью правительств и параличом механизма принятия ответственных решений, прямая порой вырождалась в диктаторские режимы личной власти, чреватые подавлением гражданских свобод, военными авантюрами и катастрофами. Причём одна крайность порождала другую – каждая новая конституция составлялась как реакция на недостатки предыдущей, что в свою очередь определяло её односторонний характер. Трудности поисков баланса между законодательной и исполнительной властями усугублялись особенностями судебной власти, нередко подверженной административным и политическим влияниям, слабостью местного самоуправления и отсутствием двухпартийной системы, обеспечивающей плавную ротацию различных политических сил, между большинством и оппозицией на основе национального консенсуса.

Все эти факторы вместе взятые объясняют широкую амплитуду колебаний французского конституционного маятника между различными моделями, отличающимися преобладанием прямой или представительной демократии и, соответственно, исполнительной или законодательной властей.

Специалисты по государственному праву Франции склонны делить её политические режимы не столько на многочисленные основные законы, от которых зависел порядковый номер монархий, империй и республик, сколько продолжительные конституционные циклы преобладания того или иного фундаментального принципа. «Циклическая модель интересна тем, что даёт возможность осуществлять сравнение закономерной смены различных моделей внутри одной национальной конституционной традиции. Особенно чётко данная модель представлена во Франции», – от-

мечает российский государствовед А. Медушевский[36].

После окончательного утверждения во Франции к концу 70-х гг. XIX в. республиканского строя таких конституционных циклов было два. Один – парламентский включает Третью (1875–1940 гг.) и Четвёртую (1946–1958 гг.) республики, другой – полупрезидентский – Пятую (с 1958 г. по настоящее время). Каждому из этих циклов свойственна относительная стабильность институционно-правовых рамок и правил политической игры при значительных изменениях социально-экономических структур французского общества.

В самом деле, на протяжении долгого парламентского цикла Франция успела превратиться из аграрной в аграрно-индустриальную, затем в развитую промышленную и, наконец, в постиндустриальную страну. В её социальной структуре крестьянство и традиционные городские средние слои уступили преобладающую роль людям наёмного труда, составившим уже к середине XX в. три четверти самодеятельного населения. В свою очередь среди них рабочий класс постепенно становился меньшинством по сравнению со специалистами и служащими, особенно в доминирующей отныне сфере услуг, образующей большинство среднего класса и населения в целом.

Между тем, правовые и политические рамки французского общества изменялись гораздо медленнее, чем его социально-экономические устои. Обе последние парламентские республики родились в результате банкротства предшествовавших им авторитарных режимов Второй империи и Виши, дискредитированных военными поражениями. Они рассматривались их создателями не как идеальные решения, а как единственная альтернатива угрозе возврата к авторитаризму. Речь шла по сути дела о вынужденном компромиссе элит на основе наименьшего общего знаменателя их противоречивых интересов.

Сходство происхождения объясняет близость многих правил функционирования основных государственных институтов Третьей и Четвёртой республик. Французский вариант парламентариз-

[36] Медушевский А. Конституционные циклы во Франции и модель их преодоления. «Космополис». № 2(8), лето 2004 г. С. 84-101.

ма вдохновлялся классической британской моделью (ограничение минимумом полномочий главы государства, сосредоточение власти в двухпалатном парламенте, формирующем ответственное перед ним правительство), но на практике эти системы существенно отличались друг от друга. В условиях многопартийности и наличия на крайних флангах радикальных сил, отвергавших порой саму легитимность существующего режима, ни одна партия никогда не могла добиться самостоятельного абсолютного большинства ни на выборах, ни в парламенте. Поэтому большинство в палатах и опиравшиеся на него кабинеты могли быть только коалиционными. Причём граница между большинством и оппозицией оставалась довольно зыбкой, размытой: отпадение одной из составных частей правительственной коалиции лишало кабинет парламентской опоры и автоматически влекло за собой правительственный кризис.

Обилие таких кризисов, хроническая неустойчивость правительств обычно считаются наиболее негативной чертой парламентского режима Третьей и Четвёртой республик. За 70 лет – с 1870 по 1940 гг. во Франции сменились 108 кабинетов, тогда как в Англии за 136 лет (1801–1937 гг.) – всего 44. В Четвёртой республике министерская чехарда ещё более усилилась – за 12 лет (1946–1958 гг.) у власти побывали 22 кабинета. Но из 108 правительственных кризисов Третьей республики всего 10 были связаны с парламентскими выборами – все остальные были вызваны распадом большинства в связи с выходом из него отдельных фракций при голосовании того или иного спорного законопроекта. Однако отказ в доверии кабинету отнюдь не влёк за собой роспуска нижней палаты и новых парламентских выборов. Кризис завершался лишь относительно небольшим смещением политической оси большинства влево или вправо и соответствующей перетасовке министерских портфелей среди узкого круга постоянных претендентов на правительственные посты («министрабль»)[37].

В конечном счёте, правительственные кризисы при Третьей и Четвёртой республиках служили вполне нормальным, обычным способом улаживания конфликтов среди элит путём корректиров-

[37] A. Soulier. L’instabilité ministérielle sous la Troisième République. Paris, 1939.

ки условий прежнего компромисса и достижения нового. «Функционирование институтов государственной власти и вся политическая жизнь Третьей республики покоятся на постоянном использовании правительственного кризиса – то, что должно было быть исключительным актом, стало средством урегулирования текущих дел», – отмечал французский юрист Жак Олле-Лапрюн[38].

По сути дела неустойчивость кабинетов в сочетании со стабильностью министров и тем более кадрового чиновничества служили амортизаторами конфликтов в обществе, связанных с крутыми поворотами политики государства. Такой поворот растягивался правительственными кризисами на несколько этапов, каждый из которых сопровождался сменой декораций, ролей и их исполнителей в парламентском спектакле.

Французская модель парламентаризма отличалась ещё одной характерной чертой – личной унией политических элит на локальном и национальном уровнях. Ограниченность прав и финансовых средств органов местного самоуправления перед лицом всемогущих префектов побуждал влиятельных лиц на местах – «нотаблей» добиваться парламентских мандатов с тем, чтобы легче решать свои проблемы через центральную администрацию в столице. Со своей стороны депутаты, сенаторы, министры нуждались в прочной локальной базе, которая гарантировала бы их переизбрание.

Поэтому не менее 90% депутатского корпуса на протяжении десятилетий совмещали свои мандаты с обязанностями мэра, члена муниципального или генерального (департаментского) совета. «Если мэр города или выборный руководитель департамента не может и не хочет восставать против центральной власти, он должен пытаться проникнуть внутрь механизма, осуществляющего в Париже административное управление страной. Тем самым национальный выборный мандат оказывается весьма полезной вещью», – писал видный политический деятель Мишель Дебре, занимавший в 1959–1962 гг. пост премьер-министра Пятой республики[39].

Благодаря подобной практике парламентским режимам удава-

[38] Jacques Ollé-Laprune. La stabilité des ministres sous la Troisième République. Paris, 1961. P. 296.
[39] Michel Debré. Trois charactéristiques du système parlamentaire français. «Revue française des sciences politiques», vol. V, №1, janvier-mars 1955. P. 25.

лось поддерживать равновесие между централизованной административной системой, штаб которой оставался в Париже, и провинцией, где формировалась политическая элита и решался исход выборов. Основную массу её составляли консервативные местные «нотабли», в основном люди свободных профессий (адвокаты, нотариусы, врачи) или преподаватели средней и высшей школы. Это косвенно отражало общий баланс социальных сил в стране, где традиционные средние слои городской мелкой буржуазии и крестьянства смягчали противостояние между наёмным трудом и капиталом, левыми и правыми партиями, государством и гражданским обществом.

На протяжении долгого времени французская модель парламентского режима служила, с учётом особенностей национальной политической культуры, достаточно эффективным инструментом решения проблем, стоявших перед страной в конце XIX и первой половине XX вв.

В самом деле, Третья республика завершила переход экономики от аграрно-индустриальной к индустриально-аграрной, отбила атаки клерикально-милитаристской реакции на демократию (буланжизм, «дело Дрейфуса»), ввела систему всеобщего, обязательного и бесплатного светского образования, тогда ещё начального, отделило церковь от государства и школу от церкви. На международной арене она завоевала вторую в мире колониальную империю и создала систему внешних союзов с Россией и Великобританией, позволившую одержать победу в Первой мировой войне, взяв реванш за разгром во Франко-прусской войне 1870 г.

В свою очередь Четвёртая республика всего за 12 лет сумела реконструировать на современной технической основе экономику, обескровленную кризисом 30-х гг. и германской оккупацией во время Второй мировой войны, создать одну из лучших в мире систем соцобеспечения, успешно противостояв угрозам демократии со стороны левого и правого экстремизма. В нелёгких условиях холодной войны она обеспечила Франции безопасность в рамках евроатлантических структур и стала на путь примирения с «наследственным врагом» – Германией на основе инициированного Парижем процесса европейской интеграции.

Вместе с тем на заключительных этапах существования обе-

их последних французских парламентских республик они постепенно исчерпывали свой политический ресурс, оказываясь неспособными найти ответ на вызовы времени.

В самом деле, способность французской модели парламентаризма смягчать конфликты в обществе постоянными поисками компромиссов внутри элит или между ними и более широким кругом участников политического процесса превращалась в новых условиях из достоинства в недостаток. Острота проблем, с которыми сталкивалась страна, требовала принятия жёстких, зачастую болезненных, непопулярных решений. Между тем во Франции парламентские режимы были приспособлены не к форсированию, а наоборот, скорее к торможению назревших реформ, чтобы выиграть время для минимизации их социально-экономических и политических издержек. Именно эту тенденцию отражал характерный термин «иммобилизм», под которым имелось в виду оттягивание непопулярных мер до тех пор, пока они не теряли прежнюю остроту и делали их проведение в жизнь менее конфликтным благодаря очередной смене парламентских декораций и правительственных исполнителей[40].

Если в спокойные времена подобный метод помогал смягчить конфликты в обществе, то в периоды глубоких внутренних и международных кризисов он лишь ещё более усугублял их. Многочисленные попытки реформировать парламентские режимы изнутри путём пересмотра конституций 1875 и 1946 гг. неизменно завершались неудачей: любое расширение прав президента напоминало о государственном перевороте Луи-Бонапарта 2 декабря 1851 г., облегчение роспуска нижней палаты, чтобы уменьшить неустойчивость кабинетов – о провале такого роспуска 16 мая 1877 г. президентом Мак Магоном, стремившимся навязать республиканскому большинству депутатов неприемлемое для них монархическое правительство. «Следует признать, что парламентской республике, пережившей длинную серию неудач, так и не удалось найти действительно прочную опору для власти правительства,

[40] Nathan Leites. Du malaise politique en France. Paris, 1958; Jacques Fauvet. La IVe République. Paris, 1959; Georgette Elgey. Histoire de la IVe République. T. II. La République des contradictions. 1951–1954. Paris, 1968.

поскольку последнее было в принципе неспособно контролировать парламент, от которого зависели его полномочия», – отмечал Андре Зигфрид в послесловии к книге публициста Роже Приуре «Республика депутатов»[41].

«Великая депрессия» начала 30-х гг. XX в., которая растянулась во Франции почти на целое десятилетие, способствовала поляризации политических сил на крайних флангах, выведя их противоборство из парламентских дворцов на улицу. Попытка фашистского путча в Париже 6 февраля 1934 г. вызвала мощное движение Народного фронта, вылившееся два года спустя сначала в победу блока левых партий – социалистов, коммунистов, радикалов на парламентских выборах, затем в массовые демонстрации и всеобщую забастовку с занятием рабочими предприятий. Правительство социалиста Леона Блюма организовало переговоры предпринимателей с профсоюзами, в ходе которых патронат был вынужден пойти на значительные уступки (повышение зарплаты, двухнедельные оплачиваемые отпуска и т.д.).

Предпринимательское сообщество (патронат) ответило бегством капиталов за границу и «стачкой инвестиций». Результатом стали серия девальваций франка и застой производства, что серьёзно отразилось на обороноспособности страны, ослабляя её перед лицом растущей угрозы нацистской Германии. Провал политики «умиротворения» агрессоров, проводившейся западными демократиями, привёл к подписанию советско-германского пакта о ненападении 1939 г., развязыванию Гитлером Второй мировой войны, разгрому Франции и крушению Третьей республики, уступившей место тоталитарному режиму Виши во главе с маршалом Петэном[42].

Не менее критическая ситуация сложилась в стране почти два десятилетия спустя в связи с неспособностью Четвёртой республики решить проблему деколонизации. Разорительные и неудачные колониальные войны в Индокитае, затем в Алжире, длившиеся 14 лет, подтачивали финансовую систему метрополии, изоли-

[41] Roger Priouret. La République des députés. Paris, 1959. P. 266.
[42] Рубинский Ю.И. Тревожные годы Франции. Борьба классов и партий от Версаля до Мюнхена (1918–1939). 1973 г.

ровали Францию на международной арене и способствовали разложению армии, ещё не оправившейся от глубокой травмы капитуляции 1940 г.

Крах попыток многочисленных правительств, державшихся у власти в среднем по полгода, найти выход из алжирского тупика способствовали расколу общества и дискредитации парламентского режима, усугублённой серией громких финансово-политических скандалов. Финалом стал мятеж европейских колонистов в Алжире 13 мая 1958 г. при поддержке дислоцированных там вооружённых сил под лозунгом формирования правительства «национального спасения».

Сторонникам генерала де Голля удалось направить события в благоприятное для него русло, бросив лозунг призыва к «самому знаменитому из французов», единственно способному решить алжирскую проблему, избежав гражданской войны. Глава правительства П. Пфлимлен, лидеры основных политических партий, а затем и президент Р. Коти, напуганные угрозой высадки мятежных парашютистов в Париже, установили контакт с генералом, который получил подавляющим большинством Национального собрания чрезвычайные полномочия на формирование правительства и составление проекта новой конституции. Как заметил один из депутатов, «Четвёртая республика не была убита – она покончила самоубийством»[43].

Казалось бы, внешнее сходство обстоятельств гибели двух последних парламентских республик во Франции (военные неудачи, раскол нации, разложение парламентских режимов, выступление на авансцену харизматической фигуры в армейском мундире, легальное предоставление ему депутатами полномочий на коренное изменение государственного строя) очевидно. К тому же Петэн и де Голль были выходцами из одной и той же среды кадрового офицерства, далёкого от демократических ценностей (де Голль служил между двумя мировыми войнами под началом Петэна и посвятил ему свою первую книгу)[44]. Этот параллелизм привёл

[43] Jean Ferniot. Les Ides de mai. Paris, 1958; Merry et Serge Bromberger. Les 13 complots du 13 mai ou la défivrance de Gulliver. Paris, 1959; J.-R. Tournoux. Secrets d'Etat. Paris, 1960.
[44] J-R. Tournoux. Pétain et de Gaulle. Paris, 1965.

советского историка и журналиста Г.М. Ратиани к выводу, что в обоих случаях речь шла как по форме, так и по содержанию о событиях одного порядка – насильственной смене парламентских режимов авторитарными[45].

В действительности это сходство было иллюзорным. Петэн, герой Первой мировой войны, связал своё имя двадцать лет спустя с политикой коллаборационизма, сотрудничества с национальным врагом. При опоре на штыки оккупантов в стране был установлен тоталитарный режим, скопированный с гитлеровской Германии и фашистской Италии – упразднены гражданские свободы, запрещены политические партии и профсоюзы, приняты расистские законы, развёрнут полицейский террор и культ провиденциального вождя. Этот режим опирался на самые реакционные слои французского общества, признанный идеолог которых Шарль Моррас, некогда крайний националист, объявил поражение Франции в 1940 г. «божественным сюрпризом» – заслуженной карой за грехи безбожной республики.

Хотя правительство Виши поддержали некоторые круги патроната и технократов, надеявшихся использовать режим как инструмент модернизации экономики сверху с помощью этатистских и корпоративных структур, незавидное место, отведённое оккупированной Франции в грабительской системе гитлеровского «нового порядка в Европе» заведомо обрекало эти расчёты на провал. Оккупационные власти гораздо охотнее поддерживали архаичные вишистские лозунги «возврата к земле», превращения страны в сельскохозяйственный придаток и ремонтную мастерскую военной машины Третьего рейха.

Напротив, генерал де Голль, который создал в Лондоне эмигрантское движение Свободной Франции, стал признанным вождём движения Сопротивления оккупантам благодаря сочетанию борьбы за освобождение страны, восстановление её национальной независимости и величия с задачами возрождения республики, коренного обновления её экономики и проведения глубоких социальных реформ. Таким образом, деголлевская и петэновская программы являлись противоположными: одна смотрела в про-

[45] Г.М. Ратиани. Франция: судьба двух республик. М., 1980.

шлое, другая – в будущее.

Вместе с тем принятие де Голлем, наследником католических и роялистских традиций его семьи, принципов демократии отнюдь не было равнозначно простой реставрации довоенного парламентского режима. По твёрдому убеждению генерала, такой режим неизбежно усугубляет раскол французов на многочисленные партии, отстаивающие под разными идеологическими знамёнами свои своекорыстные интересы: объединяться в борьбе за власть они могут лишь на сугубо негативной основе беспринципных компромиссов, обрекающих государство на бессилие и ставящих под удар безопасность страны. Именно в этом де Голль видел главную причину национальной катастрофы 1940 г.

Единственным способом предотвратить повторение её в будущем он считал коренное перераспределение полномочий между законодательной и исполнительной властями в пользу последней. Как человек военный, генерал естественно предпочитал представительной демократии прямую, при которой носитель верховной власти черпает свою легитимность из волеизъявления всех граждан через голову любых посредников в виде парламента, партий, профсоюзов, ассоциаций гражданского общества, выборных органов местного самоуправления: «Будучи уверен в том, что суверенитет принадлежит народу, если он выражает своё мнение напрямую и целиком, я не допускаю дробления этого суверенитета между различными интересами, представленными партиями. Они должны, конечно, по моему мнению, способствовать выражению различных взглядов, а затем избранию депутатов, которые обсуждают и принимают законы в палатах парламента. Но для того чтобы государство было, как ему и положено, инструментом обеспечения единства Франции, высших интересов страны, преемственности национальной политики, я полагал необходимым, чтобы правительство формировалось не парламентом, то есть партиями, а стоящим над ними главой государства, получившим свой мандат непосредственно от всей нации и способным благодаря этому хотеть, решать и действовать», – подчёркивал де Голль в «Мемуарах надежд», ставших его политическим завещанием[46].

[46] Charles de Gaulle. Mémoirs d’espoir. T.I. Le renouveau. 1958–1962. Paris, 1970.

Известный французский политолог Рене Ремон относит подобную концепцию государственной власти к бонапартистской традиции. Хотя для этого есть известные основания, подобное сравнение можно принимать лишь с большими оговорками. С начала и даже с середины XIX в. Франция успела радикально измениться, превратившись из преимущественно аграрной в высокоразвитую индустриальную державу. Республика, демократия, светскость стали национальным консенсусом, неотъемлемыми атрибутами её политической жизни. Де Голль достаточно ясно отдавал себе в этом отчёт, никогда не ставя под вопрос права человека и основные гражданские свободы: он исходил из того, что любой тоталитаризм – фашистский или коммунистический не объединяет, а раскалывает нацию и поэтому в конечном счёте ослабляет государство.

От наполеоновских империй созданная де Голлем Пятая республика унаследовала лишь некоторые внешние признаки: «Голлизм, подобно бонапартизму, воплощает определённую идею прямой демократии, находящей выражение в практике референдумов, – писал Рене Ремон. – … Стремясь к эффективности, страстно приверженный идее единства, он испытывает недоверие к любым институтам, способными стать посредниками между верхами и низами, затянуть принятие решений, подорвать сплочённость нации, поставить групповые интересы выше общих, определять которые власть хочет только сама»[47].

К этому следует добавить склонность к использованию административно-технократических структур государства в качестве инструмента модернизации экономики и тактику лавирования между различными социально-политическими силами путём заимствования части своего пропагандистского багажа как справа, так и слева.

Первая попытка генерала добиться принятия основного закона, который отвечал бы его представлениям о принципах государственной власти, предпринятая им сразу же после окончания Вто-

P. 10.

[47] René Rémond. La Droite en France. De la première Réstauration à la Ve République. Paris, 1963. P. 289.

рой мировой войны, не удалась. После всё более острых конфликтов с парламентом де Голль подал 20 января 1946 г. в отставку с поста председателя Временного правительства, явно рассчитывая быть вскоре призванным обратно и продиктовать свои условия[48].

Хотя ждать ему пришлось долгие 12 лет, однако и в этот период, обычно именуемый биографами генерала «переходом через пустыню», он не сложил оружия. Сформулировав свои рецепты конституционного устройства страны в речах в Байе и Эпинале 16 июня и 29 сентября 1946 г., де Голль основал массовое политическое движение «Объединение французского народа» (РПФ), которое провозгласило своей целью роспуск Национального собрания и коренной пересмотр парламентской конституции Четвёртой республики, принятой на референдуме полугодом ранее[49].

Тем не менее тактика РПФ, стремившейся блокировать нормальную работу законодательных учреждений, не увенчалась успехом. Реформа избирательной системы, проведённая в 1951 г. партиями т.н. «Третьей силы» (социалисты, радикалы, католическое Народно-республиканское движение – МРП), оставила крайние фланги – голлистов справа и коммунистов слева даже вместе взятые в меньшинстве. В результате часть голлистских депутатов откололась от своей фракции, примкнула к правоцентристскому большинству, где социалистов заменили правые консерваторы («независимые и крестьяне») и вошла в правительство, влившись тем самым в осуждённую де Голлем парламентскую систему. В ответ генерал дистанцировался от своих сторонников и объявил об отходе от активной политической деятельности.

Ситуация изменилась только в мае 1958 г. на фоне глубокого кризиса парламентского режима, вызванного алжирской войной. Получив от большинства депутатов мандат на формирование правительства и составление новой конституции, де Голль поручил разработку её проекта группе близких к нему юристов и полити-

[48] Charles de Gaulle. Mémoirs de guerre. T. III. Le Salut. 1944–1946. Paris, 1959. P. 280-290.

[49] Конституция и законодательные акты французской республики. Пер. с фр. М., 1958 г.; Крутоголов М.А. Государственный строй современной Франции (Четвёртая республика). М., 1958 г.; Maurice Duverger. Constitutions et documents politiques. Paris, 1957. P. 130-173.

ков, завершивших свою работу в рекордно короткий срок. 4 сентября 1958 г. текст нового основного закона был обнародован, 28 одобрен на референдуме подавляющим большинством голосов (79,3 против 20,7%) и 4 октября вступил в силу[50].

Эта дата открывает новый, второй по счёту конституционный цикл в современной истории республиканской Франции, который отличается от предыдущего существенным изменением баланса сил между законодательной и исполнительной ветвями власти в пользу последней, подкреплённое за счёт значительных элементов прямой демократии в ущерб представительной.

Кризис и компромисс

Краеугольным камнем Конституции 1958 г. служит, прежде всего, ключевая роль президента Республики, который следит за исполнением основного закона, обеспечивает своим арбитражем бесперебойное функционирование государственных институтов и преемственность государства. Он является гарантом национальной независимости, целостности территории страны и соблюдения международных договоров (ст. 5.1). Президент назначает премьер-министра, остальных членов правительства и принимает их отставку, треть из 9 членов Конституционного суда, включая его председателя, утверждает назначение на высшие военные и гражданские должности (префектов, генералов, послов, руководителей национализированных предприятий и т.д.). Он председательствует на еженедельных заседаниях Совета министров, а как верховный главнокомандующий вооружёнными силами – советов и комитетов национальной обороны, ведёт дипломатические переговоры, ратифицирует международные договоры, аккредитует французских послов за границей.

Промульгируя в течение 15 дней принятые парламентом законы, глава государства вправе вернуть их на повторное обсуждение или представить Конституционному совету для заключения о соответствии конституции. В вопросах, не покрытых законодательством, он издаёт декреты, подготовленные Госсоветом

[50] L’établissement de la Cinquième République. Le référendum de septembre et les élections de novembre 1958. Paris, 1960.

(ордонансы). По предложению правительства или обеих палат парламента он имеет право представить на референдум любой законопроект, касающийся организации государственной власти, социально-экономических реформ или ратификации международного договора, способного повлиять на функционирование государственных институтов. Президент может после консультации с премьером и председателями палат распускать Национальное собрание, назначить досрочные выборы (но не в течение года после них), а также направлять палатам послания, которые заслушиваются без обсуждения, в том числе в период между сессиями.

Глава государства, который является также гарантом независимости судебной власти, назначает треть членов Высшего совета магистратуры, контролирующего назначение судей министерством юстиции. Он освобождён от судебной ответственности за действия в ходе исполнения своих обязанностей, кроме как по обвинению в национальной измене, которое разбирается особым Верховным судом.

Наконец, на основании ст. 16 в случае чрезвычайной ситуации, серьёзно и непосредственно угрожающей государственным интересам, независимости нации, целостности её территории, выполнению международных обязательств, если к тому же нормальное функционирование конституционных органов власти прервано, президент вправе принять любые диктуемые обстоятельствами меры. Тогда он обязан лишь проконсультироваться с премьер-министром, председателями обеих палат парламента, Конституционного совета и сообщить об этом гражданам специальным посланием. На время действия ст. 16 парламент заседает постоянно, а Национальное собрание не может быть распущено[51].

Согласно первоначальному тексту Конституции 1958 г., президент избирался на 7 лет, но не на совместном заседании обеих палат парламента (Конгрессе), как это было в Третьей и Четвёртой республиках, а расширенной коллегией выборщиков, включавшей депутатов, сенаторов, членов генеральных и делегатов от

[51] Французская республика. Конституция и законодательные акты. Пер. с фр. М., 1989 г. С. 31-35; Крутоголов М.А. Президент Французской республики. Правовое положение. М., 1980 г.; Baguenard J., Maout J-Ch., Muzellec R. Le Président de la Ve République. Paris, 1970.

муниципальных советов. Такое расширение президентского избирательного корпуса до 70-80 тыс. человек способствовало независимости главы государства от парламента, но не от выборных представительных органов в целом. Поэтому в 1962 г. была проведена реформа конституции, вводившая избрание президента всеобщим прямым голосованием. Предложенная де Голлем и одобренная на референдуме 28,8 млн голосов против 7,9 млн, она придаёт главе государства значительно бóльшую легитимность, чем у членов парламента, каждый из которых представляет лишь свой избирательный округ[52].

В то же время полномочия двухпалатного парламента – Национального собрания и Сената значительно сокращены. Хотя он по-прежнему выполняет свои основные функции – законодательную (включая принятие бюджета) и контрольную, а также имеет исключительное право объявления войны, их реализация ограничена весьма жёсткими рамками. Повестку дня обеих палат определяет не их выборное руководство, а правительство. Все вопросы, имеющие регламентарный характер, исключаются из сферы законодательства. Предложения и поправки, внесённые членами парламента в проект бюджета, не могут быть приняты, если следствием их принятия является сокращение государственных доходов либо увеличение расходов (ст. 40).

Ответственность правительства перед нижней палатой сохранена, но обставлена жёсткими условиями: отказ в доверии кабинету может иметь место лишь в случае принятия абсолютным большинством всех депутатов Национального собрания (их ныне 577) резолюции порицания, подписанной не менее чем 10% членов нижней палаты. Это имело целью исключить соединение в случае раскола правительственного большинства депутатов оппозиционных фракций слева и справа, которое оставляло бы кабинет в меньшинстве и вызывало его падение при отсутствии кредитоспособной альтернативы, опирающейся на общую программу. Собрать подписи депутатов от противоборствующих политических сил под одним и тем же текстом резолюции порицания и

[52] Le référendum d’octobre et les élections de novembre 1962. Sous la direction de François Goguel. Paris, 1965.

затем голосовать за неё становилось отныне чрезвычайно трудно (ст. 49)[53].

Более того, благодаря третьему абзацу той же 49-й статьи правительство может проводить свой законопроект через Национальное собрание без поправок, поставив в связи с ним в случае необходимости вопрос о доверии. Если его критики не могут обеспечить принятие резолюции порицания, то спорный текст (включая бюджет или отдельные его части) считается принятым. В 1960–2003 гг. правительства успешно использовали этот метод 83 раза и всегда безотказно. Причём если кабинет прибегал при этом к процедуре т.н. «блокированного» голосования, что его законопроект (пользовавшийся при рассмотрении приоритетом) проходил в первоначальном виде без каких-либо корректив.

Из 48 резолюций порицания, внесённых депутатами за 45 лет (1960–2004 гг.), была принята только одна – 5 октября 1962 г., что вызвало отставку кабинета Ж. Помпиду. Это вызвало роспуск президентом де Голлем Национального собрания и досрочные парламентские выборы, на которых сторонники главы государства одержали убедительную победу[54].

Важным инструментом усиления позиций главы государства являлись референдумы. За 47 лет они проводились 9 раз – 20 сентября 1958 г., по проекту новой конституции, 8 января 1961 г. по праву Алжира на самоопределение, 8 апреля 1962 г. по одобрению Эвианских соглашений, положивших конец алжирской войне признанием независимости бывшей колонии, 28 октября 1962 г. по выборам президента всеобщим голосованием, 27 апреля 1969 г. по регионализации и реформе Сената, 23 апреля 1972 г. по расширению состава Европейских Сообществ, 6 ноября 1988 г. о будущем Новой Каледонии, 20 сентября 1992 г. об одобрении Маастрихтского договора, 24 сентября 2000 г. о сокращении срока полномочий президента с 7 до 5 лет и 29 мая 2005 г. о проекте конституции Евросоюза.

---

[53] Поэтому Пятую республику обычно именуют «режимом стабильного большинства» в отличие от Третьей и Четвёртой, где контуры победившего на последних выборах большинства становились в парламенте текучим и зыбким, что вело к частым правительственным кризисам.

[54] Le référendum d’octobre et les élections de novembre 1962. Paris, 1965.

Возродив практику референдумов, заимствованную у Второй империи Наполеона III, де Голль использовал её не только для одобрения особо важных решений во внутренней и внешней политике. Обращаясь напрямик к народу через голову законодательных учреждений, он стремился добиться легитимации всей своей деятельности и себя лично как президента, угрожая в случае отрицательного ответа уйти в отставку, вызвав катастрофические последствия («или я или хаос»).

Если предусмотренные правительством меры не опирались на уже существующую нормативную базу, кабинет неоднократно добивался у депутатов санкции на проведение тех или иных мер (со ссылкой на срочность) с помощью ордонансов, имеющих силу закона вплоть до утверждения парламентом[55]. Такая возможность в сочетании с референдумами и роспуском нижней палаты делала излишним использование главой государства крайней меры – ст. 16, дающей ему по сути дела неограниченные полномочия. Она была применена де Голлем только однажды – с 23 апреля по 30 сентября 1961 г. после неудачной попытки путча, предпринятой группой генералов в Алжире.

В ходе демонтажа парламентского «режима Ассамблеи» генерал и его соратники не пошли, однако, до логического конца – создания последовательного президентского режима, при котором избранный всеобщим голосованием глава государства сам возглавляет правительство, но не может распустить парламент. Наряду с всевластным президентом был сохранён пост главы ответственного перед нижней палатой правительства – премьер-министра.

Сам де Голль объяснял такое половинчатое решение особенностями политической культуры Франции, в частности, живучестью унаследованных от прошлого конфликтов, мешающих гражданам прийти к консенсусу по важнейшим проблемам, стоящим перед страной. При отсутствии федерализма, как в США, это было бы чревато, по мнению генерала, хроническим противостоя-

[55] Так было, например, в течение 9 месяцев переходного периода после принятия конституции 1958 г., затем трижды в связи с алжирской войной, для подготовки экономики к созданию Общего рынка и т.д.

нием между ветвями власти в центре, каждая из которых стремится подмять под себя другую. Разделение обязанностей на вершине исполнительной власти было призвано компенсировать ограничение полномочий законодательной, играя роль связующего звена между ними: «Фундаментальным преимуществом режима, определённого конституцией 1958 г, по сравнению с чисто президентским является наличие между президентом Республики и парламентом буфера, способного смягчать удары, избегать конфликтов, а в случае необходимости облегчать принятие решений. Этот буфер – правительство, – писал политолог Франсуа Гогель. – В самом деле, назначенное главой государства, но ответственное перед парламентом, оно призвано облегчить понимание обеими властями, от которых он зависит, точки зрения другой и, следовательно, добиться необходимых компромиссов»[56].

Согласно ст. 20 и 21 Конституции премьер-министр руководит деятельностью правительства, несёт ответственность за национальную оборону, обеспечивает исполнение законов, назначает на гражданские и военные должности[57]. Однако до тех пор, пока сохранялась политическая однородность всех трёх ступеней власти – президента, правительства во главе с премьером и парламентского большинства эти полномочия оставались в значительной мере формальными. В беседе с одним из своих ближайших соратников Аленом Пейрефитом де Голль подчёркивал, что о каком-либо дуализме между президентом и премьером, а тем более о двоевластии в Пятой республике речи быть не может: «Говоря о премьер-министре, никогда не пользуйтесь выражением «глава правительства». Глава правительства – это я. Премьер-министр всего лишь первый из министров, primus inter pares (первый среди равных – лат.). Он координирует их деятельность, но делает это под контролем президента Республики, который безраздельно руководит исполнительной властью»[58].

---

[56] François Goguel. Quelques remarques sur le problème des institutions politiques de la France. «Revue française de science politique», vol. XIV, №1, février 1964. P. 16.
[57] Французская республика. Конституция и законодательные акты. С. 35; Крутоголов М.А. Государственный строй Франции по Конституции 1958 г. М., 1960. С. 53.
[58] Alain Peyrefitte. C'était de Gaulle. T. I., Paris, 1994. P. 117.

Президент не только единолично назначает премьера и, формально по его предложению, остальных членов правительства, но и фактически присвоил себе право отправлять их в отставку в любой момент, исходя из того, что послушное большинство депутатов Национального собрания примет это как должное. Де Голль даже требовал у каждого из трёх своих премьеров авансом заявления об отставке без даты уже в момент их назначения. Каждый раз, когда между президентом и премьером возникали трения или глава государства считал его миссию законченной, руководитель правительства безропотно слагал свои полномочия. Так было с М. Дебре в 1962 г., Ж. Помпиду в 1968 г., Ж. Шабан-Дельмасом в 1974 г., Ж. Шираком в 1976 г., М. Рокаром в 1991 г., Ж.-П. Раффареном в 2005 г. Причём с Шабан-Дельмасом это произошло 5 июля 1972 г., несмотря на то, что он поставил в нижней палате вопрос о доверии и получил его вполне комфортабельным большинством.

Контролируя повседневное функционирование громоздкой административной машины, премьер занимается главным образом составлением и принятием бюджета, решает связанные с этим многочисленные межведомственные конфликты, играет роль лидера правящего большинства на выборах в нижнюю палату парламента и обеспечивает затем прохождение через неё правительственных законопроектов. Иными словами, он является не самостоятельной политической фигурой, а послушным исполнителем воли президента, его «щитом», принимающим на себя ответственность в глазах общественного мнения за неудачные или просто непопулярные меры, но опять же только при наличии у главы государства лояльного правительственного большинства.

При де Голле президентские полномочия, и без того весьма широкие, неуклонно расширялись. 15 ноября 1959 г. на съезде голлистской партии в Бордо один из ближайших соратников генерала Шабан-Дельмас, в то время председатель Национального собрания, сформулировал понятие «заповедной области» – круга вопросов, входящих в исключительную компетенцию президента, а не правительства. К ним он отнёс внешнюю политику, оборону, Алжир и вообще отношения с заморскими владениями. Основное место в «заповедной области» (le domaine résevé) играют

т.н. «королевские полномочия» (les fonctions régaliennes) – безопасность, оборона, внешняя, политика.

Впоследствии эта область распространилась практически на все важнейшие проблемы, стоявшие перед страной. «Заповедной области» больше не существует в той мере, в какой эта формула означала, что президент охотно оставлял другие сферы деятельности инициативе правительства. Отныне он занимается всеми этими вопросами – от реорганизации Парижского района до цветного телевидения или единой сельскохозяйственной политики Общего рынка», – отмечал в 1964 г. юрист и политолог Пьер Авриль[59]. Недаром в выступлениях де Голля конституционный термин «арбитр» (между ветвями власти) всё чаще заменялся словами «вождь нации».

Действительно, все сколько-нибудь важные решения принимаются в Елисейском дворце. Его сотрудники – 50-60 помощников, советников, референтов во главе с генеральным секретарём и директором кабинета (секретариата) президента, отвечающие за различные вопросы, поддерживают постоянный контакт с аппаратом премьер-министра и отдельными министрами, готовя повестку дня еженедельных заседаний Совмина, проходящих в том же Елисейском дворце под председательством главы государства, согласовывают параметры бюджета, проекты законов, вносимые в парламент и т.д.[60]

Заседания кабинета (без госсекретарей) под председательством премьера в его резиденции – особняке Матиньон рассматривают в основном технические вопросы. За 40 лет – с 1964 по 2004 гг. премьер вёл заседания Совета министров в полном составе всего шесть раз в связи с ухудшением состояния здоровья президента (в частности, хирургическими операциями) или поездкой за рубеж, но каждый раз по прямому указанию последнего и с утверждённой им повесткой дня[61].

Однако тенденция к дальнейшему усилению роли исполнительной власти, а внутри неё президента столкнулась с серьёзны-

[59] Pierre Avril. Le régime politique de le Ve République. Paris, 1964. P. 250.
[60] Charles Debbasch. L'Elysée dévolé. Paris, 1982.
[61] 22 апреля 1964 г., 30 сентября 1964 г., 14 февраля 1973 г., 18 сентября 1992 г., 20 июня 1994 г. Jean Catsiapis. Le Guide de la Ve République. Paris, 2004. P. 150.

ми препятствиями как субъективного, так и объективного порядка. Политическая система, созданная генералом де Голлем, функционировала наиболее эффективно на протяжении первого десятилетия, когда Пятую республику возглавлял сам её основатель, решавший оставленные в наследство парламентским режимом проблемы. Он добился окончания алжирской войны и завершил процесс деколонизации, сломив сопротивление ультраколониалистов, в том числе в армии, которая привела его к власти (что едва не стоило генералу жизни в ходе десятка покушений террористов), модернизировав и сократив вдвое вооружённые силы, оснащённые национальной ядерной ударной силой сдерживания. Жёсткие меры по оздоровлению финансов позволили продолжить начатую Четвёртой республикой структурную перестройку экономики страны, обеспечив её полноценное участие в процессе европейской интеграции. Мотором евростроительства стало привилегированное партнёрство с былым «наследственным врагом» – ФРГ, экономический потенциал которой уравновешивался военно-политическими козырями Франции.

Выход из интегрированной военной организации НАТО при сохранении членства в Североатлантическом союзе, сбалансировавший отношения с США, начало диалога с СССР во имя «разрядки, согласия и сотрудничества в Европе от Атлантики до Урала», активная политика в Африке, Азии, Латинской Америке – все эти масштабные инициативы де Голля повысили авторитет Франции на международной арене.

Однако по мере того, как прежние проблемы оставались позади, на повестку дня выдвигались новые, теперь уже не колониальные или международные, а внутренние, прежде всего социально-экономические. На их фоне массовая база голлистского режима постепенно таяла. До тех пор, пока шла война в Алжире, огромный личный авторитет де Голля сдерживал эту тенденцию, однако нормализация обстановки, да и преклонный возраст главы государства неизбежно брали своё. Если на референдумах по Конституции 1958 г. или по алжирскому вопросу положительные ответы колебались в вилке от 75 до 90%, то по введению выборов президента всеобщим голосованием (1962 г.) они составили уже 62,2%. На первых таких выборах в 1965 г. де Голль получил в

первом туре 44,6% голосов и был переизбран на следующий срок только во втором[62]. На очередных парламентских выборах 1967 г. за голлисткую «партию власти» и её союзников проголосовали 37,7% избирателей, что сократило парламентское большинство до минимума.

Эта негативная динамика отражала всё более явное противоречие между модернизацией экономики страны в ходе «славного тридцатилетия» быстрых темпов роста производства и архаичным, патерналистским характером отношений между полами, поколениями, социальными партнёрами, государством и гражданским обществом в целом. Многочисленное поколение послевоенного «бэби-бума» всё решительнее отвергало жёсткие структуры традиционной патриархальной семьи, государственной школы, патерналистского предприятия, иерархической бюрократии. Между тем выкованная де Голлем вертикаль власти не давала этому недовольству естественного выхода. Сломав прежний парламентский механизм постоянного поиска компромиссов внутри элит, Пятая республика парализовала и присущую ему систему обратной связи между верхами и низами, закупорила необходимые предохранительные клапаны, которые облегчали диалог государства с гражданским обществом. Пирамида выборных представительных органов сверху донизу, служившая ранее противовесом централизованной административной машине, работала на холостом ходу, оказываясь всё менее эффективной.

В том же направлении действовали сдвиги в социальном составе политического персонала. Если в Третьей и Четвёртой республиках он рекрутировался в основном из провинциальных «нотаблей», прошедших через выборные органы местного самоуправления коммун и департаментов, то с конца 1950-х гг. в нём заметно выросла доля кадровых чиновников, в частности, инспекторов финансов, окончивших в столице престижные «большие школы» (Институт политических наук, Политехническую Центральную, Горную, но особенно Национальную школу администрации – ЭНА), которые служили кадровым резервом менеджеров как государственного, так и во многом частного секторов экономики.

[62] IFOP. Les Français et de Gaulle. Paris, 1971.

Если в последнем составе Национального собрания Четвёртой республики гражданских или военных чиновников было только 8%, то в первом же его составе при Пятой республике уже 12%, а с инженерами и менеджерами – около 20%. Выпускниками «больших школ», прежде всего ЭНА, являлись 3 из 5 президентов и 12 из 18 премьер-министров Пятой республики, причём большинство их начинало карьеру в ключевых звеньях администрации – Генеральной инспекции финансов, Госсовете, Счётной палате, корпусе префектов, министерствах внутренних и иностранных дел[63]. Хотя представители французской административной элиты традиционно отличаются высокой профессиональной компетентностью, свойственный им технократический подход к решению проблем, касающихся повседневной жизни рядовых граждан, зачастую не соответствует настроениям «реальной страны», вызывая протест или прямое отторжение.

Как это уже не раз случалось в истории Франции, чрезмерный дисбаланс между ветвями власти – на сей раз в пользу исполнительной вёл к постепенному накоплению в низах недовольства, которое в конечном счёте обращалось против режима в целом. Между тем политико-административные элиты упорно сопротивлялись требованиям оппозиции, видя в них угрозу с таким трудом обретённой стабильности властных структур, а следовательно, и своей монополии на принятие решений. «Навязчивая идея обеспечения политической стабильности, авторитета государства, необходимости подавления любых феодальных кланов побуждала главу государства избрать крайне резкий тон в отношении любого намёка на оппозицию в конституционных рамках. Принижая парламент, стремясь подавить классические «промежуточные звенья» между верхами и низами, без конца грозя общественному мнению альтернативой – голлизм или хаос, власть постепенно вызывает всё более широкую реакцию агрессивности, питаемую всеми накопившимися обидами, испытанными унижениями, плохо переносимым бессилием», – предупреждал в конце 60-х

[63] Philip M. Williams. The French Parliament. Politics in the Fifth Republic. New York – Washington, 1980. P. 34; Pierre Lalumière. L'inspection des Finances. Parism 1959; Jacque Billy. Les technicians et le povoir. Paris, 1960; Jacques Koscusko-Morizet. La «mafia» politechnicienne. Paris, 1979.

гг. государствовед Филипп Бро[64]. В свою очередь бюрократизация политического персонала и политизация административного переносила борьбу соперничающих групп за доступ к принятию государственных решений в их интересах в верхние эшелоны самой власти, раскалывая и ослабляя её. Неизбежные конфликты интересов создавали почву для коррупции, используемой в лоббистских целях частным сектором. Монолитный фасад Пятой республики всё чаще давал скрытые пока, но глубокие трещины.

Долго копившаяся в недрах французского общества напряжённость прорвалась, наконец, наружу в мае 1968 г. – ровно 10 лет спустя после возврата де Голля к власти, вызвав самый масштабный в истории Пятой республики социальный взрыв. Он выглядел тем более неожиданным, что ещё накануне страна внешне выглядела совершенно спокойной[65].

Начавшись со студенческих волнений в университетском пригороде Парижа Нантере, события быстро переросли в ожесточённые стычки молодёжи с полицией в Латинском квартале столицы, покрывшимся баррикадами. Массовые демонстрации и захват студентами учебных помещений послужили сигналом к всеобщей забастовке с занятием предприятий персоналом в промышленности, на транспорте, системе связи. Вся экономическая жизнь Франции оказалась парализованной. Некоторое время могло казаться, что правительство вообще утратило контроль над положением в стране: де Голль тайно покинул Париж, вылетев в ФРГ в поисках поддержки командования дислоцированных там частей французской армии во главе с генералом Массю.

Вскоре, однако, ситуация переломилась. В обращении к народу по радио 30 мая президент объявил о роспуске Национального собрания и проведении внеочередных парламентских выборов. На них провинция, напуганная призраком анархии, дала голлистской партии абсолютное большинство – 58,9% голосов. Миллионная демонстрация в поддержку де Голля на Елисейских полях – центральной артерии Парижа и окончание всеобщей забастовки

[64] Philipe Braud. Les crises politiques intérieures de la Ve République. Paris, 1979. P. 10.

[65] Pierre Viansson–Ponté. Histoire de la République Gaulienne. Tome II. Le Temps des orphelins. Août 1962–août 1969. Paris, 1961.

в результате переговоров премьера Помпиду с представителями профсоюзов, добившихся немалых уступок, завершили процесс нормализации обстановки[66].

Хотя события мая 1968 г. отнюдь не вылились в политическую и тем более социальную революцию, их последствия оказались весьма значительными. Если левацкие лозунги троцкистского, маоистского или анархического толка, под которыми проходили студенческие демонстрации в Латинском квартале, быстро вышли из моды ввиду их полной оторванности от жизни, то вызов, брошенный учащейся молодёжью традиционным консервативным ценностям французского общества, не прошёл бесследно. Майский кризис ускорил затянувшийся процесс его социально-психологической модернизации, заметно изменив нравы, вкусы, стиль поведения значительной части французов. Именно под его влиянием сформировалось новое поколение интеллектуальной элиты, которое сменило в последней трети XX и начале XXI в. поколение, вышедшее из Второй мировой войны и движения Сопротивления.

Одним из государственных деятелей, острее других почувствовавших неизбежность перемен, оказался сам генерал де Голль. Весной 1969 г. он выдвинул проект реорганизации государственных институтов с тем, чтобы обеспечить более широкое участие граждан в решении касавшихся их вопросов. Эту задачу предлагалось решить двумя путями – расширением прав регионов, т.е. административной децентрализацией, и слиянием Сената с Экономическим и социальным советом (ЭСС), что имело целью восстановить диалог государства с гражданским обществом.

Однако деголлевская идея «участия» была встречена с явным скептицизмом всеми заинтересованными сторонами. Патронат не желал делиться властью с профсоюзами на предприятиях, тогда как последние отказывались принимать на себя часть ответственности за их деятельность, видя в этом угрозу своей независимости. Вместе с тем слияние выборных органов с назначенными шло вразрез с французской конституционной традицией, вызвав недо-

[66] Tournoux J.-R. Le mois de mai du Général. Livré blanc des évènements. Paris, 1969.

вольство органов местного самоуправления, представителем которых традиционно является Сенат. В результате проект реформы, выдвинутой на референдум 27 апреля 1969 г., провалился: за него проголосовали 10,5 млн избирателей, против – 11,9 млн[67]. На следующий день де Голль объявил, что слагает с себя обязанности президента. Полтора года спустя он скончался в своём имении возле городка Коломбэ-ле-дез-Эглиз, не дожив две недели до 80-летия.

С уходом со сцены основателя Пятой республики созданный им режим завершил 10-летний период своего становления. Основные параметры Конституции 1958 г., закреплённые почти полувековой практикой её применения, сохраняются и функционируют практически бесперебойно. За этот период (1958–2005 гг.) в Елисейском дворце сменились пять президентов – Шарль де Голль (8 января 1959 г. – 7 января 1966 г. и 8 января 1966 г. – 28 апреля 1969 г.), Жорж Помпиду (20 июня 1969 г. – 2 апреля 1974 г.), Валери Жискар д'Этьен (24 мая 1974 г. – 21 мая 1981 г.), Франсуа Миттеран (21 мая 1981г. – 20 мая 1988 г. и 21 мая 1988 г. – 17 мая 1995 г.), Жак Ширак (17 мая 1995 г. – 16 мая 2002 г. и 17 мая 2002 г. – по настоящее время). Трое из них – де Голль, Миттеран и Ширак переизбрались на второй срок, но только Миттеран пробыл на посту главы государства все предусмотренные тогда Конституцией 14 лет (де Голль подал в отставку после 10,5 лет пребывания в Елисейском дворце, Помпиду заболел и умер после 4,5 лет).

Передача власти в чрезвычайных случаях – досрочной отставки или смерти президента осуществлялась на основе ст. 7 Конституции: обязанности главы государства дважды временно принимал на себя в таких случаях председатель Сената Ален Поэр (28 апреля – 20 июня 1969 г. и 3 апреля – 20 июня 1974 г.).

В то же время в особняке Матиньон – резиденции главы правительства успели побывать 18 премьер-министров: Мишель Дебре (8 января 1959 г. – 14 апреля 1962 г.), Жорж Помпиду (14 ап-

[67] Этому исходу отчасти способствовал фактический разрыв де Голля с его бывшим премьером Жоржем Помпиду, открыто заявившем о готовности к борьбе за президентское кресло. Pierre Rouanet. Pompidou. Paris, 1969, 1969; Philippe Alexandre. Le Querelle de Gaulle – Pompidou. Paris, 1970.

реля 1962 г. – 10 июля 1968 г.), Морис Кув де Мюрвиль (10 июля 1968 г. – 20 июня 1969 г.), Жак Шабан-Дельмас (20 июня 1969 г. – 5 июля 1972 г.), Пьер Мессмер (5 июня 1972 г. – 27 мая 1974 г.), Жак Ширак (27 мая 1974 г. – 25 августа 1976 г. и 20 марта 1986 г. – 10 мая 1988 г.), Раймон Барр (25 августа 1976 г. – 13 мая 1981 г.), Пьер Моруа (21 мая 1981 г. – 17 июля 1984 г.), Лоран Фабиус (17 июня 1984 г. – 20 марта 1986 г.), Мишель Рокар (10 мая 1988 г. – 16 мая 1991 г.), Эдит Крессон (17 мая 1991 г. – 2 апреля 1992 г.), Пьер Береговуа (3 апреля 1992 г. – 29 марта 1993 г.), Эдуард Балладюр (29 марта 1993 г. – 11 мая 1995 г.), Ален Жюппе (17 мая 1995 г. – 2 июня 1997 г.), Лионель Жоспен (2 июня 1997 г. – 6 мая 2002 г.), Жан-Пьер Раффарен (6 мая 2002 г. – 2 июня 2005 г.), Доминик де Вильпен (назначен 2 июня 2005 г.).[68]

На протяжении президентского мандата, длившегося сначала семь, а с 2002 г. – пять лет, глава государства назначал двух-трёх премьер-министров, которые оставались у власти в среднем около 2,5 лет. Если учесть, что за это время каждый кабинет претерпевал несколько реорганизаций с более или менее значительной перетасовкой портфелей, после которой он считается новым (у Помпиду таких реорганизаций было 4, у Мессмера, Барра, Моруа и Раффарена – по 3, у Рокара и Жоспена – по 2), то окажется, что устойчивость правительств в Пятой республике не намного выше, чем в Третьей и Четвёртой. Однако наличие стабильного парламентского большинства и жёсткая фракционная дисциплина среди составляющих его депутатов давали премьеру и президенту значительно более широкую свободу действий, чем при парламентском режиме (особенно с учётом такого действенного инструмента, как возможность постановки вопроса о доверии в соответствии со ст. 49 Конституции).

Отдавая себе отчёт в необходимости адаптации Конституции 1958 г. к меняющейся реальности, правящие круги время от времени идут на пересмотр отдельных её положений. В 1959–2005 гг. в текст основного закона были внесены 17 поправок (из них 15 – голосованием Конгресса, т.е. совместного заседания обеих палат парламента в Версале, и одна референдумом). Ещё шесть к

[68] Jean Catsiapis. Le Guide de la Ve République. Paris, 2004. P. 138-139.

2006 г. не прошли или ждут принятия.

Наиболее важные среди конституционных реформ – введение выборов президента всеобщим голосованием (29 октября 1962 г.), сокращение срока его полномочий с 7 до 5 лет (2 октября 2000 г.), возможность обращения более 60 парламентариев в Конституционный совет с запросом о соответствии нового законопроекта основному закону (19 октября 1974 г.), равный допуск мужчин и женщин к выборным должностям (8 июля 1999 г.), расширение прав органов местного самоуправления в рамках административной децентрализации (28 марта 2003 г.), изменение порядка финансирования системы соцстраха (22 февраля 1996 г.). Проведена также необходимая адаптация текста Конституции к факту обретения независимости бывшими колониями Франции и её обязательствам, вытекающим из договоров о Европейском союзе. Остальные, менее существенные коррективы касались организации работы Высшего совета магистратуры, расширения круга вопросов, выносимых на референдум, уголовной ответственности членов правительства и т.д.

Большинство этих поправок шли в направлении либерализации процесса принятия решений, придания ему большей гибкости: встряска, пережитая режимом Пятой республики в мае-июне 1968 г., обозначила психологический барьер для дальнейшего усиления заложенных в Конституции авторитарных тенденций. Многие процедуры, успешно использовавшиеся вначале де Голлем для укрепления власти главы государства, оказались уже при нём, но особенно при его преемниках неэффективными, рискованными, а порой даже давали противоположный эффект.

Так, роспуск главой государства Национального собрания с проведением досрочных парламентских выборов проводился пять раз: дважды де Голлем (9 октября 1962 г. в связи с принятием депутатами резолюции недоверия правительству Помпиду и 30 мая 1968 г. в связи с социально-политическим кризисом), дважды Миттераном (22 мая 1981 г. и 14 мая 1988 г. после его избрания президентом) и однажды Шираком (21 апреля 1997 г.). Но если первые четыре раза роспуски прошли успешно для их инициаторов, обеспечивая лояльное главе государства большинство в новом составе нижней палаты, и, соответственно, гарантированную под-

держку подконтрольных Елисейскому дворцу кабинетов, то в последнем случае результат был обратным – на выборах победила оппозиция.

То же самое относится и к референдумам. В двух случаях из девяти – 27 апреля 1969 г. по регионализации и реформе Сената и 29 мая 2005 г. по проекту конституции Европейского союза отрицательные ответы оказались более многочисленными, чем положительные (52,4 против 47,6% в первом случае, 54,2 против 46,8% – во втором). Даже позитивный результат нередко выглядел малоубедительным: 20 сентября 1992 г. на вопрос о ратификации Маастрихтского договора «да» ответили только 51% принявших участие в голосовании при 49% воздержавшихся, а 6 ноября 1988 г., когда решался вопрос о статусе Новой Каледонии, абсентеизм побил все рекорды – на избирательные участки не явились 63,1% зарегистрированных избирателей. С учётом этого президенты прибегали к роспуску нижней палаты и референдумам всё реже, отказываясь, в отличие от де Голля, связывать с их результатами свою политическую судьбу.

Главной проверкой режима Пятой республики на прочность безусловно являлась способность её государственных институтов безболезненно перенести ротацию власти – переход соперничающих политических сил из большинства в оппозицию и обратно на выборах всех уровней, включая высший. Во Франции этот процесс, вполне нормальный и рано или поздно неизбежный во всех демократических государствах, тормозился наличием на крайних флангах радикальных сил, которые не признавали легитимность действующей Конституции или даже ставили под вопрос существующую социально-экономическую и политическую систему в целом. Крупнейшей из них долгое время оставалась Французская компартия, по праву считавшаяся, наряду с итальянской, одной из самых влиятельных в западном мире.

Регулярно собирая на выборах в первые послевоенные десятилетия в среднем по 20-25% голосов, компартия долго блокировала любую возможность полноценной ротации власти в Пятой республике. Другие левые силы, прежде всего социалисты, уже с 1959 г. перешедшие в оппозицию, не могли одержать победу над правыми ни без коммунистов, ни вместе с ними. В первом случае

некоммунистические оппозиционеры были слишком слабы, во втором они рисковали оттолкнуть центристских избирателей, опасавшихся захвата основных рычагов власти компартией, которая доминировала в левом лагере как численно, так и благодаря своей эффективной организационной структуре. Эта патовая, тупиковая ситуация усугублялась холодной войной, с началом которой коммунисты, безоговорочно поддерживавшие СССР, были исключены из правительств всех западных стран, в том числе Франции (5 мая 1947 г.), оставаясь в политическом «гетто» на протяжении четверти века – как в Четвёртой республике, так и в первые десятилетия Пятой. Поэтому после возврата да Голля к власти в 1958 г. известный писатель Андре Мальро, назначенный министром культуры, заявил: «Мы останемся у власти 30 лет, ибо между нами и коммунистами нет никого». Будучи сам в 30-е гг. «попутчиком» компартии, Мальро хорошо знал её и не сомневался в том, что его прогноз оправдается. Однако талантливый писатель оказался посредственным политическим пророком – голлисты сумели сохранить монополию на власть не более 15 лет.

Нелёгкая задача подготовки условий для ротации власти выпала на долю Франсуа Миттерана – лидера сначала небольшой левоцентристской группировки ЮДСР (демократический и социалистический союз Сопротивления), затем соцпартии и, наконец, всего левого лагеря.

Жёстко столкнувшись с де Голлем ещё в период Второй мировой войны, Миттеран стал с тех пор его непримиримым противником. В период Четвёртой республики он сделал блестящую политическую карьеру, занимая министерские посты в 11 кабинетах из 22. Неудивительно, что он решительно осудил Конституцию 1958 г. и голлистский режим в целом[69]. В остром памфлете «Перманентный государственный переворот», вышедшем в свет в 1965 г., он утверждал, что Пятая республика, рождённая военным путчем, не является демократической, ибо она обречена на постоянное попрание собственных законов[70].

[69] Jean Marie Borzeix. Mitterrand lui-même. Paris, 1973.
[70] La rose au poing. Paris, 1973; Ici et maintenant. Paris, 1980; Projet socialiste. Pour la France des années 80. Paris, 1980. Francois Mitterand. Le coup d'Etat permanent. Paris, 1965.

Тем не менее у Миттерана, выходца из семьи консервативной провинциальной буржуазии, близкого в студенческие годы к крайне-правым группировкам и занимавшего даже некоторое время административный пост при режиме Виши, прежде, чем примкнуть к движению Сопротивления, хватило реализма, чтобы принять новые правила политической игры, вписаться в структуру голлистского режима и использовать её в собственных интересах. Став в 1971 г. первым секретарём обновлённой соцпартии, он пошёл на создание союза левых сил с коммунистами и частью радикалов на основе общей правительственной программы. Это позволило изменить на протяжении 70-х гг. баланс сил в левом лагере в пользу социалистов, что впервые сделало в глазах избирателей приход оппозиции к власти кредитоспособной альтернативой 23-летнему господству правых[71].

Между тем сам правый лагерь утратил былую монолитность. Если непосредственный преемник де Голля в Елисейском дворце Жорж Помпиду ещё мог считаться, хотя и с определёнными оговорками, голлистом, то после его безвременной кончины из-за тяжелой болезни деголлевская партия раскололась и впервые после 1958 г. потеряла ключевой пост главы государства. На президентских выборах 1974 г. им стал лидер небольшой правоцентристской группировки «независимых республиканцев» либерал Валери Жискар д'Эстен[72].

Этот факт сам по себе ещё не был ротацией в полном смысле слова, поскольку смена власти на высшем уровне произошла внутри одного и того же правоцентристского большинства. Да и политика Жискар д'Эстена на президентском посту отличалась от курса его предшественников, при которых он уже занимал важные посты в правительстве, скорее стилем и деталями, чем по существу. Либерализм главы государства выразился главным образом лишь в таких тактических жестах, как снижение возраста гражданского совершеннолетия и предоставление права голоса молодёжи не с 21 а с 18 лет, принятии закона о планировании семьи,

[71] IFOP. Quand la gauche peut gagner… Les élections législatives des 4-11 mars 1973. Paris, 1973.
[72] François Lancel. Valéry Giscard d'Estaing. De Chamalières à l'Elysée. Paris, 1974.

снявшего запрет с абортов, предоставлении более чем 60 депутатам и сенаторам права оспаривать в Конституционном совете соответствие основному закону правительственных законопроектов и т.д.[73] Однако на фоне сложного положения в экономике эти жесты не достигли своей цели – президенту не удалось расширить большинство за счёт левого центра, обеспечив ему поддержку устойчивого большинства («двух французов из трёх»). Эффект оказался обратным – часть консерваторов утратила доверие к главе государства, тогда как обострение социальных проблем отталкивало умеренных левых избирателей.

Это повлекло за собой для функционирования режима Пятой республики далеко идущие последствия. Хотя центральную роль в системе государственных институтов по-прежнему играл президент, назначавший и увольнявший премьер-министров по своему усмотрению, а все основные решения принимались, как и прежде, в Елисейском дворце, политическая однородность властной вертикали дала скрытую трещину: внутри правительственного большинства в Национальном собрании основная масса депутатов не принадлежала более к партии президента. Создание перед парламентскими выборами 1978 г. по инициативе Жискар д'Эстена и на базе его партии «независимых республиканцев» либерально-центристского Союза за французскую демократию не смогло исправить положение – он явно уступал по численности и влиянию голлистам.

В таких условиях между основными участниками правоцентристского большинства начались всё более заметные трения. Лидер младшего поколения голлистов Ж. Ширак, вознаграждённый Жискар д'Эстеном за раскол их рядов в 1974 г. постом премьер-министра, не замедлил вступить в конфликт с главой государст-ва. Уйдя два года спустя в отставку, он восстановил под своим руководством единство обновлённого голлистского движения, добился избрания мэром Парижа и взял курс на завоевание Елисейского дворца[74]. Выдвижение его кандидатуры в первом туре президентских выборов 1981 г. и двусмысленная позиция перед вто-

[73] Valéry Giscard d'Estaing. Le Pouvoir et le Vie. Vol. 1-3, Paris, 1988–1995.
[74] Henri Deligny. Chirac ou la fringale du pouvoir. Paris, 1977.

рым облегчили победу единого кандидата левых сил Ф. Миттерана. На сей раз ротация стала, наконец, совершившимся фактом.

Риторика соцпартии о «смене общества» и «разрыве с капитализмом», которой отличались её программные документы в оппозиции, критика ею Конституции 1958 г., а главное – участие коммунистов в правительстве социалиста П. Моруа вызвали серьёзную тревогу как внутри Франции, так и за рубежом. Частные капиталы хлынули за рубеж, инвестиции снизились, инфляция резко усилилась. Вице-президент США Дж. Буш-старший срочно прибыл в Париж за разъяснениями.

Однако эта тревога оказалась напрасной. Часть предвыборных обещаний социалистов во внутренних делах была действительно выполнена (национализация банков и 15 промышленных групп, сокращение рабочей недели с 40 до 39 часов без уменьшения зарплаты, расширение прав профсоюзов на предприятии, административная децентрализация со значительным расширением прав выборных органов местного самоуправления). Тем не менее основы рыночной экономики и демократии ничуть не пострадали. Уже весной 1983 г. Миттеран совершил крутой поворот в сторону либерально-монетаристской «строгой экономии», без которого дальнейшее участие Франции в процессе евростроительства оказалось бы под вопросом. Более того, именно он успешнее своих правых предшественников содействовал приобщению левых избирателей к «культуре предприятия» на основе диалога социальных партнёров при посредничестве государства.

Во внешней политике президент-социалист, пришедший к власти во время последнего всплеска холодной войны, решительно подтвердил солидарность Франции с её атлантическими союзниками, прежде всего ФРГ и США, по всему кругу разделявших Восток и Запад проблем – от осуждения советского военного присутствия в Афганистане до размещения американских ракет средней дальности в Европе[75].

Наконец, радикальный поворот произошёл в отношении Миттерана к Пятой республике. Очутившись в Елисейском дворце,

[75] Serge July. Les années Mittérand. Histoire baroque d’une normalisation inachevée. Paris, 1986.

былой беспощадный критик созданного де Голлем режима счёл открываемые им перед главой государства широкие возможности вполне подходящими для себя. Он отказался вносить какие-либо существенные поправки в основной закон 1958 г., заявив: «Эта конституция была опасной для меня, она вновь может стать опасной только после меня». В результате правила функционирования основных государственных институтов не претерпели коренных перемен[76].

С тех пор ротация власти из чрезвычайного события стала нормальной практикой Пятой республики. Если в 1981–1995 гг. президентом являлся два срока подряд социалист Миттеран, то в 1995 г. его сменил, опять же на два срока, неоголлист Ширак. За тот же период на всех без исключения парламентских выборах прежнее большинство терпело поражения, а оппозиция брала реванш: правые партии побеждали в 1986, 1993, 2002 гг., левые – в 1981, 1988, 1997 гг.

Однако регулярная смена большинства, отражавшая хроническую неудовлетворённость избирателей положением дел в стране, не замедлила выявить скрытый порок в Конституции 1958 г., связанный с его половинчатым, противоречивым характером. Действительно, в любой полупрезидентской системе необходимым условием её эффективного функционирования является политическая однородность всех трёх звеньев, составляющих вертикаль власти – президента, правительства во главе с премьер-министром и парламентского большинства. Между тем установленные в Конституции Пятой республики (как и её парламентских предшественниц – Третьей и Четвёртой) сроки полномочий президента, депутатов и сенаторов были различны: 7 лет у первого, 5 у вторых и 9 у третьих[77]. Календарь начала и конца их мандатов, да и способы их избрания также не совпадали.

[76] Michel Schiffres et Michel Sarazin. L'Elisée de Mittérand. Secrets de la maison du Prince. Paris, 1985.

[77] Семилетний мандат президента был установлен в конституции 1875 г. монархистами, не договорившимся о династической принадлежности кандидата на престол, в надежде, что это место однажды займёт король. Однако с утверждением республики этот срок сохранился как противовес неустойчивости правительств (хотя и с весьма ограниченными полномочиями главы государства).

Сенат, который избирался косвенным голосованием (в основном членами генеральных советов департаментов и делегатами от муниципальных), обновляясь на треть каждые три года, не мог всерьёз противостоять президенту не только из-за различия в степени их легитимности, но прежде всего ввиду того, что правительство не является ответственным перед верхней палатой. Поэтому робкие попытки сенатской фронды в отношении Елисейского дворца на заре Пятой республики, когда председатель верхней палаты Г. Моннервиль публично обвинил де Голля в злоупотреблении властью, были быстро пресечены: президент попросту игнорировал Сенат до тех пор, пока там не сменилось большинство и руководство.

С нижней палатой парламента – Национальным собранием дело обстояло намного сложнее. Как ни ограничены его конституционные полномочия в Пятой республике, принцип ответственности правительства перед депутатами сохраняется. До тех пор, пока большинство депутатов избирается под флагом верности президенту, парламентское большинство в основном (хотя и не всегда полностью) совпадает с президентским, а опирающиеся на него правительство и премьер, назначенные главой государства, остаются послушными исполнителями его воли. Но как только парламентское большинство оказывается политически отличным от президентского, более того – враждебным ему, то ситуация коренным образом меняется. Глава государства, лишённый контроля над законодательной властью, утрачивает тогда и значительную часть исполнительной, которая переходит к премьеру.

Такую потенциальную опасность предвидел уже преемник де Голля на президентском посту Жорж Помпиду: «Нет ли опасности, что сложится такое распределение функций, при котором “заповедная область” главы государства начнёт всё более сужаться, а настоящая власть постепенно перетечёт к премьер-министру? Такая эволюция будет катастрофической. С того дня, как подлинным обладателем власти станет ответственный перед Национальным собранием человек, возврат к режиму Ассамблеи станет неотвратимым, несмотря на любые уловки и внешние обстоятельства», – с тревогой предупреждал он[78].

[78] Georges Pompidou. Le noeud gordien. Paris, 1974. P. 68.

Следующий президент Жискар д'Эстен сформулировал эту проблему ещё конкретнее. В ходе кампании перед парламентскими выборами 1978 г., на которых левая оппозиция имела шансы одержать победу, он предупредил, что в таком случае премьером будет назначен социалист, проводящий в жизнь свою программу, а сам ограничится минимальным исполнением своих обязанностей, – председательством в Совмине или Высшем совете магистратуры, в ожидании удобного момента для роспуска нижней палаты и проведения досрочных парламентских выборов (и даже демонстративно переберётся из Елисейского дворца в загородную резиденцию главы государства – замок Рамбуйе). «Факт сохранения моего мандата имел бы единственной целью позволить французам под влиянием эволюции внутренних и международных событий встревожиться в связи с последствиями своего выбора и иметь возможность вернуться к иной ориентации», – писал он позднее, вспоминая этот эпизод своей политической карьеры[79].

Хотя на выборах 1978 г. союз левых сил был фактически расколот коммунистами, которых насторожили успехи их партнёров по союзу левых сил – социалистов, потерпел поражение, вопрос отнюдь не был снят с повестки дня. «Сложившееся положение, в котором президент был единственным носителем власти, в значительной степени обусловлено совпадением президентского и парламентского большинства, т.е. избранием на пост президента и в Национальное собрание лиц, политическая линия которых в основном совпадает (в отношении Собрания речь идёт, естественно, о правительственном большинстве). Однако эта ситуация не установлена раз и навсегда. Избрание левого президента при сохранении правого большинства в Национальном собрании или, наоборот, избрание левого большинства в Собрание при сохранении правого президента – возможная политическая ситуация в условиях раскола страны на два равных блока. Ведь левые силы страны собрали 49,5% голосов на президентских выборах 1974 г. и около 49% в Национальное собрание 1978 г. Подобное положение создаёт в стране принципиально новую обстановку, ибо весь

[79] Valéry Giscard d'Estain. Les Français. Réflexions sur le destin d'un peuple. Paris, 2000. P. 26.

сложившийся до сих пор конституционный механизм основан на консенсусе президента Республики, правительства и парламентского большинства. Наиболее вероятным в этом случае будет предположение, что роль президента Республики изменится», – подчёркивал в 1980 г. российский специалист по государственному праву Франции М.А. Крутоголов[80].

Государство и общество

Бомба замедленного действия, заложенная в конституции 1958 г., в конце концов взорвалась при президенте-социалисте Ф. Миттеране. Срок полномочий Национального собрания с абсолютным большинством соцпартии, избранного на волне его победы на президентских выборах в 1981 г., истекал пять лет спустя – в 1986 г., когда до окончания первого мандата Миттерана оставалось ещё два года. Между тем разочарование избирателей итогами деятельности левых правительств П. Моруа и Л. Фабиуса делали поражение социалистов на следующих парламентских выборах неизбежным (тем более что компартия входившая в первое, отказалась участвовать во втором).

Реформа избирательной системы – введение пропорционального представительства, проведённая Миттераном незадолго до выборов, лишь ограничила потери его сторонников, но не смогла предотвратить реванш правой оппозиции, получившей на парламентских выборах 2 апреля – 14 мая 1968 г. убедительное большинство. Отдавая себе отчёт в том, что конфронтация с только что избранной нижней палатой бесперспективна, Миттеран принял единственно возможное для него решение: в полном соответствии с традицией, восходящей ещё к Третьей республике, он поручил формирование кабинета нового правительства лидеру ведущей партии нового большинства Ж. Шираку.

В правом лагере возникли определённые колебания. Бывший премьер-министр Раймон Барр утверждал, что «сожительство» левого президента с правым большинством и правительством противоречит логике государственных институтов Пятой республи-

[80] Крутоголов М.А. Президент Французской республики. Правовые положения. М., 1980. С. 5-6.

ки и должно быть отвергнуто[81]. Однако большинство руководителей правых партий, в частности, бывший президент Жискар д'Эстен и Эдуард Балладюр, в то время ближайший соратник Ширака, считали такую позицию чересчур рискованной: как можно отказаться от власти, доверенной избирателями, не оттолкнув их? В итоге Ширак принял поручение президента и возглавил кабинет. Он исходил из того, что «сожительство» с Миттераном продлится недолго – административный ресурс правительства, контроль над мэрией столицы и лидерство в неоголлистском движении должны были обеспечить ему на следующих президентских выборах верную победу, которая восстановила бы присущую Пятой республике монолитность властной вертикали.

В 1986–1988 гг. основные властные полномочия действительно перешли от президента к премьеру, опиравшемуся на прочное правое большинство в Национальном собрании. Это позволило Шираку проводить в жизнь свою либеральную предвыборную программу – снижение налогов, массированную приватизацию, перестройку системы соцобеспечения, образования и т.д. Однако вся ответственность за непопулярные меры вроде реформы высшей школы или за неудачи в борьбе с исламским терроризмом целиком легла на правительство, вызвав падение рейтинга премьера и бурные манифестации студентов в Париже, напомнившие май 1968 г.

Со своей стороны Миттеран оказался в весьма выигрышном положении. Потеряв контроль над деятельностью кабинета, он избрал позу систематического критика премьера и его министров, ставя им по любому поводу палки в колеса. А поскольку глава государства всё ещё сохранял немалые полномочия (председательствовал в Совете министров, утверждал ордонансы правительства и кадровые назначения, вёл международные переговоры и т.д.), то возможностей для этого у него было немало[82].

---

[81] Это отсылало к прецеденту 1924 г., когда победивший на парламентских выборах Картель левых (блок радикалов с социалистами) отказался иметь дело с президентом А. Мильераном, назначившим правый кабинет и принýдил его к отставке.

[82] Например, он отказался подписать ордонансы об обязательном административном разрешении на увольнение (26 марта 1986 г.), о приватизации ряда на-

Создалось парадоксальное положение, при котором премьер являлся главой парламентского большинства, а президент – фактическим лидером оппозиции. Неудивительно, что эффективность процесса принятия и проведения в жизнь политических решений заметно снизилась, а авторитет Франции в глазах её партнёров за рубежом пострадал. Если при последовательном президентском режиме такая ситуация достаточно банальна (в США сочетание политически различных президента и Конгресса – довольно частый случай), то в полупрезидентской системе Пятой республики она выглядела абсурдной.

В итоге баланс сил в общественном мнении между Шираком и Миттераном, склонился в пользу последнего. Премьер, дискредитированный «сожительством», проиграл президентские выборы 28 апреля – 7 мая 1988 г., на которых Миттеран был переизбран на второй срок 54% голосов против 45%, поданных за Ширака.

Как и семью годами ранее, президент не замедлил распустить Национальное собрание и провести 5-12 июня 1988 г. досрочные парламентские выборы, на которых враждебное ему правоцентристское большинство потерпело поражение. Политическое единство властной вертикали было восстановлено, но не полностью: в отличие от легислатуры 1981–1986 гг., социалисты и левые радикалы получили на сей раз в нижней палате только относительное большинство, в которое не вошли коммунисты. «Период 1988–1993 гг. отмечен чередованием трёх правительств меньшинства – М. Рокара, Э. Крессон и П. Береговуа. Хотя эти кабинеты не имели абсолютного большинства мест в Национальном собрании, им удавалось удерживаться у власти благодаря использованию третьего параграфа ст. 49 Конституции (постановка вопроса о доверии в связи с правительственным законопроектом – прим. авт.), – отмечал политолог Ж. Катсиапис. – … Таким образом, на протяжении пяти лет эти три правительства меньшинства могли управлять, успешно избегая смыкания голосов депутатов коммунистов с голосами правой оппозиции или добиваясь, чтобы несколько центристских депутатов воздержались при голосовании

ционализированных предприятий (9 апреля 1986 г.), об условиях въезда иммигрантов (16 июня 1986 г.) и т.д.

резолюции порицания, внесённой правыми и поддержанной также компартией, как это было в момент принятия законопроекта об общем социальном налоге»[83].

«Сожительство» повторялось затем ещё дважды. В 1993–1995 гг. оно протекало сравнительно мирно, тем более что преклонный возраст и обострение неизлечимой болезни Миттерана исключали его кандидатуру на третий срок в ходе предстоявших в 1995 г. президентских выборов, а соцпартия, потерпевшая сокрушительное поражение на парламентских выборах 1993 г., и надолго отброшенная в оппозицию, раздиралась ожесточённой борьбой за наследство её уходящего лидера.

Соперничество переместилась в ряды самого правоцентристского большинства. Наученный печальным опытом 1986–1988 гг., Ширак уступил руководство правительством своему «другу с 30-летним стажем» Э. Балладюру, чтобы лучше подготовиться к решающей схватке за Елисейский дворец в1995 г. Но Балладюр не замедлил выдвинуть на них собственную кандидатуру, расколов правящий лагерь. Одержав всё же победу на президентских выборах 23 апреля – 7 мая 1995 г., Ширак мог казаться, наконец, после двух неудачных попыток 1981 и 1988 гг. полным хозяином положения.

Тем не менее ситуация была далека от полной стабильности. Капризы конституционного календаря обещали уже весной 1998 г. очередные выборы в Национальное собрание. С учётом перспективы введения в ЕС единой валюты и связанных с этим жёстких требований к экономике страны назначенный Шираком правый кабинет Алена Жюппе приступил к проведению программы непопулярных социальных реформ (в частности, пересмотру условий пенсионного обеспечения госслужащих). В декабре 1995 г. началась всеобщая забастовка на транспорте, которая на три недели парализовала всю экономику страны.

Не желая расставаться с дискредитированным премьером, глава государства решил упредить события и пошёл на рискованный шаг – распустил нижнюю палату. 7-21 апреля 1997 г. состоялись досрочные парламентские выборы, из которых левая оппо-

[83] Jean Catapsis. Le Guide de la Ve République. Paris, 2004. P. 8.

зиция во главе с лидером соцпартии Лионелем Жоспеном вышла победительницей. Поручив ему формирование кабинета, Ширак волей-неволей обрёк себя на новое, уже третье по счёту «сожительство», которое на сей раз продлилось не два, а все пять лет легислатуры (срока полномочий Национального собрания). Причём ещё один досрочный роспуск парламента в течение года запрещался конституцией, да и был немыслим после провала предыдущего.

Вначале президент и премьер-министр старались по возможности избегать открытых конфликтов, чтобы не брать на себя ответственность за развязывание политического кризиса, которого общественное мнение явно не хотело. Однако это «бархатное сожительство» продлилось недолго. Проведение социалистами в жизнь их предвыборной программы, центральным пунктом которой было сокращение рабочей недели с 39 до 35 часов без уменьшения зарплаты во имя борьбы против безработицы, вызвало крайне отрицательную реакцию патроната. С учётом того, что на следующих президентских выборах 2002 г. Ширак и Жоспен готовились стать главными соперниками в борьбе за Елисейский дворец, – точно так же как Миттеран и тот же Ширак были ими в 1986–1988 гг., накал конфронтации между главами государства и правительства быстро достиг уровня их первого «боевого сожительства».

Глава государства избрал, подобно своему предшественнику в аналогичной ситуации, тактику систематического саботажа деятельности правительства везде, где только предоставлялся удобный случай. Со своей стороны премьер-министр также не оставался в долгу, приписывая интригам Ширака все ошибки и провалы собственной деятельности. Жоспен замахнулся даже на принятую в Пятой республике со времён де Голля исключительную сферу компетенции главы государства – международные дела, заявив, что она является отныне не «резервированной», а «разделённой» областью.

Если по началу общественное мнение, согласно опросам, относилось к «сожительству» вполне терпимо, видя в нём гарантию от чрезвычайных перекосов политики влево или вправо, то с течением времени «холодная война» между Елисейским дворцом

и особняком Матиньон, хозяева которых старались переложить ответственность за неудачи во внутренней или внешней политике друг на друга, стала вызывать у избирателей растущее раздражение, дискредитируя режим в целом.

По мере того, как приближались президентские и парламентские выборы 2002 г., вопрос о предотвращении новых рецидивов «сожительства», продолжавшегося с 1986 г. в три приёма уже 9 лет из 16, стал предметом острой публичной дискуссии[84]. В качестве средства решения проблемы предлагалось сократить срок полномочий президента с 7 до 5 лет, уравняв его по продолжительности с мандатом депутатов Национального собрания.

Впервые эту идею выдвинул ещё в начале 70-х гг. президент Помпиду, состояние здоровья которого делало маловероятным пребывание его на посту главы государства до конца его 7-летнего мандата, не говоря уже о переизбрании на второй срок. 3 апреля 1973 г. президент направил соответствующее послание парламенту, который одобрил его (270 против 211 в Национальном собрании, 162 против 112 в Сенате). Не будучи, однако, уверен в том, что на совместном заседании обеих палат – Конгрессе в Версале пересмотр конституции получит требуемое большинство – $^{3}/_{5}$ голосов, Помпиду отложил созыв парламента, которому помешала его безвременная кончина.

Критики «пятилетки» (бывший премьер Р. Барр, бывший министр внутренних дел Ш. Паскуа, ультраправые Ж.-М. Ле Пен, Ф. де Вилье и др.) ссылались на то, что 7-летний мандат президента гарантирует преемственность политики, даёт ему бóльший вес в международных делах, снижает вероятность частой смены большинства, тогда как 5-летний будет способствовать эволюции Пятой республики к последовательному президентскому режиму американского типа с упразднением поста главы правительства и права роспуска главой государства нижней палаты парламента.

Тем не менее идея перехода к «пятилетке» становилась всё более популярной. Её поддержали в разных вариантах два следующих президента – либерал Жискар д'Эстен и социалист Миттеран (5 лет с возможностью переизбрания, или 7 лет – без него, 6

[84] Jean Massot. Alternance et cohabitation sous la Ve République. Paris, 1997.

лет и т.д.). Она была записана в 1972 г. в совместную правительственную программу социалистов и коммунистов. В 1992 г. для подготовки проекта ревизии конституции был создан консультативный комитет под председателем декана юридического факультета Парижского университета Ж. Веделя. Однако её работа затянулась.

С избранием в 1995 г. Ж. Ширака, дело, наконец, сдвинулось с места – после некоторых колебаний он вынес соответствующий законопроект на рассмотрение обеих палат парламента. 29 июня 1996 г. он был одобрен Национальным собранием подавляющим большинством – 466 голосами против 98 при 9 воздержавшихся, и в тот же день Сенатом (288 «за», 34 «против», 8 воздержались). На референдуме 24 сентября 2000 г. о сокращении президентского мандата положительный ответ дали 73,2% принявших участие в голосовании, отрицательный – 26,8% (хотя удельный вес воздержавшихся оказался довольно высоким).

Однако одна лишь «пятилетка», которая выравнивает продолжительность мандатов президента и депутатов Национального собрания, сама по себе ещё не может служить достаточно надёжной страховкой от повторения «сожительства». Многое определяют другие факторы – календарные сроки президентских и парламентских выборов, интервалы между ними, наконец, их последовательность. Даже с учётом коренного различия способов формирования представителей двух основных ветвей власти, степень их легитимности зависит от того, кто избран позднее другого и насколько.

В 2002 г. зазор между конституционными сроками президентских и парламентских выборов оказался минимальным – порядка одного месяца. Однако волею случая полномочия депутатов истекали раньше, чем мандат президента. В таких условиях эффект, на который рассчитывали инициаторы введения «пятилетки» – обеспечение политической однородности главы государства и большинства депутатов – мог оказаться под вопросом. В самом деле, если кандидат, победивший на президентских выборах как правило добивался лояльного ему состава Национального собрания, то обратный вариант отнюдь нельзя было считать гарантированным. Вчерашние союзники в борьбе за Бурбонский дворец – резиден-

цию нижней палаты вполне могли оказаться соперниками при решении судьбы главной ставки политической борьбы – Елисейского дворца. Тогда возобновление «сожительства» вновь стало бы вполне возможным.

Стремясь избежать такого риска, бывший президент-либерал Жискар д'Эстен и бывший премьер-министр социалист М. Рокар выступили с совместной инициативой провести президентские выборы до парламентских путём перенесения последних на более поздний срок.

Эта идея вызвала неоднозначную реакцию, расколов как левые, так и правые партии. Тем не менее Национальное собрание приняло после бурной дискуссии 24 апреля 2001 г. 308 голосами против 251 при 9 воздержавшихся проект органического закона, согласно которому полномочия депутатов продлевались на три месяца. По иронии судьбы за такое решение выступило ядро правившей тогда левоцентристской коалиции – соцпартия во главе с премьер-министром Жоспеном, тогда как партия его соперника президента Ширака – неоголлистская ОПР проголосовала против. Между тем в конечном счёте данное решение сыграло на руку именно правым, прежде всего Шираку, переизбранному президентом 21 апреля – 5 мая 2002 г. на второй, теперь уже пятилетний срок, а затем правым партиям, вернувшимся к власти на волне его победы в итоге парламентских выборов 9-16 июля того же года.

Следует отметить, что президентские выборы 2002 г. прошли вообще нестандартно. Поскольку число кандидатов в первом туре достигло 16, распыление голосов, особенно в левом лагере, помешало лидеру соцпартии премьеру Л. Жоспену выйти во второй тур. Соперником президента Ширака, претендовавшего на новый, уже пятилетний мандат, оказался там лидер ультраправого Национального фронта Ле Пен. В таких условиях почти все левые партии были вынуждены волей-неволей поддержать Ширака, избранного беспрецедентным в истории Франции большинством – 82,2% голосов против 17,8% поданных за Ле Пена.

Столь эффектная победа была во многом иллюзорной – собственная политическая опора президента в стране не превышала полученных им в первом туре 19,7% голосов (ровно столько же, сколько он собрал ещё в 1981 г., когда впервые выдвигал свою

кандидатуру на президентский пост). Однако на последовавших вскоре парламентских выборах 9-16 июня 2002 г. его левые противники оказались в крайне деликатном положении: призывая избирателей не отдавать всю полноту власти правым, создав им противовес, они по существу ратовали за возобновление «сожительства», которое сами же решительно осуждали в период 1997–2002 гг., прошедший под знаком противоборства Ширака с Жоспеном. Неудивительно, что шираковская партия РПР легко добилась абсолютного большинства в Национальном собрании – 369 мандатов из 577, обеспечив главе государства и назначенному им правительству прочную поддержку вплоть до 2007 г.

На первый взгляд может создаться впечатление, что задача сохранения политического единства всех трёх ступеней властной вертикали, возникшая в полупрезидентском режиме Пятой республики с началом регулярной ротации власти, решена, наконец, окончательно и бесповоротно. Однако такой вывод был бы ошибочным. Если выравнивание сроков полномочий президента и депутатов, сведённых к пяти годам, не подлежит пересмотру, то закон 2001 г. об изменении последовательности парламентских и президентских выборов относился только к одному конкретному случаю и не может предусмотреть в будущем самых различных вариантов (тяжёлая болезнь или безвременная кончина президента, его отставка, раскол правящей партии или коалиции, следствием которой оказывается принятие вотума порицания правительству и его отставка, неудачный для президента роспуск нижней палаты и т.д.). Подобные стечения обстоятельств уже не раз бывали в истории Пятой республики в 1962, 1969, 1974, 1997 гг. В таких случаях порядок президентских и парламентских выборов могут меняться, отражаясь на их результатах.

Незавершённость поисков оптимального равновесия между исполнительной и законодательной ветвями власти в её верхних эшелонах стимулировала поиски такого баланса на местах, на её нижних и промежуточных ступенях – в коммунах, департаментах, регионах.

На протяжении всей последней трети XX и начала XXI вв. французский политический класс постепенно убеждался в том, что чрезмерный централизм, издавна свойственный администра-

тивной системе страны, всё более изживает себя. Парализуя местную инициативу он явно тормозил адаптацию экономических структур к требованиям европейской интеграции и глобализации. Отсутствие возможности решать локальные проблемы на местах, поднятие их до уровня центральных государственных институтов раскалывали элиты, усиливали напряжённость между верхами и низами, вызывая периодические встряски политической системы, особенно после значительного усиления исполнительной власти за счёт законодательной в Конституции 1958 г.

Единственным способом придать системе большую гибкость и эффективность могла стать только административная децентрализация. Это понял уже генерал де Голль, выступив с проектом расширения прав регионов, вписывавшееся в амбициозный проект объединения Сената с Экономическим и социальным советом. «Многовековые централизаторские усилия, которые долгое время были необходимы нашей стране, чтобы осуществить и сохранить своё единство, не стоят более в повестке дня. Напротив, пружиной её экономического могущества в будущем является деятельность в региональных рамках», – заявил он на Лионской ярмарке осенью 1968 г.

Провал данного проекта на референдуме 27 апреля 1969 г., вызвавший уход президента в отставку, показал, что психологические условия для разрыва Франции с её многовековой централизаторской традицией ещё не созрели. Большинство самих голлистов опасались, что расширение прав регионов подорвёт единство Франции. К тому же голлисты, монополизировавшие власть в центре, не были заинтересованы в её ослаблении на местах, где они являлись менее влиятельными среди традиционных «нотаблей», чем традиционные парламентские партии Четвёртой республики: кадровым резервом голлистского движения служило, прежде всего, чиновничество, изначально враждебное децентрализации.

Со своей стороны левая оппозиция также не доверяла консервативным местным «нотаблям» и надеялась на проведение серьёзных реформ только после отвоевания ею центральной власти. Характерно, что ещё во время Великой французской революции 1789 г. сторонники расширения прав выборных органов местно-

го самоуправления – жирондисты потерпели поражение в борьбе с якобинцами, которые добивались сосредоточения всей полноты власти в столице.

Поэтому первые шаги в направлении децентрализации, предпринимавшиеся с начала 60-х гг., оставались весьма робкими. Мелкие коммуны группировались в синдикаты для совместной реализации дорогостоящих проектов, с 1964 г. началось создание региональных комитетов содействия экономическому развитию в рамках нескольких департаментов (КОДЕР) с участием представителей генеральных советов, торгово-промышленных палат, предпринимательских ассоциаций, сельскохозяйственных синдикатов, кооперативов и т.д.

В 1970-е гг. региональные органы оставались сугубо консультативными структурами при представителях правительства – префектах одного или нескольких департаментов. Целью власти была тогда не столько децентрализация, сколько «деконцентрация», т.е. передача министерствами и ведомствами их филиалам на местах (деятельность которых координировали префекты) полномочий для решения более широкого круга текущих вопросов без обязательной санкции центра. «В этой концепции речь идёт в бóльшей степени о повышении эффективности действий государственных органов, чем об освобождении граждан от тиранического господства государства в целом», – признавал юрист Шарль Деббаш, являвшийся советником Елисейского дворца по административным вопросам при президенте Помпиду[85].

Однако жизнь постепенно брала своё. Популярность децентрализации росла прежде всего в лагере левой оппозиции, где её отстаивал влиятельный «Клуб Жана Мулена», объединявший молодых технократов с реформаторскими взглядами. Этим настроениям способствовали успехи левых партий на выборах в органы местного самоуправления, которые стремились играть роль противовеса снизу безраздельному господству правых в верхних эшелонах власти. Если в 1971 г. соцпартия контролировала мэрии 46 городов с населением свыше 30 тыс. жителей, то в 1978 г. – уже

[85] Charles Debbasch. Administration an ponvoir fonctionnaires at politiques sons la Vime Repablique. Paris, 1969. P. 175.

81 (правые соответственно 117 и 61)[86]. Социалисты стали мэрами таких крупных городов, как Марсель, Лилль, Рубе, Бельфор, Ренн, Гренобль, Нант, Лимож, Монпелье, Клермон-Ферран.

С победой лидера социалистов Ф. Миттерана на президентских выборах 1981 г. децентрализация, фигурировавшая в его предвыборной программе, стала одним из основных приоритетов левого правительства Пьера Моруа, где ею непосредственно занялся министр внутренних дел Гастон Деффер. Поскольку премьер был многие годы мэром Лилля, а его министр – Марселя, оба имели личный опыт конфликтных отношений местных органов власти с центром и стремились выправить дисбаланс между ними. С учётом того, что следующая ротация власти может снова вернуть правым контроль над центральными государственными институтами, социалисты стремились заблаговременно укрепить свои провинциальные тылы на будущее.

Внушительный пакет из 21 законопроекта о перестройке отношений между центральной и местными властями был подготовлен в самые сжатые сроки. 28 января 1982 г. депутаты Национального собрания одобрили его в последнем чтении, два месяца спустя он был подписан президентом и вступил в силу. Краеугольным камнем этого внушительного комплекса стал закон 82-213 от 2 марта 1982 г. «О правах и свободах коммун, департаментов и регионов», установивший правовые рамки процесса децентрализации.

Он изменил, прежде всего, восходившую к Наполеону двухуровневую систему административно-территориального деления страны на коммуны и департаменты (в 1982 г. первых насчитывалось 36433, вторых 96 в метрополии, плюс 4 заморских). Отныне 22 региона, созданные десятилетием ранее в составе нескольких департаментов, превратились из сугубо консультативных органов при региональных префектах в полноправные «территориальные коллективы». Их население избирало региональный совет во главе с председателем, который располагал собственным бюджетом.

Законы от 7 января и 22 июля 1883 г. уточнили разграничение

[86] Пункт 54-й: «Децентрализация государства станет приоритетом». Bertrand Villeneuve et François-Henri de Virieu. Le Nouveau pouvoir. Paris, 1981. P. 81.

полномочий и материальных средств как между государством в лице префектов и органами местного самоуправления, так и между выборными муниципальными, генеральными (департаментскими) и региональными советами во главе мэрами и председателями. Прежний порядок предварительного контроля префектов над решениями последних, как и опека, включая право вето на эти решения, отменялся. Местные органы власти могли отныне самостоятельно готовить и принимать свои решения, включая бюджеты, которые префект имел право оспорить только через суд.

Отношения между тремя уровнями «территориальных коллективов» строятся теперь не на вертикально-иерархическом принципе подчинения меньших бóльшим, а на основе распределения компетенций и источников средств, необходимых для исполнения их обязанностей. Так, региональный совет отвечает за инвестиции в экономическое, социальное, культурное развитие своего региона, обустройство его территории, т.е. инфраструктуру, помощь частным предприятиям, создание рабочих мест, среднее образование и профессиональное обучение. На департамент возложены задачи оснащения сельских местностей, содействие учреждениям культуры, учебным заведениям уровня коллежей (неполной средней школы), социальной сфере, здравоохранению, торговле, рыболовству, портóвому хозяйству, а также за выделение участков под промышленные зоны и состояние департаментской дорожной сети. Наконец, коммуна ведает городским хозяйством, жилищным строительством и благоустройством, начальными школами, дошкольными учреждениями, регистрацией актов гражданского состояния и т.д. Важной составляющей реформ 1980-х гг. явилось определение статуса 800 тыс. служащих территориальных коллективов, которые приравнивались к государственным по уровню окладов, выслуге лет, пенсионному обеспечению (закон от 26 января 1984 г.).

Закон от 7 января 1983 г. определил порядок финансирования коммун, департаментов и регионов при выполнении ими новых функций, передаваемых государством. Их доходы складываются как из местных налогов и сборов (на автомашины, землю, жильё и т.п.), так и дотаций из госбюджета, предоставляемых теперь «пакетом», – т.е. без целевой разбивки (уже в 1984 г. объём послед-

них составил 13,6% расходной части госбюджета), но под строгим контролем местных отделений государственного казначейства, подчинённого министерству финансов.

Вместе с тем институт полномочных представителей государства – префектов, отнюдь не исчез, а в чём-то даже укрепился. Перераспределение обязанностей между префектурами и местными выборными органами освободила их от массы мелких административных обязанностей, дав возможность сосредоточиться на главных задачах – гарантии соблюдения законов, поддержании общественного порядка, борьбе с преступностью, наконец, сотрудничестве с территориальными коллективами и частным сектором при реализации долгосрочных совместных планов социально-экономического развития региона на договорной основе. «Власть государства – это ваша власть, она не должна делиться ни с кем», – подчёркивал президент Миттеран, выступая 28 ноября 1984 г. перед корпусом префектов[87].

Децентрализация не затронула такие важные прерогативы государства, как национальная оборона, безопасность, правосудие, финансы, общие принципы организации народного образования и социальной защиты. Ими по-прежнему управляют центральные министерства и ведомства через командующих военными и жандармскими округами, региональных казначеев, ректоров академий (учебных округов) при координирующей роли префектов. Независимой от местных выборных органов остаётся и судебная ветвь власти. Таким образом, административные реформы 80-х гг. не были полным разрывом с централизаторскими традициями французской государственности – они лишь смягчили их, адаптировав к качественно новым условиям страны, вступающей в постиндустриальную эру.

За прошедшую с тех пор четверть века итоги этих реформ выглядят неоднозначно. Положительной их стороной стало приближение процесса принятия решений непосредственно касающихся повседневной жизни французов, к рядовым гражданам. Отношения власти и выборных органов самоуправления на местах строятся отныне на принципе субсидиарности – исключи-

[87] Le Figaro, 29 novembre 1984.

тельной ответственности каждой из трёх ступеней административно-территориального за свой круг вопросов.

Вместе с тем негативных элементов тоже было немало. Перераспределение функций между государством в лице префектур и территориальными коллективами вызывало немалые трения при делёже материальной инфраструктуры – зданий, транспортных средств и т.д., вело к смешению и дублированию компетенций, перекладыванию ответственности одними чиновниками на других, бюрократической волоките и т.п. Наибольшие выгоды из реформ извлекли не регионы и коммуны, а департаменты, всегда служившие главным звеном местной администрации. Бюджет региона обычно меньше бюджетов входящих в него департаментов. Генеральные советы последних получили наиболее широкие дополнительные права и, соответственно, больше финансовых средств, чем регионы и коммуны.

В то же время малонаселённые сельские коммуны, которых в стране подавляющее большинство, по-прежнему испытывают острую нехватку финансовых средств, получать которые, как раньше, от департаментов, регионов, а главное – государства из бюджета, т.е. префектов стало гораздо труднее. Мэры нередко сетуют на то, что новые обязанности, переданные им государством, не покрываются дополнительными ресурсами, требуя введения дополнительных местных налогов и сборов. А это вызывает недовольство населения и отпугивает инвесторов.

Тем не менее объективно неизбежный процесс децентрализации продолжается. В начале XXI в. активность в этом плане начали проявлять уже не столько левые, сколько правые партии, видевшие в нём способ уменьшить прямое вмешательство государства в экономику.

Особую настойчивость проявил в этом кабинет либерал-центриста Жан-Поля Раффарена (2002–2005 гг.) назначенного премьером после переизбрания Ж. Ширака главой государства на второй срок. Будучи на протяжении многих лет сенатором и председателем регионального совета Пуату-Шарант (Юго-Запад), он знал на собственном опыте проблемы отношений провинции со столичной администрацией не хуже, чем в своё время социалист Г. Деффер. Провозгласив дальнейшую децентрализацию главным

приоритетом деятельности своего правительства, Раффарен добился принятия за три года пяти крупных законопроектов в этой области. Главными из них являются конституционный закон от 28 марта 2003 г. «О децентрализованной организации Республики» и органический закон от 1 августа того же года, на основе которых территориальным коллективам было разрешено расширять свои полномочия (пусть даже временно – в порядке эксперимента) далеко за рамки существующего законодательства. В частности региональные, генеральные и муниципальные советы получили право проводить на своей территории референдумы по местным проблемам. Закон от 30 июля 2003 г. «О свободах и ответственности местных органов власти» передал им ряд новых административных функций выполнявшихся ранее государством[88]. И, наконец, органический закон от 21 июля 2003 г. расширил их финансовую автономию – основную часть бюджетов территориальные коллективы могут изыскивать теперь из своих источников, что снижает зависимость от внешних дотаций.

Все эти реформы закреплены новой редакцией ст. 72 действующей Конституции. В ней фигурирует, в частности, беспрецедентное в истории Франции положение о возможности введения особого правового статуса отдельных территориальных коллективов с учётом их специфики. Речь идёт прежде всего о Корсике и заморских департаментах и территориях. Первые шаги в этом направлении были сделаны уже социалистическими правительствами М. Рокара в связи с серьёзными беспорядками в Новой Каледонии (1988 г.) и Л. Жоспена, пошедшего навстречу требованиям умеренных корсиканских националистов. Хотя правые партии, в то время оппозиционные, критиковали эти меры, объявляя их угрозой унитарному характеру государства и тем самым территориальной целостности страны, с приходом к власти они не отменили их, а даже в чём-то расширили.

Постепенный отход Пятой республики от изначально присущих французской государственности принципов крайней централизации и строгого единообразия открывает возможности для смягчения заложенных в Конституции 1958 г. авторитарных тен-

[88] Dominique et Michèle Frémy. Quid 2005, Paris, 2004. P. 10.

денций – прежде всего чрезмерного дисбаланса между законодательной и исполнительной ветвями власти в пользу последней, пришедшего на смену обратному перекосу конституций двух предыдущих парламентских республик. Благодаря укреплению «буферных» промежуточных эшелонов власти между столицей и провинцией ещё более снижается и риск рецидивов «сожительства» между президентом, премьером и парламентским большинством разной политической окраски на вершине властной вертикали.

На местном уровне такое «сожительство» всегда практиковалось во Франции без сколько-нибудь заметных негативных последствий. Напротив, сращивание локальных и национальных элит помогало находить компромиссы между большинством и оппозицией, выборными органами и администрацией, ограничивая издержки ротации политической власти в центре, которая с 1981 г. повторялась регулярно на всех парламентских выборах (1986, 1988, 1993, 1997, 2002 гг.). Как правило, победившие на них партии терпели затем неудачи на следующих «промежуточных» местных выборах. Избиратели стремились тем самым послать сигнал правящим кругам о своём недовольстве, предупредив о неполном соответствии их политики предвыборным обещаниям.

Например, всего через два года после блестящей победы на президентских и парламентских выборах в марте 1981 г. социалисты потерпели чувствительное поражение на муниципальных выборах 1983 г., потеряв контроль над мэриями 31 города с населением свыше 30 тыс. человек (Гренобля, Нанта, Бреста, Рубэ, Авиньона, Эпиналя и т.д.), затем в апреле 1986 г. на кантональных и региональных выборах, прежде чем потерять большинство в нижней палате. После возврата к власти правых партий точно такая же ситуация не раз повторялась позднее и с ними: победив с подавляющим перевесом на президентских и парламентских выборах 2002 г., они проиграли контональные и региональные два года спустя, утратив председательство в советах 20 регионов из 22.

Асинхронность ротации власти в центре и на местах способствует не просто децентрализации, но и определённой либерализации режима Пятой республики, стабилизируя обстановку, смягчая турбулентность общественной жизни страны на национальном уровне.

Дело в том, что на местах ротация власти происходит обычно далеко не столь радикально, как в центре. Пользуясь высоким личным авторитетом, опираясь на прочные связи с влиятельными местными «нотаблями» многие видные политические деятели сохраняют посты мэров, членов и председателей генеральных и региональных советов зачастую на протяжении многих десятилетий независимо от того, какая партия находится у власти в столице – их собственная или враждебная. Так, Э. Эррио руководил мэрией Лиона полвека, Г. Деффер немногим меньше правил Марселем, Ж. Шабан-Дельмас – Бордо, Ж. Ширак бессменно возглавлял мэрию Парижа 18 лет подряд.

Вместе с тем расширение прав и ресурсов территориальных коллективов, повышающее ставки в борьбе за власть на местах, влечёт за собой и определённые издержки. Страна живёт в атмосфере чуть ли не перманентной предвыборной лихорадки, отражающейся на эффективности политики правительства, которое вынужденно постоянно оглядываться на меняющиеся настроения электората.

Со своей стороны сами избиратели постепенно теряют интерес к чересчур частым выборам и «голосуют ногами», не являясь к избирательным участкам. Абсентеизм на референдумах увеличился с 26,2 (право Алжира на самоопределение) до 69,8% (сокращение президентского мандата с 7 до 5 лет). На президентских выборах он колеблется от 15,2 (1965 г.) до 28,4% (2002 г.), на парламентских – от 22,8 (1958 г.) до 35,6% (2002 г.), на выборах в Европарламент – от 39,3 (1979 г.) до 53% (1999 г.). На местных выборах процент воздержавшихся ещё выше, чем на национальных: на кантональных (в генсоветы департаментов и тем самым косвенно в Сенат) он нередко зашкаливает за 50%[89]. Очевидно, что это в известной мере девальвирует легитимность политической элиты и государства в целом.

Стремясь преодолеть эти негативные тенденции, французские законодатели прибегают к самым различным мерам: одновре́менному проведению выборов сразу в несколько органов местного

[89] Pierre Brechon. La France aux urnes. Soixante ans d histoire électorale. Edition 2004. Paris. P. 27, 36, 39.

самоуправления, выравниванию сроков полномочий их членов, унификации избирательных систем, сокращению совместительства нескольких выборных мандатов и т.д. Так, сроки полномочий членов муниципальных, региональных и генеральных советов, составлявшие ранее 6 лет для первых двух и 9 для последних, сведены к шести. Генсоветы будут обновляться теперь не каждые три года на треть, а сразу наполовину. То же касается членов верхней палаты парламента – Сената, представляющего интересы местных коллективов. Законами от 30 декабря 1985 г. и от 5 апреля 2000 г. запрещено совмещение мандатов депутата или сенатора с мандатом депутата Европарламента от Франции. Новая редакция ст. 141 Избирательного кодекса ограничила совместительство обязанностей депутата или сенатора с членством более чем в одном региональном, генеральном или муниципальном совете (в последнем – для коммун с населением свыше 1,5 тыс. человек).

В целом эволюция конституционных рамок Пятой республики за почти полувековой период её существования выглядит двойственно. Если изменение баланса между законодательной и исполнительной властями в пользу последней, закреплённое в Конституции 1958 г., положило конец хронической неустойчивости правительств, свойственной французскому варианту парламентского режима, то связанное с этим ослабление механизма обратной связи между верхами и низами вызывает периодическое обострение напряжённости, придающее социальным конфликтам политический характер, а порой и форму прямой пробы сил, в том числе за пределами правового поля. Противоречивость полупрезидентского режима в принципе сохраняет риск раскола верхних эшелонов власти в ходе её ротации, приводя к «сожительству» президента и парламентского большинства разной политической ориентации, причём выравнивание сроков полномочий главы государства и депутатов парламента не даёт полной гарантии от повторения таких ситуаций в будущем.

Таким образом, процесс модернизации режима Пятой республики, как и её экономики, ещё далеко не завершён. Дебаты вокруг конституционного устройства страны продолжаются – 29 июня 2004 г. первый секретарь соцпартии Франсуа Олланд заявил, что кандидат социалистов на президентских выборах 2007 г. обязует-

ся в случае успеха провести референдум по проблеме пересмотра конституции[90]. Бывший министр культуры и народного образования социалист Жак Ланг опубликовал в 2004 г. книгу, в которой выступает в пользу перехода к последовательно президентской системе, где глава государства выполнял бы, как в США, и функции премьер-министра, а полномочия парламента были бы также расширены.

Конечный результат этой дискуссии зависит не только от дальнейшего совершенствования государственных институтов, но и от эволюции партийно-политической системы страны, находящейся на этапе перехода от крайней многопартийности к двухполюсной структуре.

ГЛАВА 7. ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА: ПРАВЫЕ, ЛЕВЫЕ, ЦЕНТР*

Трансформация голлизма

К началу XXI в. вступил в заключительную стадию длительный процесс кристаллизации политической системы Пятой республики вокруг двух основных партий, периодически сменяющихся у власти и в оппозиции.

Ядром правого лагеря стал Союз за народное движение (ЮМП), созданный в 2002 г. в результате слияния неоголлистского Объединения в поддержку Республики (РПР) и большей частью либерального Союза за французскую демократию (ЮДФ). Вне ЮМП остались лишь центристская часть ЮДФ, сохранившая прежнее название, и ультраправый Национальный фронт. В левом лагере ведущую роль играет социалистическая партия, с которой соперничают и сотрудничают маргинальные коммунисты, троцкисты,

[90] Le Monde, 20 août 2004.

* Ю.И. Рубинский, Т.В. Белик. Политическая система Франции: незаконченная модернизация. М., изд-во «ОГНИ ТД», 2006 г. В сборе и обработке материала для работы участвовала аспирант ИЕ РАН, ассистент проф. Ю.И. Рубинского Т.В. Белик.

часть экологов. Причём как справа, так и слева каждая из двух системообразующих партий опережает своих конкурентов вместе взятых по числу избирателей как минимум в два-три раза.

Предтеча ЮМП – голлизм, выступил на авансцену общественной жизни Франции ещё в период Четвёртой республики. 7 апреля 1947 г. генерал де Голль, ушедший годом ранее в отставку с поста главы Временного правительства, объявил на митинге в Страсбурге о создании Объединения французского народа (РПФ). Его целями провозглашались коренная ревизия конституции для усиления исполнительной власти за счёт законодательной, восстановление подорванной войной экономики при активной роли государства, преодоление классовых антагонизмов путём «ассоциации капитала и труда», защита суверенитета и независимости Франции на международной арене, решительная борьба против коммунизма внутри страны и вовне в условиях начинавшейся холодной войны.

РПФ возглавила узкая когорта «исторических» голлистов («баронов») – ближайших соратников де Голля по эмигрантскому движению Свободной Франции времён Второй мировой войны (Мишель Дебре, Жак Шабан-Дельмас, Жак Сустель, Роже Фрэ, Рене Капитан, Эдмон Мишле, Морис Шуман, Оливье Гишар, Морис Кув де Мюрвиль, Кристиан Фуше и др.). Хотя «бароны» были выходцами из самых разных партий – радикалов, католического Народно-республиканского движения, традиционных консерваторов, ультраправых и даже левых, их объединяли многие общие черты – личная преданность генералу де Голлю, клановая солидарность, привитая эмиграцией и подпольем военного времени, жёсткая дисциплина, сочетание легальных методов политической борьбы с иными, менее прозрачными, связи с силовыми структурами – армией, спецслужбами. Это нашло выражение в создании РПФ военизированной «службы гражданского действия» для поддержания порядка на собственных массовых мероприятиях и противодействия враждебным.

Сочетание национал-патриотических лозунгов и социал-популизма с традиционными консервативными ценностями помогло РПФ привлечь не только обычный консервативно-буржуазный правый электорат, но и часть «народных» избирателей-рабочих и

служащих в крупных промышленных центрах, в т.ч. в Париже: недаром избирателей РПФ сравнивали с пассажирами в метро, где можно встретить кого угодно. В результате к концу 1940-х – началу 1950-х гг. РПФ стала массовой партией межклассового характера, располагавшей прочным, построенным по сугубо вертикальному принципу аппаратом. Число её членов достигло 1,5 млн, вдвое опередив своего главного противника на противоположном фланге политического спектра – компартию, находившуюся тогда в зените своего влияния. На муниципальных выборах в октябре 1947 г. голлистские кандидаты получили почти 40% голосов, захватив контроль над мэриями ряда крупных городов – Парижа, Марселя, Лилля, Бордо, Нанта, Сент-Этьена, Тулона, Реймса.

Однако неоднородность идеологии и социальной базы РПФ, являвшихся поначалу её главным преимуществом перед другими правыми партиями, стала, в конечном счёте, основной причиной её распада. Хотя на парламентских выборах 17 июня 1951 г. РПФ получила 4,1 млн поданных голосов (21,7%) и образовала первую по численности депутатскую фракцию в Национальном собрании – 106 мандатов из 544, центристская коалиция т.н. «третьей силы» (католическое Народно-республиканское движение – НРП, радикалы, традиционные консерваторы – «независимые и крестьяне»), а также социалисты сохранили абсолютное большинство без антисистемных оппозиций на крайних флангах, т.е. – голлистов справа и коммунистов слева. Этому способствовала избирательная реформа, разрешившая «породнение» партийных списков разных партий, что давало участникам таких сделок преимущество при дележе депутатских мандатов.

Потеряв надежду на приход к власти в одиночку, четверть парламентской группы РПФ нарушила партийную дисциплину и проголосовала в марте 1952 г. за кандидатуру представителя правоконсервативных «независимых и крестьян» Антуана Пине на пост председателя Совета министров. Получив необходимое большинство (313 голосов), Пине сформировал правоцентристский кабинет без участия отброшенных в оппозицию социалистов, которых заменили справа перебежчики из РПФ. Потерпев неудачу в попытках восстановить единство партии, де Голль заявил 6 мая 1953 г. о предоставлении депутатам-голлистам свободы действий

и отошёл от участия в руководстве движением. Утрата основателя и вождя ускорила окончательный распад РПФ на «классических» консерваторов и ортодоксальных голлистов.

На парламентских выборах 1956 г. одни выступили на стороне правоцентристского большинства, вторые («Союз республиканцев социального действия») примкнули к оппозиционному левоцентристскому Республиканскому фронту (блоку социалистов с радикалами), а после его победы вошли в состав кабинета во главе с тогдашним лидером соцпартии Ги Молле. Однако влияние голлизма в целом резко упало – все его сторонники вместе взятые получили лишь 842 тыс. голосов[91].

Следующую главу в истории голлизма открыли крушение Четвёртой республики под ударами «ультра»-колониалистского мятежа в Алжире при поддержке армии и возврат к власти генерала де Голля, которому способствовали его давние соратники, принимавшие непосредственное участие в путче или скрыто помогавшие ему изнутри правительства. Воссозданная голлистская партия, названная Союзом за новую республику (ЮНР), сыграла активную роль в принятии на референдуме конституции, «скроенной по мерке» генерала де Голля.

Хотя у руководства ЮНР оказались всё те же «исторические голлисты» – «бароны» военных лет, а пропагандистский багаж унаследовал многое у её предшественницы РПФ, роль голлистского движения в политической жизни страны коренным образом изменилась. Из антисистемной силы она превратилась в «партию власти», чьи лидеры заняли ключевые государственные посты – премьер-министра (М. Дебре), председателя Национального собрания (Ж. Шабан-Дельмас), Конституционного совета (Г. Палевский), не говоря уже о том, что сам генерал де Голль стал первым президентом Пятой республики.

Новая ситуация не могла не отразиться на численности и электорате ЮНР. Если в первые месяцы после создания (декабрь 1958 г.) она претендовала на 280 тыс. членов, то уже пять лет спустя всего на 150 тыс. Фактически же, по оценкам независимых

[91] Les élections en France de 1789 à nos jours. «Les cahiers de l'histoire», № 164, mars 1967. P. 82.

аналитиков, её актив не превышал 86 тыс. человек. Иными словами, из массовой партии, какой была оппозиционная РПФ, её наследница превратилась в типично кадровую[92]. Заметно сузилось и электоральное поле голлистов: на первых парламентских выборах Пятой республики 23 ноября 1958 г. ЮНР получила в первом туре 3,6 млн голосов (20,3%), т.е. на четверть меньше, чем было у РПФ в 1951 г. Она заняла второе место после всё ещё влиятельной компартии, ставшей отныне центром притяжения протестного электората. Вместе с тем благодаря замене пропорционального представительства мажоритарным голосованием в два тура по одномандатным округам ЮНР досталось в первом составе Национального собрания Пятой республики 194 депутатских мандата из 456 (42,2%). Хотя это было меньше половины, вместе с умеренными консерваторами, выступавшими в блоке с голлистами, последние стали ядром правительственного большинства на протяжении первой легислатуры Пятой республики.

Единство правоцентристского большинства во главе с ЮНР сохранялось до тех пор, пока продолжалась война в Алжире. Курс де Голля на предоставление алжирцам права на самоопределение вызвал раскол сначала в самой ЮНР, с которой порвал один из видных «исторических голлистов», бывший шеф разведки Свободной Франции, затем генсек РПФ Жак Сустель, который перешёл в лагерь непримиримых защитников «французского Алжира», а затем и в правом лагере в целом. Более того, проект де Голля ввести избрание президента всеобщим голосованием, толкнул в оппозицию все остальные партии, вышедшие из Четвёртой республики – не только левые, но и правые, принявшие резолюцию порицания кабинету Жоржа Помпиду, незадолго до того сменившего Дебре на посту премьер-министра. Падение правительства побудило президента реформировать конституцию путём референдума, распустить Национальное собрание и провести досрочные выборы.

Уже в первом туре этих выборов – 18 ноября 1962 г. ЮНР одержала внушительную победу, собрав 5,8 млн голосов (31,9%), обойдя коммунистов и став первой партией страны. Поскольку,

[92] Jean Charlot. Le Gaullisme, Paris, 1970. P. 157.

однако, голлистская фракция в нижней палате – 229 мандатов из 465, не дотягивала до абсолютного большинства, оно было достигнуто благодаря поддержке небольшой либеральной группы «независимых республиканцев» во главе с В. Жискар д'Эстеном, отколовшейся от традиционных правых консерваторов («независимых и крестьян»).

На протяжении второй легислатуры (1962–1967 гг.) все четыре кабинета Помпиду, назначенных де Голлем, опирались на поддержку парламентского большинства, основную массу которого составляли голлисты. В соответствии с установившейся практикой, премьер-министр являлся фактическим руководителем «партии власти» – именно он определял её стратегию и тактику в парламенте, координировал предвыборные кампании, задавал тон пропаганде.

Квазимонополия голлистов на государственную власть с конца 1950-х до начала 1970-х гг. не могла не отразиться на структуре электората ЮНР. Вначале его особенностью, как ранее РПФ, являлось сочетание традиционных правых избирателей, прежде всего из средних слоёв, с частью рабочих и служащих, голосовавших обычно за левые партии, но привлечённых типичной для бонапартистской традиции комбинацией национально-патриотических лозунгов с социал-популистскими.

Эту комбинацию активно культивировали т.н. «левые голлисты» – Рене Капитан, Лео Амон, Филипп Дешартр, Эмманюэль д'Астье де ля Вижери и др., которые выступали за участие трудящихся в прибылях предприятий, защиту прав профсоюзов, независимую внешнюю политику, дистанцирование от США и НАТО, диалог с СССР и «Третьим миром». Наиболее известной из их группировок был Демократический союз труда (ЮДТ)[93]. Хотя «левые голлисты» были не более чем скромным довеском голлистского движения, само их существование помогало ему выходить за пределы обычного социально-политического сегмента правого лагеря.

Однако уже на выборах 1962 г. ЮДТ сомкнулся, а затем и окончательно слился с ЮНР, переименованную в Союз демокра-

[93] Jean Charlot. Le Phénomène gaulliste. Paris, 1970. P. 104-107.

тов за республику (ЮДР). Инициатором этого слияния был премьер-министр Ж. Помпиду, избранный после отставки де Голля в 1969 г. главой государства. Его модернизм в подходах к проблемам экономики и культуры сочетался с глубоким социально-политическим консерватизмом, отвечавшим настроениям основной массы избирателей и тем более кадров ЮДР. В конце 1960-х гг. среди них фигурировали предприниматели и торговцы, люди свободных профессий и менеджеры, фермеры, служащие, пенсионеры, проживавшие в мелких и средних городах и регулярно посещавшие церковь. Географические зоны влияния ЮДР всё более совпадали с традиционными бастионами «классических» правых партий и католической церкви (Запад, Восток, юго-восточная часть Центрального массива)[94].

Организационная структура ЮДР строилась, как до неё РПФ и ЮНР, по строго вертикальному принципу кооптации кадров сверху. Съезд и Национальный совет играли сугубо декоративную роль, штампуя решения руководства. ЦК состоял из 40 парламентариев, 48 профессиональных политиков, 14 кооптированных и 7 постоянных членов. Генсек и четыре его заместителя, избранные ЦК, занимались административными делами. Низовыми звеньями голлистской партии служили комитеты в избирательных округах, объединённые в департаментские и региональные федерации[95].

Не входя в число «исторических» голлистов, Помпиду, примкнувший к де Голлю уже после войны, начал постепенно оттеснять «баронов» от руководства движением. Хотя они продолжали фигурировать на почётных местах в структуре ЮДР и занимать министерские посты, влияние их на политику партии неуклонно падало. Симптомом фактического разрыва Помпиду с бывшим окружением де Голля стало увольнение в 1972 г. Ж. Шабан-Дельмаса, автора программы социальной модернизации французского общества, с поста премьер-министра. В итоге голлизм постепенно смещался на шахматной доске французской политической жизни всё дальше вправо[96].

---

[94] François Goguel et Alfred Grosser. La Politique en France. Paris, 1970.
[95] Pierre Avril. U.D.R. et les Gaullistes. Paris, 1971. P. 56-58.
[96] На этом основании американский политолог Энтони Хартли сделал несколько поспешный вывод о том, что с Помпиду голлизм как особое политическое

Этот процесс некоторое время маскировался электоральными успехами ЮДР. На парламентских выборах 5-12 марта 1967 г. голлисты собрали 37,3% голосов, получив 200 мандатов из 486, на досрочных выборах 23-30 июня 1968 г. – 43,6%, впервые добившись самостоятельного большинства в нижней палате. Если в конце 1950-х гг. президентское большинство всегда было гораздо шире парламентского, то десятилетие спустя они по существу сравнялись: в первом туре президентских выборов 1965 г. генерал де Голль получил 44,6%, тогда как три года спустя, – в первом туре парламентских выборов 1968 г. кандидаты от ЮДР собрали немногим меньше – 43,6%.

Вскоре, однако, произошёл перелом, связанный с общей тенденцией к поляризации политических сил в стране. По мере того, как левая оппозиция усиливала своё влияние благодаря подписанию в 1972 г. социалистами и коммунистами совместной правительственной программы, внутри правого большинства происходила эрозия гегемонии голлистов, которых теснили их либерально-центристские группировки. Уже в первом туре президентских выборов 1965 г. центристы-«реформаторы» в основном христианско-демократического толка, критиковавшие внешнюю политику де Голля с атлантических и европеистских позиций, добились для своего лидера – мэра Руана Жана Леканюэ 15,8% голосов, лишив де Голля абсолютного большинства и заставив его пойти на второй тур – баллотировку.

Хотя в 1969 г. Помпиду удалось привлечь часть их («Демократия и прогресс» Ж. Дюамеля) в состав своего большинства, на парламентских выборах 4-11 марта 1973 г. все центристы вместе взятые собрали уже 19,6% голосов. Если прибавить к ним результаты либеральных «независимых республиканцев» В. Жискар д'Эстена (7%), являвшихся младшими партнёрами ОПР с 1962 г., то окажется, что в большинстве Национального собрания пятой легислатуры (1973–1978 гг.) либерально-центристский компонент достиг половины голлистского. ЮДР досталось тогда лишь 23,9% голосов и 183 депутатских мандата из 488.

течение уже изжил себя. Antony Hartley. Gaullism. The Rise and Fall of a Political Movement. New-York, 1971.

На этом фоне кризис, давно зревший внутри голлистского движения, прорвался наружу. В ходе досрочных президентских выборов 1974 г. после кончины из-за тяжёлой болезни Ж. Помпиду представитель его ближайшего окружения Жак Ширак, занимавший ключевой в предвыборном плане пост министра внутренних дел, отказался поддержать официального кандидата ЮДР «исторического» голлиста Ж. Шабан-Дельмаса, чем способствовал избранию главой государства лидера «независимых республиканцев» либерала В. Жискар д'Эстена.

Валери Жискан д'Эстен родился 2 февраля 1926 г. в семье крупного финансиста – директора Индокитайского банка. Приняв участие в боевых действиях на заключительном этапе Второй мировой войны, он окончил прославленную Политехническую школу, затем Национальную школу администрации (ЭНА) и стал инспектором финансов. Политическую карьеру он начал в секретариате главы правительства Четвёртой республики Э. Фора, в 1956 г. был избран депутатом от департамента Пюи-де-Дом в Оверни, а с созданием Пятой республики занимал всё более ответственные правительственные посты – госсекретаря, затем министра финансов и экономики. В 1966 г. он возглавил Федерацию независимых республиканцев либерально-модернистского толка. Поддержав сначала генерала де Голля, а затем дистанцировавшись от него, Жискар д'Эстен был избран в 1974 г. президентом республики.

Став главой государства, он пытался модернизировать экономические структуры с тем, чтобы расширить социально-политическую базу власти за счёт избирателей центра, а также усилить международные позиции Франции за счёт форсирования европейской интеграции при сохранении начатого де Голлем диалога Восток-Запад. Однако обстановка мирового экономического кризиса, связанного со скачками цен на энергоносители, и обострение холодной войны сузили свободу манёвра для этих либеральных подходов, предопределив поражение Жискар д'Эстена на президентских выборах 1981 г.

Его союзник, а затем соперник Жак Ширак родился 29 ноября 1932 г. в Париже в семье менеджера, окончил Институт политических наук, Национальную школу администрации (ЭНА), учился в Гарвардском университете США, служил в армии. Его супру-

га Бернадетта – потомок старинного аристократического рода де Курсель. Начав карьеру аудитором Счётной палаты, Ширак перешёл вскоре в секретариат премьер-министра Ж. Помпиду, который и дал ему путёвку в большую политику.

Избранный в 1967 г. депутатом от ЮДР в юго-западном департаменте Коррез, ставшим с тех пор его верной опорой, Ширак быстро сделал впечатляющую министерскую карьеру: госсекретарь по социальным делам, затем экономики и финансов, министр по связям с парламентом, сельского хозяйства, внутренних дел. В 1974–1976 гг. и 1986–1988 гг. он возглавлял правительство, в 1995–2002 и 2002–2007 гг. избирался президентом республики. Таким образом, в правом лагере Ширак, сочетавший определённую преемственность с традициями исторического голлизма с либерал-модернизмом, стал одной из центральных фигур политической жизни Франции на протяжении 40 лет[97].

Его карьера, где успехи чередовались с неудачами, во многом объяснялась личными данными Ширака, – честолюбием, динамизмом, организаторскими способностями. Не менее важную роль играло отсутствие у него какой-либо идеологической зашоренности, способность к гибким манёврам и неожиданным поворотам, которая оказалась наиболее востребованным качеством в нелёгкой роли преемника де Голля и Помпиду как неоголлиста – лидера голлистского движения на новом этапе его истории[98].

Смена в Елисейском дворце голлиста либералом, хотя и принадлежавшем к тому же правоцентристскому большинству, стала поворотным пунктом в истории голлизма[99]. Вознаграждённый Жискар д'Эстеном назначением на пост премьер-министра, Ширак не замедлил вступить в конфликт с главой государства, подал в 1976 г. в отставку и сам начал борьбу за президентский пост, которая увенчалась успехом только в 1995 г., а затем снова в 2002 г.

---

[97] Catherine Clessis, Bernard Prevost, Patrick Wajsman. Jacques Chirac ou la République des «Cadets». Paris, 1972.

[98] Henri Deligny. Chirac ou la fringale du pouvoir. Paris, 1977.

[99] Значению этого события посвящена немалая литература: см. Новиков Г.Н. Голлизм после де Голля. Идейная и социально-политическая эволюция 1969–1981 гг., М., 1984; Чернега В.Н. Политическая борьба во Франции и эволюция голлистской партии в 60-70 гг. XX в., М., 1984.

На протяжении всего этого долгого периода политической базой Ж. Ширака служила партия Объединение в поддержку республики (РПР), созданная им 25 декабря 1976 г. на чрезвычайном съезде ЮДР в Париже на руинах прежней партии (генсеком которой Ширак стал в 1974 г.) и всё дальше отходившей от ортодоксального голлизма. Внешне платформа РПР сохраняла основные установки деголлевского наследия – защиту государственных институтов Пятой республики, независимость Франции, опирающейся на национальную ядерную ударную силу сдерживания, смягчение социальных проблем, в частности, безработицы, за счёт активизации экономического роста с помощью государства. Если, однако, либерал Жискар д'Эстен пытался расширить правоцентристское большинство за счёт левого центра, то Ширак избрал стратегию решительной конфронтации с левой оппозицией.

В организационном плане Ширак пытался вновь превратить РПР из кадровой партии в массовую, которой была деголлевская РПФ на заре Четвёртой республики, но без особого успеха: на протяжении 30 лет существования число её заявленных членов редко превышало 400-500 тыс., а фактически было вдвое меньше. Зато кадровой партаппарат существенно укрепился: на местах он был представлен секциями в коммунах, городских кварталах, объединённых в союзы в рамках избирательного округа и федерации в департаментах. Кроме того, как некогда у РПР, были созданы секции, в т.ч. по профессиональному признаку. Задачи охраны митингов, съездов, поддержания порядка на демонстрациях, расклейки плакатов выполняли «Служба гражданского действия» (САК) и Комитеты защиты республики (КДР), созданные в период майско-июньских событий 1968 г. для борьбы за контроль над улицей.

Структура РПР, как до неё предыдущих голлистских партий – РПФ, ЮНР и ЮДР, строилась по сугубо вертикальному принципу. Секции и федерации подчинялись контролю 20 региональных представителей, фактически назначавших их секретарей и сами назначались сверху. Над ними стоял ЦК из 200 членов (60 парламентариев, 100 представителей регионов, федераций, секций), разбитый на 6 комиссий (по оргвопросам, пропаганде, экономическим, социальным, культурным, международным вопросам), избранных съездом. Но вся полнота реальной власти с самого нача-

ла была сосредоточена в руках председателя партии – Ширака и назначенного им генсека, занимавшегося административно-техническими вопросами. Они руководили политсоветом из 36 членов, половина которых избиралась ЦК, а вторая состояла из лиц, назначенных председателем, лидеров парламентских фракций и нескольких ветеранов голлистского движения.

Члены РПР были моложе, чем ЮДР, но всё же с преобладанием людей среднего (21%) и пожилого возраста (32%). В социальном отношении несколько снизилась доля фермеров (6%), лиц свободных профессий (8%), торговцев и ремесленников (22%), чиновников (11%), но доля рабочих и служащих (22 и 20%) оставалась на треть ниже, чем в населении. Ещё более явно этот перекос наблюдался в социальной структуре электората неоголлистов (соответственно 9,5, 5,4, 16,6, 22,9 и 11,5%). Особенно увеличилась доля предпринимателей, торговцев, высших и средних менеджеров (17%)[100].

В географическом плане электорат шираковской партии ещё более сосредоточился в зонах традиционного влияния правых партий – на Западе (Бретань, Вандея), Востоке (Эльзас, Лотарингия, Арденны), части Центрального массива, в крупных и средних городах, включая столицу. С избранием Ширака в 1977 г. мэром Парижа, которым он оставался 18 лет, РПР получила мощную материальную базу. В социальном плане её избиратели и тем более активисты представляли, прежде всего, собственнические средние слои и управленцев. В итоге по мере модернизации экономики и социальной структуры страны различия между двумя основными компонентами правого лагеря – неоголлистского и либерального, постепенно стирались, создавая серьёзные проблемы для обоих.

На смену уходившим со сцены «баронам» голлизма времён Свободной Франции, РПФ и ЮНР-ЮДР к руководству РПР пришли представители следующего поколения элит, обязанные своим выдвижением Шираку – Жером Моно, Ален Жюппе, Жак Тубон, Клод Лаббе, Ален Деваке, Жан Тибери. Они заняли посты

[100] Noel Copin. La vie politique française. Le President, le gouvernement, le Parlement et les parties. Paris, 1978. P. 107.

генсеков РПР, руководителей парламентских групп, неоголлистов, министров, премьеров.

Во второй половине 1970-х гг. Ширак, начавший подкоп под президента Жискар д'Эстена внутри правоцентристского большинства, критиковал его с традиционных голлистских позиций, требуя форсировать затормозившиеся в результате скачков цен на нефть темпы экономического роста и решительно осуждая любой шаг в сторону наднациональных форм евростроительства. Подобная линия была призвана не только ослабить президента, но и способствовать внутренней консолидации партии, нелегко пережившей утрату основных рычагов власти – Елисейского и Матиньонского дворцов.

Перед лицом этого вызова, подрывавшего контроль Елисейского дворца над парламентским большинством, Жискар д'Эстен решил противопоставить РПР собственную партийно-политическую опору. Ею стал созданный преемником Ширака на посту премьер-министра Раймоном Барром 1 февраля 1978 г. либерально-центристский Союз за французскую демократию (ЮДФ). В него вошли Республиканская партия, выросшая из Национальной федерации независимых республиканцев, Жискар д'Эстена, Центр социальных демократов христианско-демократического оттенка, правое крыло партии радикалов, небольшая социал-демократическая партия, отказавшиеся в 1972 г. примкнуть вместе с социалистами к союзу левых сил с коммунистами, а также клуб Перспективы и реальность, состоявший из молодых модернистских технократов. Было предусмотрено также прямое членство[101].

Оставаясь на первых порах не более чем предвыборным блоком, ЮДФ не располагал, в отличие от РПР, ни массовым членством, ни прочным центральным аппаратом. Подобно классическим кадровым партиям он опирался, прежде всего, на комитеты в избирательных округах, создававшиеся перед очередными вы-

[101] Впоследствии эти группировки не раз меняли свои вывески и порой дистанцировались от ЮДФ: Республиканская партия раскололась на Либеральное действие и Народную партию за французскую демократию (ППДФ), Центр социальных демократов превращался в Демократическую силу и т.д. См. Чернега В.Н. Республиканская партия в политической жизни Франции. М., 1982 г., Буржуазные партии в политической системе Франции. М., 1987.

борами из «нотаблей» в органах местного самоуправления – муниципальных, генеральных советах. Координационные функции между ними выполняли под контролем председателей (Ж. Леканюэ, Ф. Леотар, В. Жискар д'Эстен) и генсеков, а также лидеров парламентских фракций. На муниципальных выборах 1983 г. кандидаты ЮДФ завоевали мэрии четверти провинциальных городов с населением свыше 30 тыс. жителей. Его представители стали мэрами крупнейших городов Франции – Лиона и Марселя.

Пропагандистский багаж либерал-центристов представлял собой пёструю смесь либерализма в экономике и консерватизма в политике с модернистским реформаторством демохристианского толка, а в международном плане с атлантизмом и решительной поддержкой евростроительства на федеративных, наднациональных принципах.

Организационная рыхлость и идейная неоднородность ЮДФ отчасти компенсировались укоренённостью на местах и способностью к гибкому маневрированию, в чём либерал-центристы превосходили громоздкую партийную машину РПР. Тактика Жискар д'Эстена тяготела, в противоположность шираковской, не к жёсткой конфронтации с лагерем левой оппозиции, а к попыткам отколоть от неё умеренное крыло, расширив правоцентристское большинство за счёт антикоммунистический части левого центра. Благодаря всем этим факторам уже на парламентских выборах 12-19 марта 1978 г. только что созданная ЮДФ получила 21,6% голосов и 123 депутатских мандата, лишь немного отстав от РПР (соответственно 22,6% и 154).

В ходе президентских выборов 1981 г. Ширак выдвинул в первом туре свою кандидатуру, снова, как и в 1974 г., расколов правый лагерь. Но на сей раз это имело целью не помочь Жискар д'Эстену, а напротив, подорвать его шансы на переизбрание, косвенно способствуя тем самым победе кандидата левой оппозиции во главе с социалистом Ф. Миттераном. На последовавших затем внеочередных выборах в Национальное собрание РПР и ЮДФ проиграли их, снова оказавшись почти на одном месте (соответственно 20,8% и 88 мест, 19,2% и 62 места).

Младшее поколение либерал-центристов Жискар д'Эстена – Франсуа Леотар, Ален Мадлен, Шарль Мийон, Франсуа д'Обер и

др., возглавлявшие ЮДФ или отдельные её части, играли в 1980-1990-х гг. заметную роль в политической элите правого лагеря, занимая в периоды пребывания его у власти (1986–1988, 1993–1997 гг.) ключевые министерские посты наряду с деятелями старшего поколения – Раймоном Барром, Симоной Вейль, Жаном Леканюэ и др. Однако ЮДФ так и не удалось выдвинуть на смену бывшему президенту-либералу достаточно сильную харизматическую фигуру, способную возглавить правый лагерь в борьбе за Елисейский дворец вместо Ширака. После неудачи такой попытки, предпринятой бывшим премьером Жискар д'Эстена Раймоном Барром на президентских выборах 1988 г. либерал-центристы оставались в роли младших партнёров РПР вплоть до их слияния (2002 г.).

Возглавив правую оппозицию, РПФ проделала крутой поворот в своей политической стратегии и тактике. Теперь неоголлисты пытались перехватить у либералов многие их лозунги (ограничение вмешательства государства в экономику, приватизация госсектора, значительно расширенного социалистами, приоритет борьбы с инфляцией за счёт строгой экономии бюджетных расходов, свёртывание системы социальной защиты и т.д.) и порой даже превосходили их в имитации начавшейся тогда же в Англии и США «консервативной революции» М. Тэтчер – Р. Рейгана. Определённой ревизии были подвергнуты и некоторые принципиальные установки де Голля в сфере внешней политики, особенно в евростроительстве, где РПР перешла от резкой критики наднациональных решений к частичному их принятию[102]. Этот поворот помог РПР в союзе с ЮДФ трижды одерживать победы на парламентских выборах, когда правые партии были в оппозиции (1986, 1993, 2002 гг.), но он же оказывался одной из причин трёх её поражений во время пребывания у власти (1981, 1988, 1997 гг.). Во всех этих случаях результаты неоголлистов и либерал-центристов оказывались весьма близкими, хотя и с постоянным преимуществом у первых: в 1981 г. РПР получила 22,6%, ЮДФ – 21,5%,

[102] Впоследствии Ширак поддержал Маастрихтский, Амстердамский, Ниццский договоры, а также проект Конституции Евросоюза, составленный под руководством его былого соперника В. Жискар д'Эстена и отвергнутый на референдуме 29 мая 2005 г.

в 1986 г., соответственно, 20,8 и 19,2, в 1988 г. – 11,3 и 8,4, в 1993 г. – 19,2 и 18,5, в 1995 г. – 20,0 и 19,4, в 1997 г. – 16,5 и 14,9.

Неудачи РПР на парламентских или местных выборах во многом объяснялись утратой неоголлистами части протестного «народного» электората. Именно эта часть, восприимчивая к национал-патриотическим и социал-популистским лозунгам ортодоксального голлизма, во главе с председателем Национального собрания Филиппом Сегеном обеспечивала некогда генералу де Голлю и его партиям особое место во французской политической жизни. Дело в том, что при системе мажоритарного голосования в два тура по одномандатным округам победа в первом туре зависит от способности партии мобилизовать собственных избирателей акцентом на свою платформу, отличную от других, а во втором – от её умения привлечь часть колеблющихся, «текучих» голосов избирателей центра и даже противоположного лагеря, заимствуя лозунги у противников. Между тем шираковской РПР, в отличие от её голлистских предшественниц – РПФ, ЮНР или ЮДР, оказывалось всё труднее решать сразу обе эти противоречивые задачи: сначала опередить ЮДФ, дистанцируясь от неё в глазах одних и тех же по социальному составу и идейным мотивациям избирателей в первом туре, а затем завоевать симпатии извне, ибо протестный «народный» электорат уходил от неоголлистов во втором туре либо к левым партиям, либо вправо, к Национальному фронту.

Те же причины объясняют трудности Ж. Ширака в борьбе за Елисейский дворец, за который он боролся четыре раза – на президентских выборах 1981, 1988, 1995 и 2002 гг. В первом туре его результат на протяжении более чем двух десятилетий практически не менялся (18, 19,9, 20,8 и 19,7%), почти совпадая с результатами РПР в первом туре предыдущих или следующих парламентских выборов (22,6, 20,8, 11,3, 19,2, 20 и 16,5%). В 1981 г. он вообще не прошёл во второй тур, уступив Ф. Миттерану и В. Жискар д'Эстену, в 1988 г. отстал в нём от Ф. Миттерана на целых 8 пунктов (45,9 против 54,0%).

Вместе с тем либеральный дрейф неоголлизма углублял внутренние противоречия в рядах самой РПР, неоднократно подводя её к грани раскола. После неудачи Ширака на президентских вы-

борах 1988 г. треть активистов во главе с Ж. Паскуа и Ф. Сегеном ушла в оппозицию, протестуя против отхода партии и её вождя от национальных, политических и социальных заветов де Голля. Спустя семь лет – в 1995 г. раскол произошёл на противоположном фланге РПР. Ближайший соратник Ширака на протяжении 30 лет Э. Балладюр – министр экономики, финансов и приватизации в его правительстве 1986–1988 гг., ставший премьер-министром после победы правых партий на парламентских выборах 1993 г., выдвинул собственную кандидатуру на президентских выборах. Получив поддержку как либерального партнёра по правоцентристской коалиции – ЮДФ, не выставившей собственного кандидата, так и значительной части самой РПР, особенно министров и парламентариев, Балладюр оказался для Ширака серьёзной угрозой.

Однако вождь неоголлистов сумел проявить свои незаурядные тактические способности, выступив под флагом возврата к национальным и социальным истокам голлизма. Более того, он предпринял тактический вираж влево, сделав центральной темой своей предвыборной кампании лозунг преодоления «социального надлома» французского общества, вызванного хронической массовой безработицей. Этот ловкий манёвр увенчался успехом: в первом туре лидер РПР обошёл своего конкурента в правом лагере Балладюра (20,8% против 18,6%), а во втором одержал убедительную победу над кандидатом левых сил социалистом Жоспеном (52,6% против 47,7%).

Добившись, наконец, с третьей попытки поста главы государства, Ширак не замедлил совершить новый крутой поворот – на сей раз вправо, нацелив назначенное им правительство А. Жюппе на проведение серии крайне непопулярных реформ, урезывавших систему социальной защиты (в частности, пенсионного обеспечения работников госсектора). Ответом явилась всеобщая забастовка на транспорте, парализовавшая на три недели всю экономику страны накануне рождественских праздников 1995 г., которые заставили премьера отступить. Пытаясь укрепить свои пошатнувшиеся позиции, президент распустил Национальное собрание и провёл 25 мая – 1 июня 1997 г. досрочные парламентские выборы, на которых правые партии потерпели поражение. РПР получила всего 16,5% поданных голосов – на 7,5 пунктов меньше, чем

в 1993 г., ЮДФ – 14,9%, что обрекло Ширака на «сожительство» с левым кабинетом социалиста Л. Жоспена.

Тем не менее вождь неоголлистов не пал духом – он сумел успешно пережить его и взять пять лет спустя убедительный реванш на очередных президентских выборах 21 апреля – 5 мая 2002 г., выдвинув свою кандидатуру на второй срок, Ширак получил в первом туре свой обычный результат – 19,7% поданных голосов. Однако следующим за ним кандидатом оказался лидер ультраправого Национального фронта Ж.-М. Ле Пен, оттеснивший лидера соцпартии премьер-министра Л. Жоспена из-за большого числа других левых кандидатов на третье место (16,95 против 16,02%). Поэтому во втором туре основная масса не только правых, но и левых избирателей была вынуждена отдать свои голоса Шираку, переизбранному на второй срок беспрецедентным во всей политической истории Франции большинством – 82,2%.

Это небывалое, хоть во многом и случайное стечение обстоятельств открыло новую страницу в эволюции голлизма, правого лагеря и всей партийно-политической системы Пятой республики. На состоявшихся вскоре парламентских выборах 9-16 июня 2002 г. неоголлистская РПР и большинство либерально-центристских компонентов ЮДФ не просто выступили единым фронтом во втором туре, как бывало прежде, но выдвинули общих кандидатов почти во всех округах уже в первом туре под флагом Союза за президентское большинство (ЮМП). Собрав 34,23% и получив абсолютное большинство депутатских мандатов в нижней палате – 364 из 577, они приступили к органическому слиянию обеих основных правых партий, различия между которыми – как идейно-политические, так и социологические уже давно по существу стёрлись.

Подготовка к созданию ЮМП началась в 2001 г. ближайшими соратниками Ширака – генсеком РПР, бывшим премьером А. Жюппе и его советником в Елисейском дворце Ж. Моно, основавшими в ходе подготовки к президентским выборам блок оппозиционных тогда правых партий «Союз в движении», который сформулировал программу из 23 пунктов для их единого кандидата. Между двумя турами голосования он превратился в Союз за президентское большинство. На волне небывалого успеха Ширака во

втором туре, а затем победы правых партий на парламентских выборах их лидеры провели учредительный съезд в Ле Бурже, где 17 ноября 2002 г. было официально объявлено о создании ЮМП.

В состав Союза за народное движение вошли неоголлистская РПР и основные участники либерально-центристской ЮДФ – партия радикалов, правые экологи, Либеральная демократия А. Мад лена, демохристианский Форум социальных республиканцев, Народная партия за французскую демократию (ППДФ), близкая к бывшему президенту Жискар д'Эстену и т.д. Председателем ЮМП был избран неоголлист А. Жюппе, его заместителем – мэр Марселя либерал Ф. Годэн, генсеком – мэр Тулузы центрист Ф. Дуст-Блази. Примерно также распределились и ключевые государственные посты: на протяжении 12-й легислатуры Пятой республики (2002–2007 гг.). Президентом оставался Ширак, председателем Национального собрания – его верный соратник Жан-Луи Дебре (сын первого премьера Пятой республики, «исторического голлиста» Мишеля Дебре), Сената – неоголлист Кристиан Понселе, тогда как правительство возглавил бывший либерал-центрист Жан-Поль Раффарен, которого сменил в 2005 г. генсек Елисейского дворца, затем мининдел Доминик де Вильпен.

Высшими органами ЮМП стали съезд и политбюро. Она претендовала на 130 тыс. членов, т.е. меньше, чем было у её предшественниц вместе взятых. Новая правоцентристская партия унаследовала с одной стороны, централизованную и дисциплинированную организационную структуру неоголлистов, а с другой – широкую сеть «нотаблей» в органах местного самоуправления, которая всегда была козырем либералов.

Стремление к сочетанию специфики обеих основных партий правого лагеря, опирающихся теперь в основном на один и тот же электорат, наблюдается и в программных документах ЮМП, где националистические и социальные рудименты голлизма сочетаются с антиэтатистской и европейской риторикой либералов. Причём идейно-политическая «либерализация» неоголлизма, начав-шаяся ещё в 1980-е гг., отчасти компенсируется его преобладанием в организационном, кадровом и электоральном плане. Тем не менее процесс слияния этих течений далеко не ликвидировал трений между ними, подогреваемыми как фракционным и личным

соперничеством, которое переместилось отныне внутрь единой правоцентристской партии, так и назревающей новой, уже третьей за последние полвека сменой поколений в элите правого лагеря.

После вынужденного ухода верного шираковца А. Жюппе с поста председателя ЮМП в связи с приговором суда, временно лишившего его политических прав за финансовые нарушения в период работы в мэрии Парижа, его место во главе партии занял динамичный, амбициозный министр внутренних дел, председатель генсовета департамента Верхняя Сена Николя Саркози, являвшийся в середине 1990-х гг. соратником тогдашнего соперника Ширака в правом лагере Э. Балладюра. На фоне падения популярности президента и назначенных им правительств Саркози выдвинул притязания на Елисейский дворец в ходе президентских выборов 2007 г. в качестве кандидата от ЮМП против ставленника Ширака – премьера Д. де Вильпена. Первый, как в своё время Балладюр, опирался скорее на либералов, неоголлистов, второй – на неоголлистов.

Судьбы либералов

В 2002 г. часть либерал-центристов во главе с бывшим министром образования Франсуа Байру отказалась влиться в ЮМП и сохранила самостоятельность под прежним названием Союза за французскую демократию (ЮДФ). Байру поддержали бывшие министры Жан Артюи, Бернар Боссон, Андре Сантини, Жиль де Робьен (вошедший в правительство). В усечённом варианте ЮДФ претендует на 40 тыс. членов. Её организационная структура типична для небольших кадровых партий – местные комитеты по округам и съезд, избирающий председателя, его заместителя, делегата по оргвопросам (координации), секретаря по связям со СМИ, казначея, арбитражно-контрольную комиссию и т.д.

На президентских выборах 2002 г. кандидатура Байру получила в первом туре всего 6,9% голосов, на парламентских выборах месяц спустя кандидаты ЮДФ собрали 4,2%, что принесло им 27 депутатских мандатов из 577, т.е. в 12 раз меньше, чем у ЮМП (плюс 29 сенаторов).

В структуре электората автономных центристов преобладают типичные для либеральных партий правого центра социальные

категории – традиционные средние слои (мелкие и средние предприниматели, торговцы, фермеры, лица свободных профессий, служащие частного сектора, особенно в провинции). Их типичный избиратель – практикующий католик, житель небольшого провинциального города или деревни на востоке или западе страны, где особенно сильно влияние церкви.

С учётом этих более чем скромных результатов Байру избрал тактику лавирования между ЮМП, располагавшей абсолютным большинством в нижней палате, и левой оппозицией в расчёте на то, что критическая поза в отношении правительства принесёт ему бóльшие выгоды, нежели утрата самостоятельности[103]. Тем не менее положение арбитра, если не хозяина положения, которым пользовались партии центра в условиях парламентского режима Третьей и Четвёртой республик, в Пятой бесповоротно ушло в прошлое, уступая место ротации у власти двух вариантов большинства – право- и лево-центристского, формируемых в ходе президентских или парламентских выборов вокруг одной из двух ведущих партий и устойчиво сохраняющихся на все пять лет очередной легислатуры.

Ипостаси ультраправых

Завершение процесса формирования во Франции единой правоконсервативной партии на базе ЮМП тормозится не только сохранением автономной центристской ЮДФ. Гораздо более важное значение имеет наличие на крайне-правом фланге партии Национальный фронт (ФН) во главе с Ж.-М. Ле Пеном. Раскалывая и дестабилизируя правый лагерь, НФ остаётся самым серьёзным препятствием для нормального функционирования биполярной партийно-политической системы Пятой республики, тяготеющей к регулярному чередованию у власти двух основных «системных» партий.

Центробежные тенденции, время от времени берущие верх над центростремительными и выливающиеся в праворадикальные и левоэкстремистские движения, были всегда в той или иной степени присущи политической жизни Франции. Причём они взаим-

[103] Le Figaro, 13 novembre 2004.

но подпитывали друг друга, апеллируя с различными, иной раз полярно противоположными лозунгами к социально схожему, если не одному и тому же протестному электорату[104].

Истоки современного французского правого радикализма восходят к началу XX в., когда публицист Шарль Моррас основал движение «Аксьон франсэз», выступившее за разрыв со всеми демократическими ценностями революции 1789 г. – республикой, демократией, светским характером государства. Широко используя националистическую, ксенофобскую и антисемистскую демагогию, Моррас провозглашал своим идеалом децентрализованную абсолютистскую монархию.

Казалось бы, столь ветхие реакционные лозунги, почерпнутые у идеологов легитимизма столетней давности – Жозефа де Местра или Бональда, не могли найти сколько-нибудь заметного отклика во Франции XX в. В самом деле, численность «Аксьон франсэз» и тираж её газеты того же названия редко превышали 25 тыс. В 1926 г. она была даже осуждена Ватиканом. Однако моррасовские идеи «интегрального национализма» глубоко отметили многих представителей французской интеллектуальной и политической элиты – в молодости ими интересовались такие крупнейшие, причём абсолютно разные фигуры, как де Голль и Миттеран.

Именно Моррас стал наиболее влиятельным идеологом сначала профашистских «мятежных лиг» ветеранов войны 1930-х гг. («Огненные кресты», «Франсисты»), а после разгрома и капитуляции Франции в 1940 г. – марионеточного тоталитарного режима Виши с его девизом «Труд, Семья, Отечество», призванным заменить республиканскую триаду «Свобода, Равенство, Братство»[105].

Хотя крушение вишистского режима, казалось бы, надолго дискредитировало ультраправых, новый всплеск их влияния произошёл уже в середине 1950-х гг., когда крутая ломка экономических структур, особенно модернизация сферы услуг, вызвала болезненную реакцию значительной части представителей традиционных средних слоёв, разорявшейся под давлением налогово-

[104] L'Extrême-droite et ses connivences. NRS, Paris, 1984.

[105] После освобождения страны от оккупации Моррас был исключён из Французской академии и осуждён за коллаборационизм.

го пресса и конкуренции супермаркетов. В обстановке дорогостоящей и неудачной колониальной войны в Алжире их недовольство приобрело форму массового националистического и антипарламентского движения.

В 1954 г. Пьер Пужад, мелкий торговец писчебумажными товарами из городка Сен-Сере на Юго-Западе Франции, создал Союз защиты торговцев и ремесленников (ЮДСА), который быстро приобрёл общенациональный масштаб. На последних парламентских выборах Четвёртой республики 2 января 1956 г. пужадисты добились неожиданно крупного успеха – они получили 2,5 млн голосов (11,6%) и 51 депутатский мандат в Национальном собрании из 544. Многие избиратели ЮДСА пришли к нему от распавшейся тогда голлистской партии РПФ.

Хотя отсутствие конструктивной программы, организационная слабость и ограниченность социальной базы пужадизма не замедлили привести его к краху, ниша на крайне-правом фланге недолго оставалась вакантной. Десятилетием позже – на президентских выборах 5 декабря 1965 г., впервые проводившихся прямым всеобщим голосованием, её попытался занять адвокат Жан-Луи Тиксье-Виньянкур, выступавший защитником на процессах вишистских коллаборационистов после Второй мировой войны, прежде всего маршала Петэна, а затем ультраколониалистской террористической Секретной вооружённой организации (ОАС) на заключительном этапе войны в Алжире. В первом туре голосования его кандидатура получила 1,3 млн голосов (5,3%). Предвыборный штаб Тиксье-Виньянкура возглавлял Ж.-М. Ле Пен, ставший впоследствии лидером всего праворадикального сегмента политической жизни Франции на протяжении последней четверти XX и начала XXI вв.

Жан-Мари Ле Пен родился в 1928 г. в семье владельца небольшого рыболовецкого предприятия в Бретани. Окончив частный колледж иезуитов, затем юридический факультет Парижского университета и Институт политических наук, он участвовал как парашютист в войнах в Индокитае и Алжире. В политическую жизнь Ле Пен вступил в 1956 г., будучи избран самым молодым депутатом Национального собрания от пужадистского ЮДСА. После упадка пужадизма, а затем неудачи попыток создать мас-

свое ультраправое движение вокруг Тиксье-Виньянкура Ле Пен основал 5 декабря 1972 г. партию Национальный фронт (ФН). Именно она стала знаменосцем правого радикализма во Франции на протяжении последней четверти XX и начала XXI вв.

В первые годы после создания ФН оставался всего лишь одной из мелких группировок ультраправого толка среди многих других. Выдвинув свою кандидатуру на президентских выборах 1974 г., Ле Пен собрал всего 0,75% голосов. Десятилетием позже положение изменилось – на выборах в Европарламент 17 июня 1984 г. ФН впервые стал политической силой общефранцузского масштаба, получив 2,2 млн голосов (11%). С тех пор кривая результатов Ле Пена шла, хотя и неравномерно, на повышение: на президентских выборах 24 апреля – 5 мая 1988 г. он привлёк в первом туре голоса 4,4 млн избирателей (14,6%), 23 апреля – 7 мая 1995 г. 4,6 млн (15,3%), 21 апреля – 5 мая 2002 г. 4,8 млн (17,2%), обогнав социалиста Л. Жоспена и выйдя во второй тур, получив в нём 5,5 млн (17,8%).

С некоторым отрывом от своего лидера набирала электоральный вес и его партия: в первом туре парламентских выборов 16 марта 1986 г. кандидаты ФН получили 2,7 млн голосов (9,7%), 5 июня 1988 г. 2,4 млн (9,6%), 21 марта 1993 г. 3,2 млн (14,9%), 9 июня 2002 г. 2,9 млн (11,3%)[106]. Правда, лепеновцам достались 35 депутатских мандатов только в 1986 г., когда выборы проводились по пропорциональной системе. С возвратом к мажоритарной им приходилось довольствоваться максимум одним-двумя, а чаще не иметь ни одного.

Зато на местных – муниципальных, кантональных, региональных выборах представители ФН входили в состав соответствующих советов или даже становились мэрами (например, в 1995 г. Тулона, Мариньяна и Оранжа в Провансе). В 2004 г. ультраправые располагали 156 местами в региональных советах, 2 в генеральных, свыше тысячи в муниципальных, полсотни мэров коммун с населением менее 10 тыс. человек.

[106] В последнем случае сказался раскол внутри ФН, из-за которого партия снизила свои результаты на 1-2 пункта. Dominique et Michèle Frémy. Quid 2005. Paris, 2004. P. 894.

За три десятилетия своего существования Фронт сумел создать прочную, разветвлённую и эффективную организационную структуру, цементированную культом Ле Пена, который единолично контролировал её сверху донизу. В 2004 г. партия официально насчитывала 100 тыс. членов (на деле, видимо, на 30-40% меньше). Хотя высшим органом считается съезд, реальное руководство осуществляют председатель, генеральный делегат (им долго был профессор Брюно Гольниш), генсек и казначей. ФН опирается на множество подконтрольных ему филиалов («национальных клубов») – молодёжных, женских, ветеранских, предпринимательских и т.д.

Внедрение в последней четверти XX в. в политическую ткань Франции крупной ультраправой партии объясняется факторами объективного порядка. С середины 80-х гг. дали себя знать последствия качественных сдвигов в мировой, в том числе французской экономике, резко обострив проблему занятости. В таких условиях и на фоне неуклонного роста числа иммигрантов из стран Третьего мира, прежде всего арабов-мусульман, уроженцев бывших французских владений в Северной и Тропической Африке, их концентрации в пригородах промышленных центров социально-экономические проблемы вели к усилению межэтнической напряжённости.

К тому же полоса затяжных и неудачных колониальных войн в Индокитае, затем в Алжире, тянувшихся 14 лет, надолго оставила тяжёлый осадок в сознании многих французов. Это особенно касалось 700 тыс. европейских колонистов (т.н. «черноногих»), вынужденных бежать в метрополию после завоевания Алжиром независимости. Они обосновались главным образом в южных регионах Франции – как раз там, где особенно высока плотность североафриканских арабов-иммигрантов. Антагонизм между ними стал естественной питательной почвой для Национального фронта, основатель которого – Ле Пен был сам ветераном войн в Индокитае и Алжире.

Именно проблемы иммиграции с самого начала стали основой пропагандистского багажа ФН. Подходя к ним с сугубо шовинистических, ксенофобских, а зачастую и откровенно расистских позиций, ФН требовал свести иммиграцию к нулю, начав с высыл-

ки всех нелегалов, ужесточить правила предоставления французского гражданства и политического убежища иностранцам, законодательно предоставить «национальное преимущество» этническим французам при приёме на работу, получении дешёвого жилья и социальных пособий. Антиарабские и антимусульманские лозунги ФН тесно переплетаются с антисемитизмом – отрицанием или банализацией геноцида евреев нацистами во время Второй мировой войны (Холокоста). С иммиграцией лепеновцы связывают все остальные болезни французского общества – не только безработицу, но и преступность, наркоманию, СПИД, рассадниками которых объявляются арабо-африканские «гетто» в городских пригородах. Отсюда – требования резко ужесточить уголовные наказания, восстановить смертную казнь, укрепить правоохранительные органы.

Во внутренней политике ФН требует расширить практику референдумов за счёт прав парламента, в экономике его платформа включает ограничение государственного регулирования, снижение налогового бремени, усиление протекционизма, во внешней – осуждает наднациональные формы евростроительства, проповедует жёсткий антиамериканизм и антиглобализм. Необходимым условием сохранения людского потенциала Франции и её национально-культурной идентичности ФН объявляет поощрение рождаемости этнических французов путём льгот многодетным семьям, защиты традиционных моральных устоев от деградации нравов (порнографии, гомосексуализма и т.д.), расширение финансирования частных католических школ[107]. Следует отметить, что в ходе опросов треть французов поддерживает лозунги ФН по иммиграции и традиционным ценностям, четверть – по евростроительству.

Подъём влияния ФН был напрямую связан с приходом в 1981 г. к власти левых сил во главе с социалистами. Превратившись из парламентской оппозиции, которая остро критиковала результаты 23-летнего пребывания у власти правоцентристских партий, в правящую «партию власти», социалисты были вынуждены очень

[107] Большое интервью Ле Пена, где он подробно излагает свои взгляды, поместила «Независимая газета» 4 июня 2002 г.

скоро отречься от обещаний «смены общества» – разрыва с капитализмом. Их крутой поворот под давлением императивов евростроительства и глобализации к либерал-монетаристской политике «строгой экономии» вызвал разочарование значительной части левых избирателей. На фоне ещё более глубокой дискредитации компартии, чему способствовали кризис мирового коммунистического движения и участие министров-коммунистов в левых кабинетах П. Моруа 1981–1984 гг., часть её «протестных» голосов качнулась с крайне-левого на крайне-правый фланг.

Предвидя это, Миттеран решил использовать ФН в своих интересах. Изменив перед парламентскими выборами 1986 г. избирательный закон и вернувшись к пропорциональному представительству (которое продержалось не более года), он не только ограничил потери социалистов, но и открыл двери Национального собрания перед ультраправыми. Национальный фронт смог отныне шантажировать партии правого центра угрозой сохранить своих кандидатов во втором туре и сыграть на руку левым, если не будут учтены требования лепеновцев предоставить им долю мест в выборных органах власти.

Это поставило голлистов и либерал-центристов перед сложной морально-политической дилеммой: либо соглашаться на сделки с ультраправыми, что грозило оттолкнуть влево демократически настроенных избирателей центра, либо рисковать поражением. На национальном уровне ни один лидер умеренных правых партий не счёл для себя возможным идти на публичный торг с Ле Пеном. В частности, Ширак занял в отношении ФН и его вождя непримиримо враждебную позицию, что помогло ему добиться во втором туре президентских выборов 2002 г., где они оказались прямыми конкурентами, беспрецедентного высокого результата (82% поданных голосов), в том числе за счёт левых избирателей. Однако другие представители умеренных правых партий оказались менее разборчивыми: после региональных выборов 1998 г. три кандидата от ЮДФ (Жак Блан, Шарль Бор и Шарль Мийон) согласились стать председателями Советов своих регионов при поддержке голосов лепеновцев, за что были исключены из партии.

По данным опросов 2003 г., в электорате ФН доминируют промышленные и сельскохозяйственные рабочие (23%), служа-

щие (22%), фермеры, торговцы, ремесленники, мелкие предприниматели (22%), тогда как наиболее динамичные слои – менеджеры, технические кадры среднего звена, интеллигенция, лица свободных профессий присутствуют гораздо меньше, чем в самодеятельном населении страны в целом (11-13%). Типичный избиратель ФН – пожилой мужчина со средним образованием и доходом, проживающий в небольшом городе или сельской местности.

Зоны наибольшего влияния Национального фронта включают, с одной стороны, южные департаменты средиземноморского побережья (Прованс – Лазурный берег), где особенно высока плотность французов, вернувшихся в своё время из Алжира, и арабов-иммигрантов из стран Магриба, а с другой – регионы Северо-Востока, экономика которых, основанная на традиционных отраслях промышленности (угледобыча, металлургия, машиностроение, текстиль), переживает особенно болезненную структурную перестройку, связанную с последствиями глобализации и влекущую за собой высокий уровень безработицы[108].

Таким образом, ФН представляет главным образом вчерашнюю Францию, обречённую на исчезновение под нажимом научно-технической революции конца XX – начала XXI вв. Ограниченность политических возможностей ультраправых усугубляют преклонный возраст их вождя, борьба в верхушке движения за роль его преемника, вызывающие расколы (ближайший соратник Ле Пена Брюно Мегре был исключён за нарушение дисциплины и создал 2 октября 1998 г. собственную партию Национально-республиканское движение – МНР, но получил в первом туре президентских выборов 2002 г. всего 2,4% голосов)[109]. После этого главным претендентом стала дочь основателя партии Марин Ле Пен.

На крайне правом фланге с ФН конкурируют и другие, гораздо менее влиятельные партии националистического характера, выступающие под флагом борьбы за сохранение государственного суверенитета страны в Евросоюзе, возрождение традиционалистских ценностей – семьи, религии, патриотизма и т.д. Среди них – Движение за Францию (МПФ) виконта Филиппа де Вилье

[108] Frederic Bon, Jean-Paul Cheylan. La France qui vote. Paris, 1988. P. 239.
[109] Jean Catsiapis. Le Guide de la Ve Republique. Paris, 2004. P. 207.

и Объединение за Францию (РПФ) во главе с голлистским ветераном, бывшим министром внутренних дел Шарлем Паскуа. Выступив единым фронтом, они добились определённого успеха на выборах в Европарламент 13 июня 1999 г. (13% голосов и 13 депутатских мест из 87, выделенных Франции), но год спустя раскололись и оказались практически маргинализированными[110].

Несмотря на явную стагнацию, крайне-правое течение имеет шансы сохраниться во французской политической жизни ещё надолго, не давая процессу консолидации правого лагеря, а вместе с тем и биполяризации партийной системы в целом дойти до конца. Живучесть ФН определяется не только личными качествами самого Ле Пена – незаурядного оратора и мастера медиатических кампаний, вызванных его умышленно провокационными заявлениями расистского характера (за которые он лишался депутатского мандата в Европарламенте). Лепеновское движение подпитывается реальными проблемами французского общества, особенно, иммиграции, решения которой пока не просматривается.

Обновление соцпартии и её лимиты

Сходная, хотя совершенно иная по своим идейно-политическим и социальным характеристикам картина наблюдается в левом лагере, где с начала 1980-х гг. доминирующую роль играет социалистическая партия (ПС).

Исходным рубежом её истории считается объединительный съезд 23-25 апреля 1905 г. в парижском зале «Глоб», на котором слились Французская социалистическая партия Жана Жореса и Социалистическая партия Франции Жюля Геда, образовав социалистическую партию СФИО (Французскую секцию рабочего Интернационала). Первая представляла реформистские течения «гуманистического социализма», пользовавшиеся наибольшим влиянием в сельскохозяйственных департаментах средиземноморского Юга, вторая – марксистскую традицию промышленного Северо-Востока. Соответственно в организационном плане одна была рыхлым конгломератом предвыборных комитетов, другая вдохновлялась образцом германской социал-демократии с её дисци-

[110] Ibid. P. 178, 201-202.

плиной и прочным постоянным аппаратом[111].

Хотя за прошедшее столетие идейный багаж, организация и социальный состав соцпартии кардинально изменились, она всё ещё сохраняет следы своего происхождения в виде множества фракционных течений с собственными программами и структурами. Самыми крупными местными организациями социалистов, определяющими исход их съездов, и поныне остаются федерации северо-западных департаментов Нор, Па-де-Кале (Лилль) и южного Буш-дю-Рон (Марсель).

Второй важнейшей исторической вехой стал XVIII съезд СФИО в Туре 25-26 декабря 1920 г., где сторонники сохранения партии в составе II Интернационала во главе с Полем Фором, Жаном Лонге и Леоном Блюмом остались в меньшинстве, тогда как большинство (2898 голосов против 1223), руководимое Людовиком Фроссаром и Марселем Кашеном, высказалось за присоединение к III (Коммунистическому) Интернационалу на основе выдвинутых им 21 условии. Раскол французского, как и международного социалистического движения на социал-демократов и коммунистов сохраняется и поныне, хотя баланс сил между ними неоднократно и радикально менялся.

Наконец, третий этап в истории французского социалистического движения был открыт в 1969 г. самоликвидацией СФИО и созданием нынешней соцпартии путём слияния её с рядом некоммунистических левых группировок. На съезде в Эпине-сюр-Сен 11-13 июня 1971 г. её первым секретарём был избран Франсуа Миттеран, который существенно обновил программу партии, её стратегию и тактику, организационную структуру, приведя десятилетие спустя к власти и сделав одним из двух полюсов политической системы Пятой республики.

Франсуа Миттеран родился 26 октября 1926 г. в Жарнаке (Юго-Запад) в семье служащего, ставшего затем промышленником средней руки, окончил католический колледж, юридический и филологический факультеты Парижского университета, Воль-

[111] В свою очередь каждая из этих партий образовалась путём слияния более мелких социалистических течений – гедистской Рабочей партии, бланкистов, «поссибилистов» и т.д. Daniel Ligou. Histoire du socialisme en France (1871–1961), Paris, 1962. P. 174.

ную школу политических наук. Будучи выходцем из семьи консервативной провинциальной буржуазии, он участвовал в 1930-е гг. в студенческие годы в молодёжных движениях ультраправого толка[112]. Мобилизованный в армию и попав после капитуляции Франции в 1940 г. в немецкий лагерь для военнопленных, Миттеран бежал, работал в администрации режима Виши, затем примкнул к движению Сопротивления, но отказался подчинить свою организацию де Голлю, с которым его разделяла с тех пор не только политическая, но и личная вражда.

После окончания Второй мировой войны он был журналистом, издателем, адвокатом, руководил ассоциацией бывших военнопленных. В политическую жизнь вступил в 1946 г. будучи избран в бургундском департаменте Ньевр от небольшой центристской группировки Демократический и социалистический союз Сопротивления – ЮДСР[113].

В период Четвёртой республики Миттеран сделал блестящую правительственную карьеру, участвуя в 11 кабинетах из 22 на таких ключевых постах, как министр по делам заморских владений, информации, внутренних дел, юстиции. Стойкий антикоммунист, решительный сторонник атлантической солидарности и особенно европейской интеграции, Миттеран сочетал в важнейших для Франции середины XX в. проблемах деколонизации жёсткую линию (в частности, на первом этапе алжирской войны) с поисками реформ, оказавшись из-за этого жертвой ряда провокаций ультраколониалистов крайне-правого толка, обвинявших его в пораженчестве, если не в измене.

Эти эпизоды, как и старая вражда с де Голлем побудили Миттерана перейти с момента майских событий 1958 г. в непримиримую оппозицию режиму Пятой республики. Отброшенный в оппозиционный левый лагерь вместе с коммунистами, социалистами и радикалами, Миттеран выступил в выигрышной роли посредника между ними при опоре на основанную им немногочис-

[112] Pierre Péan. Une jeunesse française. Paris, 1994.

[113] С тех пор Ньевр оставался в течение десятилетий прочной локальной опорой Миттерана, где он избирался председателем генсовета и мэром городка Шато-Шинон (каким городок Шамальер в Оверни был для Жискар д'Эстена или департамент Коррез на юго-западе для Ширака).

ленную группировку клубов левой интеллигенции – Конвент республиканских институтов (C.I.R.)[114]. Избранный как компромиссная фигура сначала председателем Федерации демократических и социалистических левых (ФЖДС) – блока социалистов с радикалами, он был выдвинут общим кандидатом всего левого лагеря, включая компартию, на президентских выборах 5-19 декабря 1965 г., где получил в первом туре 7,7 млн голосов (31,7%) и прошёл во второй, в котором уступил де Голлю с почётным счётом – 10,6 млн (44,8%).

Бурные события мая 1968 г. и убедительная победа правых партий на досрочных парламентских выборах 23-30 июня временно притормозили процесс объединения левых сил вокруг Ф. Миттерана – ФЖДС развалился, а в ходе президентских выборов 1-15 июня 1969 г. левые партии выступили с собственными кандидатурами. Однако сокрушительное поражение кандидата социалистов Гастона Деффера, выступавшего в тандеме с бывшим премьер-министром радикалом Пьером Мендес-Франсом, но получившего всего 5% голосов – в 4,5 раза меньше, чем коммунист Жак Дюкло, вызвало глубокий внутренний кризис в соцпартии. Он вылился не просто в смену полностью дискредитированного прежнего руководства во главе с Ги Моле – первого секретаря СФИО с 1946 г., но и коренное обновление партии в целом. Именно этот кризис идентичности французских социалистов дал возможность Миттерану вступить в «новую» соцпартию со своим Конвентом республиканских институтов, стать арбитром между соперничающими фракциями социалистов и быть избранным на следующем съезде в Эпине-сюр-Сен 11-13 июня 1971 г. первым секретарём[115].

Десятилетний период пребывания Миттерана на этом посту вплоть до избрания его главой государства справедливо оценивается его многочисленными биографами как образец мастерского политического манёвра: пришельцу со стороны, никогда не бывшему прежде социалистом, предстояло вывести из тупика и привести к власти соцпартию, влияние которой в левом лагере и в

[114] Daniel Loschak. La Convention des Institutions Républicaines. François Mitterand et le socialisme. Paris, 1971. P. 15-17.
[115] Jean-Marie Borzeix. Mitterand lui-même. Paris, 1973. P. 167-187.

стране упало до исторического минимума.

Для решения столь сложной задачи, а затем для рекордного по длительности 14-летнего пребывания на посту главы государства в сложнейших условиях перехода Франции к новому типу социально-экономического развития, а Европы и мира – крушения биполярной системы, требовались незаурядные личные данные, которыми Миттеран безусловно обладал. Высокий интеллект, богатая эрудиция и культура, актерские и литературные способности, огромное честолюбие и властолюбие сочетались у него со способностью к тонким многоходовым комбинациям, нередко двусмысленным и противоречивым. Именно они принесли лидеру соцпартии прозвище «флорентийца». Нет сомнения, что в политической жизни Франции второй половины XX в. Миттеран был фигурой, уступающей по масштабу только его главному противнику в правом лагере – генералу де Голлю[116].

Решающим шагом Миттерана на посту первого секретаря соцпартии явилось подписание 27 июня 1972 г. совместной правительственной программы с компартией, к которой присоединилось также Движением левых радикалов (МРЖ)[117]. Обещая гарантию гражданских свобод, национализацию частных монополий, административную децентрализацию, повышение минимальной зарплаты, основанную на коллективной безопасности внешнюю политику, совместная программа, по словам самого Миттерана, не была ни коммунистической, ни социалистической[118]. Она лишь позволяла участникам преодолеть тупиковую ситуацию, при которой расколотый левый лагерь оставался вечной оппозицией, не имея шансов когда-либо прийти к власти: «… Во втором туре президентских выборов, которые, как признают, являются решающими в нашей политической системе, могут остаться только два кандидата. Тем самым логика конфронтации между левыми и правыми записана в нашем основном законе», – отмечал один из лидеров соцпартии, впоследствии первый премьер-министр Мит-

[116] Биографий Миттерана, как и де Голля, насчитывается несколько десятков. Наиболее авторитетной из них считается фундаментальный труд Жана Лакутюра: Jean Lacouture – François Mitterand, Paris, 1998.
[117] Об МРЖ см. ниже.
[118] François Mitterand. La Rose au point. Paris, 1973. P. 33.

терана Пьер Моруа[119].

Однако для того, чтобы обеспечить ротацию власти одного лишь проекта альтернативной правительственной программы было недостаточно. Союз левых сил мог внушить доверие большинству избирателей, опасавшихся установления тоталитарной диктатуры, только в том случае, если внутри этого союза лидерство перейдёт от коммунистов к социалистам. Именно в этом и заключалась главная цель стратегии Миттерана: отвечая на критику лидеров других партий Социнтерна на сессии его Исполкома в Вене по поводу подписания совместной программы с коммунистами, он откровенно заявил, что смысл её – побудить 3 из 5 млн французских избирателей, голосующих за компартию, перейти к социалистам.

На протяжении 1970-х гг. эта непростая задача была успешно решена. Уже на парламентских выборах 4-11 марта 1973 г. социалисты вплотную приблизились к коммунистам, получив в первом туре 4,5 млн голосов (19,2%) против 5 млн (21,4%), и обгоняли их по числу депутатских мандатов (89 против 73)[120]. На следующих выборах в Национальное собрание 12-13 марта 1978 г. чаша весов в левом лагере впервые с 1936 г. склонилась на сторону соцпартии, за кандидатов которой проголосовали 6,5 млн избирателей (22,6%) против 5,9 млн (20,6%), полученных коммунистами, а разрыв между ними по числу депутатских мандатов увеличился вдвое (150 против 104).

Успех стратегии Миттерана был облегчён факторами двоякого рода. На фоне заметно осложнившийся после «нефтяных шоков» 1973 и 1979 гг. экономической ситуации в стране и в мире ускорился «моральный износ» правых партий, стоявших у власти почти четверть века. Соперничество между либералами Жискар д'Эстена и неоголлистами Ширака способствовало тяге большинства французов к переменам. Между тем всё более глубокая дискредитация «реального социализма» советского образца лишала поддерживавшую его компартию шансов стать центром притя-

[119] Pierre Mauroy. A gauche. Paris, 1985. P. 17.
[120] Jean Charlot (dir.). Quand la gauche peut gagner... (Les elections legislatives des 4-11 Mars 1973). Paris, 1973.

жения протестного электората. Эта роль выпала на долю обновлённой Миттераном соцпартии, чей авторитет значительно повысило подписание совместной правительственной программы союза левых сил. Не усматривая более различия между целями двух левых партий, избиратели отдавали предпочтение той из них, которая выглядела менее связанной с риском чересчур глубинных потрясений – тем более что Миттеран сохранял популярные лозунги единства левых сил даже тогда, когда коммунисты, встревоженные растущим дисбалансом в пользу партнёров, по существу отказались от них (1978 г.).

После прихода тремя годами спустя левых партий к власти разрыв между социалистами и коммунистами в ущерб последним продолжал неуклонно углубляться. На президентских выборах 26 апреля – 5 мая 1981 г., где социалисты и коммунисты выступили в первом туре, в отличие от 1974 г., отдельно, кандидат соцпартии Миттеран получил в первом туре 7,5 млн голосов (25,9%), тогда как генсек компартии Жорж Марше – 4,5 млн (15,3%). Спустя 7 лет – 24 апреля 1988 г. этот дисбаланс ещё более усилился: Миттеран собрал 10,4 млн (34,1%), коммунист Андре Лажуани – 2 млн (6,8%). В 1995 г. кандидат соцпартии Лионель Жоспен привлёк 7 млн голосов (23,3%), новый лидер компартии Робер Ю – 2,6 млн (8,6%). Наконец, 21 апреля 2002 г. лидер соцпартии Л. Жоспен получил 4,6 млн голосов (16,2%), тогда как коммунист Р. Ю – 0,9 млн (3,4%).

Аналогичным образом выглядит динамика результатов первого тура парламентских выборов. 14 июня 1981 г. социалисты и левые радикалы получили 9,4 млн голосов (37,51%) и 269 депутатских мандатов из 491, коммунисты – 4 млн (19,2%) и 44 мандата; 5 июня 1988 г. – 9,2 млн (45,3%), 260 против 2,8 млн (11,3%) и 27; 21 марта 1993 г. – 4,4 млн (11,4%) и 53 против 2,3 млн (5,9%) и 24; 25 мая 1997 г. – 5,9 млн (23,5) и 241 против 2,5 млн (9,9%) и 38; 9 июня 2002 г. – 6 млн (24,1%) и 139 против 1,2 млн (4,8%) и 21. Если в начале 80-х гг. социалисты опережали коммунистов по числу голосов на президентских и парламентских выборах на треть, то к началу XXI в. – уже в пять раз.

Наряду с завоеванием соцпартией гегемонии в левом лагере важной предпосылкой превращения её в один из двух полюсов

политической систему Пятой республики, способного реально претендовать на парламентское большинство и ключевые государственные посты (президента, премьер-министра) было укрепление её позиций в органах местного самоуправления, полномочия которых социалисты значительно расширили сразу же после своего прихода к власти путём административной децентрализации. Хотя к началу XXI в. по общему числу муниципальных советников правые партии всё ещё сохранили почти двукратное преимущество перед левыми (254,8 против 152,1 тыс.), последние опередили их во многих важных городах с населением свыше 100 тыс. человек, причём среди левых мэров почти все являлись социалистами. После выборов 2001 г. они контролировали мэрии Лилля, Бреста, Ренна, Анже, Монпелье, Нанта, Безансона, Тура, Лиможа, Мюлуза, Дижона, Ле Мана, Гренобля. Исторической победой социалистов стало завоевание мэрии Парижа, который на протяжении 18 лет был прочным бастионом правых в лице Ширака. На региональных выборах 2004 г. соцпартия завоевала посты председателей в советах 20 регионов метрополии из 22 (вместо прежних 8), в том числе в столичном – Иль-де-Франс.

Своими успехами на выборах соцпартия на протяжении последней четверти XX в. была во многом обязана эволюции социального состава её электората, отвечавшего социально-экономическим сдвигам в населении Франции (тогда как у коммунистов наблюдалась обратная картина). Например, в июне 1977 г. среди 180 тыс. членов обновлённой Миттераном соцпартии, из которых половина вступила в неё после 1969г., превалировали молодёжь (39%) и люди среднего возраста (25%), преподаватели высшей и средней школы (24%), учителя (12%), инженеры и менеджеры (19%), управленцы среднего звена (16%). В то же время фермеров было всего 2%, рабочих – 5%, служащих – 9%.

Структура электората социалистов оказалась близкой к средним показателям по стране в целом, подобно тому, как это наблюдалось в правом лагере у голлистов на заре Пятой республики: 25% управленцев среднего звена и служащих, 30 рабочих, 24 пенсионеров, 6 фермеров, 15 торговцев, промышленников, менеджеров, лиц свободных профессий. Таким образом, миттерановская соцпартия сочетала в ходе борьбы за власть наиболее активные,

динамичные, быстро растущие категории населения постиндустриальной эпохи на уровне членства с традиционным левым электоратом. Типичным избирателем социалистов с 70-х гг. XX в. был молодой мужчина со средним или высшим образованием, человеком наёмного труда, служащим или рабочим, несколько ниже среднего уровня доходов, не посещающим церковь даже при сохранении религиозной принадлежности к католикам или атеистом[121].

Географические зоны влияния социалистов долгое время оставались стабильными: промышленный Северо-Восток (департаменты Нор-Па-де-Кале), средиземноморский Юг (Буш-дю-Рон, Прованс), а также крестьянский Юго-Запад, где соцпартия унаследовала традиционный левый электорат на фоне упадка влияния радикалов. С обновлением соцпартии в конце 60-х – 70-х гг. эти зоны отчасти расширились на запад (Бретань) и восток (Эльзас, Лотарингия) благодаря модернизации экономики – развитию современных отраслей промышленности и роста сферы услуг, молодые управленческие кадры которых, в том числе даже католики, проявляли социал-реформаторские настроения[122].

Тем не менее бесспорные успехи соцпартии не компенсируют ряда её слабостей, которые всё заметнее дают себя знать по мере превращения из оппозиционной в «системную» – претендующую на власть и периодически осуществляющую её.

Французские социалисты никогда не были массовой партией: в момент объединительного съезда 1905 г. их было не более 35 тыс., во время раскола с коммунистами на съезде в Туре в1920 г. – 180 тыс., в период съезда в Эпине-сюр-Сен в 1971 г. – 74 тыс. Даже в высших точках подъёма левых сил – в 1937 г. (Народный фронт) их было не более 286 тыс., в 1946 г. (освобождение Франции от гитлеровской оккупации) – 354 тыс. В 1958 г., накануне падения Четвёртой республики, она упала до 85 тыс., оставшись на этом уровне до конца 60-х гг. Если с избранием Миттерана первым секретарём, а 10 лет спустя – президентом численность соцпартии выросла в 2,5 раза, достигнув в 1982 г. 214 тыс., то вскоре опять начался отлив: за 20 лет (1982–2002 гг.) число членов сокра-

[121] Noel Copin. La vie politique française. Le President, le gouvernement, le Parlement et les partis. Paris, 1978. P. 148-151.
[122] Frédéric Bon, Jean-Paul Cheylan. la France qui vote. Paris, 1988. P. 121-124.

тилось наполовину, стабилизировавшись на уровне 110-130 тыс.[123]

В организационном плане социалисты всегда уступали коммунистам (а в правом лагере – голлистам) по части дисциплины, активности низовых первичных организаций, сплочённости руководства. Высшим органом ПС считается национальный съезд, проходящий каждые три года (плюс чрезвычайные). Он принимает программную резолюцию на основе представленных фракционными течениями проектов, причём «синтеза» между ними, т.е. единого компромиссного варианта удаётся достигнуть далеко не всегда. Тогда большинство принимает свой вариант и обеспечивает контроль своих сторонников над центральными инстанциями партии, которые в принципе формируются на основе пропорционального представительства фракционных течений с учётом числа голосов, полученных их проектами политической резолюции.

Центральные органы включают Национальный совет из 204 избранных на съезде членов плюс 102 секретаря департаментских федераций, который собирается 4 раза в год, бюро из 54 членов и секретариат. Последний, избираемый из числа членов нацбюро, руководит партаппаратом (оргвопросы, идеология, пропаганда, связь с парламентскими фракциями и департаментскими федерациями, внешние и международные связи и т.д.). Низовой ячейкой СП служит секция, созданная по территориальному принципу.

Наиболее уязвимой чертой этой структуры остаётся фракционность, всегда присущая французским социалистам из-за неоднородности их социальной базы и идейно-политических традиций. На съезде в Эпине Миттеран, пришедший со стороны, но избранный первым секретарём как компромиссная фигура, был обязан своей победой совпадению интересов левого и правого флангов в лице лидеров крупнейших департаментских федераций Северо-Запада (мэр Лилля Пьер Моруа) и Юга (мэр Марселя Гастон Деффер), а также левой фракции Жан-Пьера Шевенмана (СЕРЕС), которые сомкнулись против прежнего руководства Ги Моле.

Не желая оказаться их заложником, новый лидер взял курс на расширение партии за счёт представителей других левых группировок. Речь шла, прежде всего, о его собственном Конвенте рес-

[123] Dominique et Michèle Frémy. Quid 2005. Paris, 2004. P. 901.

публиканских институтов (Луи Мермаз, Жорж Даян, Жорж Бошан), а также небольшой Объединённой соцпартии (ПСЮ) во главе с инспектором финансов Мишелем Рокаром, проделавшим путь от левого экстремизма в 1968 г. до весьма умеренного реформизма, левых католиках типа Жака Делора или Жоржа Монтарона, троцкистах (Лионель Жоспен), исключённых из партии бывших коммунистах (Жан Пронто), близких к ней прогрессистах (Клод Эстье) и т.д. Однако главную ставку Миттеран сделал на формирование собственной команды из молодых, честолюбивых технократов, далёких в прошлом от партийных структур («сабра»). Среди них выделялись Лоран Фабиус, Пьер Жокс, Жан-Пьер Кот и многие другие, образовавшие костяк миттерановской фракции в соцпартии, а после избрания первого секретаря президентом ставшие депутатами, сенаторами, министрами[124].

Представителей ближайшего окружения Миттерана в соцпартии, прозванных «слонами», порой сравнивали с «баронами» исторического голлизма или пришедшими им на смену командами президентов Помпиду, Жискар д'Эстена, Ширака в правом лагере, с которыми их роднила принадлежность к технократической элите выходцев из привилегированных учебных заведений – Политехнической, Высшей нормальной школ, юридического факультета университета Париж-I, Института политических наук и особенно Национальной школы администрации (ЭНА), а затем начавших карьеру в высших звеньях госаппарата – Генеральной инспекции финансов, Госсовете, Счётной палате, на дипломатической службе. Традиционным резервом кадров для соцпартии при Миттеране остаются преподаватели средней и высшей школ, всегда составлявшие опору социалистов[125].

Несмотря на то, что Миттерану удавалось довольно быстро установить контроль над партаппаратом, при любом неблагоприятном повороте конъюнктуры ему приходилось лавировать между разными фракционными течениями. Так, после фактического

[124] Georges Ayache, Mathieu Fantoni. Les barons du PS. Paris, 1977.

[125] Bernard Villeneuve et Francois-Henri de Virieu. Le Nouveau pouvoir. Les 1100 qui conduisent la France aujourd'hui. Paris, 1981; Monique Dagnaud, Dominique Mehl – L'elite rose. Qui gouverne? Les cabinets ministeriels, Conseillers, experts et militants. Sociologie du pouvoir socialiste. Paris, 1982.

разрыва с компартией союза левых сил и их неудачи на парламентских выборах 1978 г. первый секретарь столкнулся на съезде ПС в Меце 6-8 апреля 1979 г. с оппозиционным блоком крайних флангов Моруа-Рокар («течения В и С»), сохранив лидерство лишь благодаря союзу его собственного «течения А» с левым «течением Е» Шевенмана.

Даже после того, как Миттеран дважды избирался президентом республики, став, казалось бы, безусловным хозяином положения в партии, фракционная борьба в ней сначала за близость к вождю, а затем за место его преемника не только не утихла, но напротив, ещё более обострилась. На съезде в Ренне 16-21 марта 1990 г. партия снова оказалась на грани раскола: конфликт между течениями Жоспена, поддержанного Моруа, и Фабиуса, пользовавшегося сочувствием самого Миттерана, помешал принятию политической резолюции и едва не закончился открытым расколом. На протяжении первой половины 1990-х гг. социалисты не выходили из состояния хронического внутреннего разброда, усугублённого неизлечимой болезнью Миттерана и поражением левых сил на парламентских выборах 1993 г. – за 9 лет (1988–1997 гг.) сменились 5 первых секретарей – Моруа, Фабиус, Эмманюэли, Жоспен, Олланд (который сохраняет этот пост целое десятилетие).

Хотя в 1997 г., после успешных для левых внеочередных парламентских выборов партия вернулась к власти, пять лет спустя – на президентских и парламентских выборах 2002 г. в первом туре президентских выборов 21 апреля её кандидат – премьер-министр Лионель Жоспен не прошёл во второй тур, отстав от лидера крайне-правого Национального фронта Ле Пена. Соцпартия была снова и надолго отброшена в оппозицию, потеряв контроль над всеми основными государственными институтами – Елисейским дворцом, правительством, обеими палатами парламента. Если, таким образом, 1970-е и 1980-е гг. прошли в целом под знаком подъёма влияния соцпартии, то 90-е и начало XXI в. – её отступления: два президентских мандата Миттерана сменились двумя мандатами Ширака. На уровне правительства и парламента правые были у власти в последние два десятилетия XX и начале XXI вв. 13 лет (1986–1988, 1993–1997, 2002–2007 гг.), левые 15 (1981–1986, 1988–1993, 1997–2002 гг.).

Постепенное снижение влияния соцпартии, а вместе с ней и левого лагеря в целом, как и ранее его подъём, не были случайностью. Совместная правительственная программа левых сил 1972 г., программа самой соцпартии и «110 предложений» Миттерана перед президентскими выборами 1981 г., строились на лозунгах изменения характера существующего общества – «разрыва с капитализмом», хотя и реформистским, демократическим, а не революционным путём[126]. Между тем внутренний, а главное – внешний контекст никак не соответствовал этим лозунгам: «консервативная революция» М. Тэтчер – Р. Рейгана в 1980-е гг., диктовавшаяся требованиями нового этапа научно-технической революции, глобализации и евростроительства, обрекала квазиреволюционную риторику французских социалистов на заведомый провал.

Привыкшие на протяжении почти четверти века пребывания в оппозиции лишь к популистской критике деятельности правых президентов и их правительств, чему способствовала конкуренция слева ещё более радикальной демагогии коммунистов, социалисты были вынуждены с приходом к власти принимать на себя ответственность за неизбежные, но всё более непопулярные решения. Выполнив значительную часть «110 предложений» миттерановской программы (национализация банков и 15 промышленных групп, административная децентрализация, сокращение рабочей недели с 40 до 39 часов без уменьшения зарплаты, расширение прав профсоюзов на предприятиях), правительство Пьера Моруа столкнулось с серьёзными финансово-экономическими трудностями. Поэтому уже весной 1983 г. президент и премьер совершили крутой поворот к политике «строгой экономии», имевшей по существу либерально-монетаристский характер.

Проблема выбора между оппозиционной риторикой и правительственной ответственностью возникала перед французскими социалистами не первый раз (вступление А. Бриана, А. Мильерана, Р. Вивиани в буржуазное правительство Вальдека-Руссо на рубеже XX в., участие социалистов А. Тома, Ж. Лонге, М. Самба в кабинетах «священного единения» в годы Первой мировой войны, премьерство Л. Блюма в период Народного фронта, затем его

[126] Projet socialiste. Pour la France des années 80. Paris, 1981.

же, П. Рамадье и Ги Молле в период Четвёртой республики)[127]. Заслугой Миттерана было то, что он не только своевременно понял необратимость такого поворота, но и сумел убедить в этом большинство своей партии, которое перешло в 80-е – 90-е гг. XX в. от негативной «культуры оппозиции» к более конструктивной, реалистической «культуре управления». По началу многие представители левого крыла ПС толковали такой переход как вынужденное временное отступление – нечто вроде НЭПа, которое можно будет потом наверстать («взять в скобки»). Миттеран же открыто признал безальтернативность рыночной экономики, которую следует лишь ограничить социальными рамками, но не пытаться отменить вообще.

Эта смена вех обошлась французским социалистам дороже, чем западногерманским социал-демократам, порвавшим с марксизмом ещё в 1959 г. на съезде СДПГ в Бад-Годесберге, и тем более британским «новым лейбористам» Т. Блэра в конце 90-х гг. Приходилось идти на союз левых сил с компартией, четыре представителя которой вошли в 1981–1984 гг. в кабинет П. Моруа, дававший возможность социалистам разделить с ними ответственность за отказ от многих своих предвыборных обязательств. Когда же коммунисты покинули в 1984 г. следующее социалистическое правительство Фабиуса, это создало новую проблему: значительная часть разочарованных и отошедших от компартии избирателей не перешла к социалистам, а пополнила ряды воздержавшихся, либо переметнулась к троцкистам, а то и на крайне-правый фланг – к Национальному фронту, ставшему главным полюсом притяжения протестного электората.

К тому же британские лейбористы, СДПГ и тем более социал-демократы скандинавских стран опираются на массовые, единые реформистские профцентры, нередко органически входящие в партийные структуры, что обеспечивает им не только голоса на выборах, но и солидную материальную базу. Во Франции же, как и в других средиземноморских странах (Италия, Испания, Португа-

[127] Известна концепция Л. Блюма о различии между «завоеванием» власти социалистами в буржуазном обществе для его слома и лояльным управлением этим обществом по присущим ему законам с учётом интересов трудящихся, когда условия для иного не созрели.

лия) профдвижение гораздо слабее и к тому же расколото по политическому признаку, причём во Франции бóльшая часть его находилась после Второй мировой войны под влиянием коммунистов[128].

На издержки чрезмерного упадка влияния компартии для левого лагеря в целом и, следовательно, для самих социалистов, указывал премьер-министр П. Моруа уже в середине 1980-х гг.[129] Попытки Миттерана компенсировать утечку голосов слева за счёт центристских избирателей и поддержки беспартийных представителей гражданского общества ценой отказа от радикальной риторики прошлого (программное «Письмо к французам» перед президентскими выборами 1988 г.) принесли половинчатые результаты. Хотя сам президент без труда переизбрался на второй срок, на последовавших досрочных парламентских выборах соцпартия получила уже не абсолютное, как в 1981 г., а относительное большинство в Национальном собрании, что вынудило премьеров-социалистов М. Рокара, Э.Крессон, П. Береговуа постоянно лавировать между коммунистами и оппозиционной либерал-центристской ЮДФ.

Данная проблема не решена соцпартией и в начале XXI в. Её доминирующая отныне роль в левом лагере может обещать последнему большинство избирателей только в случае поддержки «младшими партнёрами» и конкурентами социалистов – Движением левых радикалов (МРЖ), коммунистами, троцкистами, «зелёными», что вызывает периодические всплески фракционной борьбы в рядах самих социалистов.

После вынужденного отхода Л. Жоспена от активной политической деятельности в результате его поражения на президентских, а соцпартии – на парламентских выборах 2002 г. прочный контроль над партаппаратом установил первый секретарь Фран-

[128] В первые послевоенные годы к СФИО был близок отколовшийся в 1947 г. от прокоммунистической Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) миноритарный профцентр «Форс увриер» («Рабочая сила»). С обновлённой Миттераном соцпартией сблизилась Французская демократическая конфедерация трудящихся (ФДКТ), отошедшая в 60-х гг. влево от христианских профсоюзов. Dominique Andolfatto (dir.). Les syndicats en France. Paris, 2004.

[129] Pierre Mauroy. A gauche. Paris, 1985. P. 17.

суа Олланд, пришедший на этот пост в 1997 г. Однако ему явно недостаёт харизмы, чтобы стать кандидатом всего левого лагеря на президентских выборах 2007 г. На эту роль претендуют представители миттерановского поколения – бывший премьер Лоран Фабиус, бывшие министры Жак Ланг, Д. Строс-Кан.

Это соперничество обостряет борьбу между левым крылом – фракцией «Новая социалистическая партия» Анри Эмманюэли, Венсана Пейона, Арно Монтебура, умеренными – сторонниками Л. Фабиуса и первым секретарём, которому с немалым трудом удалось добиться принятия «синтеза» – компромиссной резолюции на съезде в Ле Мане (ноябрь 2005 г.). Это было особенно сложно с учётом провала полугодом ранее на референдуме 20 мая 2005 г. проекта конституции ЕС, поддержанного большинством соцпартии и её руководством[130]. За год до президентских и парламентских выборов 2007 г. реальные шансы на победу сохраняет лишь бывшая гражданская супруга Олланда – Сеголен Руаяль, уже занимавшая пост министра по социальным делам и не скрывающая симпатий к опыту «третьей силы» лейбориста Т. Блэра в Великобритании.

В левом лагере меньше всего проблем для социалистов составляет Движение левых радикалов (МРЖ), являющееся с 1972 г. их послушным сателлитом. Истоки его восходят к 1901 г., когда была создана Республиканская партия радикалов и радикал-социалистов – самая старая из всех ныне существующих во Франции. Будучи в политических вопросах левой (защита республики и демократии, светского характера государства и школы от клерикальной реакции), она оставалась в финансово-экономических делах умеренно-консервативной (ограничение экономической роли государства, сбалансированный бюджет, минимизация налогов и расходов на социальную защиту). В международном плане радикалы противоречиво сочетали патриотические лозунги с пацифистской враждебностью к рискованным военным авантюрам.

Это двойственное кредо позволяло радикалам играть во времена Третьей, а отчасти и Четвёртой республик ключевую роль

[130] Целями нового крыла провозглашены воссоздание соцпартии на радикальной платформе по типу 1981 г. и ревизии конституции 1958 г. Le Figaro, 14 novembre 2005.

арбитра между левыми и правыми лагерями, сосредоточивая в своих руках львиную долю министерских портфелей в коалиционных центристских кабинетах (отсюда известное ироническое определение, согласно которому у радикала, да и среднего француза вообще «сердце слева, но бумажник справа»)[131]. Электорат радикалов всегда состоял главным образом из крестьян, торговцев, ремесленников, служащих, мелкой и средней буржуазии, особенно на Юго-Западе и Юге, а также во многих крупных городах (мэром Лиона полвека подряд был лидер партии Эдуард Эррио). В организационном отношении это была типичная «кадровая» партия, опиравшаяся на традиционных «нотаблей» в органах местного самоуправления, чьи предвыборные комитеты были связаны в национальном масштабе через масонские ложи, а политическое руководство осуществляли парламентские группы[132].

После Второй мировой войны радикалы были серьёзно дискредитированы ответственностью за мюнхенскую политику «умиротворения» фашистских агрессоров, отождествлявшуюся с именами их лидеров – Эдуарда Даладье и Жоржа Бонне (главы правительства и министра иностранных дел в 1938–1939 гг.). Однако в условиях поляризации политических сил Четвёртой республики между коммунистами и голлистами партия радикалов сумела вернуться к власти в составе коалиции «Третьей силы» с социалистами (СФИО), католическим Народно-республиканским движением (МРП), а отчасти и традиционными консерваторами – «независимыми и крестьянами». Её лидеры – Анри Кэй, Эдгар Фор, Рене Мейер не раз руководили коалиционными правительствами.

Новый этап в истории партии радикалов начался в 1954 г., когда её, а затем и правительство возглавил лидер левого крыла Пьер Мендес-Франс, с именем которого связаны такие крупные события, как окончание войны в Индокитае, предоставление автономии Тунису, отказ от ратификации проекта Европейского оборонительного сообщества (СЕД). Выдвинув программу коренной

[131] К радикалам принадлежали такие видные политики первой половины XX в., как Леон Буржуа, Эмиль Комб, Жорж Клемансо, Жозеф Кайо, Камилл Шотан, братья Сарро, Эдуард Эррио, Эдуард Даладье, Ивон Дельбос и т.д.

[132] Daniel Bardonnet. Évolution de la structure de parti radical. Paris, 1960; Jacques Keyser. Le radicalisme des radicaux. Paris, 1960.

модернизации экономики страны и «морализации» её партийно-политической системы, Мендес-Франс опирался не столько на традиционные, сколько на новые средние слои – молодых менеджеров, интеллигенцию, студенчество[133].

Однако их надеждам на модернизацию политической жизни страны, связанным с именем Мендес-Франса, не суждено было сбыться. Отстранённый от власти в феврале 1955 г. под давлением колониального лобби, вынужденный год спустя уйти в отставку с поста вице-премьера правительства Республиканского фронта во главе с социалистом Ги Моле, Мендес-Франс решительно осудил созданный генералом де Голлем режим Пятой республики. Тем не менее лидером левой неокоммунистической оппозиции стал не он, а его союзник и соперник Ф. Миттеран, который перехватил многие идеи и кадры у мендесизма. Покинув партию радикалов, Мендес-Франс сблизился с социалистами и вступил в Объединённую соцпартию (ПСЮ), влившуюся в начале 70-х гг. в обновлённую Миттераном соцпартию, но остался в ней вплоть до своей кончины в 1982 г. фактически маргинальной фигурой[134].

Символично, что именно в тот период радикалы окончательно раскололись на две партии. После неудачной попытки близкого некогда к Мендес-Франсу журналиста Жан-Жака Серван-Шрейбера создать самостоятельное центристское движение левое крыло радикалов во главе с Робером Фабром примкнуло к совместной правительственной программе социалистов и коммунистов, образовав Движение левых радикалов (МРЖ), преобразованное впоследствии в партию. Спустя шесть лет – в 1978 г. прежняя партия радикалов и радикал-социалистов, сохранившая название и штаб-квартиру на площади Валуа в Париже, вступила в либерально-центристский Союз за демократию (ЮДФ) Жискар д'Эстена, а в 2002 г. влилась вместе с ним и неоголлистской партией РПР в правоцентристский Союз за народное движение (ЮМП)[135]. К этому моменту она насчитывала всего 10 тыс. членов.

---

[133] Claude Nicolet. Le Radicalisme. Paris, 1983.
[134] Jean Lacouture. Pierre Mendès-France. Paris, 1981.
[135] Канинская Г.Н. Радикалы и радикализм в послевоенной Франции. Республиканская партия радикалов и радикал-социалистов в годы IV и V республик. М. 1999.

Распад партии радикалов был вполне закономерен: к концу XX в. её программа оказалась по существу исчерпанной, а прежняя социальная база либо растаяла, либо перешла к другим партиям – от социалистов слева до Национального фронта справа. В первом туре парламентских выборов 2002 г. партия левых радикалов – МРЖ собрала всего 389 тыс. голосов, сохранив 7 депутатов, 6 сенаторов, 3 поста председателей генеральных советов и 1,6 тыс. муниципальных советников – втрое меньше, чем десятилетием ранее. Хотя левые радикалы, претендующие на 25 тыс. членов, всё ещё проводят (как и правые) свои съезды, избирают председателя, генсека, национальное бюро, их роль в политической жизни страны, да и в левом лагере сведена к минимуму. Выдвигая во втором, а зачастую и в первом туре выборов единые кандидатуры с социалистами, они служат для соцпартии не более чем тактическим прикрытием справа, призванным привлечь часть текучего центристского электората.

Маргинализация коммунистов

Немногим более значительную роль, но уже слева от социалистов, играет ныне и компартия (ПСФ), которая на протяжении полувека была крупнейшей политической силой страны и самым влиятельным (наряду с итальянской) отрядом мирового коммунистического движения в западном мире.

Французская компартия, созданная на XVIII съезде соцпартии 25-31 декабря 1920 г. в Туре сторонниками присоединения к Коминтерну, прошла долгий, сложный путь от изолированной секты 20-х – первой половины 30-х гг. до массового движения, за представителей которого голосовали десятилетиями каждый четвёртый-пятый избиратель.

Главной причиной, позволившей ей добиться столь внушительных успехов, было прежде всего то, что на определённом историческом этапе компартия оказалась во французской политической жизни не чужеродным, внедрённым извне элементом, а органической составной частью левого лагеря со всеми его традиционными ценностями защиты социальной справедливости, демократии, патриотизма и пацифизма. «Есть много причин влияния коммунизма во Франции, но не следует удивляться, что он смог

так легко проникнуть в лагерь французских левых, выступив в роли законного наследника якобинской доктрины, – отмечал швейцарский публицист Герберт Люти. – Основой коммунистической идеологии (во Франции) служит гораздо больше якобинская утопия, нежели рабочее движение. Даже сочетание французского шовинизма с подчинением России, которое находят сегодня столь поразительным, легко объяснимо фено́меном идеологической проекции. Для коммунистов великая революция, начатая, но незавершённая 150 лет назад во Франции, в конце концов, восторжествовала в Советском Союзе»[136].

В период наибольшего влияния Французской компартии основная масса её избирателей руководствовалась не столько марксистско-ленинской доктриной и тем более советским образцом её реализации, сколько стремлением оказать нажим на власть имущих, заставив их учитывать интересы социально уязвлённых слоёв населения. Иными словами, электорат компартии был гораздо больше просто протестным, чем мотивированным идеологически.

Не меньшее место, чем защита социальных интересов трудящихся, восходившая к традициям июньских дней революции 1848 г. и Парижской Коммуны, в пропагандистском арсенале Французской компартии занимали национально-патриотические мотивы – защита независимости Франции от гитлеровской Германии в 30-е гг., затем от подчинения США или перевооружения ФРГ в 50-е – 60-е гг. Эти лозунги апеллировали к воспоминаниям о франко-русском союзе 1891 г. и решающей роли СССР в победе над державами «оси» в ходе Второй мировой войны. К ним были особенно чувствительны участники движения Сопротивления гитлеровским оккупантам, в котором французские коммунисты приняли, особенно после вторжения Гитлера в СССР, активное участие.

Наконец, важнейшим козырем компартии были пацифистские настроения французов, питавшиеся воспоминаниями о тяжёлых потерях Франции в ходе Первой мировой войны и катастрофическом поражении в начале Второй. Именно эти настроения питали и стимулировали вдохновлявшееся СССР движение сторонников мира и оппозицию колониальным войнам.

[136] Herbert Luthy. A l'heure de son clocher. Essai sur la France. Paris, 1955. P. 32-33.

Объясняя фено́мен влияния компартии во Франции на протяжении значительной части XX в., некоторые историки и политологи связывали его с католической традицией, общей для многих стран средиземноморской Европы (Италия, Испания, Португалия), где коммунисты также играли на определённом историческом этапе важную роль. «Компартия напоминает церковь со своими догмами и ритуалом, иерархией и папой, святыми и евангелиями, мучениками и, естественно, еретиками», – писал главный редактор газеты «Монд» Жак Фовэ[137].

Хотя все эти объяснения, безусловно, имеют под собой почву, они не являются исчерпывающими. Дело было не столько в теории или пропаганде коммунистов, сколько в их практике. Важнейшими вехами истории французской компартии стали периоды Народного фронта, движения Сопротивления гитлеровским оккупантам в ходе Второй мировой войны, наконец, холодной войны и колониальных войн в Индокитае и Алжире, проходивших на фоне болезненной структурной модернизации экономики страны, сопровождавшейся острыми социальными конфликтами (1947–1962 гг.). На этом фоне компартии удалось снискать репутацию защитницы социальных реформ, национально-патриотической и антивоенной силы: в 1932–1936 гг. процент избирателей, голосовавших за ФКП, увеличился с 8,4 до 15,4%, а в 1946 г. достиг исторического максимума – 28,6%.

Важным преимуществом французских коммунистов перед их конкурентами в левом лагере служила дисциплинированная организация, построенная на сугубо вертикальном принципе «демократического централизма» – от первичных организаций (ячеек), особенно производственных, территориальных секций, департаментских федераций до съездов, ЦК, политбюро и секретариата во главе со всевластным генсеком.

На протяжении почти четверти века в 1930–1964 гг. этот пост бессменно занимал Морис Торез. Выходец из рабочей среды, умело создававший для себя образ «сына народа», он был, безусловно, масштабным политиком, способным оратором и организатором, безоговорочно преданным своему покровителю и кумиру

[137] Jacques Fauvet. La France dechirée. Paris, 1957. P. 64.

Сталину[138]. На протяжении многих лет Тореза окружала сплочённая команда соратников – Жак Дюкло, Марсель Кашен, Этьен Фажон, Раймон Гюйо, Фернан Гренье и др. Хотя временами эта группа лидеров переживала острые внутренние конфликты, сопровождавшиеся исключениями диссидентов (Андре Марти, Шарля Тийона, Огюста Лекера, Марселя Сервена и др.), в целом команда Тореза, опиравшаяся на твёрдую поддержку Москвы, оставалась у руководства на протяжении десятилетий господства сталинизма в мировом комдвижении и даже позже – вплоть до середины 60-х гг.

Пик влияния компартии во Франции пришёлся на первые годы после Второй мировой войны, когда число её членов достигло 900 тыс., а избирателей – 28,6% (1946 г.). Хотя после этого численность сократилась вдвое, а электорат снизился до сначала 25 (1956 г.), затем до 20-22% голосов, она стабилизировалась на этом уровне до конца 1970-х гг. В 1975 г. компартия всё ещё насчитывала почти 500 тыс. членов, объединённых в 25 тыс. ячеек, из которых 8 тыс. производственных и 5,5 тыс. сельских[139].

В тот период среди членов и избирателей компартии доминировали рабочие (соответственно 60 и 47%), служащие (18,5 и 10%), особенно в крупных городах, тогда как фермеры, торговцы и ремесленники были представлены слабо (по 5-6%)[140]. Зоны её наибольшего влияния совпадали с электоральной географией остальных партий левого лагеря – социалистов и радикалов, где они являлись конкурентами, а иногда и вынужденными союзниками: промышленный Северо-Восток, в меньшей степени сельскохозяйственный Юг, северо-западная часть Центрального массива и рабочие пригороды Парижа (т.н. «красный пояс»)[141].

Опорами компартии служили массовые организации гражданского общества – крупнейший в стране профцентр – Всеобщая конфедерация труда (СЖТ), генсеки которой – Бенуа Фрашон, Жорж Сеги, Андре Кразюки входили в состав политбюро, молодёжные, женские, ветеранские и прочие формально беспартийные

[138] Maurice Thorez. Fils du peuple. Paris, 1960.
[139] Noel Copin. La vie politique française. Paris, 1978. P. 160.
[140] Ibid. P. 162-163.
[141] Frederic Bon, Jean-Paul Cheylan. La France qui vote. Paris, 1988. P. 85.

НКО, а также позиции в выборных органах местного самоуправления – муниципальных, генеральных, региональных советах. Благодаря им коммунисты могли выступать в двух различных ипостасях – как авангард борьбы против существующей системы и как конструктивная сила, способная квалифицированно управлять повседневными делами сограждан. В итоге компартия и её «приводные ремни» оказывались неким подобием «параллельного общества» со своими ценностями, политической культурой, нравами и обычаями, материальной базой, способами формирования элит – своего рода контрсистему[142].

Особую роль в деятельности французской компартии играла интеллигенция, многие представители которой были в тот или иной период её членами или «попутчиками»: писатели Анатоль Франс, Ромен Роллан, Анри Барбюс, Андре Мальро, Робер Мерль, поэты Луи Арагон, Поль Элюар, Эме Сезер, художники Пабло Пикассо, Фернан Леже, философы Жан-Поль Сартр, Луи Альтюссер, учёные Поль Ланжевен, Фредерик Жолио-Кюри и многие другие. Это объясняется не столько идейной притягательностью коммунистической доктрины, сколько антифашизмом, пацифизмом, участием в движении Сопротивления, антиколониализмом, а в какой-то мере и поисками сближения с народом, особенно рабочим классом, перед которым французская левая интеллигенция долго испытывала некий комплекс вины, в чём-то схожий с аналогичным комплексом русской интеллигенции XIX в. в отношении крестьянства.

Глубокий кризис французской компартии, начавшийся в конце 50-х и завершившийся к концу XX в. окончательной маргинализацией, был связан прежде всего с крушением тоталитарных режимов СССР и стран Восточной Европы. Разочарование в них среди левого крыла общественного мнения на Западе, в том числе во Франции началось ещё с конца 50-х гг. с разоблачения преступлений сталинизма на XX съезде КПСС и неуклонно нарастало под влиянием событий в Венгрии, Чехословакии, Польше, репрессий против инакомыслящих, войны в Афганистане, а глав-

[142] Didier Buffin, Dominique Gerbaud. Les communistes. Les secrets, les rites, les mécanismes et les 120 dirigeants du plus puissant parti de France. Paris, 1981.

ное – более близкого знакомства внешнего мира с советской действительностью.

Этому способствовала объективная эволюция социально-экономической структуры страны – упадок крупных предприятий традиционных отраслей промышленности (угледобычи, металлургии, ряда отраслей машиностроения, текстиля) и мелкособственнического, поликультурного сельского хозяйства, сосредоточенных в тех регионах, которые всегда были главными оплотами коммунистов на выборах (Северо-Восток, Средиземноморское побережье, часть Центрального массива). Удельный вес рабочего класса в самодеятельном населении снизился с трети до четверти. Во многих промышленных центрах, в частности, в бывшем «красном поясе» вокруг Парижа, место рабочих-французов заняли иммигранты-арабы, зачастую не имевшие права голоса. Между тем среди «белых воротничков» и работников бурно растущей сферы услуг социалисты всё более явно опережали коммунистов.

Все эти факторы выдвигали перед компартией задачу поисков выхода из «политического гетто», в котором она оставалась с начала холодной войны и исключения 4 мая 1947 г. её представителей из правительства социалиста Поля Рамадье, путём налаживания единства действий левых сил против длительного господства правых партий – голлистов и либералов в политической системе Пятой республики. Осторожные подходы к единству действий начал ещё в середине 60-х гг. преемник Тореза на посту генсека компартии Вальдек Роше (поддержка Ф. Миттерана на президентских выборах 1965 г., взаимное снятие кандидатур на парламентских выборах 1967 г.). Прерванный на некоторое время конфликтом в левом лагере в ходе событий мая-июня 1968 г., этот процесс получил мощный импульс с подписанием в 1972 г. совместной правительственной программы левых сил[143].

Однако в отличие от периода Народного фронта в конце 1930-х гг., он сыграл теперь на руку не коммунистам, а социалистам. Если последние с приходом Миттерана обновили свой идейный арсенал, стратегию и тактику, то компартия упорно сохраняла наследие своего прошлого. Торез и его соратники долго противи-

[143] Roland Tiersky. Le Mouvement communiste en France (1920–1972). Paris, 1973.

лись, в отличие от их итальянских коллег, даже ограниченной десталинизации партии с учётом итогов XX съезда КПСС. После смерти Тореза (1964 г.) и тяжёлой болезни Роше (1972 г.) генсеком стал Жорж Марше. Выходец из рабочей среды, мобилизованный во время Второй мировой войны в гитлеровскую Германию для работы на авиазаводе Мессершмитт и не принимавший участия в движении Сопротивления, крайне авторитарный и импульсивный, он метался между попытками идеологической модернизации путём дистанцирования от советской модели (отказ от догмы «диктатуры пролетариата», «еврокоммунизм») и возвратом к безоговорочному равнению на СССР времён брежневского застоя (поддержка ввода советских войск в Афганистан), а во Франции – между сотрудничеством с соцпартией и возвратом к конфронтации, чреватой расколом союза левых сил. Под стать лидеру оказалась и его команда – Ролан Леруа, Гастон Плиссонье, Андре Лажуани, Рене Пике и др., сменившая в начале 70-х гг. «старую гвардию» Тореза. Хотя среди них были способные, искренне преданные своим ценностям люди, никто не имел достаточного политического калибра для осознания масштабов происходивших перемен.

После победы Миттерана на президентских, а социалистов на парламентских выборах 1981 г. коммунисты согласились принять, с учётом настроений своих избирателей, 4 министерских поста в правительстве П. Моруа, а вместе с ними и ответственность за его политику. Когда же она стала явно непопулярной, это ещё более подорвало доверие к партии, утратившей не только лидерство, но даже сколько-нибудь самостоятельную роль в левом лагере.

Результаты не заставили себя ждать: если в 1978 г. компартия ещё претендовала на 520 тыс. членов, то десятилетие спустя их было уже 330 тыс., в 1998 г. – 220 тыс., в 2003 г. – 131 тыс. То же самое происходило и с коммунистическим электоратом, который сокращался подобно шагреневой коже из романа Бальзака: на президентских выборах в 1981 г. Марше получил 4,5 млн голосов (15,3%), – на четверть меньше, чем Дюкло в 1969 г., в 1988 г. коммунист Лажуани ещё вдвое меньше – 2 млн (5,4%), в 1995 г. новый лидер Робер Ю, сменивший годом ранее Марше, – 2,6 млн (6,6%), в 2002 г. он собрал меньше миллиона (3,37%). Оказавшись на 11-м месте из 16 кандидатов, фигурировавших в первом туре,

он отстал не только от представителей ведущих партий, но даже от двух троцкистов.

Столь же неутешительно выглядит и негативная динамика результатов компартии на выборах всех остальных уровней – европейских или местных: если в 1978 г. её кандидаты получили в первом туре выборов в Национальное собрание 5,9 млн голосов (20,5%), четверть века спустя – в 2002 г. всего 1,2 млн (4,3%). Хотя ФКП ещё сохраняет остатки своей некогда мощной организационной структуры – проводит съезды, где избираются вместо прежних ЦК и политбюро Национальный совет из 220 членов, исполнительная коллегия из 24 человек и национальный секретарь (в 2004 г. ею стала Мари-Жорж Бюффе, сменившая Робера Ю после его провала на выборах), французским коммунистам так и не удалось найти новую нишу в левом лагере и в политической системе Пятой республики вообще. Компартия оказалась зажатой между соцпартией, с одной стороны и левацкими группировками – анархистами, экологами («зелёными»): если первая перехватила у неё роль реальной альтернативы господству правых, то вторые – революционную риторику неприятия капитализма, глобализации, поддержку антизападных диктаторских режимов «Третьего мира», защиту окружающей среды и т.д. К началу XXI в. компартия фактически полностью утратила статус политической силы общенационального масштаба.

Левее здравого смысла

Наиболее значительным, хотя и недолгим, всплеском влияния левого экстремизма в политической жизни Франции XX в. явились события мая 1968 г., когда массовые демонстрации студенческой молодёжи проходили под троцкистскими, анархическими и маоистскими лозунгами. Демонстративно оспаривая основы американизированного общества потребления, молодые бунтари пытались противопоставить патерналистским структурам традиционной семьи, школы, предприятия, государства анархо-синдикалистские концепции самоуправления трудящихся.

Их поддерживали небольшие левацкие группировки типа Объединённой соцпартии (ПСЮ), отколовшейся от СФИО во время войны в Алжире, или «Рабочая борьба», к которой примкнул из-

вестный философ Жан-Поль Сартр. Однако левацкое поветрие довольно быстро схлынуло, а многие его участники, вроде группы «новых философов» (А. Глюксман, Б.-А. Леви и др.) качнулись на правый фланг политического спектра[144]. Тем не менее некоторые идеи мая 1968 г. продолжают по инерции всё ещё сохраняться в пропагандистской риторике троцкистов и экологов, нашедших общий знаменатель в антиглобализме и евроскептицизме.

Троцкистское движение, появившееся во Франции в 30-е гг. XX в., всегда было и остаётся конгломератом мелких групп, созданных, как правило, выходцами из компартии. Отвергая как советскую модель, так и реформистскую социал-демократию, они постоянно конфликтуют между собой по поводу выбора оптимальной стратегии и тактики: одни («ламбертисты») пытались просочиться внутрь соцпартии, профсоюзов, других общественных организаций, причём иногда небезуспешно, другие предпочитали выступать самостоятельно на выборах и особенно в ходе массовых движений – забастовок, демонстраций, стремясь навязать возможно более радикальные лозунги и методы борьбы.

Влияние троцкистов получило новый импульс в 1980-е и особенно 1990-е гг. с приходом социалистов к власти и упадком компартии, тесно связанной с ними отныне предвыборными интересами. На этом фоне троцкизм оказался в роли аналогичного, но значительно менее сильного полюса притяжения протестного электората левом лагере, каким Национальный фронт в правом. Среди 19 карликовых партий троцкистского толка более или менее заметными являются лишь Рабочая борьба Арлетт Лагийе (ЛО) и Революционная коммунистическая лига Алена Кривина (ЛСР) – наследники Французской секции IV Интернационала, созданного Л.Д. Троцким в 30-е гг. Хотя численность этих группировок вместе взятых не превышает 10 тыс. человек, они привлекают достаточно избирателей, чтобы оказать определённое влияние на общие результаты голосования.

Это дало себя знать, в частности, на президентских выборах 2002 г., где три троцкистских кандидата – Арлетт Лагийе, Оли-

[144] Айвазова С.Г. Левый радикализм в идейно-политической жизни Франции. М., 1986.

вье Безансено и Даниель Глюкстейн собрали в общей сложности 2,8 млн голосов (10,7%) – втрое больше, чем кандидат компартии Робер Ю и две трети того, что получил социалист Лионель Жоспен. Отняв голоса у коммунистов и социалистов, троцкисты косвенно способствовали успеху лидера ультраправого ФН Ле Пена, опередившего в первом туре официального кандидата соцпартии.

В какой-то мере сравнимую роль дестабилизатора партийной системы играет и движение «зелёных». Будучи во Франции менее влиятельными, чем в соседней Германии, французские защитники окружающей среды расколоты на несколько соперничающих группировок, – Поколение экологии Бриса Лалонда, Независимое экологическое движение Антуана Вештера (МЕИ), «Зелёные» Доминик Вуане и Ноэля Мамера. В отличие от троцкистов, «зелёным» удаётся проводить своих депутатов в Национальное собрание (в 2002 г. – 7), Европарламент и даже добиваться министерских портфелей, связанных с защитой окружающей среди как в левых, так и в правых кабинетах (Д. Вуане, К. Лепаж).

Некоторые итоги

Эволюция структуры и правил функционирования партийно-политической системы Франции за последние полвека очевидна из сравнения результатов последних выборов в Национальное собрание Четвёртой и Пятой республик, состоявшихся, соответственно, 2 января 1956 г. и 9-16 июля 2002 г. Хотя они проходили по разным избирательным системам – в первом случае пропорционального представительства по департаментским спискам, во втором – мажоритарного голосования в два тура по одномандатным округам, а программы партий и они сами значительно изменились, сопоставление результатов всё же позволяет выявить соотношение преемственности и перемен.

Результаты выборов в Национальное собрание 02.01.1956 г.[145]

Зарегистрированных избирателей	26 770 825
Приняли участие в голосовании	21 303 102
Воздержались	4 631 291
Недействительных бюллетеней	836 502

[145] Les elections du 2 janvier 1956. Paris, 1957. P. 170.

Партии	Число голосов	% от участников голосования
Коммунисты	5 503 491	25,8
Социалисты (СФИО)	3 366 371	14,8
Радикалы	3 049 503	14,3
Голлисты (социальные республиканцы)	927 937	4,4
Народно-республиканское движение (МРП)	2 407 038	11,3
Независимые (правые)	3 572 565	16,3
Союз защиты торговцев и ремесленников (ЮДСА)	2 476 038	11,6

В 1956 г. правый лагерь включал католическое Народно-республиканское движение (МРП), традиционных консерваторов («независимых и крестьян»), примкнувшую к ним бóльшую часть бывшей голлистской партии РПФ, распавшейся двумя годами ранее, и правое крыло радикалов, а также пужадистов (ЮДСА). В левую оппозицию входили социалисты (СФИО) и большинство радикалов-реформаторов во главе с Пьером Мендес-Франсом. Остальные голлисты («социальные республиканцы») создали с ними предвыборный блок – Республиканский фронт, к которому по существу примкнули и коммунисты. Результаты обоих лагерей оказались почти равными – правые получили 10,9 млн голосов (51,1%), левые – 10,4 млн (48,9%). Тем не менее одним достались 246 депутатских мандатов, тогда как другим 344. Дело в том, что из правого лагеря выпал экстремистский Союз защиты торговцев и ремесленников Пьера Пужада (ЮДСА), осуждавший парламентскую систему Четвёртой республики в целом. В тоже время коммунисты поддержали в новом составе парламента Республиканский фронт, участники которого сформировали кабинет во главе с первым секретарём СФИО Ги Моле и Мендес-Франсом. Таким образом, итог борьбы определялся не только соотношением сил двух лагерей, но и степенью единства каждого.

Вместе с тем ни среди левых победителей, ни среди побеждённых правых не было партии, способной стать хозяином положения в своём лагере и возглавить правительство, которое опиралось бы на стабильное парламентское большинство. Коммунисты, превосходившие каждого из участников Республиканского фронта по числу голосов и депутатов, не могли играть эту роль

по определению: уже через полгода они перешли от поддержки левоцентристского кабинета к жёсткой оппозиции ему в связи с Суэцким кризисом и событиями в Венгрии. В свою очередь Республиканский фронт, подточённый соперничеством социалистов и радикалов, быстро распался из-за внутренних конфликтов, связанных с войной в Алжире. Два года спустя к власти пришёл последний в недолгой истории Четвёртой республики кабинет лидера правоцентристкого католического Народно-республиканского движения (МРП) Пьера Пфлимлена, всего двумя годами ранее отброшенного в оппозицию. В мае 1958 г. он был сметён путчем «ультра» и армии в Алжире, передав власть де Голлю.

Подобный ход событий был следствием определённой закономерности, соответствовавшей неписаным правилам французской многопартийной системы в условиях парламентского режима. После победы левых или правых коалиций на парламентских выборах, победившее на них парламентское большинство через два-три года распадалось. После нескольких правительственных кризисов к власти приходил центристский кабинет, где фигурировали представители партий обоих лагерей, ещё недавно боровшихся между собой на предыдущих выборах. Однако на сей раз дело закончилось сменой не только правительства, но и всего парламентского режима вместе с его партийной системой[146].

Результаты выборов в Национальное собрание 09-16.06.2002 г. (первый тур)[147]

Зарегистрированных избирателей	40 968 484
Приняли участие в голосовании	26 389 875
Воздержались	14 578 609
Недействительных бюллетеней	1 143 840

Партии	Число голосов	% от участников голосования
Крайне левые (троцкисты)	703 009	2,79
Коммунисты	1 216 178	4,82
Социалисты	6 086 599	24,11
Левые радикалы	964 231	2,63
«Зелёные»	1 338 222	4,51

[146] Jacques Fauvet. La France dechirée. Paris, 1957.
[147] Dominique et Michèle Frémy. Quid 2005. Paris, 2004. P. 895.

Союз за народное движение (ЮМП)	8 408 123	33,30
Либерал-центристы (ЮДФ)	1 333 679	6,93
Прочие правые	1 118 028	4,82
Национальный фронт и др. ультраправые	3 198 865	12,67

Сравнение результатов выборов с почти полувековым интервалом обнаруживает несомненную преемственность – сохранение многопартийности и деление партий на два традиционных лагеря – левый и правый при относительно ограниченном разрыве между ними – 11,3 млн голосов (40,93%) против 14,0 млн (47,72%).

Вместе с тем различий гораздо больше, чем сходства. Справа исчезли МРП и «независимые», а ЮДСА заменил Национальный фронт, слева маргинализирована компартия, место которой отчасти заняли троцкисты и «зелёные». Однако главное отличие в том, что теперь в каждом лагере сформировалась одна ведущая «системная» партия, правоцентристского или левоцентристского характера – ЮМП и социалисты, собирающая в полтора-два раза больше голосов, чем все их левые или правые конкуренты вместе взятые. Во втором туре голосования и особенно при распределении депутатских мандатов их превосходство становится благодаря мажоритарной системе голосования подавляющим[148]. В Национальном собрании, избранном в 2002 г., ЮМП располагала в 12 раз бóльшим числом мандатов – 369, чем сохранившие самостоятельность либерал-центристы (30), среди левой оппозиции социалисты имели в 3,5 раза больше депутатов, чем коммунисты, левые радикалы и «зелёные» – 141 против 37. Крайне левые (три троцкистских группировки) и крайне правые (Национальный фронт и близкие к нему движения) не получили ни одного мандата, хотя собрали, соответственно, 3 и 12% голосов. Благодаря этому на протяжении всей 12-й легислатуры (2002–2007 гг.), парламентское большинство, основой которого служила президентская «партия власти», не менялось, твёрдо поддерживая назначенные главой государства кабинеты Жан-Пьера Раффарена, затем Доминика де Вильпена.

Таким образом, за почти полвека режим Пятой республики

[148] Francois Furet, Jacques Juillard, Pierre Rosanvallon. La Republique du centre, Paris, 1990.

претерпел значительную модернизацию как при применении Конституции 1958 г., так и в функционировании партийно-политической системы. Наиболее авторитарные черты основного закона смягчены опытом – попытки президентов злоупотреблять проведением референдумов и роспусками нижней палаты в целях дальнейшего расширения своих и без того огромных полномочий или легитимации правительственной политики, оказалось чересчур рискованным, приводя порой к противоположным результатам. Обеспечена регулярная ротация власти между различными политическими силами на всех уровнях, включая высший. Негативные последствия «сожительства» президентов и премьер-министров разной политической ориентации ограничены выравниванием продолжительности их полномочий. Принципиальное значение имеет административная децентрализация в пользу выборных органов самоуправления на местах – в регионах, департаментах, коммунах.

Ограничение прямого участия государства в производственной сфере путём широкомасштабной приватизации смягчает различия между альтернативными программами ведущих партий, вынужденных учитывать влияние европейской интеграции и глобализации на экономику страны, открытую внешнему миру. Водораздел между левым и правым лагерями, вне которого избиратель теряет привычную сетку координат, а партии свою идентичность, сместился от традиционной политической проблематики, связанной с государственным строем и соотношением ветвей власти, к социально-экономической, а в более широком плане – к балансу между государством и гражданским обществом. В этой проблеме левые партии склонны отстаивать политические решения социально-экономических проблем государством, оставаясь более этатистскими, нежели правые. В свою очередь последние отстаивают приоритет частной собственности перед государственной, индивидуальных интересов перед коллективными.

Окончание раскола мира и Европы на две противоположные политические и социально-экономические системы, решение проблемы отношений между государством и церковью, публичной и частной школами ведут к эрозии традиционно враждебных идеологий – консерватизма и либерализма справа, социализма и ком-

мунизма слева, снижая накал конфронтации на уровне систем ценностей между левым и правым лагерями, под знаком которой прошли два столетия после французской революции 1789 и русской 1917 гг.

Реформы избирательного законодательства, жёсткая регламентация финансирования партий способствовали рационализации партийно-политической системы: крайняя многопартийность введена в определённые рамки тенденцией к биполяризации – сосредоточению электората вокруг двух «системных» полюсов, которые остаются у власти или в оппозиции на протяжении всей легислатуры.

Стабильность правительств обеспечивается взаимозависимостью президентского большинства с парламентским, чётким водоразделом между двумя лагерями во втором туре выборов и преобладанием в каждом из них системных центристских партий, разделяющих общие фундаментальные ценности (политическая демократия, социальная рыночная экономика, правовое государство).

Тем не менее т.н. «французское исключение» – отличие Франции от других западных демократий ещё далеко не преодолено. Заложенное в полупрезидентской Конституции Пятой республики противоречие между президентским и парламентским режимами всё ещё даёт себя знать, особенно в периоды «сожительства» как по горизонтали – между президентом и премьером разного политического профиля, так и по вертикали – между этажами властной пирамиды снизу доверху. Ни выравнивание сроков полномочий представителей различных ветвей власти, ни унификация порядка их избрания не создают пока достаточно надёжных гарантий от рецидивов таких конфликтных ситуаций, снижающих эффективность политических решений основных государственных институтов. Обстановка квазиперманентной кампании перед президентскими, парламентскими, европейскими, региональными, кантональными, муниципальными выборами лихорадит политический климат, выдвигая на повестку дня задачу совмещения сроков различных выборов.

Биполяризация партийно-политической системы также не завершена. Во Франции всё ещё зарегистрированы и юридически существуют 88 партий. Хотя в спокойные времена центростреми-

тельные тенденции среди них берут верх над центробежными, в периоды обострения обстановки векторы могут меняться.

Консенсус вокруг фундаментальных ценностей всё ещё остаётся во Франции менее широким, чем во многих других демократических государствах сопоставимого уровня развития. На парламентских выборах 2002 г., кандидаты внесистемных партий на крайних флангах политического спектра – коммунистов и троцкистов с одной стороны, Национального фронта и прочих ультраправых с другой, получили в первом туре в общей сложности голоса 3,7 млн избирателей (20,2%). Конкуренция лепеновцев создаёт определённые лимиты для эволюции умеренных правых, в том числе ЮМП, в сторону центра, точно также как для социалистов – сохранение слева даже ослабленной компартии вкупе с троцкистами и частью «зелёных». Поэтому французское идейно-политическое пространство остаётся более поляризированным, чем в других постиндустриальных демократиях Запада.

В том же 2002 г. 15,5 млн избирателей воздержались или опустили недействительные бюллетени (38,3%). В итоге обе системообразующие партии – ЮМП и социалисты вместе взятые получили поддержку 14,2 млн избирателей, т.е. менее 40% избирательного корпуса. Подобная ситуация не может не отражаться на легитимности режима в целом, нанося ущерб механизму обратной связи между государством и обществом. Результатом оказывается периодический выход социально-экономических, политических, межэтнических и прочих конфликтов на улицу, в том числе за пределы правового поля (всеобщая стачка работников госсектора в декабре 1995 г., беспорядки представителей младшего поколения иммигрантов-арабов и африканцев в ноябре 2005 г., острый кризис в связи с проектом «контракта первого найма» весной 2006 г. и т.д.). В менее значительных масштабах подобные случаи стали повседневным явлением.

Они свидетельствуют о том, что процесс модернизации режима Пятой республики, его конституционных рамок и партийно-политической системы (как, впрочем, и экономики или социальных отношений) ещё далеко не завершён – на это потребуется, видимо, ещё как минимум одно-два десятилетия.

ГЛАВА 8. ОПАСНОЕ «СОЖИТЕЛЬСТВО»*

Очередные, седьмые по счёту президентские выборы во Франции периода Пятой республики, прошедшие 21 апреля и 5 мая 2002 г., принесли ряд крупных неожиданностей. Главная из них – выход во второй тур голосования вождя ультраправого Национального фронта Жана-Мари Ле Пена, ставшего основным соперником действующего главы государства неоголлиста Жака Ширака. Лидер социалистов премьер-министр Лионель Жоспен, а вместе с ним и все левые партии оказались устранёнными из дальнейшей борьбы. Это резко изменило традиционный двухполюсный расклад политических сил, заставив левых избирателей отдать свои голоса во втором туре Шираку, который и вышел победителем.

Можно не сомневаться, что эти события окажут немалое влияние на внутреннюю, а отчасти и на внешнюю политику Франции в течение предстоящих пяти лет второго президентского мандата Ширака. Однако их значение гораздо шире. Сам факт выхода во второй тур на выборах главы французского государства деятеля, открыто бросающего вызов основным ценностям демократии, расшатывает сложившиеся правила политической игры, если не её конституционные рамки. Поэтому анализ хода и итогов прошедших во Франции президентских выборов представляет немалый интерес не только для самих французов, но и для международной, в том числе российской, общественности, тем более что Конституция РФ 1993 г., полномочия главы государства, способ его избрания во многом перекликаются с французской моделью.

Контекст

Закладывая почти полвека назад устои Пятой республики, генерал де Голль исходил из того, что парламентская система Третьей и Четвёртой республик изжила себя, оказавшись губительной для национальных интересов Франции. «Будучи уверен в том, что суверенитет принадлежит народу, если он выражает своё мнение

* Журнал «Выборы. Законодательство и технологии», № 5, май 2002 г. С. 46-52.

напрямую и целиком, я не допускаю дробления этого суверенитета между различными интересами, представляемыми партиями... Для того чтобы государство было, как ему и положено, инструментом обеспечения единства Франции, высших интересов страны, преемственности национальной политики, я полагал необходимым, чтобы правительство формировалось не парламентом, то есть партиями, а стоящим над ними главой государства, получившим свой мандат непосредственно от всей нации и способным благодаря этому хотеть, решать и действовать», – писал де Голль в «Мемуарах надежды», ставших его политическим завещанием.

Вернувшись к власти после 12 лет пребывания в непримиримой оппозиции парламентскому режиму, генерал добился проведения своих идей в жизнь. Составленная по его мерке Конституция 1958 г. отводит решающую роль президенту, избранному в соответствии с реформой 1962 г. всеобщим голосованием. «Президент Республики избирается абсолютным большинством поданных голосов. Если это большинство не собрано в первом туре, то в следующее за ним второе воскресенье проводится второй тур. В нём могут участвовать два кандидата, получившие наибольшее число голосов в первом туре с учётом случая, когда опережающий кандидат снял свою кандидатуру», – гласит ст. 7 действующей Конституции Французской республики[149].

Необходимость предусмотреть не один, а два тура голосования диктовалась традиционной для Франции многопартийностью. Считается, что в первом туре избиратель высказывает своё предпочтение наиболее близкому ему кандидату, даже если он не имеет шансов быть избранным, а во втором туре голосует за того, кто может помешать победе неприемлемой кандидатуры. Подобная система, отчасти применяющаяся и на выборах в Национальное собрание (нижнюю палату парламента), до сих пор не давала сбоев. Характерно, что социалист Франсуа Миттеран, резко критиковавший Конституцию 1958 г. в период своего пребывания в оппозиции, с избранием главой государства в 1981 и 1988 гг. нашёл её вполне подходящей для себя.

[149] Французская республика. Конституция и законодательные акты. М., 1989. С. 31.

Вместе с тем особенностью действующей Конституции является то, что она не перенесла во Францию президентский режим американского образца. Если в США президент одновре́менно возглавляет правительство, то во Франции сохранился пост премьер-министра, назначаемого главой государства, но ответственного перед парламентом. До тех пор, пока большинство в Национальном собрании политически соответствовало президентскому, вертикаль власти функционировала без проблем: правительство и премьер занимались текущими делами, прежде всего экономикой, тогда как президент определял принципиальные ориентиры государства, особенно в сфере внешней политики и обороны.

Положение начало меняться с 1986 г., когда левые партии, находившиеся у власти предыдущие пять лет, проиграли парламентские выборы. В соответствии с традицией президент-социалист Ф. Миттеран назначил лидера главной партии победившей правой оппозиции – неоголлистского Объединения в поддержку республики (ОПР) Ж. Ширака премьер-министром. Это впервые открыло период так называемого «сожительства» главы государства и правительства разной политической ориентации, который был отмечен острой борьбой между ними (тем более что через два года предстояли президентские выборы, где они должны были стать ведущими кандидатами от левого и правого лагерей). Аналогичная ситуация повторилась в 1993–1995 и 1997–2002 гг.

Поначалу практика «сожительства» находила, если верить опросам, поддержку большинства французов, считавших, что она позволяет проводить сбалансированную линию, избегающую чрезмерных перекосов влево или вправо. Со временем, однако, раскол на вершине исполнительной власти, оба носителя которой несли за неё ответственность, начал вызывать разочарование, а затем и раздражение в стране.

Согласно ст. 20 Конституции, правительство определяет и проводит политику нации, оно распоряжается администрацией и вооружёнными силами. Тем не менее президент даже в условиях «сожительства» сохраняет немалые полномочия: он ведёт еженедельные заседания Совета министров, представляет страну на международных переговорах, от него зависят многие кадровые назначения.

Коль скоро Ширак и Жоспен готовились к борьбе за Елисейский дворец на следующих президентских выборах (они уже были главными соперниками на предыдущих – в 1995 г.), каждый старался насолить конкуренту, где только можно. Очевидно, что это никак не способствовало эффективности процесса принятия решений и дискредитировало политическую систему в глазах как французов, так и международной общественности.

К тому же в условиях глобализации мировой экономики и углубления европейской интеграции большинство нормативных актов стран – членов Евросоюза должны учитывать решения органов ЕС в Брюсселе, что ограничивает свободу действий национальных правительств, в том числе французского. Неудивительно, что различия в программах, а главное – в практической деятельности ведущих «системных» партий, менявшихся у власти во Франции за последние 20 лет пять раз, сводились к минимуму. В результате у избирателя создавалось впечатление, что от его голосования по существу ничего не зависит. В ходе опроса, проведённого незадолго перед президентскими выборами 2002 г., более половины французов ответили, что вообще не видят большой разницы между правыми и левыми партиями.

Отрыву французской политической элиты от повседневных забот и тревог рядовых граждан способствовало её рекрутирование из весьма узкого социального слоя – верхушки столичной бюрократии и технократии, вышедшей из одних и тех же привилегированных высших учебных заведений: Института политических наук, Политехнической школы, Национальной школы администрации (ЭНА). «Энархами», как их называют, оказалось большинство министров, премьеров, а иногда и президенты – Ширак и Жоспен.

Растущая непопулярность представителей верхнего эшелона политического истеблишмента была связана с серией громких скандалов на почве коррупции, запятнавшей немало кадров видных деятелей основных партий, в том числе на министерских постах, а в какой-то степени и окружение президента.

Между тем экономическое положение в стране за последние два года постепенно деградировало. Снижение темпов роста экономики, начавшееся в США, распространилось на Европу, в том

числе на Францию, где снова обострилась смягчившаяся было проблема занятости (число ищущих работу достигает 9,5% самодеятельного населения). Это ухудшило социальный климат, особенно в промышленных предместьях крупных городов, где усилились преступность, хулиганство, наркомания. Именно там сосредоточена основная масса иммигрантов, составляющих официально 3,5 млн человек, но фактически, с учётом нелегальных, – чуть ли не вдвое больше. Если их удельный вес не выше, чем в 30-х гг., то национальный состав за последние 40 лет существенно изменился: европейцев – итальянцев, испанцев, португальцев, поляков – сменили арабы из бывших заморских владений Франции (Алжира, Туниса, Марокко), уроженцы Тропической Африки. Конкуренция на рынке рабочей силы, различия в нравах, обычаях, образе жизни, наконец, религии (ислам стал второй конфессией Франции после католицизма) создали почву для обострения межэтнической напряжённости, выдвинув на первый план проблемы обеспечения личной безопасности граждан, иммиграции и занятости. Именно они оказались в центре борьбы перед президентскими выборами 2002 г.

Дали о себе знать и некоторые внешние факторы. Если на пороге XXI в. в Западной Европе доминировали левые партии, прежде всего социал-демократы, возглавлявшие правительства в 11 странах – членах Евросоюза из 15, то за последние годы они терпят на выборах одно поражение за другим. Правые подтвердили своё лидерство в Испании и Ирландии, пришли к власти в Италии, Португалии, Австрии, Голландии, Норвегии, Дании. В трудном положении оказались перед сентябрьскими выборами в бундестаг германские социал-демократы. Европа явно идёт вправо.

Причём колебания политического маятника, вполне нормальные для демократии, сплошь и рядом выходят теперь за рамки левого и правого центров. Крах коммунизма ведёт к тому, что протестный электорат шарахается из одной крайности в другую – от левого экстремизма (ещё сохраняющегося отчасти в экзотических формах троцкизма или анархизма) к правому. Ультраправые партии национал-популистского, а то и неофашистского толка собирают на выборах разных уровней 10% голосов в Бельгии, 12% – в Дании, более 14% – в Норвегии, 20% – в Австрии, 23% – в Гол-

ландии и даже в богатой, сытой, мирной Швейцарии. Во многих странах их представители вошли в правящие коалиции, заняв ключевые министерские посты.

Террористические акты 11 сентября 2001 г. в США и кризис на Ближнем Востоке явно сыграли ультраправым на руку. Они способствовали росту недоверия к мусульманской, особенно арабской диаспоре, отождествляемой с исламским фундаментализмом, проявлению расистских и антисемитских эксцессов. На этом фоне результаты выборов президента Франции не выглядят исключением. Напротив, Франция, всегда считавшаяся политическим барометром Европы, просто остаётся верной своему призванию.

Первый тур

Предвыборная борьба перед первым туром проходила вяло. Реальными претендентами на Елисейский дворец считались только два кандидата – Ширак и Жоспен, представляющие правую оппозицию и левое большинство. Институты по изучению общественного мнения обещали им примерно равные шансы во втором туре. Это не могло не снижать интерес избирателей к первому, тем более что оба «сожителя» были хорошо знакомы, успели надоесть и не вызывали особого энтузиазма даже у многих собственных сторонников.

Ширак исходил в своей кампании из опыта выборов 1988 г., которые он, будучи премьером, проиграл тогдашнему президенту Миттерану. Оказавшись теперь в положении последнего, он сосредоточился на критике итогов пятилетнего правления социалистов во главе с Жоспеном. Однако снять с себя самого всю ответственность за эти итоги, а главное, противопоставить им сколько-нибудь притягательную, альтернативную программу главе государства было нелегко, ибо прежние правые кабинеты Балладюра (1993–1995) и особенно его ближайшего соратника Жюппе (1995–1997) не оставили после себя слишком радужных воспоминаний.

Жоспен оказался в ещё более сложной ситуации. Не желая находиться в обороне, оправдываясь за те или иные нерешённые проблемы и понимая, что после пяти лет пребывания у власти новые обещания будут звучать неубедительно, он поддался соблаз-

ну подкрепить свою кампанию личными нападками на главного соперника – Ширака. В ход пошли намёки на возраст уходящего президента (71 год), зигзаги его долгой политической карьеры, финансовые скандалы, в том числе столь мелкие, как оплата за казенный счёт авиабилетов для членов семьи главы государства при отъезде в отпуск.

Всё это, естественно, не украшало самого премьера, провоцируя оппонента на такие же «удары ниже пояса». Истинной находкой для Ширака оказалось то, что в молодости Жоспен был членом одной из мелких троцкистских группировок, по заданию которой вступил в обновлённую Миттераном соцпартию. Премьер долго и упорно отрицал это, уверяя, что его просто спутали с братом, активным троцкистом, но в конце концов признал, что кривил душой. Публично уличённый в обмане, он обесценил репутацию безусловной личной честности, которая всегда была его основным козырем.

Однако главная тактическая ошибка премьера состояла в том, что он всячески открещивался от собственного знамени, стремясь тем самым отбить обвинения правых в попытках насадить во Франции бюрократический социализм чуть ли не советского типа. «Я верен ценностям социализма, но моя программа не является социалистической», – постоянно повторял он. Между тем неписаным, но императивным законом политической борьбы на выборах во Франции является правило, согласно которому в первом туре кандидат стремится жёсткими лозунгами сплотить собственный электорат и только во втором – привлечь подчёркнутой умеренностью колеблющихся избирателей центра. Начав по существу кампанию второго тура в первом, лидер социалистов оттолкнул от себя протестный электорат своего лагеря на крайне левый фланг. Только когда из опросов выяснилось, что левые проигрывают в целом, премьер попытался скорректировать тональность своих выступлений, прибавив им «левизны», но было уже поздно.

Ширак не допустил подобной оплошности. Он понимал, что наиболее опасным конкурентом для него внутри правого лагеря может стать только Ж.-М. Ле Пен, соревноваться с которым на почве правых лозунгов было бесполезно. Поэтому Елисейский

дворец попытался с помощью закулисных манёвров помешать лидеру Национального фронта в сборе 500 подписей выборных лиц минимум в 30 департаментах Франции из 100, необходимых для регистрации кандидатуры, и, наоборот, помочь в этом деле бывшему соратнику Ле Пена – Б. Мегре, отколовшемуся от Национального фронта. Однако подобные манёвры не увенчались успехом, лишь сыграв на руку Ле Пену, который получил возможность выступать в выигрышной роли жертвы интриг истеблишмента.

Первый тур президентских выборов, состоявшийся 21 апреля, побил все рекорды по числу зарегистрированных кандидатов: их было 16 – вдвое больше, чем в среднем на всех предыдущих. На правом фланге, наряду с неоголлистом Шираком, выступали лидер центристов Франсуа Байру, председатель партии «Либеральная демократия» Ален Мадлен, ультраправые Ле Пен и Мегре. К ним добавились представитель правых экологистов Корин Лепаж и кандидат «охоты и местных традиций» Жан Сен-Жосс[150].

Левых кандидатов было ещё больше. Помимо лидера социалистов Жоспена, в предвыборной борьбе участвовали руководитель компартии Робер Ю, эколог Ноэль Мамер, отколовшийся от соцпартии бывший министр внутренних дел Жан-Пьер Шевенман, представительница левых радикалов Кристан Тобира и три троцкиста – Арлетт Лагийе, Оливье Безансоне и Даниэль Глюкстейн.

Подобное разнообразие объяснялось не только «моральным износом» ведущих «системных» партий и их кандидатов, но и тем, что не за горами парламентские выборы, назначенные на 9 и 16 июня 2002 г. Они должны были состояться до президентских, но решением левого большинства депутатов сроки их проведения перенесены. Поэтому президентские выборы переплелись с парламентскими: для тех, кто не рассчитывал всерьёз на Елисейский дворец, это была всего лишь удобная возможность сделать себе и своим партиям рекламу, повысив шансы в борьбе за депутатские мандаты. Для многих второстепенных кандидатов пакет голосов, полученных ими в первом туре, должен был послужить

[150] Это экзотическое движение является ответом любителей охоты и рыбной ловли (а их во Франции свыше 2 млн) на требования экологов жёстко регламентировать их в деле защиты фауны, что находит поддержку брюссельских органов Евросоюза. – Прим. авт.

разменной монетой для торга с будущим президентом за поддержку, а то и за министерские портфели в новом правительстве.

Первый тур отличался и небывалой для президентских выборов во Франции пассивностью избирателей. В голосовании не приняли участия 27,86% зарегистрированных избирателей. Ещё 3,4% опустили недействительные или незаполненные бюллетени, что фактически можно считать голосованием «против всех» (обычно удельный вес тех и других на выборах главы государства не превышал 15-20%). Наибольшее число воздержавшихся было на северо-востоке страны, где сконцентрирована значительная часть её промышленного потенциала, – в Парижском районе, департаментах Марна, Нор, Мозель, Мерт-э-Мозель, которые в прошлом служили прочными бастионами левых партий.

Неудивительно, что левые кандидаты потерпели тяжёлое поражение: Лионель Жоспен получил всего 16,12%, коммунист Робер Ю – 3,39%. Первый ухудшил свой прежний результат, полученный в первом туре президентских выборов 1995 г., на 7 пунктов; электорат второго сократился за тот же период в 2,5 раза. Лидер соцпартии и бывший премьер заявил о своём уходе из политической жизни.

Весьма посредственно выглядели и итоги Ширака, которому достались 19,6% голосов. Это его худший результат с 1981 г., когда лидер неоголлистов впервые выдвинул свою кандидатуру на президентских выборах, в которых участвовал за 20 лет четыре раза. Ни один президент Пятой республики, добивавшийся переизбрания на второй срок (де Голль, Жискар д'Эстен, Миттеран), не получал в первом туре столь скромного числа голосов.

«Мелким» кандидатам тоже нечем было похвастаться: Байру достались 6,86%, Шевенману, Мамеру, Лагийе – от 5 до 6% каждому, остальным – и того меньше. Девяти кандидатам, не преодолевшим 5%-ный барьер, государство не возместит из бюджета часть расходов на предвыборную кампанию, которую им придётся целиком оплачивать из партийного или собственного кармана.

Ле Пен получил 16,95% и прошёл во второй тур. Считать этот результат сенсационным прорывом было бы преувеличением: это всего на два пункта больше, нежели на двух предыдущих президентских выборах 1988 и 1995 гг. Итоги первого тура стали

не столько победой Ле Пена, сколько поражением его противников как в левом, так и в правом лагерях, ставших жертвами абсентеизма и распыления голосов. Но если к результату лидера Национального фронта добавить 2,35%, поданные за Мегре, то всё же получится, что удельный вес ультраправых во Франции достигает почти 20% избирательного корпуса – уровня соседних европейских стран. Это не могло не вызывать беспокойства у основной массы французов.

Второй тур

Итоги голосования 21 апреля были восприняты в стране как «политическое землетрясение». Уже вечером в Париже начались стихийные демонстрации под лозунгами «Остановить Ле Пена!», «Фашизм не пройдёт!». С тех пор на протяжении двух недель между двумя турами на улицы французских городов ежедневно выходили десятки тысяч людей, среди которых впервые после событий мая-июня 1968 г. было немало учащейся молодёжи. Пиком митинговой активности французов стало празднование 1 мая, когда число антилепеновских демонстрантов достигло 1,5 млн.

В таких условиях Ширак неожиданно для самого себя оказался во главе мощного, хотя и крайне разношёрстного массового движения, направленного не столько в его поддержку, сколько против лидера Национального фронта. Оценив эту нештатную ситуацию, глава государства обратился к соотечественникам с призывом объединиться в защиту прав человека: «Сегодня речь идёт о нашей национальной сплочённости, о ценностях Республики, которым французы глубоко преданы. Речь идёт о само́м нашем представлении о Франции, её роли и месте в Европе и в мире... Речь идёт о нашей демократии», – заявил он[151].

Подобное заявление отвечало требованиям момента. Оно могло быть оценено даже левыми избирателями, которые волей-неволей признавали, что Ширак, в отличие от лидеров либеральных и консервативных партий Австрии, Италии, Португалии, никогда не шёл на компромиссы с Национальным фронтом, а Ле Пена считал не только политическим противником, но и личным вра-

[151] Le Monde, 23 апреля 2002 г.

гом (встречая с его стороны полную взаимность).

Один Б. Мегре поддержал своего конкурента, но и политического «крёстного отца» Ле Пена. Все остальные кандидаты первого тура и их партии прямо или косвенно призывали голосовать во втором туре за Ширака (воздержаться предпочла лишь троцкистка Лагийе). Такую же позицию заняли ведущие профсоюзы, представители основных конфессий, национальных меньшинств и интеллигенция.

Во втором туре 5 мая число воздержавшихся резко сократилось – их оказалось 19,86%, опустивших недействительные или незаполненные бюллетени – 5,4%. За Ширака проголосовали 82,15% принявших участие в голосовании, за Ле Пена – 17,85% (он фактически повторил свой результат первого тура). Вывод французских СМИ был однозначен: демократия победила, Франция спасла свою честь в глазах мирового сообщества.

Тем не менее эта победа отнюдь не даёт ответа на весьма серьёзные вопросы. Как могло случиться, что на родине Декларации прав человека и гражданина почти каждый пятый избиратель отдал свой голос политику, который вот уже более 40 лет выступает под лозунгами национальной нетерпимости, сеет вражду к людям иного этнического происхождения и религиозных верований? Кто эти 5,5 млн французов и француженок, голосовавших за Ле Пена, какие причины толкнули их сделать такой выбор? Наконец, какие социально-экономические и политические перемены нужны стране, чтобы это не повторялось в ещё большем масштабе в будущем?

Географическое распределение голосов, поданных за Ле Пена в обоих турах, даёт возможность довольно точно очертить контуры его электората. Лидер Национального фронта добился наибольшего успеха в восточной, экономически наиболее развитой части страны, где особенно чувствительны замедление темпов экономического роста, последствия структурных сдвигов, высока безработица и значительно присутствие иммигрантов из стран «Третьего мира».

За него голосуют как прежние сторонники умеренных правых партий – неоголлистов и центристов, так и левых, включая бывших коммунистов. В социальном плане лепеновские избира-

тели – преимущественно мужчины с низким уровнем образования и доходов, проживающие в небольших городах и в деревне. Среди них 38% – безработные, 30% – рабочие, 20% – крестьяне. Остальные – служащие, торговцы и ремесленники, представители средних слоёв. Иными словами, это типичный протестный «народный» электорат, разочаровавшийся в умеренных партиях и ищущий способ выразить своё недовольство.

В числе причин такого недовольства на первом плане, согласно опросам, у избирателей Ле Пена фигурируют отсутствие гарантий безопасности, безработица, бедность, недостатки судебной системы, низкие пенсии, высокие цены и налоги. 18% опрошенных называют виновниками этого иммигрантов, столько же – европейскую интеграцию[152].

Секрет успеха Ле Пена состоит в том, что он сумел сыграть на этих вполне реальных болевых точках. В ходе предвыборной кампании лидер Национального фронта обещал резко ужесточить уголовное и иммиграционное законодательство, восстановить смертную казнь, выдворить большинство иностранцев из страны, дать преимущество французам при приёме на работу, снизить налоги, а заодно и вывести Францию из Евросоюза, отказаться от евро, вернув старый добрый франк.

Один из лидеров социалистической партии признал как-то, что Ле Пен ставит верные вопросы, но даёт на них ложные ответы. Во Франции, где четверть самодеятельного населения работает на экспорт, возврат к протекционизму, закрытие границ для товаров, капиталов и людей чревато экономической катастрофой. Крайне низкая рождаемость среди коренного населения делает неизбежным дальнейший импорт рабочей силы. Наконец, жёсткие репрессивные законы сами по себе нигде не снижали преступность, если для неё сохранялась социальная почва. Голосование во втором туре показало, что подавляющее большинство французов отдают себе в этом отчёт, решительно отвергая всё, что способно поставить под удар завоёванные за 200 лет демократические права и свободы.

Тем не менее одной лишь полемикой с Ле Пеном, уличными

[152] Le Figaro, 23 апреля 2002 г.

демонстрациями и голосованиями на выборах причины, породившие Национальный фронт, не устранить. Будущее страны зависит от способности её лидеров решить реальные проблемы, стоящие перед Францией в начале XXI в.

Что дальше?

Парадокс результатов второго тура состоит в том, что Ширак, получивший самое значительное большинство за всю историю республиканского строя во Франции, располагает пока довольно ограниченной свободой действий. Среди поданных за него 25 млн голосов доля умеренных правых составляет всего 10,8 млн, а левых, голосовавших не столько за Ширака, сколько против Ле Пена, – 12,2 млн. Иными словами, президент обязан переизбранием скорее своим противникам, чем сторонникам.

Между тем, как уже отмечалось, 9 и 16 июня 2002 г. предстоят выборы в Национальное собрание, где левые попытаются взять реванш, а Ле Пен сделает всё, чтобы выступить в роли арбитра между ними и умеренными правыми партиями. Именно так произошло на предыдущих парламентских выборах 1997 г., когда более чем в 70 округах из 577 в ответ на отказ умеренных правых от сотрудничества с Национальным фронтом Ле Пен сохранил во втором туре своих кандидатов, расколов правый лагерь и облегчив тем самым приход к власти левоцентристского правительства Жоспена. В случае повторения такого варианта страна была бы вновь обречена на «сожительство».

Предотвратить подобную перспективу – главная задача, поставленная переизбранным на второй срок президентом перед назначенным им новым правительством. Его состав и программа деятельности свидетельствуют о том, что Ширак понял поданный избирателями сигнал и пытается так или иначе учесть его.

Премьер-министром назначен представитель не ОПР, а центристского Союза за французскую демократию сенатор Жан-Пьер Раффарен, председатель регионального совета области Пуату-Шарант. То, что на сей раз правительство возглавил не столичный «энарх», а гибкий местный политик либерального толка из глубокой провинции, должно продемонстрировать приближение элиты к «корням». Бóльшая часть членов правительства также про-

винциалы, причём 21 из 27 заняли министерский пост впервые. Это призвано подчеркнуть решимость к обновлению и омоложению политического персонала. Шесть министров и госсекретарей – женщины, в том числе Мишель Альо-Мари, представитель ОПР, впервые ставшая министром обороны. Важные посты получили беспартийные деятели гражданского общества: министром экономики и финансов назначен крупный предприниматель Франсис Мер, министром народного образования философ Люк Ферри.

Вторым человеком в кабинете стал один из самых влиятельных, энергичных и амбициозных деятелей неоголлистской партии – Никола Саркози. Он возглавил министерство внутренних дел, безопасности и местных свобод (то есть местного самоуправления), под началом которого полиция объединена с жандармерией – ранее она традиционно подчинялась министерству обороны.

Приоритетными задачами кабинета, поставленными президентом, должны стать наведение порядка в криминогенных городских пригородах, где царят банды хулиганов, демонтаж мафиозных структур, борьба с преступностью несовершеннолетних, снижение уровня безработицы и налогового бремени, налаживание социального диалога предпринимателей с профсоюзами, децентрализация. Успеет ли кабинет за весьма сжатые сроки убедить общественное мнение в своей способности решать эти задачи и тем самым обеспечить президенту прочное правоцентристское большинство в парламенте, покажет будущее.

Вместе с тем очевидно, что предстоят существенные преобразования в самом политическом механизме, призванные застраховать его от повторения нештатных ситуаций, подобных 2002 г. Отсюда попытка Ширака создать на волне своей победы единую правоцентристскую партию, способную не только уравновесить социалистов слева, но и потеснить Национальный фронт справа. Её основой должен стать недавно созданный Союз за президентское большинство (ЮМП), которому предстоит пройти «боевое крещение» на июньских выборах в Национальное собрание.

Шансы на успех этой комбинации пока неясны. Президентское большинство должно по определению быть шире парламентского. Результат же Ширака в первом туре прошедших президентских выборов слишком скромен, а во втором – чересчур широк,

включая как минимум половину его непримиримых противников. Между тем умеренные правые – центристы из Союза за французскую демократию (Ф. Байру), «Либеральная демократия» (А. Мадлен), сторонники бывшего министра внутренних дел «твердокаменного» голлиста Ш. Паскуа и национал-традиционалиста виконта Ф. де Вилье решили выдвинуть в первом туре собственных кандидатов. На этом разброде пытается играть Ле Пен, который грозит, в случае отказа иметь с ним дело, расколоть правый лагерь.

Если умеренным правым партиям всё же удастся под давлением Елисейского дворца согласовать единые кандидатуры во втором туре, одержать убедительную победу и создать общую депутатскую фракцию в новом составе Национального собрания, то попытка федерирования неоголлистов с либерал-центристами в некое подобие республиканской партии могла бы иметь успех. Она сочетала бы экономический либерализм с социальными реформами, европеизм с национал-патриотизмом, твёрдую исполнительную власть с гарантиями гражданских свобод.

Однако такая перспектива просматривается пока с трудом. В случае неудачи правых 9-16 июня (хотя и маловероятной) ситуация осложнится опять: правый лагерь окажется в положении левого до 1981 г., когда главной силой в нём были коммунисты. Социалисты не могли тогда целых 23 года прийти к власти ни без них, ни вместе с ними. Миттеран успешно решил эту задачу квадратуры круга, создав в 1971 г. союз с компартией, но перетянув на свою сторону большинство её избирателей. В результате он стал президентом и пробыл в Елисейском дворце 14 лет.

Трудности решения правыми аналогичной задачи связаны не только с отторжением Национального фронта четырьмя французами из пяти. В верхушке ОПР – основной политической опоры главы государства сразу же после его переизбрания на второй (и последний) срок развернулась подковёрная борьба за право стать законным наследником Ширака на президентских выборах 2007 г. В ней столкнулись министр внутренних дел, безопасности и местных свобод Н. Саркози и бывший премьер, ныне мэр г. Бордо А. Жюппе, пользующийся доверием президента и оказавший большое влияние на формирование кабинета Ж.-П. Раффарена.

Затягивание процесса модернизации режима Пятой республи-

ки путём упрощения партийно-политической системы перенесёт этот процесс в плоскость конституционных реформ. По мнению ряда французских аналитиков, речь идёт о расширении полномочий главы государства, изрядно девальвированных «сожительством», вплоть до перехода к последовательному президентскому режиму, уравновешенному процессом децентрализации – увеличением прав местных органов власти в регионах, департаментах, коммунах, которое было начато социалистами, но остановилось на полпути.

Сокращение срока полномочий главы государства с семи до пяти лет и перенос сроков парламентских выборов 2002 г. можно считать первыми шагами в этом направлении. Среди французских юристов, политологов, да и политиков сейчас обсуждаются и иные варианты, например, совмещения президентских выборов с парламентскими. Смысл такой реформы состоит в том, что она увеличивает шансы на формирование политически единой властной вертикали, снижая риск нового «сожительства» – одной из главных причин нынешнего политического кризиса.

Другие предложения сводятся к тому, чтобы либо установить последовательный президентский режим, либо вернуться к парламентскому, но модернизированному по образцу Великобритании или ФРГ. Однако к столь радикальным реформам страна и её политическая элита, судя по всему, ещё не готовы.

ГЛАВА 9. КОНФЛИКТ И КОМПРОМИСС*

В истории европейской цивилизации способы урегулирования конфликтов всегда были разнообразными. Дело не только в различии принципов устройства государственной власти – монархии или республики, диктатуры или демократии, иерархии привилегированных элит или равенства граждан перед законом, основанном на всеобщем избирательном праве. Не менее важен приоритет, отдаваемый конфликту или компромиссу политической

* «Полития», № 3 (21), осень 2001 г. С. 107-123.

системой при решении внутренних и внешних задач.

В Западной Европе национальные государства ранее других сформировались в Англии и Франции. Хотя исходными моментами в процессе формирования обоих государств были революции, сопровождавшиеся кровопролитными гражданскими войнами и казнями монархов, дальнейшие пути развития их политических систем разошлись.

Английская революция XVII в. завершилась компромиссом между наследственной земельной аристократией и городской торгово-промышленной буржуазией. Дарованные некогда королями феодалам права («Великая хартия вольностей» 1215 г.) постепенно распространились на всех подданных британской короны. Это способствовало формированию консенсуса основных политических сил страны, позволяя решать конфликты в ходе предвыборной и парламентской борьбы двух основных партий – тори и вигов, которых впоследствии сменили консерваторы и либералы, затем лейбористы.

Приоритет компромисса перед конфликтом в британской политической культуре объяснялся в значительной мере развитием со времён позднего Средневековья системы коммунального самоуправления. Она служила опорой автономного от государства гражданского общества, буфером между столицей и провинцией, позволяя решать конкретные конфликты на местах и мешая им перерасти в общегосударственные.

Важную роль играло и то, что английская юриспруденция опиралась на право, основанное на прецедентах и поощрявшее гибкий, прагматичный подход к гражданским спорам. Оно более соответствовало британским реалиям, поскольку хозяйственная роль государства в стране, первой поднявшей знамя фритредерства – свободы предпринимательства, торговли и мореплавания, была более ограниченной, чем в континентальной Европе. В итоге Англия заслуженно приобрела, несмотря на консервативный характер её государственных институтов и традиционалистский, иерархический тип истэблишмента, репутацию оплота либерализма – как экономического, так и политического.

Французская модель складывалась по-иному. Во Франции ещё со времён завоевания Римом древней Галлии основу судебной си-

стемы страны составляло писаное римское право, детально фиксировавшее законодательными актами отношения физических и юридических лиц. Бесконечное разнообразие конфликтных ситуаций с трудом укладывалось в его жёсткое прокрустово ложе, направляя недовольство ущемлённых людей и групп не только против конкретных чиновников или судей, но и против государства в целом.

Тот же эффект имела присущая Франции организация государственного управления. Период феодальной раздробленности и связанных с ней междоусобиц, которые продолжались во Франции вплоть до XVII в., завершился утверждением классической абсолютной монархии. Её апогеем стало царствование Людовика XIV. «Король-солнце», версальский двор которого считался образцом для монархов всей Европы, не случайно бросил фразу: «Государство – это я». Длительный процесс собирания воедино пёстрых, разнообразных в экономическом, культурном, даже языковóм отношениях французских провинций происходил не столько путём войн и династических браков, сколько благодаря строгой централизации и унификации управления страной. Подавив оппозицию мятежных феодальных сеньоров с помощью городов, абсолютная монархия урезала и права своих прежних союзников. Это подорвало автономию гражданского общества перед лицом государства, противопоставив их, породив хронические конфликты между полномочными представителями короля на местах и выборной местной администрацией.

Сосредоточение всей полноты политической власти в руках монарха, а административной – у назначенных им чиновников способствовало укреплению роли государства в экономике. Введённая министром финансов Людовика XIV Кольбером практика административного регулирования хозяйственной деятельности – от протекционистской таможенной политики до учреждения королевских мануфактур или монополий на заморскую торговлю – утяжеляла бремя налогов, за счёт которых содержались пышный двор, дорогостоящий административный аппарат, мощная армия. В конечном счёте жёсткий контроль за предпринимательской деятельностью не столько поощрял, сколько тормозил развитие свободной рыночной экономики. Борьба региональных и придвор-

ных кланов за принятие центральной властью выгодных им решений плодила коррупцию, смягчавшую конфликты внутри правящих элит: уже с конца XVI в. часть государственных должностей легально продавалась за деньги. Это не могло не расшатывать государство изнутри, дискредитируя его в глазах основной массы населения страны, усиливая социальную, а в конечном счёте и политическую напряжённость.

Большинство французских философов-просветителей XVIII в., идейно подготовивших Великую французскую революцию, видели оптимальный образец государственного устройства в Великобритании. Это особенно заметно у Ш. Монтескьё с его концепцией разделения и равновесия властей, призванной создать систему сдержек и противовесов, аналогичную английской, что во Франции в рамках абсолютной монархии оказалось невозможным. В государстве, где высшие сословия – дворянство и духовенство – пользовались множеством привилегий по рождению, прежде всего освобождением от налогов и монополией на высшие государственные посты, кадры для которых формировались церковью, а централизованная административная система была построена по строго вертикальному принципу, власть оказалась, в конечном счёте, более уязвимой перед лицом оппозиции.

Результатом явился революционный взрыв, глубина и размах которого исключили возможность компромисса с прежними привилегированными элитами. В свою очередь демократическая республика не замедлила превратиться в якобинскую диктатуру с массовым террором, уступившую место коррумпированной Директории, а затем и наполеоновской империи.

Однако решительный разрыв с прошлым, который отличал Великую Французскую революцию, оказался во многом скорее внешним. А. де Токвиль убедительно показал, что как Робеспьер, так и Наполеон по существу придерживались старых принципов французской государственности, доведя их до логического конца. Речь идёт прежде всего о строго централизованной административно-бюрократической системе, стержнем которой стал наполеоновский институт префектов – полномочных представителей государства на местах, подчинивших своему контролю органы местного самоуправления.

Жёсткость административных структур, их крайняя централизация и контроль за экономикой вызывали со стороны гражданского общества двоякую реакцию. С одной стороны – хроническое недоверие граждан к власти, стремление к обходу закона, принимавшее самые разнообразные формы – от уклонения от налогов до прямого неповиновения и уличного протеста. С другой стороны – иждивенческое отношение к государству, стремление добиться от него всевозможных льгот и протекций. Притупляя самостоятельность и готовность к риску у частных предпринимателей, жёсткая административная система поощряла массу требований к государству, усиливала давление на него, способствовала росту недовольства, перераставшего в оппозицию политическому режиму в целом. «Прогрессирующий паралич местной инициативы при параллельном расширении деятельности правительства порождали во французском общественном мнении привычку одновре́менно не доверять чрезмерно сильной власти и слишком пола гаться на неё», – отмечал известный политолог Франсуа Гогель[153].

Наконец, следует отметить ещё один характерный аспект истории формирования французской политической системы, отличавший её от системы британской: роль идеологического фактора. Тесная связь монархии и церкви, скреплённая общностью интересов привилегированных сословий дворянства и духовенства, объясняет тот факт, что Великая французская революция 1789 г. совершилась не в мантии религиозного пуританства, как до неё английская или нидерландская, а под флагом воинствующего свободомыслия и антиклерикализма. Со своей стороны католическая церковь Франции долгое время решительно отвергала идеи республики, демократии, светского характера образования, волей-неволей примирившись с ним только в XX в.

Противостояние республиканского и светского государства и церкви придавало французской общественной жизни характер столкновения не только материальных интересов тех или иных групп, но и систем их духовных ценностей, обостряя конфликты и затрудняя компромиссы. Несмотря на отделение в 1905 г. церкви от государства, отношения между школой и церковью долгие

[153] Goguel F. Le régime politique français. Paris, 1955. P. 11.

десятилетия оставались одним из основных критериев принадлежности французских политических партий к левому или правому лагерям.

Все эти особенности французской модели – писаное право, административная централизация, значительная роль государства в экономике, идеологизация общественной жизни – имели далеко идущие последствия. Они объясняют тот факт, что после 1789 г. различные политические силы упорно стремились захватить безраздельный контроль над верховной властью и оспаривали поэтому не только те или иные конкретные её решения, но и сам порядок их принятия. «Мы имеем реакционеров и революционеров там, где другие страны имеют главным образом консерваторов и реформистов», – отмечал видный французский политолог Андре Зигфрид[154].

Отсюда – стремление очередной правящей элиты юридически закрепить свой вариант конституции. Если Англия живёт без конституции, а США сохраняют свою уже более 200 лет, ограничиваясь частичными поправками, то во Франции за тот же период сменились 16 основных законов или дополняющих их текстов.

Однако приоритет конфликта в политической культуре Франции вовсе не означал перманентной нестабильности и беспорядка в стране. Напротив, французское общество отличалось скорее склонностью к консерватизму, затягиванию решения давно назревших проблем, тем самым, обостряя социально-экономические противоречия и придавая им политически взрывоопасный характер. «Консерватизм может служить плотиной, которая сдерживает напор потока допущенных ошибок. Если бы поток протекал свободно, он снёс бы всё. Определённый механизм может упорядочить течение, использовать его силу, если нужно профильтровать. Это консерватизм по-английски. В противном случае плотина поднимается вместе с уровнем воды до тех пор, пока её однажды не прорвёт. Это консерватизм по-французски. Революции вспыхивают только потому, что эволюции слишком запаздывают», – констатирует Ж. Фовэ[155].

[154] Siegfried A. De la IIIe a la IVe République. Paris, 1956. P. 187.
[155] Fauvet J. Op. cit. P. 31-32.

Крушение в результате разгрома во франко-прусской войне 1870–1871 гг. империи Наполеона III и Парижская Коммуна завершили серию революционных переворотов. Центр тяжести административной машины остался в Париже, но баланс политических сил в парламенте определяла отныне провинция, стремившаяся к стабильности. Отсюда – провал всех попыток реставрации монархии и окончательное утверждение республиканского строя, принявшего вплоть до середины XX в. форму парламентского режима. Но французский вариант парламентаризма оказался совершенно иным, чем британский. Несмотря на внешнее сходство государственных институтов (ограничение полномочий главы государства, сосредоточение политической власти в двухпалатном парламенте, формирование большинством нижней палаты ответственного перед ней правительства) методы разрешения конфликтов и достижения компромиссов по обе стороны Ла-Манша резко отличались.

В Англии лидер партии, победившей на выборах в Палату общин, становился премьер-министром, формировал правительство и контролировал послушное ему парламентское большинство в течение всего срока легислатуры. Отказ от принятия спорного законопроекта в редчайших случаях раскола правящей партии делал неизбежным роспуск Палаты общин и новые выборы. Оппозиция и её «теневой кабинет» ограничивалась критикой правительственных законопроектов без реальной возможности их отвергнуть. Основным условием нормального функционирования парламентаризма британского образца долгое время была двухпартийная система, скреплённая мажоритарной избирательной системой по одномандатным округам, при которой место в Палате общин достаётся получавшему даже относительное большинство кандидату. Это заведомо обрекает любые партии, кроме двух главных, на маргинализацию.

Во Франции со времён революции 1789 г. существовала многопартийная система, делившаяся на два лагеря – левый и правый, внутри которых боролись за влияние самые различные группировки. Выборы проводились обычно по одномандатным округам на основе мажоритарного голосования в два тура. В первом каждая партия выставляла своего кандидата, который побеждал

только абсолютным большинством. Поскольку это случалось редко, то неделю спустя проводился второй тур-баллотировка, где для победы было достаточно относительного большинства. В интервале происходил торг, в результате которого бесперспективные кандидаты снимались в пользу того, кто имел наибольшие шансы нанести поражение сопернику из противоположного лагеря. Таким образом избиратель голосовал сначала за того кандидата, который ему больше подходил, а затем против того, кто был ему наиболее неприемлем. В результате ни одна партия, даже самая влиятельная, почти никогда не могла завоевать в нижней палате самостоятельное абсолютное большинство. «Палаты парламента живут в состоянии непрерывной коалиции в первую очередь потому, что они рождены выборами, то есть коалициями. Кроме того они чересчур раздроблены, чтобы какая-нибудь одна партия могла стать хозяином положения», – отмечал известный политический деятель Третьей республики Андре Тардьё[156].

При этом водораздел между большинством и оппозицией во французском парламенте был гораздо менее чётким, чем в британском. Соответствие предвыборных блоков парламентским оказывалось приблизительным, ибо уже на выборах границы между ними и их состав в различных округах менялись. Поэтому с течением времени, когда прежние выборы оставались позади, соотношение сил между левым и правым лагерями менялось, а центристские группы получали возможность оказывать давление на партнёров угрозой отказа в поддержке кабинету, что влекло бы за собой правительственный кризис.

Обилие таких кризисов, хроническая неустойчивость правительств считаются наиболее типичной чертой французского варианта парламентского режима Третьей и Четвёртой республик. За 70 лет – с 1870 по 1940 гг. во Франции сменились 108 кабинетов, тогда как в Англии за 136 лет (1801–1937 гг.) лишь 44. Правительственные кризисы во Франции служили нормальным способом улаживания конфликта между элитами и внутри них путём корректировки условий прежнего компромисса и достижения ново-

[156] Tardieu A. La Révolution à refaire, t.2. La profession parlementaire. Paris, 1935. P. 48.

го. «Функционирование органов государственной власти и вся политическая жизнь Третьей республики покоятся на постоянном использовании правительственного кризиса – то, что должно было быть исключительным актом, стало средством урегулирования текущих дел», – отмечал французский юрист Жак Олле-Лапрюн[157].

Из 108 правительственных кризисов, произошедших за 70 лет существования Третьей республики, только 10 были связаны с очередными выборами. Все остальные вызывались распадом парламентского большинства в связи с тем или иным спорным законопроектом и уходом в оппозицию отдельных партийных фракций и их представителей в кабинете. Однако отказ в доверии последнему вовсе не влёк за собой обязательного роспуска палаты, а завершался формированием нового правительства, состав которого подвергался минимальным изменениям. Кризис сводился лишь к смещению политической оси внутри того же коалиционного большинства влево или вправо, что находило отражение в перетасовке министерских портфелей среди узкого круга постоянных кандидатов на правительственные посты (les ministrables).

Неустойчивость кабинетов в сочетании со стабильностью министров и тем более администрации служила амортизатором конфликтов в обществе, связанных с крупными поворотами политики государства, поскольку такие повороты растягивались правительственными кризисами на несколько этапов, каждый из которых сопровождался сменой парламентских декораций.

Французский вариант парламентаризма отличался от английского ещё одной характерной чертой: личной унией политических элит на местном и общенациональном уровнях. Ограниченность полномочий и финансовых средств выборных органов местного самоуправления – муниципальных советов коммун и генеральных советов департаментов перед лицом префектов заставляла их руководителей добиваться парламентских мандатов с тем, чтобы решать местные проблемы через столичную администрацию. В свою очередь депутаты и сенаторы нуждались в прочной региональной базе, которая гарантировала бы их переизбрание.

[157] Ollé-Laprune J. La stabilité des ministres sous la Troisième République. Paris, 1961. P. 296.

В результате большинство депутатов парламента совмещали свои мандаты с постами мэров, членов или председателей департаментских генеральных советов. «Местные свободы никогда не были в почёте в нашей стране, – писал видный французский политический деятель Мишель Дебре. – ...Если мэр города или выборный руководитель департамента не может и не хочет восставать против центральной власти, он должен пытаться проникнуть внутрь механизма, осуществляющего в Париже административное управление страной. Тем самым национальный выборный мандат оказывается весьма полезной вещью»[158]. Совмещение местных выборных мандатов с национальными вело к тому, что крупные и потому неизбежно конфликтные проблемы, возникавшие перед обществом и государством, зачастую разменивались и завершались компромиссом парламентариев с администрацией по сугубо местным вопросам.

Немаловажную роль в смягчении конфликтов между левыми и правыми, а главное – между столицей и провинцией играла верхняя палата – Сенат. В отличие от депутатов, сенаторы избирались не прямым всеобщим голосованием на 4 года, а коллегией выборщиков в составе депутатов от данного департамента, членов его генерального совета, окружных советников, делегатов от муниципальных советов на 9 лет с обновлением на треть каждые 3 года. Такой способ избрания обеспечивал преобладание в верхней палате «нотаблей» – влиятельных лиц на местах. Поэтому сенаторы в ещё большей степени, чем депутаты, видели свою основную обязанность в защите интересов округов.

Механизм смягчения конфликтов и поиска компромиссов на основе сочетания крайне централизованной структуры администрации с децентрализованной партийно-политической системой, где законодательная власть доминировала над исполнительной, долгое время работал достаточно эффективно. Однако в последнее десятилетие существования Третьей республики её режим оказался не в состоянии найти ответ на новые проблемы. «Великая депрессия» 1929 г. затянулась по существу на десятилетие, резко

[158] Debré M. Trois characteristiques du système parlementaire français. «Revue française des sciences politiques», vol. V, №1, janvier-mars 1955. P. 25.

обострив социальную напряжённость, усилив поляризацию политических сил и крайне затруднив компромиссы между ними. Парламентский режим, игравший больше роль тормоза, чем акселератора назревших реформ, оказался блокированным, а внутренние конфликты способствовали ослаблению позиций Франции на международной арене.

Наряду с объективными обстоятельствами ситуацию усугубляли и особенности французской модели решения конфликтов в обществе. Главной задачей государства оказывалась не столько реформаторская деятельность, сколько её торможение с тем, чтобы выиграть время для поисков компромисса между возможно более широким кругом участников политического процесса. Именно этой задаче лучше всего отвечал многопартийный парламентский режим с хронической неустойчивостью правительств. Известный французский политический деятель Луи Барту говорил в данной связи: «Есть два сорта стран – одни меняют правительство, не меняя политики, другие меняют политику, не меняя правительства. Франция относится к первой категории, Англия – ко второй»[159].

Режим Виши, ставший на путь сотрудничества с гитлеровскими оккупантами, установил во Франции тоталитарную диктатуру, ликвидировав демократические свободы, социальные завоевания, развернув расистские преследования. Гражданское общество перестало существовать – политические партии были запрещены, весьма влиятельное во время Третьей Республики масонство поставлено вне закона, профсоюзы насильственно объединены с предпринимательскими синдикатами в отраслевые корпорации. В подобной обстановке основной формой политического конфликта стала гражданская война – вооружённая борьба движения Сопротивления против оккупантов и коллаборационистов.

Естественно, что после освобождения Франции одной из главных проблем, возникших перед страной, стали поиски нового государственного строя, который решительно порывал бы не только с режимом Виши, но и с глубоко дискредитированной Третьей республикой. Однако позиции политических сил в подходе к

[159] Цит. по Massigli R. Sur quelques maladies de l'Etat. Paris. 1958. P. 2.

этой проблеме разошлись. Глава Временного правительства генерал де Голль стремился укрепить исполнительную власть, тогда как партии, участвовавшие в Сопротивлении, особенно левые выступали за максимальное расширение полномочий парламента.

Второй вариант, в конечном счёте, взял верх, что вынудило де Голля уйти в отставку. Конституция, принятая на референдуме в октябре 1946 г., закрепила преобладание законодательной власти над исполнительной. Созданная на её основе Четвёртая республика отчасти учла недостатки своей предшественницы и добилась определенных успехов – экономика страны была восстановлена и реконструирована на современной основе, благодаря радикальным реформам 1945–1946 гг. французская система соцобеспечения стала одной из самых развитых в мире. Франция выступила инициатором процесса европейской интеграции – одного из важнейших факторов международных отношений второй половины XX в.

В это же время были предприняты определённые меры по модернизации партийной структуры. Если раньше почти все партии, кроме социалистов и коммунистов, представляли собой рыхлый конгломерат местных предвыборных комитетов, неспособных обеспечить дисциплину в парламентских фракциях, то теперь ведущие партии как левого, так и правого лагерей создали внепарламентский аппарат в центре и на местах. Этому способствовало введение голосования по партийным спискам на основе пропорционального представительства. Наиболее массовые и организованные партии возникли на крайних флангах политического спектра – левом (коммунисты, ставшие по числу членов и депутатов первой партией страны) и правом (деголлевское Объединение французского народа – РПФ). Однако обе оказались исключёнными из активного политического процесса, поскольку первая отвергала существующее общество вообще, а вторая не принимала его конституционные рамки.

В таких условиях диалог различных общественных сил принимал характер не совместного поиска компромиссного решения конфликтных проблем, а перманентной конфронтации, имевшей зачастую политическое и даже международное измерение. Апогеем её явились массовые забастовки 1947 и 1948 гг. в шахтёрских

районах Северо-Запада, организованные компартией и подконтрольными ей профсоюзами ВКТ с целью срыва плана Маршалла. Впервые с начала XX в. они сопровождались актами саботажа и использованием правительством вооружённой силы.

После исключения 5 мая 1947 г. коммунистов из правительства социалисты, радикалы, католическое Народно-республиканское движение (МРП) демохристианского толка, а также консервативные «независимые и крестьяне» были вынуждены создать в парламенте коалиционное большинство. Их общей платформой стала защита существующей системы общества от коммунистов, а парламентского режима – от голлистов. Их ограниченный консенсус касался не столько внутренних, сколько внешних проблем – верности Североатлантическому союзу во главе с США и евростроительства как способа урегулирования франко-германских отношений.

Действовавшая тогда пропорциональная избирательная система по партийным спискам в рамках департаментов способствовала дроблению партий – почти каждая из них могла быть представлена в Национальном собрании. Поэтому правительственные коалиции оставались крайне хрупкими и недолговечными – они создавались обычно применительно к какой-либо конкретной проблеме и распадались, как только на повестку дня выдвигалась новая, требовавшая очередной перетасовки министерских портфелей среди узкого круга «номенклатурных» кандидатов. За недолгие 12 лет существования Четвёртой республики сменились 22 кабинета, средний срок жизни которых не превышал полугода.

Очевидно, что в таких условиях проведение политики на длительную перспективу исключалось: «Во Франции правительства не решают проблемы, а лишь отодвигают их решения до тех пор, пока поступать по-иному становится невозможным, после чего регистрируется неизбежное», – писал политический кий директор «Монд» Юбер Бев-Мери[160].

Раскол всех политических партий и общественного мнения в целом достиг апогея в мае 1958 г., в связи с алжирской войной, когда часть дислоцированных в Алжире вооружённых сил отказа-

[160] Le Monde, 31 janvier 1951.

лись подчиняться очередному эфемерному правительству в Париже. Под страхом военного переворота и гражданской войны большинство Национального собрания вручило чрезвычайные полномочия, включая подготовку новой конституции, генералу де Голлю. Четвёртая республика ушла в прошлое.

Речь шла теперь не просто о частичной реформе парламентского режима, а о новом балансе между ветвями власти, где исполнительная ветвь впервые с момента окончательного утверждения республики преобладает над законодательной. Коренная перестройка экономики страны, её открытость внешнему миру в связи с процессом европейской интеграции выдвинули на первый план социально-экономические и международные проблемы, не терпящие отлагательства.

Первое правительство де Голля состояло из представителей всех основных политических партий Четвёртой республики, кроме коммунистов. Однако генерал не скрывал, что видит свою приоритетную задачу в коренной реформе конституции, на что и получил соответствующие полномочия от Национального собрания. Проект нового основного закона был подготовлен в сжатые сроки, принят значительным большинством голосов на референдуме и 4 октября 1958 г. вступил в силу.

Выходец из католической семьи с правыми традициями, кадровый военный, де Голль никогда не намеревался навязывать стране диктаторский режим личной власти, как опасались его оппоненты – он всегда был непримиримым врагом любого тоталитаризма будь то фашистского или коммунистического, о чём не раз в самых твёрдых выражениях заявлял публично. Незыблемость республики и демократии, уважение основных гражданских свобод представлялись ему непременным условием легитимности власти, без которой обеспечение независимости и «величия» Франции заведомо исключалось. В то же время уроки послевоенной истории страны привели его к убеждению в том, что многопартийная парламентская система Третьей и Четвёртой республик несовместима с формированием во Франции национального консенсуса, обрекая общество на конфликты, государство на бессилие, а страну на упадок.

Генерал исходил из того, что партии представляют лишь част-

ные интересы, компромиссы между которыми требуют беспринципных взаимных уступок ценой ухода от решения проблем, касающихся общества и нации в целом. Поэтому национальный консенсус должен формироваться не снизу, а сверху, что предполагает наличие верховного арбитра между ветвями власти в лице главы государства, избираемого всеобщим прямым голосованием, который располагает большей легитимностью, чем парламентарии, каждый из которых представляет лишь избирателей своего округа.

Именно эта идея была положена в основу конституции Пятой республики, которая закрепила явное превосходство исполнительной власти над законодательной. Центральное место в конституции занял президент, который и «обеспечивает своим арбитражем нормальное функционирование публичных властей, а также преемственность государства»[161]. Он назначает премьер-министра, других членов правительства, прекращает их полномочия, председательствует в Совете министров, промульгирует законы, передаёт наиболее важные из них на референдум, имеет право роспуска Национального собрания, является главой вооружённых сил. На основании статьи 16 президент может принимать на себя чрезвычайные полномочия.

В то же время права парламента существенно ограничены. Повестка дня его работы определяется правительством. Хотя последнее по-прежнему ответственно перед парламентом, отказ в доверии кабинету допускается лишь в случае принятия абсолютным большинством всех депутатов резолюции порицания с альтернативной программой. Со своей стороны премьер-министр может ставить вопрос о доверии кабинету в связи с любым законопроектом, который считался одобренным, если не принята резолюция порицания. Смысл подобной системы сводится к тому, чтобы исключить возможность правительственных кризисов в результате тактического объединения голосов депутатов слева и справа. Укреплению позиций президента и правительства перед лицом парламента способствовала также возможность роспуска

[161] Французская республика. Конституция и законодательные акты. Москва, 1989. С. 31.

нижней палаты с проведением досрочных выборов или референдума (ст. 11).

В течение первого десятилетия существования Пятой республики режим, скроенный по мерке его основателя, функционировал достаточно эффективно. Принятие основных политических решений, особенно по международным и оборонным вопросам, сосредоточилось в Елисейском дворце – резиденции главы государства, который полностью контролировал деятельность правительства. За весь 7-летний срок первого президентства де Голля (1958–1965 гг.) сменились всего два назначенных им премьера, выполнявших в основном управленческие функции в сфере экономики и принимавших на себя ответственность за непопулярные шаги главы государства. В парламенте сохранялось прочное большинство, стержнем которого служила голлистская партия «Союз за новую республику».

В результате де Голлю удалось добиться немалых успехов – положить конец войне в Алжире, завершить деколонизацию остальных заморских владений, сократить вдвое вооружённые силы, создать ядерные «силы сдерживания», принять жёсткие меры по стабилизации финансов и модернизации экономики, позволившие Франции своевременно включиться в процесс европейской интеграции. Все эти меры в сочетании со смелыми дипломатическими инициативами (создание «оси Париж – Бонн», разрядка в отношениях с СССР, выход из интегрированной структуры НАТО, диалог со странами «Третьего мира» и т.д.) существенно подняли авторитет страны на международной арене.

Однако дальнейшие события показали, что новая модель, основанная на жёсткой вертикали исполнительной власти во главе с президентом, не лишена существенных недостатков. Уязвимым местом голлистской системы было отсутствие достаточно действенного механизма сдержек и противовесов, свойственного англосаксонской модели, будь то парламентской в Великобритании или президентской в США. Покончив с всевластием парламента, тормозившмм принятие ответственных решений в эпоху Третьей и Четвёртой республик, де Голль перекрыл и необходимые предохранительные клапаны, которые облегчали в прошлом диалог государства с гражданским обществом, поиски компромиссов меж-

ду ними. Во Франции с её централизированной администрацией, жёсткой правовой базой и слабостью промежуточных, особенно местных эшелонов это вело к накоплению недовольства, обращавшегося против государства в лице его главы и к расшатыванию консенсуса среди правящей элиты, вызывая необходимость постоянной адаптации режима к новым проблемам.

После ухода от власти и кончины де Голля процесс модернизации созданного им режима продолжался. В 1958 г. один из ближайших соратников де Голля – известный писатель Андре Мальро заявил: «Между нами и коммунистами нет никого. Поэтому мы останемся у власти 30 лет». Однако события не подтвердили этот прогноз. Болезнь и ранняя смерть Ж. Помпиду, сменившего де Голля на посту главы государства, вызвала раскол голлистского движения. Часть его во главе с Шираком поддержала на президентских выборах 1974 г. лидера либерально-центристской группировки «независимых республиканцев» В. Жискар д'Эстена.

Избранный главой государства и назначивший Ширака премьером, Жискар д'Эстен не замедлил вступить с ним в конфликт. Глава правительства ушёл в отставку, создал неоголлистскую партию «Объединение в поддержку республики» (ОПР), стал мэром Парижа и взял курс на дискредитацию президента, надеясь в будущем занять его место. Попытки Жискар д'Эстена создать собственную политическую опору в виде правоцентристского блока «Союз за французскую демократию» (СФД) принесли половинчатые результаты.

Тем временем левая оппозиция, отрезанная от власти на протяжении 23 лет, превращалась в полюс притяжения недовольных, преодолевала внутренние раздоры и становилась всё более реальной альтернативой безраздельному господству правых. Возглавив в 1971 г. соцпартию, переживавшую глубокий разброд, обновив её и подписав совместную правительственную программу с коммунистами, Ф. Миттеран изменил баланс сил внутри левого лагеря в свою пользу. Это помогло ему на фоне раскола в рядах правого большинства одержать победу над Жискар д'Эстеном на президентских выборах 1981 г.

Оставаясь в Елисейском дворце два 7-летних срока подряд, Ф. Миттеран, который в оппозиции резко критиковал Конститу-

цию 1958 г. за авторитаризм, правил страной ничуть не менее властно, чем де Голль. Тем не менее условия, в которых функционировал режим, существенно изменились. Необходимая в любой демократической системе периодическая ротация партий или их коалиций в ходе президентских и парламентских выборов вновь стала нормой.

При этом оппозиция уже не ставила под вопрос основные правила политической игры, её конституционные рамки и тем более основы существующего общества. Прежние лозунги соцпартии о «разрыве с капитализмом» были окончательно сданы в архив. Проведя ряд социальных реформ в начале своего правления, Ф. Миттеран уже в 1983 г. совершил крутой поворот экономической политики в сторону жёсткой экономии бюджетных расходов, по существу переняв некоторые элементы программы своих оппонентов справа. Политику национализации банков и крупных промышленных корпораций, проведённую левыми партиями в начале 80-х гг., сменила систематическая приватизация.

Одной из наиболее важных реформ, проведённых правительством Моруа в 1982 г., стала административная децентрализация, расширившая права и увеличивавшая финансовые средства органов местного самоуправления. Хотя институт префектов полностью сохранился, представители центральной власти должны отныне налаживать диалог и искать компромиссы с председателями выборных муниципальных, генеральных (департаментских) и региональных советов.

Наконец, преобладание исполнительной власти над законодательной также несколько смягчилось. Разочарование избирателей итогами деятельности социалистов у власти облегчило победу правых партий на парламентских выборах 1986 г., следствием чего оказалось «сосуществование» президента-социалиста Ф. Миттерана и премьер-министра Ж. Ширака, опиравшегося на правое большинство в парламенте. Между тем ст. 20 Конституции 1958 г. гласит: «Правительство определяет и проводит политику нации, оно распоряжается администрацией и вооружёнными силами»[162]. Принятие основных решений переместилось из Елисейского

[162] Французская республика. С. 35.

дворца в Отель Матиньон – резиденцию премьера. В итоге вертикаль исполнительной власти, разделённая между главами государства и правительства, впервые оказалась подорванной.

Первое «сосуществование» продлилось всего два года – до президентских выборов 1988 г., когда Ф. Миттеран вышел во втором туре победителем из поединка с Ж. Шираком. Распустив, как и в 1981 г., Национальное собрание и успешно проведя досрочные парламентские выборы, Миттеран вернул себе контроль над большинством, хотя и относительным, в парламенте и правительством, но ненадолго: в 1993 г. правые снова взяли реванш, завоевав подавляющее большинство в обеих палатах. В 1993–1995 гг. «сожительство» повторилось.

Хотя на президентских выборах 1995 г. голлисты вначале разделились между кандидатурами премьер-министра Э. Балладюра и Ж. Ширака, последний взял верх в первом туре, опередил кандидата социалистов Л. Жоспена во втором и восстановил властную вертикаль, но ненадолго. В 1997 г. он совершил тактическую ошибку – стремясь упредить предстоявшие годом позже парламентские выборы, президент распустил Национальное собрание. На досрочных выборах победителем вышел оппозиционный блок левых партий во главе с лидером социалистов Л. Жоспеном. Победе оппозиции способствовал раскол лагеря их противников ультраправым Национальным фронтом Ж.-М. Ле Пена. Исполнительная власть опять оказалась разделённой – на сей раз между правым президентом и левым премьером, которым стал Л. Жоспен. Календарь выборов обрёк их на гораздо более длительное «сосуществование», поскольку следующие президентские выборы предстоят только в 2002 г.

Сложные перипетии политической жизни Франции на протяжении последних десятилетий XX в. могут создать обманчивое впечатление о том, что Пятая республика постепенно обретает оптимальное равновесие законодательной, исполнительной и судебной властей, а в многопартийной системе центростремительные тенденции берут верх над центробежными. Тем не менее это отнюдь не снимает многие болезненные проблемы общества, главными из которых остаются высокий уровень безработицы и социального неравенства. На их почве возникают острые конф-

ликты, периодически выливающиеся в прямые столкновения различных социальных групп между собой и с государством, которое оказывается неспособным упредить их своевременными реформами.

Несмотря на расширение полномочий выборных органов местного самоуправления административная система страны сохраняет традиционный централизованный характер: основные решения по-прежнему принимаются в столице узким кругом кадровых чиновников, которые формируются т.н. «большими школами» – Политехнической, Высшей нормальной, Горной, Центральной, Мостодорожной, наконец, Институтом политических наук, а после их окончания – Национальной школой администрации (ЭНА). Выпускники последней, т.н. «энархи» занимают руководящие посты во всех государственных ведомствах, прежде всего органах финансового и юридического контроля – Генеральной инспекции финансов, Счётной палате, Государственном совете, а также на дипломатической службе и в корпусе префектов. Переходя оттуда в кабинеты (секретариаты) министров в качестве советников и референтов, они же образуют новую политическую элиту – становятся депутатами, сенаторами, членами правительства, вытесняя традиционных для Третьей и Четвёртой республик лиц свободных профессий, чья парламентская карьера начиналась снизу, в муниципальных и генеральных советах провинции. В свою очередь связи в политическом мире помогают чиновникам продвигаться по лестнице административной иерархии, где место зарезервировано им пожизненно.

Наконец, всё те же технократы-«энархи» возглавляют национализированные предприятия и крупнейшие частные корпорации, которые видят в них не только компетентных администраторов, но и людей, располагающих ценными личными связями во всех государственных структурах. Между тем французское государство продолжает, несмотря на широкомасштабную приватизацию, играть весьма активную роль в экономике – на него работают 20% всего самостоятельного населения страны, через госбюджет и общественные фонды соцстраха распределяются 47,8% ВВП.

В итоге создаётся своего рода политико-административная номенклатура – гораздо более прочная и влиятельная, чем парла-

ментская. Тем самым правящая элита Франции оказывается более бюрократизированной, чем в большинстве других постиндустриальных стран: она воспроизводит типичные недостатки английского истэблишмента – кастовый дух, групповую солидарность выпускников привилегированных учебных заведений, личные связи власти с верхушкой бизнеса, но лишена его главного достоинства – способности внушить доверие к себе широких слоёв населения. Технократический подход «энархов», хотя даже пусть профессионально весьма компетентных, к решению социальных проблем создаёт им в глазах гражданского общества негативный имидж замкнутой касты, далёкой от забот и нужд простых людей.

Конечно, во многих случаях такой имидж вряд ли соответствует действительности: чиновники стараются найти наиболее рациональное решение проблем, избежать которых страна не могла бы. Но принятие сверху волевым актом непопулярных решений, ущемляющих те или иные категории населения, без диалога с заинтересованными группами гражданского общества в поиске приемлемого для всех сторон компромиссного варианта чревато опасными последствиями. Это особенно очевидно во Франции с её прочной традицией врожденного недоверия граждан к власти – оборотной стороной их зачастую иждивенческого отношения к государству в целом.

Сращивание административной, политической и экономической элит неизбежно расширяет поле для лоббизма. Именно он оказывается основным смыслом существования 500-600 тыс. общественных организаций, составляющих во Франции ткань гражданского общества. В Третьей и Четвёртой республиках связь бизнес-элиты – патроната с администрацией отчасти уравновешивалась возможностями воздействия региональных и отраслевых «групп давления» – крестьян, торговцев, ремесленников на парламентариев, чьё переизбрание зависело от их голосов: «Все депутаты от Нормандии голосуют за яблоки, все депутаты от департамента Эро – за виноградники. В течение 8 лет я голосовал за арманьяк, пшеницу и коньяк» – признавался известный юрист и политик Жозеф Бартелеми. С упадком роли парламента в Пятой республике лоббистская деятельность сосредоточилась главным образом в административных структурах – как местных, так и цен-

тральных, способствуя коррупции.

Протестная политическая культура, в которой конфликт превалирует над компромиссом, присуща не только Франции. Она свойственна многим другим странам Западной Европы, особенно средиземноморским (Италии, Испании, Португалии, Греции), тогда как английская модель, отдающая приоритет прагматическому компромиссу, больше свойственна Германии, государствам Бенилюкса, Швейцарии и особенно Скандинавии. Не случайно в средиземноморских странах значительным влиянием пользовались леворадикальные движения, а на противоположном фланге – ультраправые течения неофашистского толка. В то же время в центральноевропейских и скандинавских странах левое крыло политической арены занимали реформаторы – социал-демократы, а правое – умеренные консерваторы, либералы или христианские демократы.

Традиции России, чья история со времён татаро-монгольского ига и вплоть до большевизма сохраняла печать азиатской деспотии, перемежающейся с анархией, с трудом вписывается в западноевропейскую систему политических координат. Однако они бесспорно ближе к французской модели, нежели к английской. Централизованная административно-бюрократическая машина, огромная роль государства в экономике, жёсткость правовых норм, вызывающая произвол сверху и презрение к закону снизу – все эти черты являются общими как для французской, так и для российской политической истории.

Вместе с тем именно из Франции в Россию приходили на протяжении трёх столетий и такие непреходящие общечеловеческие ценности как свобода и права человека, социальная справедливость, разделение и равновесие властей как основы демократического государства. Остаётся пожелать, чтобы именно эта, а не другая, негативная сторона французской политической культуры была учтена в строительстве современной российской государственности.

ГЛАВА 10. КУЛЬТУРА ГРАЖДАНСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ*

За последнее время Франция пережила два острых социальных кризиса: бунт мусульманской молодёжи осенью 2005 г. и массовые студенческие демонстрации весной 2006-го. В основе этих событий лежали проблемы занятости, особенно остро стоящие перед молодым поколением. Высшие институты государственной власти – правительство, парламент, президент не сумели своевременно найти компромиссное решение этих проблем путём диалога со структурами гражданского общества, особенно молодёжными организациями и профсоюзами. В итоге вспыхнуло уличное противоборство вне правового поля, в ходе которого экстремистские элементы, главным образом люмпенизированные маргиналы из пригородных этнических «гетто», нередко прибегали к актам умышленного вандализма – поджогам автомашин, нападениям на здания школ, магазинов, почтовых отделений. События не раз грозили выйти из-под контроля властей.

Аналогичные, причём зачастую ещё более серьёзные, потрясения случались в современной Франции и раньше. Достаточно вспомнить всеобщую забастовку 1995 г. (массовые выступления транспортников в ответ на попытку правительства Алена Жюппе увеличить минимальный для получения пенсии рабочий стаж), социально-политический кризис мая-июня 1968 г., когда студенческие волнения в Париже и других городах привели к кризису власти и в конечном итоге отставке годом спустя президента де Голля. Каждый раз ситуация развивалась по одному и тому же сценарию: вопросы создания, а затем сохранения тех или иных компонентов французской системы социальной защиты, являющейся одной из самых развитых, но и дорогостоящих в мире, становились предметом публичной дискуссии и переговоров не до, а после широкомасштабной пробы сил между социальными партнёрами – работодателями и работниками. Прямая проба сил между государством и гражданским обществом оказывала дестабили-

* «Россия в глобальной политике», т. 4, № 2, март-апрель 2006 г. С. 160-173.

зирующее воздействие на экономическую, а нередко и политическую обстановку в стране.

Большинство французских и иностранных аналитиков сходятся во мнении, согласно которому события последних месяцев нельзя объяснить только тактическими ошибками властей в процессе болезненной, но необходимой модернизации социально-экономической системы, не отвечающей больше реалиям постиндустриального общества в глобализированном мире начала XXI в. Не убеждают и ссылки самих властей на консервативный, своекорыстный эгоизм тех или иных социальных категорий, цепляющихся за свои отжившие привилегии, которые тормозят решение назревших проблем путём радикальных реформ. Судя по всему, корни событий 2005–2006 гг. уходят в прочно сложившуюся традицию противостояния между государством и гражданским обществом, которая давно стала неотъемлемой составной частью политической культуры Франции.

Французское государство при всех режимах – от абсолютной монархии до парламентской и президентской республик – опиралось на централизованную административно-бюрократическую структуру, построенную по строго вертикальному принципу. В эту вертикаль с трудом вписывались горизонтальные неполитические организации частных лиц, претендовавшие на роль посредников между обществом и властью. Государство видело в них лишь защитников своекорыстных групповых интересов, способных лишить его статуса единственного легитимного представителя интересов нации в целом и подорвать его монополию на принятие ответственных решений.

Противопоставление государства гражданскому обществу было свойственно, разумеется, прежде всего, авторитарным режимам: обеим наполеоновским империям или марионеточному «Французскому государству» («Виши») во время Второй мировой войны. Последнее просто запретило по примеру гитлеровской Германии и фашистской Италии все независимые общественные структуры, включив профсоюзы и ассоциации предпринимателей в единые отраслевые корпорации под прямой опекой властей и создав собственные молодёжные и женские организации.

Однако и демократические режимы относились к структурам

гражданского общества с явным недоверием, рассматривая их как орудия борьбы за привилегии меньшинств, что нарушало фундаментальный принцип равенства перед законом. Объединениям частных лиц по интересам противопоставлялся «республиканский пакт» – закреплённый Конституцией общественный договор, на основе которого спорные проблемы должны были решаться либо большинством голосов на выборах, либо независимой судебной властью.

Против этой концепции уже в середине XIX столетия решительно выступил крупнейший представитель французской либеральной политической мысли Алексис де Токвиль. Основываясь на провозглашённом Декларацией прав человека и гражданина (1789) тезисе о том, что свобода каждого человека ограничена лишь пределами свободы других, он считал осуществляемую в рамках закона индивидуальную и коллективную защиту гражданами своих интересов их неотъемлемым правом. «В наше время свобода ассоциации стала необходимой гарантией от тирании большинства. Когда в Соединённых Штатах [политическая] партия становится господствующей, вся государственная власть переходит в её руки; её близкие друзья занимают все должности и располагают всеми организованными силами. Поскольку самые выдающиеся представители враждебной партии не могут перешагнуть через барьер, отделяющий их от власти, необходимо, чтобы они имели возможность сорганизоваться вне её. Нужно, чтобы меньшинство противопоставило всю свою моральную силу подавляющему её материальному могуществу большинства», – утверждал Токвиль в известном труде «О демократии в Америке».

По его мнению, именно свобода ассоциаций, наряду с широкими правами местного самоуправления или федерализацией, представляет собой надёжную гарантию как от произвола носителя верховной власти при авторитарных режимах, так и от «деспотизма партий» при демократических. Без объединений граждан по интересам, не только политическим, но и материальным или духовным, утверждал де Токвиль, исчезает даже та хрупкая преграда для тирании, которую в аристократических обществах образуют привилегированные сословия, ограничивающие всесилие государственной власти.

Убеждение де Токвиля в необходимости «промежуточных корпусов» – независимых структур гражданского общества, облегчающих диалог между властью и народом, – приобретает в свете последних событий новую актуальность. «Промежуточные эшелоны не существуют: Французская революция [1789] разрушила их, чтобы установить прямые отношения между государством и гражданами, – писал профессор Университета Париж-1 Жак Марсель в связи с кризисом 2006 г. – Вполне логично поэтому, что во Франции улица заняла место парламента. Тем более что половина французов не участвуют в политической жизни: 20-30% не ходят на выборы, 15% голосуют за крайне правых, 10% – за крайне левых. Это те, кого я называю «бесполезными» французами, участвующими в политической жизни лишь в форме оспаривания её основ».

Крайней формой отторжения культа государства стали утопические идеи анархизма или анархо-синдикализма, глашатаем которых в середине XIX в. выступил Пьер-Жозеф Прудон, мечтавший о замене государства непосредственным взаимодействием свободных ассоциаций производителей материальных и духовных благ.

Новый всплеск антиэтатистских настроений во Франции произошёл столетие спустя – в последнюю треть XX в. на фоне глубокого кризиса как административно-командной системы «реального социализма» в СССР и странах Восточной Европы, так и неокейнсианской модели форсирования экономического роста и перераспределения его плодов «государством всеобщего благосостояния», сложившейся на Западе после Второй мировой войны. Причём именно во Франции этот кризис проявился наиболее зримо в силу значительной роли государства в рыночной экономике и влияния компартии, сохранявшегося в рамках плюралистической демократии вплоть до начала 1980-х.

Сторонники резкого сокращения объёма и функций непомерно разбухшей бюрократической машины государства в пользу структур гражданского общества по-разному видели практическое решение этой проблемы.

Правые либералы настаивали на освобождении экономики от чрезмерного государственного регулирования, связанного с высо-

кими налогами, путём приватизации госсобственности, либерализации рынка труда, свёртывания перераспределительной системы социальной защиты. Государству отводилась скромная роль гаранта законности, порядка и внешней безопасности.

Левые антиэтатисты стремились вслед за Прудоном заменить бюрократическую государственную «техноструктуру» самоуправлением трудовых коллективов. Один из видных теоретиков этого течения социолог Пьер Розанваллон утверждал, что только самоуправление, которое способно предотвратить как поглощение гражданского общества государством, так и растворение государства в гражданском обществе, может открыть некий «третий путь», пролегающий между либеральным капитализмом и тоталитарным социализмом. Эти идеи подхватили лидер небольшой Объединённой социалистической партии Мишель Рокар, руководитель профцентра Французская демократическая конфедерация труда (ФДКТ) Эдмон Мэр, наконец, представители студенческих организаций левацкого толка.

Утопический характер этих умозрительных конструкций не замедлил продемонстрировать «Май-68» – мощное движение студенческой молодёжи, поддержанное профсоюзами. Оно, бесспорно, способствовало модернизации системы моральных ценностей, быта и нравов французского общества, но не смогло изменить ни его социально-экономическую основу, ни правила политической игры Пятой республики. Единственная попытка претворить идеи самоуправления в жизнь, предпринятая персоналом часового завода LIP**,** чтобы предотвратить его закрытие и спасти рабочие места, бесславно провалилась: предприятие обанкротилось и пошло с молотка.

Характерно, что активный проповедник идей самоуправления – Рокар, чья Объединённая соцпартия влилась в 1974 г. в Французскую социалистическую партию во главе с Франсуа Миттераном, перешёл там с левого фланга на правый, став идеологом умеренного социал-реформизма на основе учёта объективных закономерностей рыночной экономики. Такую же эволюцию претерпел и профцентр ФДКТ при Николь Нота – преемнице Мэра. Многие из бывших студенческих лидеров «Красного мая», исповедовавшие маоистские, троцкистские либо анархические взгляды, в

частности группа т.н. «новых философов» (Андре Глюксман, Бернар-Анри Леви и др.), совершили ещё более крутой поворот, став, подобно своим единомышленникам в США, знаменосцами ультралиберальных и неоконсервативных идей как единственной альтернативы тоталитаризму.

Не более успешным оказался и другой проект перестройки отношений между государством и гражданским обществом – т.н. «участие». Его немногочисленные сторонники, принадлежавшие в основном к социал-реформистскому крылу голлистского движения (Рене Капитан, Эдмон Мишле, Филипп Дешартр, Лео Амон и др.), стремились за счёт допуска социальных партнёров к процессу выработки касающихся их решений компенсировать резкое расширение политических полномочий исполнительной власти во главе с президентом, заложенное в Конституцию Пятой республики её основателем генералом де Голлем.

Истоки идеи «участия» восходят ещё к межвоенному периоду. В 1925 г. был создан консультативный Национальный экономический совет из представителей деловых кругов, профсоюзов, фермерских и прочих общественных организаций. В период Народного фронта (1936–1938) состав и функции совета были расширены, а ещё десятилетие спустя, в 1946-м, он уже фигурировал в тексте Конституции Четвёртой республики как Экономический совет (ст. 69-71). В 1958 г. он трансформировался в Конституции Пятой республики (раздел XI, ст. 69-71) в Экономический и социальный совет, в который вошли представители основных профцентров, организации крупного и мелкого бизнеса, фермерские, семейные ассоциации, видные деятели экономики, науки, культуры и пр.

Поскольку, однако, сугубо консультативный характер этой организации существенно ограничивал её реальную роль, де Голль с учётом уроков мая 1968-го также заговорил об «участии» представителей гражданского общества в процессе принятия решений на уровне предприятий, регионов и парламента. Речь шла, по существу, о перенесении во Францию германского опыта «соучастия» профсоюзов и менеджмента в управлении предприятиями на основе солидарной ответственности за результаты их деятельности. На уровне регионов имелось в виду отойти от присущей

французскому государству административной централизации, передав часть полномочий от назначенных правительством префектов выборным органам местного самоуправления. Наконец, на высшем уровне предлагалось объединить верхнюю палату парламента – Сенат, представляющий в основном именно органы местного самоуправления (и выбираемый ими), – с Экономическим и социальным советом, превратив этот новый институт в постоянную площадку для диалога между социальными партнёрами, с одной стороны, гражданским обществом и государством – с другой.

Однако реакция на этот широкомасштабный проект со стороны социальных партнёров и политического класса оказалась весьма сдержанной. Французские предприниматели всегда твёрдо придерживались принципа единоначалия руководителя предприятия, не принимая германской практики «соучастия». Впрочем, и французские профсоюзы, расколотые на соперничавшие политизированные центры, не менее твёрдо отвергали её, как попытку ограничения свободы их действий в конфликтных ситуациях.

Что же касается слияния Сената с Экономическим и социальным советом, то, будучи, по сути, искусственным объединением выборных представителей и назначенных делегатов, оно рассматривалось как нарушение сразу двух основополагающих принципа французской государственности – приоритета легитимности выборных органов и разделения властей. В результате законопроект о регионализации и реформе Сената, представленный на референдум 27 апреля 1969 г., собрал меньшинство голосов: 10,5 млн (46, %) против 11,9 млн (53,1%). На следующий день президент де Голль подал в отставку.

Провал обоих проектов радикальной перестройки отношений между французским государством и гражданским обществом – «самоуправления» и «участия» – отнюдь не снял проблему с повестки дня. Он лишь переместил её из институциональной сферы в плоскость прагматических решений. Для этого требовалось, прежде всего, раскрыть понятие «гражданское общество», определить его юридический статус, материальную базу, способы влияния на решение спорных социально-экономических проблем, чётко разграничив функции его структур и компетенцию органов политической власти государства в центре и на местах.

В предисловии к сборнику «Гражданское общество под вопросом», опубликованному в 2003 г. в Париже, его составитель Мишель Офферле, профессор политологии Университета Париж-1, исключает из гражданского общества всё то, что имеет отношение к государству, – как административные структуры, осуществляющие властные функции, так и партии, борющиеся за власть или против неё. Вне гражданского общества остаются, по мнению Офферле,. религиозно-фундаменталистские секты, не признающие систему ценностей подавляющего большинства граждан, этнические кланы, криминальные структуры мафиозного типа, наконец, «фальшивые» общественные организации, прямо либо косвенно создаваемые и финансируемые государством.

Вместе с тем бóльшая часть французских политологов разделяют точку зрения немецкого философа Юргена Хабермаса, согласно которой производственные, коммерческие и финансовые структуры, созданные для получения прибыли, не входят в гражданское общество в отличие от некоммерческих организаций (НКО), призванных защищать социальные или духовные интересы определённых групп граждан либо общества в целом.

Деятельность неполитических и некоммерческих организаций гражданского общества во Франции осуществляется по трём направлениям: удовлетворение материальных или духовных запросов их членов, сотрудничество либо соперничество с другими аналогичными структурами, наконец, лоббирование своих требований в институтах государственной власти. Последнее имеет во Франции особое значение ввиду значительной роли государства во всех сферах общественной жизни.

Юридической основой любых общественных организаций во Франции уже более столетия служит закон 1901 г. (распространяющийся и на политические партии). Он устанавливает заявительный, а не разрешительный порядок их создания: для регистрации общественной организации в качестве юридического лица требуется лишь подать заявление в местную префектуру, приложив минимум документов (цели, устав, состав руководящих органов, источники финансирования). Спустя недолгое время объявление о регистрации публикуется в официальном вестнике. Отказ в регистрации, контроль над деятельностью общественных ор-

ганизаций и тем более их запрет возможны только через суд в связи с противоречием положениям действующей Конституции, нарушением финансовой дисциплины или несоблюдением заявленного устава.

Гораздо более сложным является вопрос о финансовых средствах. Существуя за счёт членских взносов и добровольных индивидуальных пожертвований, французские, как и любые другие, НКО сталкиваются с необходимостью искать иные источники поступления средств, в числе которых фигурируют подсобные коммерческие фирмы, издательская деятельность, проведение платных массовых мероприятий и пр. Однако такая практика не только не решает проблему, но и чревата нарушением закона 1901 г. С ещё более серьёзным риском связано принятие прямых либо косвенных субсидий от предприятий, банков, международных организаций. Если деятельность таких спонсоров не связана с благотворительностью, просветительством или культурным меценатством, они явно рассчитывают на определённые встречные услуги. Наконец, наиболее деликатный вопрос – публичное либо скрытое государственное финансирование НКО: пользующиеся такой поддержкой организации рискуют попасть в зависимость от властей и превратиться в политический инструмент правительства или правящей партии – в то, что Офферле называет «фальшивыми» НКО.

Поэтому французские некоммерческие организации ведут упорную борьбу за дальнейшее совершенствование своей правовой базы с тем, чтобы сделать более прозрачным государственное, равно как и частное, финансирование НКО. Достижению этой цели служит, к примеру, система частных фондов (широко развитая в США, но гораздо более слабая во Франции), целевые гранты которых пользуются налоговыми льготами.

Пионером в изучении проблем гражданского общества во Франции был социолог Жан Мейно, опубликовавший ещё в 1958 г., накануне крушения Четвёртой республики, фундаментальное исследование «Группы давления во Франции». Перечисленные им 306 категорий – это организации, имеющие общие социально-экономические цели (ассоциации предпринимателей, в том числе отдельно мелких и средних, профсоюзы рабочих и служащих,

синдикаты фермеров, объединения лиц свободных профессий); группы, сформированные по гендерным, возрастным и профессиональным признакам (семейные, женские, молодёжные, студенческие); группы, созданные в целях защиты статусных интересов определённых граждан (например, ветеранов войны); идеологические или религиозные ассоциации (католические, протестантские, иудейские, мусульманские, франкмасоны и др.); наконец, правозащитные, культурные, просветительские, спортивные и т.д.

Цели НКО во многом определяют и методы их достижения в зависимости от преимуществ, которыми располагает каждая группа интересов. У предпринимателей это деньги, связи, контроль над значительной частью СМИ, у профсоюзов – массовость, у интеллигенции или религиозных сообществ моральный авторитет и т.п.

В условиях парламентской Четвёртой республики преимущество во влиянии на законодательный процесс имели массовые НКО, контролировавшие значительный «пакет» голосов на выборах или способные выступить в роли арбитров между партиями, склонив чашу весов влево или вправо. С созданием в 1958 г. Пятой республики, которая расширила полномочия исполнительной власти в ущерб законодательной, баланс сил между различными НКО существенно изменился. Более благоприятные возможности для успешного лоббирования своих интересов получили предпринимательские объединения, имеющие доступ в государственные административные структуры и располагавшие квалифицированными кадрами для обоснования своих требований.

Развёртывание структурной перестройки французской экономики и резкое обострение проблемы занятости с начала 1970-х гг. усилили позиции работодателей в отношениях не только с государством, но и с профсоюзами, численность которых упала до минимума (9% лиц наёмного труда). Отсюда несомненные успехи работодателей при корректировке социально-экономической стратегии государства с учётом интересов бизнес-сообщества. Инициативы, противоречившие интересам деловых кругов, встречали с его стороны жёсткое и нередко успешное сопротивление.

Результатом оказалась прогрессирующая дестабилизация французского гражданского общества. Организованные социальные

категории, считавшие себя ущемлёнными, не видели иных способов защиты своих интересов, кроме выхода за рамки правового поля и прямой конфронтации с государством, в том числе в форме открытого нарушения общественного порядка (перекрытие автодорог, уничтожение фермерами импортных сельхозтоваров и т.д.). Если продолжительность забастовок и количество потерянных из-за них рабочих дней резко сократились по сравнению с послевоенным периодом, то сами стачки приобретают порой более жёсткие формы (занятие предприятий, взятие в заложники членов дирекции и пр.). Если раньше даже в условиях раскола профсоюзов на несколько политизированных соперничающих центров диалог и компромиссы с ними, нередко при посредничестве государства, всё же были в порядке вещей, то нынешние стихийно возникшие «коллективы» представителей тех или иных узких специальностей (авиадиспетчеры, водители грузовиков, уборщики улиц, медсёстры и др.) вынуждены прибегнуть к конфронтационной практике.

Это особенно очевидно в госсекторе, который охватывает инфраструктурные отрасли – энергетику, транспорт, связь. Поскольку остановка работы в этих сферах парализует всю экономическую жизнь страны (как это случилось в декабре 1995 г. в связи с попыткой кабинета Алена Жюппе реформировать пенсионную систему госслужащих), государство вынуждено либо идти на уступки, либо навязывать свои решения принудительно.

В итоге во французской системе социальной защиты и регулирования трудовых отношений, и прежде страдавшей от чрезмерно жёсткой, бюрократизированной и уравнительной регламентации государства, появилась масса льгот, привилегий, особых налоговых режимов, прямых или косвенных субсидий для отдельных социальных категорий, бросающих вызов принципу равенства перед законом. Защита и расширение этих привилегий («завоёванных прав») оказались, по существу, смыслом существования большинства НКО, причём не только в социально-экономической, но порой и в гуманитарной, правозащитной, даже культурной сфере.

Поэтому многие аналитики заговорили о кризисе гражданского общества во Франции. Недостаточность юридической регла-

ментации лоббистской деятельности, подобной хотя бы той, что существует в США, поощряет скрытое, в том числе коррупционное воздействие на государственные институты изнутри со стороны НКО, обладающих необходимыми для этого средствами и связями, и силовое давление на них извне со стороны организаций, не располагающих такими возможностями.

Попытки установить общенациональный консенсус или хотя бы найти наименьший общий знаменатель между интересами различных структур гражданского общества предпринимались на протяжении последней четверти XX и начала XXI в. неоднократно, причём порой не без успеха. Наученные опытом острых социально-политических кризисов, правительства старались не навязывать назревшие реформы сверху, а тщательно готовить к ним общественное мнение. Для этого использовались такие методы, как создание комиссий из независимых авторитетных экспертов, призванных готовить по поручению правительства аналитические доклады с рекомендациями. Эти материалы публикуются в СМИ, широко обсуждаются, а затем становятся основой для переговоров в формате «круглого стола» между представителями заинтересованных НКО под председательством чиновников вплоть до министров и премьеров. Подготовке таких докладов предшествует работа в секциях Экономического и социального совета, которая позволяет сблизить точки зрения сторон, минимизировать накал межпартийной борьбы вокруг окончательных текстов законопроектов, представляемых правительством на рассмотрение парламента. Именно таким образом принимались, в частности, реформы системы пенсионного обеспечения и медицинского обслуживания в 2003–2004 гг.

К сожалению, весной 2006 г. эти методы не были применены. Стремясь добиться в кратчайший срок ощутимых успехов в решении болезненной проблемы занятости молодёжи, правительство Доминика де Вильпена решило обойтись без предварительных консультаций с социальными партнёрами, поставив гражданское общество перед свершившимся фактом – проведением через парламент законопроекта о «равенстве возможностей», ст. 8 которого предусматривала учреждение так называемого «контракта первого найма». На его основе работодатель, нанимавший не рабо-

тавших ранее молодых людей в возрасте до 26 лет, получал право в течение двух лет увольнять их без объяснения причин.

Разработчики этого законопроекта исходили из того, что у предпринимателей, не обязанных проходить через сложную систему контроля в случае сокращения персонала из-за спада конъюнктуры либо финансовых трудностей, появится стимул расширить наём молодёжи. Со своей стороны молодые люди, подписавшие контракт, могли надеяться превратить его в постоянный, а в случае увольнения приобретали стаж и квалификацию, необходимые при трудоустройстве в будущем или хотя бы для получения пособий по безработице.

Однако молодёжь восприняла «контракт первого найма» поиному. В её глазах закон явно ограничивает право молодого поколения на получение постоянной работы, что противоречит принципу равенства. Более того, возникали подозрения, что в перспективе работодатели постепенно смогут перевести всех наёмных сотрудников на шаткое положение временных, открывая путь для диктата в отношении уровня зарплаты и условий труда. Между тем в 2006 г. начался массовый уход на пенсию многочисленных представителей послевоенного поколения «бэби-бума». Поэтому основная масса рабочих и служащих среднего возраста, уже имеющих постоянный трудовой контракт, начала опасаться постепенного пересмотра всего трудового законодательства.

Не исключено, что те самые гибкие методы, которые позволили реформировать убыточные системы пенсионного обеспечения и здравоохранения, могли бы сослужить службу и в данном случае. Но премьер-министр пошёл другим путём: с учётом перспективы предстоящих через год президентских выборов, где его главным соперником в правом лагере обещает стать Николя Саркози – амбициозный министр внутренних дел и председатель правящей партии «Союз за народное движение», он предпочёл на открытый конфликт.

В конечном счёте правительству, которое столкнулось с мощной волной демонстраций студентов при поддержке основных профсоюзов, пришлось пойти на переговоры. Но отменить уже принятый парламентом закон либо даже заморозить его означало бы для премьера потерю лица, ввиду чего он упорно отказывался

пойти на уступки (тем более что Конституционный совет счёл спорный закон соответствующим Конституции). Между частью парламентского большинства и правительством произошёл раскол – Саркози и его сторонники публично выступили за пересмотр закона.

Президент Ширак, который оказался в сложной ситуации, принял половинчатое решение: подписал закон о первом трудовом найме, но рекомендовал не применять его до внесения поправок (сокращение срока первого найма с двух до одного года и объяснение причин увольнения в течение этого периода). Нелёгкая задача переговоров с профсоюзами и студентами была поручена уже не автору закона – премьеру, а его сопернику Саркози. В конечном счёте Ширак был всё же вынужден, по существу, капитулировать, полностью отменив спорный закон, который будет теперь дорабатываться, чего и добивались студенты и профсоюзы. Это – очевидное поражение, как премьер-министра, так и самого главы государства.

Основной урок кризиса заключается в том, что впредь будет всё труднее строить отношения между властью и народом в обход структур гражданского общества. Чтобы наладить такой диалог, необходимо разграничение компетенций выборных органов власти, где представлены все граждане, и неправительственных организаций, выражающих интересы отдельных социальных групп. С учётом различия степени легитимности обеих такое разграничение окажется нелёгким делом. Но иной альтернативы не дано.

ГЛАВА 11. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ФРАНЦИИ*

Особенности формирования французской нации

Одной из характерных особенностей Франции является сочетание неоднородности этнического происхождения значительной части населения страны с высокой степенью его националь-

* Ю.И. Рубинский. Французы у себя дома. М., «Молодая гвардия», 1989.

ного самосознания. Пожалуй, нигде в Западной Европе идея нации (само понятие которой родилось именно во Франции) не остаётся сегодня, в эпоху глобализации, столь важным компонентом системы духовных ценностей народа, его культурной идентичности, необходимым условием легитимности любого политического режима.

Эта особенность не случайна. Чем многообразнее этнические корни народа, тем острее его инстинктивное стремление сплотиться воедино под знаменем патриотизма. Недаром в государствах, где почти всё население представляет собой иммигрантов в том или ином поколении – в США, Канаде, Австралии или Израиле, патриотический рефлекс особенно силён. Однако в отличие от них во Франции национальная идея зачастую не столько объединяла общество, сколько, напротив, раскалывала его на враждебные силы, каждая из которых претендовала на монопольное понимание и защиту интересов Отечества.

Со времён введения во Франции в 80-х гг. XIX в. всеобщего обязательного, бесплатного и светского образования (тогда ещё начального) все французские школьники начинали учиться писать с одной и той же фразы: «Наши предки были галлы». Галлами французы называют кельтские племена, пришедшие некогда на территорию нынешней Франции из долины Дуная и завоёванные в I веке н.э. римскими легионами Юлия Цезаря. Более того, ту же фразу заставляли писать во времена французской колониальной империи маленьких африканцев, арабов и вьетнамцев, которые должны были с детства поверить в то, что все они имеют общее с французами происхождение.

Между тем нет ничего дальше от истины. Кельтские племена были крайне разрознены, говорили на разных наречиях и постоянно враждовали между собой, что и облегчило победу Рима, подчинившего их своей единообразной, жёсткой администрации с центром в Лугдунуме – нынешнем Лионе. Именно римское государство и право, пришедшие извне, стали той матрицей, которая очертила контуры территории страны, легла в основу её языка и культуры.

Вместе с тем после распада Римской империи северо-восток Франции захватили германские племена, самое сильное из кото-

рых – франки дало Франции само её название и первые династии королей. Они постепенно захватили романизированные южные провинции, создав первые феодальные королевства, простиравшиеся от Ла-Манша до Альп и Пиренеев. С тех пор невидимая граница разделяет Францию с запада на восток, проходя где-то по течению Луары и сохраняя по обе стороны значительные различия в нравах, обычаях, диалектах жителей – например, нормандцев и провансальцев.

Оттенки между северными и южными областями не менее заметны во многих других европейских странах – той же Германии или Италии. Но там эти различия имеют историческую, психологическую или социально-экономическую, но никак не этнокультурную подоплёку. Во Франции же встретились представители двух разных культурных очагов европейской цивилизации – северного, германского с его англосаксонской и скандинавской ветвями, и южного, романо-средиземноморского, причём слияние их воедино так и не доведено до логического конца.

Поэтому становление французской нации, в отличие от германской или итальянской, произошло гораздо раньше и было связано, прежде всего, не с этническим, а с политическим фактором – созданием единого централизованного государства. Немцы и итальянцы могли сохранять государственную раздробленность на протяжении полутора тысячелетий, никогда не теряя при этом сознания принадлежности к одному народу. В то же время французы всегда нуждались в общем знаменателе, не имевшем изначально одной этнической основы. Им стал политический и административный инструмент, призванный целенаправленно сформировать культурную идентичность нации сверху – как это было уже во времена римской Галлии – единое централизованное государство. Поэтому понятия нации и государства стали во Франции по существу синонимами, причём второе предшествовало первому.

Тщательное, хотя и далеко не всегда успешное, нивелирование государством местных различий началось ещё в период преодоления феодальной раздробленности и утверждения абсолютной монархии – в XVII в. Хотя внешние границы территории страны к этому времени более или менее определились, треть подданных французского короля всё ещё не понимали друг друга, гово-

ря на разных местных диалектах – «патуа».

За их искоренение взялся с присущей ему энергией первый министр короля Людовика XIII – кардинал Ришелье. Он не только сносил средневековые замки мятежной знати, оспаривавшей в провинциях королевскую власть, лишил протестантов, пользовавшихся поддержкой Англии, их крепостей (Ла-Рошель) и противостоял чрезмерному влиянию австро-испанской империи Габсбургов на французскую политику через католическую церковь. Именно Ришелье учредил в 1634 г. Французскую академию (размещавшуюся сначала в королевском дворце – Лувре). Её задачей было составление словаря французского языка, имеющего обязательный, нормативный характер. «Сорок бессмертных» – членов Академии, в основном писатели, но также учёные, деятели искусства, прелаты и даже генералы занимаются этим по сей день, хотя уже в бывшем дворце преемника Ришелье – кардинала Мазарини на левом берегу Сены.

Унификацию административно-территориального деления страны, а на этой основе и её языка, культуры, общественной жизни, довели до логического конца якобинцы и Наполеон, разделившие Францию вместо старинных провинций на обезличенные департаменты, носящие географические названия – в основном рек и гор (их сейчас в материковой Франции ровно 100, включая Париж).

Чем больше, однако, французское государство стремилось подогнать естественное разнообразие страны под единый стандарт, тем сильнее оказывалось сопротивление этой унификации снизу. Патриотизм французов, их любовь к несколько абстрактному Отечеству сочетается с глубокой привязанностью к «малой родине», местным корням. Точно также претензия государства на роль олицетворения интересов всей нации делает его заложником политической борьбы разных социальных групп за власть, а через неё за свои интересы, борьбы, нередко ставящей под вопрос то самое национальное единство, которое оно призвано обеспечивать.

Местные различия, в том числе диалекты, сохраняются и в других европейских странах, хотя бы в тех же Германии и Италии, образовавших единые национальные государства сравнительно поздно – только во второй половине XIX в. Существуют там и ме-

стные политические партии вроде итальянской Лиги Севера или баварского Христианско-социального союза. Но они никоим образом не угрожают ни целостности страны, ни общности её языка, культуры, национальной идентичности народа. Это объясняет сравнительную лёгкость формирования в таких странах децентрализованных, даже федеративных структур (не говоря уже о Швейцарии, Бельгии, а теперь и Испании), облегчает передачу части национального суверенитета органам Евросоюза. Даже Великобритания идёт по тому же пути, представляя Шотландии автономию.

Во Франции же, откуда пошло само понятие суверенитета, автором которого был видный юрист XVI в. Жан Боден, государство-нация определялось во всех конституциях, включая действующую (1958 г.), как «единое и неделимое». Процесс административной децентрализации начался там только в 80-х гг. XX в., а передача части суверенных прав наднациональным европейским институтам проходит с большими трудностями, оказываясь объектом острой политической борьбы.

Неоднородность этнического происхождения французов усугубляется наличием ряда пограничных областей, сравнительно поздно вошедших в состав Франции и сохранивших свои языки, культуру, обычаи (Эльзас с частью Лотарингии, Корсика, Страна басков, Бретань). Эльзасцы говорят на диалекте немецкого языка, корсиканцы – итальянского, бретонцы – корнуэльского (на котором говорят также в Южной Англии), баски – своих родичей в Испании. Население этих областей, которое не превышает 7-8% общей численности французов, как правило, не ставит под вопрос свою принадлежность к Франции. Единственным исключением служит Корсика, где существует довольно сильное национал-сепаратистское движение, принимающее порой террористические формы.

Гораздо более сложной и болезненной для национального самосознания французов проблемой является иммиграция. Со времён позднего Средневековья Франция, одна из самых богатых западноевропейских стран со сравнительно невысокой плотностью населения, привлекала выходцев из более бедных стран – сначала соседних, а затем и отдалённых. Этому способствовало начав-

шееся во Франции раньше, чем в других странах Европы, снижение демографической динамики коренного населения. В XVIII в. французов было в полтора раза больше, чем итальянцев, и втрое – чем испанцев, тогда как уже в XX в. первые сравнялись с французами, а вторые по численности составляют $^{2}/_{3}$ населения Франции.

Если на первых порах главными донорами иммиграции во Францию были именно Италия и Испания, то между двумя мировыми войнами к ним прибавилась Польша, после Второй мировой войны – Португалия, а с 60-х гг. XX в. – страны Северной и Тропической Африки. В настоящее время число иммигрантов первого поколения, живущих и работающих во Франции на законных основаниях, достигает 3-5 млн человек, нелегальных (по разным оценкам) – около миллиона. Столько же получили французское гражданство, что составляет в итоге свыше 10% населения страны.

До тех пор, пока иммигранты были европейцами, христианами-католиками, выходцами из близких по языку и культуре романских стран Европы, их интеграция во французскую среду во втором-третьем поколении проходила без особых проблем, особенно на фоне нехватки собственной рабочей силы. Сегодня каждый четвёртый французский гражданин имеет хотя бы одного иностранного предка.

В принципе, официально считается, что нацменьшинств во Франции нет: все, кто имеет французское гражданство, объявлены французами. Гражданство и национальность нередко обозначаются даже одним и тем же словом – la nationalité. Это относится, естественно, к представителям таких миноритарных этнических групп, как евреи (650 тыс.), армяне (350 тыс.) или цыгане (150 тыс.). Несмотря на то что их общины имеют свои организации – конфессиональные или светские, официально они такие же французы, как все остальные, причём не только административно или политически, но и культурно: «Франция – не этнос, а культура», – заявил бывший премьер-министр Раймон Барр. Хотя антисемитизм бесспорно сохраняется среди определённых слоёв французского общества, а порой и небезуспешно эксплуатируется политически в связи с арабо-израильским конфликтом, воспоминания о Холокосте – гитлеровском геноциде евреев во время Второй

мировой войны при пособничестве марионеточного режима Виши долгое время делали его предметом отторжения для большинства коренных французов.

Положение начало меняться с 60-х гг. XX в., когда основную массу иммигрантов составили арабы или африканцы из бывших колониальных владений Франции, ислам оказался второй по числу верующих (6 млн) конфессией страны после католицизма, а безработица превратилась в главную социальную язву французского общества. Если раньше Франция считала себя мононациональной, монокультурной и практически моноконфессиональной страной, то сейчас вопрос о критериях принадлежности к единой французской нации существенно осложнился.

Национальная идея во Франции, как и везде, имеет не только внутреннее, но и внешнее измерение. Формирование национального сознания неразрывно связано в её истории с противостоянием соседям, угрожавшим не только границам, но порой и самому существованию страны как единого целого – от битвы при Бувине против армий Священной Римской империи германской нации (1241 г.) и Столетней войны против Англии с легендарной эпопеей Жанны д'Арк до гитлеровской оккупации в 1940–1944 гг.

Внешнее измерение национальной идеи у французов бывало не только оборонительным, но и наступательным. Лозунги «величия Франции», основанного на её военной мощи, богатстве, культуре, достойной всеобщего восхищения и подражания, веками являлись не просто отражением амбиций и алчности королей, но и необходимым условием их авторитета среди собственных подданных, залогом единства страны, преодоления ею внутренних междоусобиц.

Тесная взаимосвязь роли государства как гаранта внешней безопасности и величия нации с её внутренним единством присуща не только Франции, но и другим крупным европейским государствам, в частности, России. Французской спецификой можно считать лишь то, что национальная идея у неё чаще, чем в других странах, приобретала яркую политико-идеологическую окраску, что зачастую не объединяло, а раскалывало нацию. Причём эта окраска нередко менялась – в разные периоды истории страны патриотическое знамя поднимали друг против друга различные

политические силы.

До Великой Французской революции 1798 г. единоличным носителем суверенитета считался король, получавший свои полномочия Божьей милостью непосредственно от Всевышнего. Поэтому вне короля нация не существовала – национальные чувства отождествлялись с преданностью подданных монарху. К тому же тогдашние европейские государства, в том числе Франция, оставались пестрым конгломератом весьма разношёрстных этнически земель, которые удавалось объединить монарху под своим скипетром с помощью войн, династических браков или дипломатии. Наиболее крупные из таких конгломератов становились империями.

Положение начало меняться с XVI в. в ходе нидерландской, затем английской революций, но особенно Великой французской революции 1789 г. Именно тогда идея нации окончательно отделилась от личности монарха и перешла к народу, провозглашённому единственным легитимным носителем суверенитета, который он может осуществить прямо или делегировать своим представителям путём свободного волеизъявления на выборах в рамках конституционной монархии или республики. Но коль скоро суверенитет становился достоянием народа через государство, то возникал вопрос о том, насколько его структура, т.е. режим и элита – конкретные носители власти адекватно выражают интересы и волю нации в целом.

Во французском энциклопедическом словаре «Ларусс» даются не одно, а два разных определения нации. Первое из них выглядит достаточно банально: «Совокупность людей, живущих на одной территории, имеющих общее происхождение, историю, культуру, традиции, иногда язык и составляющих единое политическое сообщество»[163]. Хотя многие существенные характеристики здесь отсутствуют – например, совместная экономическая жизнь – в эпоху глобализации это, может быть, не так уж принципиально важно. Характерно зато, что политическое, государственное начало, типичное для французской общественной мысли, налицо.

[163] Grand Larousse en 5 volumes. Volume 4. Paris, 1987. P. 2142.

Гораздо интереснее приводимое там же второе определение нации: «Абстрактная, коллективная, единая и неделимая сущность, отличная от составляющих её людей и являющаяся носительницей суверенитета»[164]. Здесь уже нация выступает как понятие, которое не совпадает с конкретными лицами – главой государства (будь то конституционный монарх или президент республики), правительством, премьер-министром, палатами парламента и даже совокупностью всех граждан – народом.

Очевидно, что интересы отдельных французских граждан, их социальных групп, политических партий, профессий, областей страны далеко не полностью совпадают, а нередко расходятся. Однако каждая из них претендует на то, что именно она выражает интересы нации в целом полнее, лучше, чем все прочие. Причём условием этого объявляется такой государственный строй или политический режим, которые наиболее эффективно способствуют превращению частного интереса в общенациональный. В итоге идея нации, которая в принципе должна была бы сплачивать суверенный народ во имя общего блага, оказывается заложницей разных интересов составляющих её социально-экономических групп. Тем самым национальная идея становится не основой общественного консенсуса, а полем боя, где под знаменем патриотизма выступают представители защищающих их политических сил.

Начало этому было положено уже в ходе самой революции 1789 г., сторонники которой именовали себя «патриотами». Это имело под собой определённую почву, когда многие представители бывших привилегированных сословий – дворянства и духовенства эмигрировали за рубеж, пытаясь организовать интервенцию европейских монархов против революции в собственной стране. Именно в то время родилась бессмертная «Марсельеза» – песня отряда марсельских добровольцев, ставшая впоследствии национальным гимном Франции и апеллирующая к национально-патриотическим чувствам всех французов. Тем самым понятие «нация» стало неотъемлемой частью идей Просвещения, воплощённых в девизе «Свобода, Равенство, Братство». Оно подразумева-

[164] Ibid.

ло единство народа, солидарность всех свободных и равноправных граждан во имя защиты Отечества от внешних и внутренних врагов.

Тогда же французская национальная идея приобрела универсалистский, всеобщий характер: гражданами республики были провозглашены революционеры других стран, бежавшие от преследований своих реакционных монархов. Правом политического убежища во Франции не раз пользовались с тех пор значительные группы иностранцев – например, русская эмиграция «первой волны» после революции 1917 г. и гражданской войны в России насчитывала в 30-е гг. во Франции около 350 тыс. человек. Столько же было в 1939 г. испанских республиканцев после их поражения в гражданской войне.

Однако оборонительные революционные войны Франции скоро переросли в захватнические. Аристократы, лишённые гражданских прав, исключались из национального сообщества, становясь жертвами террора по подозрению в заговоре с врагами Отечества. При Наполеоне французская национальная идея служила прикрытием деспотизма внутри страны и оправданием имперских захватов вовне, пробуждая у других народов национально-патриотические чувства уже не своим примером, а против себя.

Тем не менее ещё долгое время спустя после падения наполеоновской империи – в периоды Реставрации (1814–1830 гг.), Июльской монархии (1830–1848 гг.) национальная идея оставалась во французской общественно-политической жизни неотъемлемой частью духовного арсенала левых, республиканских и демократических сил. Виднейшей фигурой, воплощавшей именно такую её трактовку, был один из крупнейших историков Франции XIX в. Жюль Мишле (1798–1874 гг.). В своих многочисленных трудах, написанных блестящим литературным стилем – «Введении во всеобщую историю», «Истории Франции», но особенно «Истории Французской революции» Мишле отстаивал концепцию несовместимости интересов нации с деспотизмом монархов и обскурантизмом католической церкви. Во французской литературе эта демократическая ипостась национальной идеи воплотилась в романтизме, прежде всего в творчестве великого поэта и писателя Виктора Гюго («Девяносто третий год»).

Во второй половине XIX в. ситуация меняется. После поражения революции 1848 г., падения Второй республики и установления Второй империи Наполеона III национальную идею всё более настойчиво и успешно берут на вооружение правые – антидемократические, авторитарные силы. Эта тенденция особенно явно дала себя знать после разгрома Франции во франко-прусской войне 1870–1871 гг. Если Парижская Коммуна безуспешно пыталась соединить социальную утопию с патриотическими лозунгами защиты Отечества, то с её подавлением национальная идея, отождествлённая с мечтой о реванше и возврате утерянной Эльзас-Лотарингии, надолго перешла слева направо, став основой пропагандистского багажа са́мой реакционной части тогдашнего французского общества. Окончательный крах попыток реставрации монархии любой династической окраски – легитимистской, орлеанистской или бонапартистской отбросил осколки бывших привилегированных сословий «старого режима» – дворянство и духовенство в глухую оппозицию восторжествовавшей республике в лице даже самых умеренных её представителей. Несмотря на глубокий упадок к концу XIX – началу XX вв. экономической базы помещичьего землевладения, выходцы из этих сословий и их потомки прочно закрепились в определённых звеньях государственной службы, прежде всего в армии, дипломатии, отчасти колониальной администрации. Верные традиционалистским элитарным ценностям, они образовали некое подобие внутренней эмиграции, контр-истэблишмента, ядром которого стал блок кадрового офицерства с иерархией католической церкви – «Союз сабли и кропила».

А коль скоро обветшалый идейный багаж этого блока не мог рассчитывать на сколько-нибудь массовую поддержку в народе, его представители узурпировали национальную идею, принявшую у их представителей уродливые формы национализма, шовинизма и даже расизма. Характерно, что сами эти термины, как ранее само слово «нация», родились в конце XIX в. тоже во Франции. «Шовинизм» – производное от фамилии Шовена, карикатурного персонажа популярной комедии, туповатого отставного унтер-офицера, злобно ненавидящего любых иностранцев, восхваляющего до небес всё французское и тоскующего по славным време-

нам великого Наполеона.

Что же касается расизма, то его родоначальником был опять же француз – граф Жозеф-Артюр де Гобино, опубликовавший ещё в 1855 г. нашумевшую книгу «Эссе о неравенстве человеческих рас». Она оказала впоследствии немалое влияние на Альфреда Розенберга, главного идеолога германского нацизма, объявившего как раз французов «выродившейся негроидной низшей расой».

Среди духовных оруженосцев правого национализма во Франции последней четверти XIX и первой половины XX вв. фигурировали не только посредственные литераторы вроде де Гобино, но и бесспорно талантливые люди. Среди них был прежде всего крупный писатель Морис Баррес (1862–1923 гг.), автор памфлетов, разоблачавших коррумпированную политическую элиту парламентской Третьей республики и лишённую национальных корней буржуазию. Этот рафинированный интеллигент-индивидуалист стал одним из первых французских «почвенников» – певцом родной земли, верности наследию предков. Одно время Баррес даже сам занялся политической деятельностью, поддержав авантюру генерала Буланже, едва не пришедшего к власти на волне реваншистских страстей, и был выбран в Палату депутатов кандидатом от буланжистов.

После краха буланжизма одним из самых серьёзных политических кризисов, пережитых Третьей республикой и также прямо связанным с подъёмом правого национализма, явилось «дело Дрейфуса» (1894–1906 гг.). Непосредственным поводом к нему послужило ложное обвинение капитана Альфреда Дрейфуса, служившего в генштабе французской армии, в передаче секретных документов германскому военному атташе. Еврейское происхождение Дрейфуса придало делу ярко выраженный антисемитский характер, предопределив решение военного трибунала, который приговорил обвиняемого к пожизненной каторге.

Когда же появились документальные доказательства, выбивавшие почву из-под обвинения Дрейфуса, а шпионом оказался офицер-аристократ и католик венгерского происхождения граф Эстергази, то руководство генштаба решительно выступило против требований об отмене приговора, расцененных как покушение на честь армии, подрыв военной дисциплины и, следователь-

но, угрозу безопасности страны. Полемика вокруг «дела Дрейфуса» расколола общество на два лагеря: правые националисты и антисемиты, большинство которых составляли антиреспубликанские силы традиционалистского оттенка, выступили под национал-патриотическим флагом против всех левых демократических сил – от либералов до социалистов. Знаменосцем последних стал писатель Эмиль Золя, опубликовавший 13 января 1898 г. в газете «Орор» открытое письмо президенту республики под заголовком «Я обвиняю!».

Когда стало ясно, что речь идёт не просто о судебной ошибке и судьбе невинно пострадавшего человека, но и о всём политическом будущем страны, лагерь дрейфусаров – сторонников пересмотра приговора (их называли тогда «ревизионистами») взял верх. Дрейфус был оправдан – сначала частично, потом полностью, монархически настроенная армейская верхушка подверглась чистке, а пришедшее к власти правительство радикал-социалиста Эмиля Комба провело закон об отделении церкви от государства. «Союз сабли и кропила», узурпировавший национальную идею, потерпел тяжёлое поражение.

Вместе с тем его шовинистическое кредо не только выжило, но и получило интеллектуальное подкрепление в лице ультраправого публициста Шарля Морраса (1868–1952 гг.). Начав свою карьеру среди художников-импрессионистов, он вскоре круто повернул к неоклассицизму в искусстве, заявив, что после заблуждений романтиков во Франции пробил час «литературной контрреволюции». Политическим эквивалентом этого поворота в эстетике Морраса стал его решительный разрыв со всем духовным наследием революции 1789 г. – идеями прогресса, демократии, прав человека. Альтернативой демократической республике он провозгласил возврат к децентрализованной средневековой монархии, опирающейся на ценности и авторитет традиционных элит.

После окончательного утверждения во Франции республиканского строя, на фоне блестящих успехов науки, торжества модернизма в искусстве эти реакционные идеи могли казаться не более чем ветхим музейным экспонатом, возрождением полузабытых теорий сторонника реставрации легитимной монархии в начале XIX в. Жозефа де Местра, если бы краеугольным камнем концеп-

ций Морраса не стал т.н. «интегральный национализм». Суть его сводилась к тому, что режим парламентской республики раскалывает народ на враждебные политические партии, морально ослабляя страну перед лицом её «наследственного врага» – Германии, исключая победоносный реванш за поражение 1870 г.

Моррас утверждал, что под ширмой демократии власть в стране прибирают к рукам чуждые и враждебные ей в национальном отношении силы – евреи, масоны, а также «метеки» (инородцы). Моррасовское течение смыкалось с экзальтированными писаниями другого апологета антисемитизма – публициста Эдуарда Дрюмона, трёхтомный опус которого «Еврейская Франция» стал своего рода Библией антидрейфусаров в разгар «дела Дрейфуса». Идеолог «интегрального национализма» чутко уловил определённые веяния времени – рост националистических настроений среди французской интеллектуальной элиты в накалённой атмосфере острых социальных конфликтов и надвигавшейся Первой мировой войны[165].

Если основанное им ультраправое движение «Аксьон франсэз» («Французское действие») насчитывало не более двух-трёх десятков тысяч членов, то моррасовские идеи, которые проповедовала газета того же названия, пользовались успехом среди немалой части французской интеллектуальной элиты. В молодости определённое влияние их испытали, каждый по-своему, оба крупнейших государственных и политических деятеля Франции XX в. – генерал де Голль и Франсуа Миттеран.

Моррасовскому «интегральному национализму» противостояли на левом фланге интернационалистские и пацифистские лозунги социалистической партии, объединившей в 1905 г. марксистских ортодоксов из Рабочей партии Жюля Геда с реформистами Жана Жореса. Ещё дальше шли анархо-синдикалисты типа Гюстава Эрве, провокационно призвавшего в знак презрения к национал-милитаризму водрузить национальное знамя Франции на куче навоза. Таким образом, на протяжении всего XIX в. национальная идея глубоко расколола французов. Трагическим апогеем этой поляризации сил стало убийство Жана Жореса, безус-

[165] Charler Maurras. Dictionnaire Politique et Critique. Paris, 1934.

пешно пытавшегося сохранить мир, фанатиком-националистом Виленом накануне Первой мировой войны – 31 июля 1914г.

С началом военных действий могло казаться, будто этот раскол отходит в прошлое. В окопах войны временно примирились сторонники и противники идейного наследия революции 1789 г. Правые националисты признали, наконец, республику со всеми её официальными атрибутами – «Марсельезой», трёхцветным флагом, девизом «Свобода, Равенство, Братство». Со своей стороны социалисты проголосовали за военные кредиты и вступили в коалиционные правительства «Священного единения». В атмосфере патриотического угара даже Гюстав Эрве превратился из пацифиста в крайнего национал-патриота.

Это относительное перемирие длилось недолго: правые партии снова попытались монополизировать идею нации. На выборах они упорно именовали себя «национальными», тогда как левые – «республиканскими». В 1920 г. католическая церковь канонизировала Жанну д'Арк. С тех пор память о национальной героине Франции стала атрибутом пропагандистского арсенала всех правых, авторитарных движений вплоть до фашистов, которые ссылались на её подвиги в Столетней войне с англичанами как обоснование своих призывов изгнать с французской земли всех «инородцев».

Тем не менее судьбы национальной идеи во Франции XX в. сложились по-иному, чем в предыдущем столетии. Если со времени революции 1789 г. до франко-прусской войны 1870 г. она служила знаменем республиканско-демократических сил, а затем реакционно-авторитарных, то отныне она глубоко расколола оба традиционных политических лагеря – как правый, так и левый. Более того, враждебные друг другу французские партии всё чаще апеллировали к иностранным моделям, а порой даже обращались к их носителям за материальной поддержкой. Обвинение собственных соотечественников в предательстве нации, измене интересам Отечества, практиковавшиеся во Франции и раньше (во времена революции 1789 г. – левыми, после 1870-х – правыми), на протяжении большей части XX в. стали характерной особенностью идейно-политической борьбы как слева, так и справа.

Начало этому было положено ещё на заключительном этапе

Первой мировой войны, когда премьер Жорж Клемансо обвинил своих прежних соратников по партии радикал-социалистов, бывших министров Жозефа Кайо и Луи Мальви, пытавшихся зондировать почву у немцев на предмет заключения компромиссного «ничейного» мира, в национальной измене, предал суду и упрятал в тюрьму.

Следующей важной вехой в процессе выхода борьбы вокруг французской национальной идеи за пределы государственных границ страны явилось решение большинства делегатов съезда Французской социалистической партии в Туре (декабрь 1920 г.) о присоединении к Третьему Интернационалу. В отличие от Второго, Социалистического Интернационала, секцией которого остались социалисты во главе с Леоном Блюмом, участие в Коммунистическом Интернационале предполагало принятие 21-го условия, среди которых фигурировало безоговорочное подчинение решениям конгрессов и исполкома Коминтерна в Москве. А коль скоро Коминтерн был по существу филиалом РКП(б), то французская компартия оказалась под контролем Советского Союза.

Вплоть до краха СССР позиции руководства ФКП во всём и всегда неизменно равнялись на Москву. Идеализируя советский режим, оправдывая самые тяжкие его преступления, ФКП послушно следовала за каждым поворотом внешней политики СССР – от поддержки оборонных усилий Франции после подписания советско-французского договора о взаимопомощи в 1935 г. до осуждения войны Франции и Великобритании с гитлеровской Германией после подписания пакта Молотова–Риббентропа в 1939 г. (в результате ФКП была запрещена, а её генсек М. Торез, уклонившийся от мобилизации в армию, укрылся в Москве).

Руководство компартии поддержало нападение СССР на Финляндию в 1940 г., подавление советскими войсками национального восстания в Венгрии в 1956 г., вторжение в Афганистан в 1979 г. Единственным исключением из этого общего правила было половинчатое, колеблющееся «неодобрение» интервенции стран Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г. против «пражской весны». В разгар холодной войны (1949 г.) М. Торез заявил, что французский народ никогда не будет воевать против Советского Союза, а если советские войска вступят на территорию Франции,

то их встретят так же, как народы стран Восточной Европы встречали Красную Армию, освобождавшую их в конце Второй мировой войны от гитлеровских оккупантов. Такая линия, навязанная всему международному коммунистическому движению, давала широкие возможности противникам ФКП – от правых до социалистов клеймить её как антинациональную силу, находящуюся на содержании иностранного государства (тем более что КПСС оказывала французской компартии ощутимую финансовую помощь как прямо, так и косвенно через советские внешнеторговые и банковские организации за рубежом).

Со своей стороны коммунисты решительно отвергали подобные обвинения, причём не только на словах. Там и тогда, когда это не расходилось с интересами СССР, ФКП выступала в роли защитницы национального суверенитета и независимости Франции – от нацистской Германии в 1930-е гг. и Второй мировой войны, от США в годы холодной войны. Уже в годы Народного фронта на VIII съезде ФКП (22-25 января 1935 г.) М. Торез в отчётном докладе утверждал, что коммунисты являются продолжателями лучших национальных традиций Франции, законными наследниками и защитниками культурного достояния её народа: «Мы, коммунисты – наследники революционной мысли энциклопедистов XVIII в., тех, кто подготовил своими произведениями Великую революцию... Мы – наследники революционной смелости и энергии якобинцев, давших Франции и миру лучшие образцы демократической революции»[166].

После поражения и оккупации Франции германскими войсками, но особенно после нападения гитлеровской Германии на СССР, французские коммунисты стали самой активной силой движения Сопротивления оккупантам на территории страны, возглавив отряды франтиреров и партизан – ядро Французских внутренних сил (ФФИ). В Национальном совете Сопротивления (НСС), объединившем все подпольные патриотические организации, ведущую роль играл руководимый коммунистами Национальный фронт. Неудивительно, что среди жертв репрессий оккупационных властей больше всего было коммунистов. Это дало ФКП по-

[166] Maurice Thorez. Oeuvres, livres III, T.11 Paris, 1953. P. 86-87.

сле освобождения страны возможность постоянно ссылаться на героизм рядовых коммунистов, отдавших жизнь за Отечество, как бесспорное доказательство своего патриотизма.

Заслуги в движении Сопротивления во многом объясняют популярность ФКП в первые послевоенные годы, когда она собирала на выборах до 28% голосов избирателей (ноябрь 1946 г.), пользовалась поддержкой многих видных представителей творческой интеллигенции. «Партия вернула мне цвета Франции», – писал известный поэт Луи Арагон, ставший членом ЦК ФКП.

В теоретическом плане подход французских коммунистов к национальному вопросу следовал за эволюцией ВКП(б), которая ещё в 30-е гг. начала по инициативе Сталина постепенную ревизию традиционных интернационалистических лозунгов марксизма, всё шире дополняя их национал-патриотической, а порой и националистической риторикой. Сочетание «казарменного социализма» советского образца с великодержавным шовинизмом, ксенофобией, государственным антисемитизмом, репрессиями в отношении целых народов стало в конечном итоге основой сталинского варианта марксизма-ленинизма в национальном вопросе.

По тому же пути шли зарубежные компартии, в том числе французская, пытавшиеся компенсировать безоговорочное подчинение Москве националистической пропагандой, особенно антигерманской или антиамериканской.

Ссылки на якобинские традиции имели в устах коммунистов веские основания. Лозунги национального единства сочетались у тех и других с беспощадным преследованием политических противников обоих, объявлявшихся врагами народа и изменниками Отечеству (аристократы для якобинцев, «двести семейств» крупной буржуазии у коммунистов). В период якобинской диктатуры (1793 г.) это вылилось в массовый террор и гражданскую войну.

Пытаясь определить фено́мен ФКП, сочетавший безоговорочную преданность СССР с национально-патриотической риторикой, лидер французских социалистов Леон Блюм назвал её «иностранной националистической партией»[167]. Вряд ли можно сомне-

[167] В первые недели после оккупации Парижа представители ФКП, которые ориентировались на советско-германский пакт, подали официальную заявку в не-

ваться, что это «раздвоение личности» немало способствовало упадку влияния, а затем и политической маргинализации французской компартии, начавшихся ещё до крушения тоталитарных режимов «реального социализма» в странах Центральной и Восточной Европы и в самом СССР.

Аналогичная «политическая шизофрения» в подходе к национальной идее была свойственна во Франции не только коммунистам, но и значительной части их антиподов в правом лагере. Она проявилась уже в межвоенный период, особенно в 30-е гг. Крайне правые движения фашистского толка, самым крупным из которых были «Боевые кресты» полковника Казимира де ля Рока, опиравшееся на союзы ветеранов Первой мировой войны, сочетали национал-патриотические лозунги с ориентацией на нацистскую Германию и фашистскую Италию, тоталитарные режимы которых рекламировались ими в качестве примера для Франции. 6 февраля 1934 г. попытка фашистского путча, хотя и безуспешная, была произведена в Париже. После разгрома 1940 г. и создания марионеточного тоталитарного режима Виши многие французские правонационалистические движения стали его твёрдым ядром.

В истории Франции противоречивое сочетание претензий на национальную исключительность с поисками иностранных моделей, собственного универсализма с подчинением зарубежным центрам давало себя знать на примере католиков.

Католицизм, взявший во Франции верх над протестантизмом во время жестоких религиозных войн XVI в. (в отличие от Германии, где он разделил страну пополам), бесспорно является неотъемлемой частью национально-культурной идентичности французов даже сегодня, когда большинство их стали атеистами или агностиками. Во времена абсолютной монархии французские короли именовали себя «христианнейшими», а свою страну – «старшей дочерью» римско-католической церкви. Между тем принцип подчинения столь влиятельной и богатой общественной силы, как духовенство, в частности его монашеские ордена, зарубежному центру – Ватикану с трудом вписывался в вертикаль светской

мецкую комендатуру с просьбой о разрешении на легальное издание их центрального печатного органа – «Юманите», но получили отказ.

власти строго централизованного французского государства. Отсюда конфликт между королями Франции и римскими папами, принявший в царствование Филиппа IV Красивого (конец XIII – начало XIV вв.) форму галликанства – соглашения королей с французским духовенством о том, что контроль над католической церковью Франции принадлежит её суверену. Принятие этой доктрины законниками-легистами короля Филиппа IV привело к жёсткой конфронтации с папой Бонифацием VIII, закончившейся победой короля и перенесением резиденции католических первосвященников из Рима в Авиньон (1309–1414 гг.). «Прагматическая санкция» Карла VII (1438 г.) делала короля по существу главой французской католической церкви. В 1516 г. король Франциск I подписал с папой Львом X договор (конкордат), легализовавший особый статус галликанской церкви и продержавшийся до революции.

Союз королевской власти с церковной иерархией, а духовенства с дворянством придал Великой Французской революции 1789 г. форму воинствующего антиклерикализма: революционная власть заставила священников присягать на верность республике, а тех, кто отказывался от этого, объявляла изменниками Отечеству и жестоко преследовала. Со своей стороны церковь активно поддерживала многочисленные коалиции европейских монархов против Франции и монархические режимы в собственной стране (Реставрацию, Июльскую монархию, обе наполеоновские империи) и долго отказывалась признавать республику, тем более что с 80-х гг. XIX в. республиканцы взяли курс на придание народному образованию, освобождённому от церковной опеки, светского характера. Неудивительно, что после принятия в 1905 г. закона об отделении церкви от государства инвентаризация церковных имуществ нередко сопровождалась кровопролитными конфликтами, зачинщиками которых были монахи ордена Вознесения.

Католическая иерархия стала верной опорой ультраправых националистов конца XIX – начала XX вв., выступавших против всех идей 1789 г. – республики, демократии, светскости. Так было, в частности, во время кризиса, вызванного «делом Дрейфуса», когда духовенство активно выступало на стороне антидрейфусаров.

В итоге на протяжении большей части XX в. католическая церковь играла роль идейной вдохновительницы, а в значительной мере и организационно-пропагандистского костяка правых партий, чем способствовала не объединению, а расколу нации. Это особенно ярко проявилось во время нацистской оккупации 1940–1944 гг., когда вождь ультраправой «группировки Аксьон франсэз» Шарль Моррас, посвятивший всю свою жизнь проповеди «интегрального национализма», совершил крутой поворот, отказавшись от своей прежней антигерманской риторики и объявив поражение Франции в 1940 г. «божественным сюрпризом», заслуженной карой за грехи безбожной демократической республики. Именно он стал идеологом т.н. «национальной революции», установившей в стране под эгидой оккупационных властей тоталитарный режим Виши во главе с маршалом Петэном. Ближайшие соратники Морраса типа Рафаэля Алибера, занявшие ключевые посты в правительстве вишистского «Французского государства», отменили все демократические законы республики и ввели расистское законодательство, скопированное с нацистской Германии.

Хотя Ватикан ещё в 1926 г. официально осудил «Аксьон франсэз», а сам Моррас был неверующим, большинство его сторонников являлись фанатичными католиками, мечтавшими о реванше за революцию 1789 г., «дело Дрейфуса», отделение церкви от государства и школы от церкви. Режим Виши открыто поддерживала верхушка церковной иерархии во главе с её главой – архиепископом Лионским кардиналом Сюаром, благословлявшим «Антибольшевистский легион» добровольцев, отправленный сражаться вместе с вермахтом на Восточный фронт. В то же время значительное число рядовых католиков и даже часть духовенства среднего звена решительно осуждали режим Виши, укрывали преследуемых им евреев, масонов, коммунистов, активно участвовали в движении Сопротивления. По влиянию в подпольных организациях и числу жертв террора оккупантов или вишистской милиции католики немногим уступали своим левым соратникам – коммунистам и социалистам.

Сочетание националистической, «почвеннической» и расистской демагогии режима Виши с его политикой коллаборационизма, сотрудничества с оккупантами, т.е. прямого предательства на-

циональных интересов страны было не менее парадоксальным этапом в истории национальной идеи во Франции, чем безусловная преданность СССР искренних патриотов среди коммунистов в периоды советско-германского пакта или холодной войны.

Тогда же, в трагические годы нацистской оккупации Франции родилось общественное течение, свободное от этой двойственности и сыгравшее поэтому решающую роль в судьбах французской национальной идеи на протяжении почти всей второй половины XX в. – голлизм.

Национальная идея в периоды Четвёртой и Пятой республик

Генерал Шарль де Голль (1890–1970 гг.) принадлежал по происхождению к типично правой среде старого, но обедневшего провинциального дворянства с прочными католическими и роялистскими традициями. В молодости де Голль, избравший карьеру кадрового офицера, вполне разделял эти традиции, испытав определённое влияние «интегрального национализма» Морраса.

Будучи, однако, трезвым реалистом, он предпочёл бесплодным мечтам о реставрации монархии признание неизбежности республики и демократии при условии, что они будут верно служить интересам нации. «Франция пришла из глубины веков... Её география, гений составляющих её народов, окружающие её соседи придают ей постоянный характер, передаваемый из поколения в поколение... Государство, отвечающее за Францию, призвано быть хранителем одновременно её вчерашнего наследия, её сегодняшних интересов и её надежд на будущее», – писал де Голль на закате своей жизни в «Мемуарах надежды», которые стали его политическим завещанием[168].

Для де Голля нация, которая отражает постоянство географии страны и историческую преемственность духовного наследия её народа, вечна, тогда как политические режимы преходящи. Основой нации он, в полном соответствии с традициями французской общественной мысли, считал государство, призванное защищать

[168] Charles de Gaulle. Mémoirs d’espoir. T. 1. Le renouveau. 1958-1962. Paris, 1970. P. 7.

безопасность страны, обеспечивая её независимость и величие в мире. Однако выполнить эту высокую миссию государство способно лишь тогда, когда власть, черпающая свою легитимность в волеизъявлении народа, сто*и*т выше своекорыстных интересов отдельных классов и партий, прикрываемых их соперничающими идеологиями.

«Будучи уверен в том, что суверенитет принадлежит народу, если он выражает своё мнение напрямую и целиком, я не допускаю дробления этого суверенитета между различными интересами, представляемыми партиями. Они должны конечно, по моему мнению, способствовать выражению различных взглядов, а затем избранию депутатов, которые обсуждают и принимают законы в палатах парламента. Но для того, чтобы государство было, как ему и положено, инструментом обеспечения единства Франции, высших интересов страны, преемственности национальной политики, я полагал необходимым, чтобы правительство формировалось не парламентом, то есть партиями, а стоящим над ними главой государства, получившим свой мандат непосредственно от всей нации и способным благодаря этому хотеть, решать и действовать», – подчёркивал де Голль[169].

Это типично бонапартистское сочетание авторитаризма с культом величия Франции и плебисцитарной «прямой демократией» сложилось у де Голля под влиянием не столько семейных традиций или воспитания, сколько личного опыта. Крушение парламентской Третьей республики, оказавшейся неспособной спасти страну от разгрома в начале Второй мировой войны, убедило генерала в том, что только сильное государство, стремящееся примирить богатых и бедных, левых и правых, республиканцев и монархистов, католиков и антиклерикалов во имя высших интересов Франции может обеспечить единство нации, став инструментом её сплочения внутри страны и гарантировать жизненные интересы вовне.

Причём обе эти задачи, по мысли генерала, тесно взаимосвязаны – без единства нации государство бессильно, в том числе в военном отношении, а без национальной независимости и вели-

[169] Ibid. P. 10.

чия оно неспособно привлечь поддержку народа. Для французов с присущими им, по признанию де Голля, индивидуализмом, неоднородностью происхождения, оставленными в наследство бурной историей конфликтами прошлого роль государства как гаранта национального единства особенно велика.

Де Голль не мог, разумеется, игнорировать тот факт, что в основе конфликтов между его соотечественниками лежали не только идеологическая или религиозная нетерпимость, но и объективное столкновение социальных интересов. Поэтому на определённом этапе существенным компонентом голлизма, наряду с авторитаризмом во внутренней политике и национал-патриотизмом во внешней, стала определённая разновидность социал-реформизма (проекты «Ассоциации капитала и труда» путём участия трудящихся в прибылях и даже управлении предприятиями). Их истоками служили не социалистические или тем более коммунистические идеи – де Голль всегда был непримиримым антикоммунистом, а доктрина «социального католицизма», сформулированная в конце XIX в. роялистом графом Альбером де Мэном под влиянием известной энциклики папы Льва XIII «Рерум новарум».

Колыбелью голлизма явилось эмигрантское движение Свободной (впоследствии Сражающейся) Франции, созданное де Голлем в Лондоне после подписания правительством Петэна в июне 1940 г. капитуляции перед гитлеровской Германией. Отказавшись признать его в своём знаменитом призыве к французам к сопротивлению, переданном по лондонскому радио 18 июня 1940 г., де Голль создал Французский национальный комитет – исполнительный орган движения. Хотя с учётом происхождения и взглядов его лидера в составе ФНК доминировали представители правых партий, военные, чиновники, порвавшие с режимом Виши, де Голль постепенно добился поддержки ФНК Национальным советом Сопротивления (НСС) на территории Франции, хотя ключевые позиции в нём занимали левые силы. В 1943 г. в состав ФНК вошли два коммуниста.

В итоге малоизвестный бригадный генерал, занимавший в последнем правительстве Третьей республики скромный пост заместителя министра обороны, стал признанным лидером всего движения Сопротивления – как во Франции, так и за её рубежами,

более того – олицетворением национального единства французов перед лицом внешнего врага и его сообщников – коллаборационистов режима Виши.

Придать кредитоспособность идее этого единства было нелегко. В ответ на обвинения деголлевцев в предательском сотрудничестве с гитлеровской Германией пропаганда Виши изображала самогó де Голля ставленником Великобритании. Положение осложнялось тем, что британский премьер У. Черчилль не прочь был видеть французского генерала, чьё движение содержалось за счёт британской казны, именно в такой незавидной роли.

Хуже того, президент США Ф.Д. Рузвельт относился к де Голлю с нескрываемой антипатией и долго делал ставку на его соперников из числа бывших вишистов типа генерала Жиро. Убеждённый в том, что с поражением 1940 г. Франция навсегда утратила роль великой державы, Рузвельт пытался после высадки англо-американских войск в Северной Африке, тогда ещё французской, а затем и в самой Франции (6 июня 1944 г.) подчинить страну, подобно вражеским государствам «оси», американской оккупационной администрации (АМГОТ).

Вполне естественно, что для де Голля перспектива вернуться во Францию в обозе иностранных армий, подобно Бурбонам после падения Наполеона, была абсолютно неприемлема. Она не просто оскорбляла и без того болезненно пострадавшее национальное самолюбие французов, но и лишала будущее свободное государство легитимности в глазах собственных граждан. А это ставило крест на мечте вождя Свободной Франции сохранить национальное единство, сложившееся в годы войны, построить на нём сильный, авторитетный режим во главе с ним самим и восстановить былой «ранг» Франции в мире.

От де Голля потребовались не только мужество, сила воли, но и незаурядная способность к гибкому дипломатическому маневрированию, в том числе с использованием «советской карты» (Договор о дружбе и взаимопомощи с СССР, подписанный в Москве в декабре 1944 г.), чтобы добиться для Франции статуса одной из четырёх великих держав-победительниц во Второй мировой войне, ответственных за решение германской проблемы, получить зону оккупации в Германии и постоянное место в Совете Безопас-

ности ООН.

Однако с освобождением страны и окончанием военных действий положение де Голля на посту главы Временного правительства Французской республики пошатнулось. Несмотря на все его патриотические заслуги, взгляды генерала на государственное устройство послевоенной Франции никак не отвечали интересам политических партий, стремившихся восстановить привычный и оптимальный для себя парламентский режим.

К тому же баланс сил на внутриполитической сцене страны коренным образом изменился. Правые партии, дискредитированные ответственностью за разгром 1940 г. и коллаборационизмом, оказались значительно ослабленными, активные деятели режима Виши попали под суд. Кое-кто (П. Лаваль) поплатился жизнью, другие оказались в тюрьме. Престарелый маршал Петэн был приговорён к смертной казни, заменённой пожизненным заключением. Такой же приговор получил и вдохновитель «Аксьон франсэз» Ш. Моррас.

Неудивительно, что в таких условиях политический маятник качнулся далеко влево. Первой партией страны по числу избирателей стала компартия. Умеренно-правый фланг заняло христианско-демократическое Народно-республиканское движение (МРП). Арбитром между ними оказались социалисты во главе с Л. Блюмом. Попытки де Голля лавировать между ними при опоре на МРП не увенчались успехом. 20 января 1946 г. генерал неожиданно подал в отставку в расчёте на скорый триумфальный возврат к власти. Однако путь к ней затянулся на долгие 12 лет, которые голлисты называют «переходом через пустыню».

Принятие трёхпартийным блоком в 1946 г. после почти года непрерывных политических сражений между его участниками конституции Четвёртой республики, в которой центром тяжести власти снова стал парламент, открыло один из самых сложных и противоречивых периодов в истории французской национальной идеи.

Тяготы восстановления и реконструкции экономики страны совпали с двумя важнейшими внешнеполитическими событиями глобального масштаба – началом холодной войны и деколонизации, вылившейся для Франции в 14-летнюю полосу кровопролит-

ных, разорительных и неудачных колониальных войн в Индокитае и Алжире.

Оба эти фактора придали общественной жизни страны международное измерение. Принятие Францией плана Маршалла и вступление её в Североатлантический союз означали решительный выбор в холодной войне стороны Запада во главе с США, альтернативой чему могла быть только судьба стран Центральной и Восточной Европы, которым был навязан тоталитарный режим советского образца.

Внутри страны следствием этого выбора стало исключение 5 мая 1947 г. министров-коммунистов из правительства социалиста П. Рамадье, а после совещания представителей ряда компартий в Польше в сентябре того же года, тон которому задал доклад А.А. Жданова, – переход ФКП в непримиримую оппозицию всей внутренней и внешней политике правящих кругов.

Пропагандистские кампании французских коммунистов сопровождались зимой 1947 и 1948 гг. массовыми стачками, имевшими целью сорвать план Маршалла, демонстрациями против приезда главнокомандующего войсками НАТО в Европе генерала Риджуэя (1952 г.) и даже актами саботажа на железных дорогах против транспортировки войск и вооружений для войны в Корее. В ответ на обвинение в пособничестве Москве компартия объявила всех своих политических противников вместе взятых «американской партией во Франции», превратившей страну в сателлита США.

Попыткам ФКП перехватить национал-патриотические мотивы способствовали не только её заслуги в движении Сопротивления во время Второй мировой войны, но и вынужденное согласие французских правящих кругов под нажимом Вашингтона на создание ФРГ, а затем и её перевооружение. Антиамериканская и пацифистская риторика коммунистов подкреплялась ещё более жёсткой антигерманской кампанией, находившей в первые послевоенные годы всё ещё значительный отклик среди французов, не забывших разгром 1940 г. и времена гитлеровской оккупации.

На противоположном, правом фланге политического спектра противовесом компартии выступила созданная генералом де Голлем партия «Объединение французского народа» (РПФ). Её идей-

ной платформой служили жёсткий антикоммунизм, требования коренной реформы конституции Четвёртой республики путём расширения прав исполнительной власти за счёт законодательной, «Ассоциация капитала и труда», наконец, более независимая внешняя политика в рамках западного альянса, особенно по германскому вопросу. На выборах коммунисты и голлисты собирали в общей сложности почти половину голосов.

Таким образом, в первые, самые опасные годы холодной войны национальная идея во Франции оказалась заложницей не только несовместимых идеологий или борьбы партий за власть, но и внешнего фактора – раскола мира на две непримиримо враждебные системы во главе с СССР и США.

Результатом оказалась политическая дестабилизация, а затем даже постепенная эрозия национальной делегитимности режима Четвёртой республики. Кабинеты, опиравшиеся на неустойчивые коалиции центристских партий т.н. «Третьей силы» – социалистов, радикалов, католического Народно-республиканского движения (МРП), традиционных консерваторов, близких в прошлом к режиму Виши, менялись у власти в среднем каждые полгода (за 12 лет сменились 22 правительства), оказываясь не в состоянии решить назревшие проблемы страны.

МРП, два лидера которой – Жорж Бидо и Робер Шуман много лет поочередно занимали пост министра иностранных дел, пыталось противопоставить националистической пропаганде коммунистов и голлистов идеи франко-германского примирения и строительства на его основе интегрированной Европы в рамках Североатлантического союза. Робер Шуман, предложивший 9 мая 1950 г. – в пятую годовщину окончания Второй мировой войны создать интегрированное Европейское объединение угля и стали (ЕОУС) – прообраз будущего Евросоюза, фигурирует, наряду с лидерами христианско-демократических партий ФРГ и Италии К. Аденауэром и А. де Гаспери, в числе «отцов единой Европы».

В конечном счёте именно сочетание атлантизма с европеизмом стало основой как внутренней, так и внешней политики Четвёртой республики. Однако оно прошло через ряд серьёзных испытаний. Одним из самых крупных них стал провал 30 августа 1954 г. во французском Национальном собрании проекта Европей-

ского оборонительного сообщества (ЕОС), задуманного как способ перевооружить ФРГ при сохранении контроля над ней. Против ЕОС голосовали как коммунисты слева, так и голлисты справа, к которым примкнула в центре часть социалистов и радикалов. Однако несколько месяцев спустя перевооружение ФРГ было проведено иным способом – принятием её в НАТО на основе Парижских соглашений[170].

Если германская проблема решалась по существу внешними факторами, то колониальный вопрос, не менее чувствительно затрагивавший национальные чувства французов, оказался для режима Четвёртой республики фатальным, став непосредственной причиной её падения под ударами военного путча.

Кризис второй в мире по площади и населению колониальной империи Франции начался по существу уже с момента её поражения и капитуляции в 1940 г. Борьба между режимом Виши и деголлевским движением Свободной Франции за контроль над администрацией заморских владений, оккупация Японией Индокитая, высадка англоамериканских войск в Северной Африке дискредитировали власть метрополии в глазах колониальных народов. Результатом оказались требования ими автономии, а затем и независимости. Ответом Парижа стало применение вооружённой силы, заранее обречённое на неудачу.

Война в Индокитае (1946–1954 гг.), которая велась кадровыми частями и наёмниками из Иностранного легиона, была явно непопулярна среди французов, чьё национальное самолюбие пострадало лишь на её заключительном этапе – в связи с унизительным поражением экспедиционного корпуса под Дьен-Бьен-Фу. Поэтому перемирие, подписанное премьер-министром Пьером Медес-Франсом на Женевской конференции 1954 г., было воспринято в стране с облегчением.

Зато с войной в Алжире (1954–1962 гг.), вспыхнувшей всего полгода спустя, дело обстояло по-иному. В этой самой старой и обширной колонии Франции, захваченной ею ещё в 1830 г. и ад-

[170] Провалу ЕОС предшествовала острая дискуссия в стране, расколовшая её на два враждебных лагеря. См.: La Querelle de la C.E.D. Essai d'analyse sociologique. Sous la direction de Raymond Aron et Daniel Lerner. Paris, 1956.

министративно приравненной к части территории метрополии, жили 1,2 млн французов – 10% населения, причём многие на протяжении нескольких поколений. К тому же в алжирской Сахаре были найдены крупные залежи нефти. Для значительной части французов метрополии перспектива потери Алжира, а вместе с ним всей заморской империи вызвала крайне болезненную реакцию. Напоминая о глубокой психологической травме поражения 1940 г., она воспринималась как символ окончательной утраты Францией роли великой державы. К тому же войну в Алжире вели уже не только добровольцы и Иностранный легион, но и значительный контингент призывников, составлявший на протяжении 7 лет более половины всех вооружённых сил страны.

Результатом стал острый кризис, который впервые с 1930-х гг. поднял на поверхность общественной жизни Франции крайне националистические, ультраправые, а отчасти и неофашистские элементы. Перед лицом неспособности режима Четвёртой республики найти выход из кровопролитной, дорогостоящей и бесперспективной войны алжирские ультраколониалисты европейского происхождения подняли 13 мая 1958 г. мятеж, потребовав сформирования правительства «национального спасения». Их поддержало командование дислоцированной в Алжире армии во главе с генералом Саланом. Над страной нависла угроза военно-фашистского путча.

Этой кризисной ситуацией воспользовался генерал де Голль, который к этому времени, казалось, отошёл от активной политической жизни. Выступив на авансцену как арбитр, готовый спасти Францию от гражданской войны, он возглавил правительство и получил от парламента чрезвычайные полномочия на проведение коренной реформы Конституции.

В те времена некоторые советские историки и публицисты вслед за французской компартией пытались проводить параллель между крушением Третьей и Четвёртой республик (Г.М. Ратиани, Ю.А. Жуков и др.). Некоторое внешнее сходство между двумя этими ключевыми для судеб национальной идеи во Франции событиями действительно было: в обоих случаях налицо прогнивший режим, проигранные войны, озлобленная поражениями армия, наконец, харизматическая фигура в военном мундире, обе-

щавшая примирить расколотую страну, восстановив единство нации с помощью реформы государственного строя в авторитарном духе.

Однако такое сходство было чисто внешним, обманчивым. За режимом Виши стояла не французская, а германская армия. В противоположность узколобому реакционеру Петэну де Голль – его близкий сотрудник в 1930-е гг., а затем непримиримый противник в годы Второй мировой войны – был не только кадровым военным, но и государственным деятелем исторического масштаба. Полный решимости восстановить национальную независимость страны с учётом качественно новых реальностей середины XX в., он был готов, в случае необходимости, идти на острые конфликты со своей социальной средой, союзниками за рубежом, наконец, переступить через многие собственные чувства и убеждения.

Внушительные итоги 10-летнего пребывания генерала де Голля на посту первого президента созданной по его мерке Пятой республики достаточно известны. Убедившись в бесперспективности войны в Алжире, он шаг за шагом корректировал свою политику в алжирской проблеме с тем, чтобы убедить подавляющее большинство французов в неизбежности предоставления алжирцам, а затем и народам остальных заморских владений права на самоопределение.

Это решение далось нелегко. Главе государства пришлось пойти на конфликт с частью армии, справиться с двумя попытками военных путчей, террором ультра из «Вооружённой секретной организации» (ОАС), неоднократно пытавшейся организовать покушение на него самого, уходом ряда ближайших соратников. Успешно справиться с исторической задачей деколонизации де Голлю, безусловно, помог и тот факт, что в глазах подавляющего большинства своих соотечественников именно он олицетворял со времён движения Сопротивления те самые национально-патриотические ценности, которые подверглись в ходе колониальных войн столь тяжёлым испытаниям.

Однако для того, чтобы адаптировать Францию к изменившемуся внешнему миру и помочь французам осознать необходимость такого приспособления, одной репутации национального героя, основанной на прошлых заслугах, было недостаточно. В 60-х гг.

XX в. де Голль по сути дела повторил то, что уже однажды сделал в 1940–1945 гг., добившись для страны, которая потерпела поражение в начале Второй мировой войны, ранга одной из великих держав-победительниц. Двадцать лет спустя для этого понадобилось не меньше усилий.

Коренной реформе, прежде всего, подверглась армия – она была сокращена вдвое, модернизирована и переведена на ядерные рельсы. Во внешней политике сохранение верности Североатлантическому альянсу, подтверждённого в ходе карибского и берлинского кризисов, не помешало выходу Франции из интегрированных военных структур НАТО. Упрочение франко-германского тандема, закреплённого Елисейским договором 1963 г., сочеталось с курсом на «разрядку, согласие и сотрудничество» с СССР. С окончанием деколонизации активизировалась политика Франции в «Третьем мире», особенно в Африке и на Ближнем Востоке. Результатом этого сбалансированного курса «по всем азимутам» оказалось заметное повышение роли Франции на мировой арене, расширившая возможности её дипломатического манёвра, несмотря на жёсткие рамки биполярного мира, где продолжалась холодная война.

Все эти достижения были бы невозможны без изменения государственного строя в соответствии с голлистской концепцией приоритета исполнительной власти президента и структурного обновления экономики страны, начатого в период Четвёртой республики и позволившего органично вписать её в процесс европейской интеграции, где де Голль упорно отстаивал межгосударственное, конфедеративное начало в противовес наднациональному, федеративному.

Могло казаться, что голлизм нашёл, наконец, оптимальную для Франции форму реализации национальной идеи, сочетающей историческую преемственность с учётом требований современной эпохи. Однако вскоре стало очевидно, что голлистский вариант этой идеи – далеко не окончательный ответ на вызовы времени, а всего лишь преходящий, хотя и чрезвычайно важный этап в процессе её дальнейшей эволюции.

Симптомом глубокого кризиса голлизма стали события мая-июня 1968 г. Начавшись в Париже со студенческих демонстраций

под лозунгами левацкого толка – троцкистскими, анархистскими, маоистскими, они переросли в острый социально-политический кризис общенационального масштаба. В течение нескольких дней правительство утратило контроль над ситуацией в стране, парализованной всеобщей забастовкой. Де Голль вынужден был покинуть Париж и искать поддержку у командования французских войск, дислоцированных в Германии.

Хотя вскоре глава государства сумел восстановить порядок, а голлистская партия «Союз за новую Республику» (ЮНР) выиграла внеочередные парламентские выборы с подавляющим преимуществом, события 1968 г. обнажили острый конфликт между традиционной для Франции структурой государства, опирающегося на строго централизованную бюрократическую машину, и потребностями изменившегося французского общества. В прежнем виде государство не могло более выполнять ту функцию, которую де Голль считал главной – обеспечивать единство нации как основу независимости страны.

Причём именно голлизм, с успехом использовавший государство для модернизации общества, ускорил созревание собственного кризиса, принявшего форму классического конфликта поколений. Национально-патриотическая риторика, призванная амортизировать социальные конфликты внутри французского общества и смягчить объективный процесс изменения его роли страны на международной арене с учётом качественно изменившейся расстановки сил в мире, наглядно продемонстрировала пределы своей эффективности. Попытка де Голля реформировать созданный им режим не удалась: проект реформы, призванной приблизить власть к новым общественным реалиям, был отвергнут на референдуме 9 апреля 1969 г. Генерал немедленно подал в отставку и полтора года спустя умер в возрасте почти 80 лет.

Последние три десятилетия XX в. прошли во Франции под знаком упорного стремления преемников де Голля на посту президента Пятой республики решить ту самую сверхзадачу, которая была сформулирована её основателем: адаптировать французское общество и государство к вызовам времени, сохранив в сложных условиях глобализации и европейской интеграции национальную идентичность французов, их верность наследию великого прош-

лого страны.

Сменивший де Голля в 1969 г. Жорж Помпиду, который шесть лет занимал до этого пост премьер-министра, считался уже неоголлистом: в его прагматичной шкале приоритетов национальная независимость и величие Франции определялись не столько политическими или военными, сколько прежде всего экономическими категориями. Однако поставленная им амбициозная цель – выйти по промышленному потенциалу на уровень ФРГ – оказалась недостижимой. Ограниченность материальных возможностей для продолжения голлистской внешней политики побудила Помпиду сочетать преемственность с переменами. «Внешняя политика де Голля играла на национальных струнах в душе французов... Май 1968 г. и связанные с ним валютные потрясения прозвучали приговором, хотя бы временным, слишком жёсткой концепции национальной независимости. Поэтому Жорж Помпиду как продолжатель голлизма должен был приспособиться к новой ситуации», – отмечал один из его сотрудников Шарль Деббаш[171].

Тяжелая болезнь и безвременная кончина Помпиду (март 1974 г.) совпали с первым «нефтяным шоком» – резким увеличением цен на энергоносители, ускорившим структурную перестройку экономики всех индустриальных стран и начало новой научно-технической революции в глобальном масштабе, связанной с высокими, прежде всего информационными технологиями. В Европе, в том числе во Франции, этот крутой перелом оказался связанным с немалыми социальными издержками – торможением темпов роста производства, углублением неравенства, хронической безработицей.

Нелёгкая миссия решения связанных с этим проблем выпала на долю сменившего Помпиду Валери Жискар д'Эстена, занимавшего президентский пост в 1977–1981 гг. В этот период страна пережила второй «нефтяной шок» (1979 г.), усугубивший её социально-экономические трудности. Хотя при де Голле Жискар д'Эстен уже занимал ключевой пост министра экономики и финансов, он являлся, в отличие от своих предшественников, уже не голлистом, а либералом, образцовым представителем современной тех-

[171] Charles Debbasch. La France de Pompidou. Paris, 1974. P. 155.

нократической элиты страны, мыслящей не столько национальными, сколько европейскими и глобальными категориями[172].

Продолжив продиктованную событиями 1968 г. модернизацию французского общества (включение молодёжи и женщин в политическую жизнь путём снижения возраста гражданского совершеннолетия с 21 до 18 лет, легализация планирования семьи), Жискар д'Эстен начал постепенный демонтаж издавна присущей Франции, но особенно расширившейся в первые послевоенные десятилетия системы жёсткого экономического дирижизма. Усиление либерально-рыночных начал за счёт свёртывания прямого вмешательства государства в экономику и социальные отношения сочеталось с более активным участием Франции в процессе евростроительства, где она постепенно отходила и от характерного для голлизма межгосударственного, конфедеративного подхода в пользу определённых наднациональных, федералистских решений. Вместе с канцлером ФРГ Г. Шмидтом Жискар д'Эстен дал решающий импульс к переходу евростроительства на качественно новый уровень валютно-экономического, а затем и политического союза. Ему же принадлежала инициатива создания «семёрки» на уровне глав государств и правительств наиболее развитых индустриальных государств.

Между тем необходимость приспособления экономики стран к глубоким структурным сдвигам на европейском и глобальном уровнях, кризис разрядки и резкое обострение холодной войны в конце 1970-х – начале 1980-х гг. существенно сузили поле для манёвра её правящей элиты как внутри страны, так и на международной арене. Компенсировать высокую социально-экономическую цену евростроительства апелляцией к национальным чувствам французов, как это делал де Голль в период деколонизации, оказалось всё более трудным – послевоенное «славное тридцатилетие» быстрых темпов роста производства и полной занятости осталось позади. Резервы, за счёт которых питалась деголлевская концепция восстановления независимости и величия Франции,

[172] Основанная им партия «независимых республиканцев» слилась в 1979 г. с другими группами близкого оттенка, образовав блок «Союз за французскую демократию» (СФД) либерально-центристского толка – главного союзника и конкурента неоголлистов в правом лагере.

выходившая за рамки её материальных возможностей, оказались исчерпанными.

Именно этим во многом объяснялся провал кандидатуры Жискар д'Эстена на второй президентский срок в 1981 г. Размышляя двумя десятилетиями спустя о причинах этой неудачи, бывший президент подчёркивал тот факт, что французы болезненно переживают «политический упадок» своей страны, отождествляя его по традиции с количественными параметрами – территорией, населением, военной мощью. Сам он считает такое представление безнадёжно архаичным и потому глубоко ошибочным: «Уровень могущества зависит главным образом от сравнений с другими, т.е. от внешних факторов. А политический упадок или прогресс нации измеряется внутренними факторами, т.е. способностью её населения организоваться и способствовать своей эволюции по пути творческого обновления»[173].

Нелёгкая задача убедить в этом французов стала уделом соперника и преемника Жискара д'Эстена – лидера социалистической партии Франсуа Миттерана (1916–1996 гг.), который пробыл на посту президента 14 лет подряд – больше, чем любой глава государства за всю историю республиканского строя во Франции.

Он пытался сочетать верность национальным интересам Франции с европеизмом и атлантизмом, интегрируя страну в объединённую Европу и Североатлантический союз на максимально приемлемых для неё условиях.

Тем не менее обе эти задачи оказались взаимодополняющими – каждая была верна для своего времени. Только преодолев психологический надлом французов после поражения и капитуляции, заставив их вновь поверить в своё высокое историческое призвание, де Голль мог добиться для Франции достойного её великого прошлого ранга на международной арене. В свою очередь Миттеран сумел убедить своих соотечественников в необходимости поисков Францией достойного места в изменившемся мире, прежде всего, в объединённой Европе с учётом как её национальных интересов, так и реальных возможностей. Если рассматри-

[173] Valéry Giscard d'Estaing. Les Français. Réflexions sur le destin d'un people. Paris, 2000. P. 16.

вать смену лидеров Пятой республики под этим углом зрения, то деятельность неоголиста Помпиду и либерала Жискар д'Эстена были закономерными этапами между эпохами генерала де Голля и социалиста Миттерана.

Несмотря на политический антагонизм между де Голлем и Миттераном, усугублённый личной враждой, они разделяли в молодости схожие национальные ценности. Родившийся в семье служащего, ставшего затем мелким промышленником, но воспитанный в доме дяди с типичными для провинциальной буржуазии консервативными взглядами, Франсуа Миттеран получил, как и де Голль, воспитание в частной католической школе. В бурные годы кануна Второй мировой войны Миттеран принимал участие в молодёжных движениях крайне правого толка, вдохновлявшихся идеями «интегрального национализма» Морраса, оказавшего влияние в своё время и на молодого де Голля. Мобилизованный в армию, попав в плен и германский лагерь для интернированных (точно также, как де Голль в период Первой мировой войны), бежав из него, Миттеран оказался в администрации режима Виши, где даже получил орден из рук маршала Петэна. Таким образом, де Голль и Миттеран, несмотря на общность их идейных истоков, оказались в противоположных лагерях.

Примкнув с 1943 г. к подпольному движению Сопротивления, Миттеран отказался подчиниться лидеру Свободной Франции генералу де Голлю. После освобождения страны он вступил в политическую жизнь. Карьера его в период Четвёртой республики была на редкость успешной – за 12 лет он был министром 11 раз и мог смело рассчитывать на кресло премьера. Однако события 1958 г. и возврат де Голля к власти разбили эти надежды, заставив Миттерана перейти в непримиримую оппозицию голлистскому режиму. А поскольку ультраправые националисты видели в Миттеране одного из виновников потери Францией колониальной империи, единственным возможным пристанищем для него оказался лагерь левой оппозиции режиму Пятой республики, где он возглавил социалистическую партию и привел её почти четверть века спустя к руководству страной.

В отношении Миттерана к национальной идее не только в молодости, но и в зрелые годы сохранялись определённые точки со-

прикосновения. Лидер социалистов высоко ценил французскую культуру, язык, историю и традиции, которыми, как и его великий предшественник, владел в совершенстве.

Вместе с тем мировоззрение Миттерана, как и его внешняя политика у власти, испытали гораздо более значительное влияние идеологии европеизма и атлантизма. Уже в 1948 г. он принял участие в первом конгрессе Европейского движения в Гааге. В условиях холодной войны Североатлантический союз с США и развитие европейской интеграции являлись основой внешнеполитического курса всех правительств т.н. «третьей силы», в которых Миттеран участвовал.

Перейдя в оппозицию в Пятой республике и возглавив соцпартию под лозунгом союза левых сил с компартией, он активно использовал европейскую идею как важный противовес коммунистической идеологии, сочетавшую равнение на СССР с национал-патриотическими лозунгами.

После избрания Миттерана в 1981 г. президентом кризис разрядки международной напряжённости значительно сузил поле для манёвра Франции между двумя тогдашними сверхдержавами – США и СССР. На этом фоне Миттеран скорректировал свою внешнюю политику (поддержка размещения американских ракет «Першинг-2» в Европе, осуждения советской интервенции в Афганистане, введения военного режима в Польше). Необходимость такой корректировки усугублялась присутствием коммунистов в правительстве, вызывавшем серьёзное беспокойство в США.

В отношениях с СССР Миттеран придерживался двойственной линии, сочетавшей непримиримость в защите западных ценностей с диалогом, причём соотношение этих элементов менялось в зависимости от обстановки: «Франция должна, разумеется, воздерживаться от претенциозности и избегать давать уроки другим. Но я уверен в том, что простое напоминание ею принципов, поступаться которыми нельзя, обойдёт всю планету. Я считаю, что если СССР обнаружит бóльшую сплочённость того, что именуют Западом и Европой, то это побудит его подумать о целесообразности переговоров с ними»[174].

[174] François Mitterrand. Ici et maintenant. Paris, 1980. P. 36.

В самом деле, после размещения американских ракет среднего радиуса в Европе, сбалансировавших советские, замороженный диалог между Парижем и Москвой возобновился. В 1984 г. Миттеран совершил государственный визит в СССР, облегчённый для него тем, что к этому времени представители компартии были вынуждены покинуть левоцентристское правительство. Поэтому приход к власти в СССР М.С. Горбачёва, его политика перестройки и гласности не застали Миттерана врасплох. Поддержав реформистские начиная советского лидера, приветствовав крах коммунистических режимов в странах Центральной и Восточной Европы, французский президент, успешно переизбранный на второй срок, обнаружил, что его страна оказалась в ином, незнакомом мире. Падение 9 ноября 1989 г. берлинской стены, которое дало толчок необратимому процессу воссоединения Германии, разрушило фундамент послевоенного устройства Европы, заложенный в Ялте и Потсдаме. Хотя Миттеран, как до него де Голль и все его преемники, ритуально осуждали Ялту и её последствия – раскол Германии и Европы, по существу они охотно мирились с ним, ибо только этот раскол обеспечивал равновесие внутри франко-германского тандема – мотора всего евростроительства.

Попытки Миттерана взять процесс крушения Потсдамско-ялтинской системы под контроль, выдвинув идею «европейской конфедерации», способной послужить надёжными рамками для объединённой Германии, не увенчались успехом: М.С. Горбачёв предпочёл решение проблемы германского единства напрямик с Г. Колем. Безуспешными оказались и робкие шаги французского президента к тому, чтобы притормозить распад СССР, чреватый, по его убеждению, дестабилизацией прежнего баланса сил в Европе и в мире. С исчезновением СССР и началом войны в Югославии единственным выходом из неуправляемой ситуации для Миттерана стало максимальное форсирование интеграционного процесса в ЕС. Результатом стали Маастрихтский, Амстердамский и Ницкий договоры, поднявшие интеграцию на новый уровень создания валютно-экономического союза, первых шагов к общей внешней оборонной политике и политике безопасности. Однако рассчитывать при этом на сохранение политического лидерства в европейских структурах в тандеме с воссоединённой Германией

Франции было отныне уже всё более сложно.

Ещё более неблагоприятно для Парижа складывалась геополитическая ситуация на глобальном уровне. С крушением СССР ушёл в прошлое биполярный мир, в котором Франция имела возможность отстаивать свои интересы как за счёт лавирования между Востоком и Западом, не ставя под вопрос свою принадлежность к последнему, мастером чего был де Голль, так и повышением своей цены в глазах США демонстрацией атлантической солидарности, как это делал Миттеран. В мире, где осталась лишь одна сверхдержава – США, оба способа потеряли былую эффективность.

К окончанию второго президентского мандата Миттерана (1995 г.), когда президент был уже тяжело болен, а руководство правительством перешло к правому правительству Эдуарда Балладюра, миттерановская формула органического сочетания французской национальной идеи с европеизмом и атлантизмом изжила себя не менее основательно, чем ранее голлистская. «Франция не воспользовалась крушением СССР и освобождением наций на Востоке, чтобы обновить свои концепции организации и судьбы Европы, – пишет Э. Балладюр. – Преследуемая стремлением создать рамки для объединённой Германии, она не смогла вовремя предложить новую организацию для всей Европы. Пытаясь оказать большее влияние на стратегические дебаты о равновесии и безопасности континента, она попыталась занять снова своё место в Атлантическом союзе, чтобы добиться необходимых гарантий роли, которую может там играть, и создания системы подлинной европейской обороны. Пока она не добилась успеха ни в одном из этих начинаний»[175].

Следствием этих неудач оказался очередной кризис французской национальной идеи. На протяжении 1990-х гг. Франция не смогла ни найти новое, достойное её место на европейской и мировой арене, ни создать на этой основе прочный национальный консенсус, к которому была близка при де Голле, а в какой-то момент, хотя и на иной основе, и при Миттеране. Из фактора сплочения французов она снова, как это уже не раз случалось в про-

[175] Eduard Balladur. Caractère de la France. Paris, 1997. P. 29.

шлом, оказалась источником раздоров между ними, наносящих ущерб как решению назревших внутренних проблем, так и поискам оптимальной внешней политики.

Жан-Мари Ле Пен и деградация французской национальной идеи

Тревожным симптомом этого кризиса стал рост влияния ультраправого движения «Национальный фронт» (НФ) во главе с Жан-Мари Ле Пеном. Впервые с 1930-х гг. во французской политической жизни появилась массовая партия, выступающая не просто с националистическими, но порой даже с антисемитскими и расистскими лозунгами.

Феномен НФ и фигура её лидера отнюдь не являются «французским исключением». Ультраправые популистские партии появились на рубеже XXI в. во многих европейских государствах – в Бельгии за неё голосуют 10% избирателей, в Дании – 12%, в Норвегии – более 14%, в Австрии – 20%, в Голландии и даже мирной, богатой, демократической Швейцарии – 23%. В некоторых странах (Австрия, Италия) ультраправые вошли в состав коалиционных правительств. В первом туре президентских выборов 2002 г. во Франции Ж.-М. Ле Пен, собравший почти 17% голосов, оттеснил кандидата соцпартии премьер-министра Лионеля Жоспена и вышел во второй тур, где оказался единственным соперником президента республики – неоголлиста Жака Ширака.

Фигура лидера НФ достаточно характерна. Жан-Мари Ле Пен родился в 1928 г. в бретонском городке Трините-сюр-Мер в семье владельца небольшой рыболовецкой фирмы и получил хорошее для своей среды образование: он окончил иезуитский колледж (как до него де Голль и Миттеран), элитный юридический факультет Парижского университета, стал лиценциатом прав, что открывало путь к карьере адвоката. В 1950-е гг. Ле Пен завербовался во французский экспедиционный корпус в Индокитае, но участию в боях предпочёл редактирование военной газеты. После перемирия в Индокитае он снова принял участие в колониальной войне – на сей раз в Алжире, где был лично причастен к пыткам пленных алжирцев.

Начав интересоваться политикой ещё в студенческие годы, Ле

Пен был избран 2 января 1956 г. самым молодым депутатом парламента от ультраправого Союза защиты торговцев и ремесленников Пьера Пужада, но вскоре отошёл от него и перед президентскими выборами 1965 г. возглавил предвыборный штаб адвоката Тиксье-Виньянкура, выступавшего в качестве защитника на процессах бывших деятелей режима Виши, попавших под суд за коллаборационизм. Таким образом, корни НФ уходят в прежние этапы французского ультраправого движения – вишизм, пужадизм, колониальные войны.

Национальный фронт, основанный в начале 1970-х гг., на протяжении более десяти лет оставался лишь одной из многих мелких крайне правых группировок, пользовавшихся влиянием в основном среди деклассированных слоёв населения. Ситуация качественно изменилась после прихода к власти в 1981 г. социалистической партии, выступавшей в блоке с коммунистами. Сдвиг оси политической жизни страны влево вызвал обычный в таких случаях «эффект маятника» – радикализацию правого лагеря, травмированного поражением. На выборах в 1984 г. в Европарламент НФ впервые перешагнул 5%-ный барьер.

Успеху лепеновцев, неуклонно наращивавших свой избирательный потенциал от 7-8 до 10-12, затем до 15-17%, способствовали многие факторы. В тактическом плане сыграли роль беспринципное поведение умеренных правых партий, ряд представителей которых принимали голоса НФ во втором туре местных выборов, манёвры Миттерана, стремившегося расколоть руками Ле Пена правый лагерь, наконец, упадок компартии, часть протестного электората, которой переметнулась с крайне левого фланга на крайне правый.

Гораздо важнее, однако, глубинные тенденции объективного порядка – структурная безработица, связанная с последствиями научно-технической революции, европейской интеграции и глобализации, падение рождаемости коренного населения и стимулируемый этим приток иммигрантов из развивающегося мира, нравы, обычаи, религия которых (особенно ислам) с трудом вписываются в традиционную среду стран приёма. Эти общие для всего постиндустриального мира тенденции приняли во Франции особо болезненные формы, ставя под вопрос принцип монокуль-

турного характера французского общества, считавшийся условием единства этнически неоднородной нации.

На этом фоне усиление социальной поляризации, рост неуверенности в завтрашнем дне, трансформация или упадок традиционных для Франции инструментов национально-культурной интеграции – школы, церкви, армии (переведённой на профессиональную основу) провоцируют острую реакцию. У значительной части населения, так или иначе затронутой этими явлениями, она приобретает формы агрессивной ксенофобии.

Избиратели НФ – преимущественно мужчины с невысоким уровнем образования, проживающие в небольших городах и деревне. 38% избирателей Ле Пена в 2002 г. составляли безработные, 30% – рабочие, 20% – крестьяне. Остальные были представителями традиционных средних слоёв – торговцами, ремесленниками, мелкими и средними промышленниками, чьё положение в последние два-три десятилетия пошатнулось под ударами технического прогресса. Главными бастионами влияния НФ служили южные и северо-восточные регионы страны, особенно болезненно переживавшие свёртывание традиционных отраслей промышленности (угледобыча, металлургия, текстиль), сельского хозяйства, трансформацию сферы услуг, где наиболее высок уровень безработицы и значительно присутствие иммигрантов. Именно на этот социально уязвимый «народный» электорат ориентирован пропагандистский багаж НФ – требования «национального преимущества» при приёме на работу, резкого ужесточения иммиграционного законодательства, принудительной депортации нелегальных иммигрантов, которые объявляются главным рассадником преступности, наркомании, СПИДа.

Демагогия НФ принимает порой откровенно расистский оттенок – например, оценка гитлеровского геноцида евреев как «детали» истории Второй мировой войны или запугивание французов перспективой потери страной её национальной, культурной и религиозной идентичности ввиду контраста демографической динамики коренного населения и иммигрантов: «Готовьтесь к тому, что через 30 лет президентом Франции будет мусульманин!» – угрожает Ле Пен.

Национализм НФ органически сочетается с протекционист-

ским изоляционизмом – критикой европейской интеграции, глобализации, деятельности транснациональных корпораций. В качестве эффективных способов борьбы против негативных последствий этих противоречивых процессов предлагаются пересмотр договоров о создании Евросоюза, отказ от его единой валюты, повышение таможенных тарифов, снижение налогов при значительном повышении бюджетных расходов на поощрение рождаемости, помощь многодетным семьям французов и жёсткую борьбу с преступностью (в частности, восстановление смертной казни, отменённой социалистами в 1981 г.).

Один из французских политиков заметил, что Ле Пен ставит правильные вопросы, но даёт на них ложные ответы. В стране, где четверть самодеятельного населения живёт за счёт внешней торговли, составляющей 25% её ВВП, возврат к протекционизму неизбежно чреват экономической катастрофой. Демографическая динамика не только Франции, но и всех постиндустриальных стран Европы такова, что без импорта иностранной рабочей силы они будут отброшены на обочину мировой экономики, а их система социальной защиты рухнет под тяжестью неуклонно растущей доли иждивенцев – пенсионеров.

Националистическое поветрие, которое дало себя знать в Европе, в том числе во Франции, в конце XX – начале XXI вв., не может, разумеется, сравниваться по масштабам с межвоенными годами, когда на волне последствий Первой мировой войны и Великой депрессии 1929–1933 гг. в ряде ведущих государств Европы пришли к власти тоталитарные режимы, выступавшие под флагом национализма и расизма. Согласно опросам, три четверти французов осуждают Национальный фронт. Это подтвердили результаты второго тура парламентских выборов 2002 г., в ходе которого за кандидатуру прежнего президента-неоголлиста Жака Ширака отдали свои голоса 82,15% избирателей. Поскольку в первом туре он получил всего 19,6% голосов. Во втором за него (точнее, против Ле Пена) высказались как умеренные правые партии, так и их «системные» соперники из левого лагеря, включая социалистов и коммунистов. Между двумя турами на улицах французских городов прошли стихийные демонстрации под лозунгами, напоминавшими времена Народного фронта – «Фашизм не

пройдёт!».

На этом фоне может показаться, что «шок» первого тура президентских выборов 2002 г. был всего лишь преходящим эпизодом, а фено́мен Национального фронта – не более чем мрачной тенью прошлого. В самом деле, его 75-летний лидер сходит с политической авансцены, его сторонники раскололись на две соперничающие группировки. Тем не менее феномен «лепенизма» – это сигнал, который нельзя недооценивать. Он является результатом действия глубинных факторов, способных снова дать знать о себе и в будущем.

Главный из них – острое ощущение французами угрозы их национальной идентичности, исходящей как извне, под воздействием процессов европейской интеграции и глобализации, так и изнутри – ввиду продолжающегося притока иммигрантов из стран бывшего «Третьего мира». Под вопросом оказалась сложившаяся веками модель монокультурного общества, которая компенсировала неоднородность его этнических корней за счёт ассимиляторской политики государства.

Между тем издавна присущая Франции роль государства как символа, творца и гаранта сохранения единой нации неуклонно размывается. Это связано, прежде всего, со свёртыванием его прежних дирижистских функций в экономике и возросшим весом гражданского общества, а также изменением роли традиционных инструментов национально-культурной интеграции – школы, армии, церкви. Процесс эрозии национального государства, характерный для всех постиндустриальных стран, идёт как снизу, через расширение полномочий органов местного самоуправления, так и сверху – через углубление интеграции в Евросоюзе и глобализации экономики. До 70% всех французских нормативных актов так или иначе предопределяются ныне решениями, принятыми органами ЕС в Брюсселе.

Между тем по своему экономическому и военному потенциалу, как и геополитическим параметрам, Франция не может более претендовать на роль лидера объединённой Европы, как необходимого условия глобальной ответственности. В. Жискар д’Эстен в одном из выступлений напомнил своим соотечественникам, что французом является ныне лишь каждый сотый житель нашей пла-

неты. Однако ностальгия по прошлому до сих пор дестабилизирует подсознание нации, порождая фрейдистское сочетание комплексов неполноценности и превосходства: «Франция может оставаться самой собой только в том случае, если будет чувствовать себя больше, чем она есть на самом деле», – иронически отметил бывший министр, академик Франсуа Деньо. Отсюда – столь раздражающий порой партнёров Парижа стиль поведения французской дипломатии и бизнес-сообщества, который иностранцы именуют обычно «французским самомнением» (l'arrogance française).

То же касается и отношения французов к своему культурному наследию. Законно гордясь всемирно-историческим значением идей демократии, прав человека, родившихся именно во Франции, вершинами её искусства и литературы, французы постоянно колеблются между двумя крайностями – универсализмом и утверждением собственной исключительности. Первое объясняет склонность давать уроки демократии и эстетики другим народам, вторая порождает изоляционизм, недооценку достижений иных цивилизаций, имеющих собственные шкалы духовных ценностей и эстетические критерии («французское исключение»).

Значительная часть французской интеллектуальной элиты отдаёт себе отчёт в опасности психологической раздвоенности своих соотечественников в подходе к национальной идее. Наиболее дальновидные представители этой элиты (как правые, так и левые) исходят из того, что поиски хотя бы минимального, но остро необходимого национального консенсуса являются условием сохранения Францией в третьем тысячелетии места и роли в глобализированном мире, достойных её великого прошлого.

Благоприятные предпосылки для этого существуют. Наиболее важные среди них – девальвация жёстких идеологических систем, не раз раскалывавших французское национальное сообщество на непримиримо враждебные группировки, толкая антагонистов на поиски образцов для подражания, а иной раз и покровителей за рубежом. Сейчас, когда крушение тоталитарных идеологий и режимов лишило альтернативы такие фундаментальные ценности французского общества, как плюралистическая демократия и рыночная экономика, подобные драматические коллизии становятся беспредметными. Разумеется, столкновения, порой весьма жёст-

кие, экономических и социально-политических интересов различных слоёв и групп французов, различия их духовных исканий никуда не исчезнут. Францию, как и другие страны со столь богатой, бурной историей, вряд ли ожидает гармоническая идиллия. Но они не имеют отныне шансов поставить под вопрос национальную легитимность той или иной из противоборствующих сторон.

О том же говорят и качественные перемены на международной арене. С распадом СССР биполярный мир и холодная война бесповоротно ушли в прошлое. Лишившись прежних возможностей манёвра между Востоком и Западом, Севером и Югом, Франция связала своё будущее с развитием диалога «по всем азимутам», но, прежде всего, с углублением и расширением объединённой Европы, в которой её руководители хотели бы видеть один из весомых центров многополярного мира. В этой системе координат могли бы найти оптимальное сочетание столь различные грани французской национальной идеи, как универсализм и защита собственной культурной специфики, чувствительность к событиям, бросающим вызов национальным интересам и духовным ценностям с уважением к столь же законным интересам и специфике других цивилизаций.

Для решения этой сверхзадачи нынешний президент Жак Ширак пытается использовать опыт всех своих предшественников в Елисейском дворце. Будучи выходцем из голлистского крыла правого лагеря, он не мог не обратиться, прежде всего, к наследию основателя Пятой республики – генерала де Голля с его культом национального величия и независимости Франции, смягчённому прагматизмом своего «крестного отца» в политике Ж. Помпиду. Вместе с тем он немало научился и у своих былых соперников – либерала В. Жискар д’Эстена и социалиста Ф. Миттерана, вложивших значительный вклад в модернизацию внутренней и европеизацию внешней политики страны.

Если первый срок президентских полномочий Ж. Ширака (1995–2002 гг.) был парализован 5-летним вынужденным «сожительством» с враждебным парламентским большинством и левым правительством социалиста Л. Жоспена, то второй, начатый беспрецедентной по масштабам победой на президентских и парла-

ментских выборах 2002 г., открывает определённые возможности для согласия большинства французов на почве модернизированной национальной идеи, которое оставалось до сих пор недостижимым.

Избавленный на ближайшие годы от угрозы слева после тяжёлого поражения социалистов и упадка влияния компартии, президент сосредоточил свои усилия на маргинализации ультраправого национал-экстремизма в лице лепеновского НФ. Проведено объединение основных умеренных партий правого лагеря – неоголлистов с большинством либералов, резко усилена борьба против преступности и терроризма – питательной почвы для демагогии НФ, предприняты шаги к смягчению проблемы иммиграции и налаживанию диалога различных этноконфессиональных сообществ (католиков, мусульман, иудеев).

Вряд ли можно надеяться на то, что за период полномочий нынешнего главы государства, сокращённый к тому же с 7 до 5 лет (до 2007 г.), историческая проблема поисков французами консенсуса в подходе к национальной идее будет решена до конца. Однако факторы, способствующие её решению, выглядят в начале XXI в. более обнадёживающими, чем прежде. В начале третьего тысячелетия национальная идея в политической жизни Франции имеет шансы впервые за долгое время стать тем, чем она может и должна стать – сочетанием культурной идентичности народа, сформированной его общей географией и историей, с признанием многообразия его этнических корней, твёрдой защиты государственных интересов в Европе и в мире с занятием в них места, совместимого с реалиями современности. В противном случае возврат к прошлому станет неизбежным.

ГЛАВА 12. КОРСИКАНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И ЕГО ПРЕДЕЛЫ*

Французская нация изначально сложилась на весьма разнообразной этнической основе кельтских и германских племён, постепенное слияние которых произошло не снизу, а сверху, под воздействием политического фактора – государства. Именно оно – сначала Римская империя, затем феодальная и абсолютная монархии, наконец, республика – обеспечило общность языка, культуры, правовых норм страны.

Строго централизованная и единообразная вертикаль французской административной системы, всегда игравшая значительную роль в экономической и культурной жизни общества, всячески минимизировала региональные различия, в которых усматривалась потенциальная опасность сепаратизма. Государство провозглашало страну «единой и неделимой», решительно отвергая любые формы автономии и тем более федерализма, что заметно отличает Францию от её соседей по ЕС – Германии, Италии, Бельгии, Швейцарии, а теперь также Испании и Великобритании.

Характерно, что сами понятия «национальность» и «гражданство» во Франции даже юридически совпадают, исключая термин «нацменьшинство»: все граждане Французской республики независимо от этнической принадлежности официально именуются французами. Тем самым их идентичности, чувству принадлежности к одному народу с единой культурой, языком, исторической судьбой придаётся гражданский характер.

Разумеется, подобная установка во многом условна, а иногда и искусственна. Она игнорирует, например, множественную идентичность таких категорий граждан, как евреи (600 тыс.), армяне (400 тыс.), цыгане (200 тыс.), которые сочетают французский патриотизм с собственной культурно-конфессиональной самоидентификацией и солидарностью с соплеменниками за рубежом. Это тем более относится к иммигрантам, прежде всего арабам-му-

* Сепаратизм в политической жизни современной Европы. ДИЕ РАН, № 318, М., ИЕ РАН, 2015 г. С. 67-71.

сульманам из Северной Африки, получившим французское гражданство, но сохраняющих культурную и религиозную специфику.

В какой-то мере такую неоднозначность можно констатировать и у жителей т.н. «маршей» – пограничных областей, сравнительно поздно вошедших в состав французского государства: Бретани, Эльзасе с германоязычной частью Лотарингии, Стране басков, Корсике, сохраняющих этнолингвистическую общность с сопредельными государствами.

У бретонцев, эльзасцев, басков очевидно стремление сохранить свой язык – баскский, диалекты гэльского и немецкого, защитить культурное достояние, экономические интересы своего региона, что вполне совмещается с патриотическим сознанием принадлежности к единой нации – ни о каком сепаратизме они не помышляют. Например, французские баски сочувствуют борьбе испанских за независимость, помогают их подпольным организациям, но не собираются брать с них пример. Эльзасцы, чья страна трижды переходила от Германии к Франции и обратно, не склонны повторять печальный опыт прошлого и считают лучшей гарантией от этого европейскую интеграцию в рамках ЕС, одной из «столиц» которой служит Страсбург.

Единственным исключением в какой-то мере выглядит Корсика, где националистические настроения перерастают порой в сепаратизм и даже приобретают порой форму террористического подполья. Это объясняется особенностями исторических судеб и социально-экономическими проблемами «Острова Красоты», как именуют обычно Корсику французы.

Корсика (площадь 8680 км^2, население 314,5 тыс.) сменила за свою историю много хозяев – римлян, вандалов, византийцев. С XI в. она принадлежала папскому престолу, который передал её под управление пизанцев, затем генуэзцев. В 1768 г. Генуэзская республика по Компьенскому договору продала остров в уплату своего долга королю Франции.

Корсиканцы, говорящие на диалекте итальянского языка, всегда отличались независимым характером – они не раз поднимали восстания против Генуи, а затем Франции. После революции 1789 г. Паоли, статуя которому стоит на центральной площади исторической столицы острова – Корте, провозгласил независи-

мость, быстро подавленную французскими войсками. Характерно, что хотя самый знаменитый корсиканец в истории – Наполеон Бонапарт, родившийся в Аяччо, служит предметом гордости своих соотечественников скорее перед иностранцами и тем более французами, у себя на родине он уступает Паоли.

Современная Корсика – один из наименее развитых среди 13 регионов метрополии (кроме заморских департаментов и территорий). Основой её экономики служат сельское хозяйство – фрукты, овощи, виноград, горное животноводство, туризм, строительство и торговля недвижимостью. Сравнительно низкий для Франции жизненный уровень коренных жителей острова ведёт к постоянному оттоку населения на континент, где обосновалась почти половина корсиканцев. Многие из них заняли видное положение, с одной стороны, в политической жизни, на госслужбе, особенно в правоохранительных органах, в адвокатуре, а с другой, – в мафиозных структурах игорного бизнеса, рэкета, наркоторговли Юго-Востока (Прованс-Лазурный берег, особенно Марсель).

Социально-экономические трудности корсиканцев на фоне скупки иностранцами элитных участков на побережье стали питательной почвой для подъёма националистических настроений. Толчком для них послужили события 22 августа 1975 г. в Алерин, когда протесты жителей против продажи земель местных виноделов вылились в столкновения с жандармами, в ходе которых были жертвы. Ответом было год спустя преобразование прежнего умеренного автономистского движения – Союза народа Корсики в сепаратистский Фронт национального освобождения Корсики (ФНОК), выдвинувшего лозунги независимости острова. На выборах кандидаты-националисты собирают свыше четверти голосов избирателей, а иногда и больше.

Парижские власти заняли двойственную позицию, сочетавшую отдельные уступки с сохранением унитарного характера государства. Остров, административно разделённый на два департамента (Верхняя и Нижняя Корсика), был выделен в особый регион, жители которого избирают свою территориальную Ассамблею. Вместе с тем Конституционный совет отверг употребление самого термина «корсиканский народ» как несовместимого с Основным законом.

В результате ФНОК ушёл в подполье и занялся терактами – подрывом отелей, вилл иностранцев, покушениями на представителей правоохранительных органов. Их жертвами стали более 200 человек. Апогеем вооружённой борьбы стало убийство 6 февраля 1998 г. префекта Эриньяка, вызвавшее широкий резонанс во всей Франции.

Однако за прошедший с тех пор период сепаратистское движение постепенно спадало. ФНОК раскололся на две конкурирующих структуры – боевую и легальную. На выборах значительное большинство избирателей предпочитает отдавать голоса местным филиалам общефранцузских политических партий – левым (социалисты) или правоцентристским, но с ярко выраженной местной спецификой. В итоге корсиканские националисты, отказавшиеся от вооружённой борьбы, выглядят сегодня заметно менее радикальными, нежели испанские (Каталония, Страна басков), итальянские (Лига Севера) или британские (Шотландия). Сепаратизм на «Острове Красоты» становится всё более маргинальным явлением.

ГЛАВА 13. КИТАЙСКАЯ ДИАСПОРА ВО ФРАНЦИИ*

Проблема интеграции диаспор мигрантов – выходцев из иных цивилизационных ареалов приобретает в наши дни всё большую актуальность как для стран-доноров, так и особенно реципиентов. Она имеет особое значение в отношении китайцев, живущих в странах Северной Америки и Западной Европы, в том числе Франции.

История образования и география размещения

Китайцев до начала XX в. во Франции практически не было. В 1911 г. официально их насчитывалось всего 281 человек, в основном мелких торговцев, в портовых городах и столице. Впервые большое число китайцев прибыло в 1914–1919 гг. Правитель-

* Современная Европа, № 3(59), июль-сентябрь 2014 г. С. 127-132.

ство Франции заключило тогда с Китаем соглашение, предусматривающее работу 130 тыс. человек в прифронтовой полосе. Десять тысяч из них погибли или умерли от эпидемии гриппа – «испанки», а большинство вернулось на родину. Однако 2-3 тыс. человек остались, став рабочими автозаводов «Рено», «Панар» и составив ядро будущей диаспоры.

Между двумя мировыми войнами темп притока китайцев на работу и учёбу во Францию был невысок – несколько тысяч иммигрантов в год, в основном временных. Были среди них и будущие лидеры КНР – Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин.

Значительные волны иммиграции последовали только за победой коммунистов в Китае и созданием КНР (1949 г.), завоеванием независимости Вьетнамом, Лаосом и Камбоджей в национально-освободительных войнах против Франции (1954 г.) и затем США (1973 г.). Это в основном были политические беженцы и представители среднего класса – торговцев, ремесленников из стран Индокитая, где они контролировали сферу услуг. Особенно заметную волну китайских иммигрантов вызвало обострение китайско-вьетнамских отношений в конце 1970-х – начале 1980-х гг., когда основная масса этнических китайцев была вынуждена покинуть ДРВ. В 1970 г. численность диаспоры уже оценивалась в 100-200 тыс. После того как в 1985 г. власти КНР сняли ограничения на выезд из страны, китайская иммиграция приобрела устойчивые темпы – порядка 80 тыс. человек в год.

По оценкам МВД Франции, в стране ныне постоянно проживают 600 тыс. этнических китайцев. Ришар Бераха называет цифру 450 тыс., а демографическая статистика – 200-300 тыс. Расхождение в оценках объясняется тем, что статистика не учитывает лиц китайского происхождения, которые получили французское гражданство. Для этого было два пути: либо по месту рождения (во Франции действует «право почвы», по которому родившиеся на французской территории иностранцы по достижении совершеннолетия могут по заявлению стать гражданами), либо по гражданству проживающих во Франции родителей.

Бóльшая часть лиц, составляющих китайскую диаспору, прибыла во Францию не из материкового Китая (КНР), а из других стран Юго-Восточной Азии, прежде всего Индокитая, являвших-

ся более 75 лет частью французской колониальной империи. Получив образование во французских школах и владея языком, многие из них после обретения их страной независимости предпочли эмигрировать в бывшую метрополию. Даже если исходить из средней оценки порядка 500 тыс., китайская диаспора во Франции является самой большой в Европе. Районы компактного проживания китайцев – «чайнатауны» в Париже уступают только аналогичным образованиям в Сан-Франциско, Нью-Йорке и Лондоне.

В общем числе иностранцев, имеющих право на жительство во Франции (3,2 млн) китайцы уступают североафриканским арабам – уроженцам Алжира, Туниса, Марокко и уроженцам Тропической Африки (Сенегал, Мали и т.д.), также являвшихся в прошлом французскими заморскими владениями. Они опережают испанцев, португальцев и итальянцев, несмотря на тесные культурные связи последних с французами.

Прибывая обычно по краткосрочным визам (туристическим, студенческим и т.д.), многие китайцы, как и арабы или африканцы, нарушают паспортный режим и остаются во Франции. Доля нелегалов доходит до 25%, из которых принудительно выдворяется лишь ограниченная часть, поскольку власти КНР неохотно принимают их обратно в рамках процедуры реадмиссии.

От 50 до 80% всей китайской диаспоры во Франции проживает в столичном регионе Иль-де-Франс, причём большинство в городской черте Парижа, особенно в нескольких его кварталах. Зонами наибольшего сосредоточения китайских торговцев и ремесленников всегда были некоторые улицы близ Лионского вокзала, в Латинском квартале, Марэ (III округ), Бельвиле, а с конца 1970-х гг. в юго-восточном XIII округе, где обветшалые здания были снесены и уступили место высоткам с умеренной квартплатой. Там возник первый и главный «чайнатаун» с китайскими магазинами, ресторанами, крытым рынком, буддистским храмом и т.д. (площадь Италии и треугольник улиц Шуази, Иври, бульвара Массена). Позднее такой же, но чуть меньший образовался в одном из восточных округов. Китайское присутствие становится заметным и в городах-спутниках Парижского района, в частности, Марн-ля-Валле. В провинции оно отмечается лишь в нескольких местах – в Лионе или Лилле.

Постепенно меняется не только размещение китайской диаспоры, но и происхождение пополняющих её лиц. «Зарубежных китайцев» из Вьетнама, Лаоса, Камбоджи всё больше теснят трудовые мигранты из определённых провинций материкового Китая – Хэбэй, Цзянсу, Шаньдун, городов Вэнчжоу или Чаоджоу (Юго-Восток и Северо-Восток КНР). Общность происхождения, диалекта, семейные отношения делают узы солидарности и взаимопомощи, которые свойственны китайцам вообще, а вдали от родины особенно ещё более прочными. Это способствует успехам китайской диаспоры в борьбе за место в социально-экономической жизни страны пребывания.

Особенности организации и адаптации

Если китайские трудовые мигранты времён Первой мировой войны 1914–1919 гг. и межвоенного периода были в большинстве неграмотными крестьянами, занятыми на тяжёлой, грязной, плохо оплачиваемой работе, то сейчас их облик и социальный статус изменились коренным образом: 27% выходцев из семей азиатского происхождения (в основном китайцев и вьетнамцев) во второмтретьем поколении относятся к категории «кадров» (по французской статистике – квалифицированных специалистов среднего звена). В то же время среди этнических французов их доля составляет 14%, у потомков североафриканских арабов – 9%, а «цветных» африканцев – 5%. Такая же картина наблюдается и в других постиндустриальных странах, особенно в США, где выходцы из Индии, Китая, Японии всё чаще пополняют верхние слои среднего класса, в отличие от афро- и латиноамериканцев, занимающих как правило нижние этажи социальной пирамиды. Большинство представителей китайской диаспоры в современной Франции, являются мелкими и средними предпринимателями, ремесленниками или относятся к т.н. «промежуточным профессиям» в сфере услуг – торговле, общественном питании.

Наряду с уровнем образования преимуществами китайской диаспоры являются чёткая организационная структура, построенная на иерархических отношениях «младших – старших» по возрасту, состоянию, землячеству и т.п. Посторонним вход туда наглухо закрыт. Эти структуры приобретают порой криминальный

характер, выступая в роли зарубежных аналогов мафиозных группировок в самом Китае («триады»). Действуют они, как правило, в таких сферах, как наркотрафик, азартные игры, проституция. Подпольные салоны курильщиков опиума и игорные притоны, содержащиеся китайцами, служили темой французской детективной литературы ещё в первой половине прошлого века. Правоохранительные органы, специализированные на борьбе с этими видами преступлений, с большим трудом проникают в китайскую среду.

Тем не менее связанные с китайской диаспорой крупные общественные скандалы – довольно редкое явление. Хотя посольство и консульства КНР, не говоря уже о весьма эффективных спецслужбах, активно используют китайскую диаспору для получения политической, научно-технической, коммерческой информации, представители китайских официальных кругов Пекина избегают огласки своих связей с ней. Это касается и представителей КПК, которые, в отличие от времён Мао Цзэдуна, ограничиваются официальным обменом делегациями с французскими коммунистами, вытесненными на обочину политической жизни.

Во французской внутренней политике китайская диаспора практически не участвует, но в ней самой идёт острая борьба за влияние между группами, ориентированными на материковой Китай (КНР) и на Китайскую республику (Тайвань), причём обе финансируются из Пекина и Тайбэя, где её контролирует партия Гоминдан.

Отсутствие иммигрантов-китайцев в публичном пространстве объясняет тот факт, что их образ во французском общественном мнении менее негативен, нежели арабов и выходцев из стран Тропической Африки, являющихся главным объектом враждебности французских националистов. Причины этого состоят в том, что хотя парижские «чайнатауны» не блещут гигиеной, они всё же выглядят гораздо лучше арабо-африканских «этнических гетто» в пригородах крупных городов, особенно Парижского района: здесь на фоне хронической безработицы царит антисанитария, распространены инфекционные болезни, хулиганство, наркомания.

Антиарабские настроения усиливает фундаменталистский ислам, установки которого идут вразрез с культурными ценностя-

ми французов, не говоря уже о связях исламистов с международным терроризмом. Китайцы же в своей основной массе исповедуют буддизм, даосизм, многие являются христианами-католиками.

Вместе с тем отношения китайской диаспоры с коренным населением и властями во Франции не следует идеализировать. Несмотря на уважительное отношение китайцев к местной культуре и знание языка, они остаются для французов цивилизационно чуждыми. Отмечены даже открытые конфликтные ситуации, например, в 2010 г. в Бельвиле 10 тыс. китайских иммигрантов провели демонстрацию в связи с участившимися случаями грабежей и насилия.

Большой общественный резонанс получила возродившаяся практика скупки китайцами дипломов французских университетов с тем, чтобы добиться вида на жительство и трудоустройство. Торговля людьми – нелегальный ввоз посредниками мигрантов с фальшивыми документами и их последующая нещадная эксплуатация в подпольных мастерских также широко распространены, но она касается уроженцев самых разных стран.

В целом вряд ли можно рассчитывать на полную ассимиляцию китайской диаспоры во Франции, к чему она и сама не стремится. Она может, однако, рассчитывать на достаточно высокую степень интеграции в правовое поле при соблюдении общепринятых норм поведения. Для французов понятие идентичности имеет больше гражданские, нежели этноконфессиональные коннотации.

Место китайской диаспоры в экономической жизни

Бóльшая материальная обеспеченность китайцев во Франции по сравнению с арабами и африканцами во многом является следствием взаимной финансовой поддержки. В каждом китайском квартале имеется общий фонд, играющий роль кассы взаимопомощи или неофициального банка, которые предоставляют вновь прибывшим начальный капитал для открытия своего дела, ссуды в трудных обстоятельствах, кредиты для оплаты расходов на свадьбы, похороны и т.д.

Лидеры китайских общин – как правило, люди со средствами, общественным положением, старшего возраста – выступают в роли арбитров при решении имущественных споров, чтобы по воз-

можности избежать необходимости обращаться во французские судебные органы. Также осуществляется значительная часть операции купли-продажи недвижимости, торговых помещений, ресторанов, мастерских между членами диаспоры. По просочившимся в печать сведениям, покупка китайцем у своего соотечественника продовольственной лавки обходится ему в среднем в 30-100 тыс. евро, ресторана – 700 тыс., а швейной мастерской – от 100 до 400 тыс. Естественно, что эта «серая зона» даёт определённые возможности для ухода от налогов.

Традиционными сферами деятельности китайской диаспоры в Париже являются:

– изготовление и сбыт кожгалантереи, в основном из привозной синтетики (70-80 мастерских и лавок в районе Консерватории искусств и ремёсел);

– рестораны китайской, вьетнамской, кхмерской, иногда японской кухни (800-900, особенно в Латинском квартале, 3-м округе и Бельвиле, практически по всей стране);

– производство и продажа китайской лаковой мебели из дорогих пород дерева с металлическими и перламутровыми инкрустациями (Сент-Антуанское предместье);

– продовольственные магазины, торгующие полуфабрикатами китайской кухни;

– текстильные товары из КНР или подпольных мастерских.

В последние 20 лет китайцы занимают всё более заметное место в современных видах торговли (сбыт электробытовых товаров, электроники, часов, ввезённых из КНР, нередко по контрабандным каналам), перспективных сегментах современной сферы услуг – риэлтерские, туристические агентства, информатика, программное обеспечение, банки, страховые компании.

Иногда конкуренция с коренным населением приводила к трениям: например, острый конфликт возник в связи со скупкой китайцами магазинов табачных изделий, которые некогда были во Франции монополией государства, предоставлявшего лицензии розничным торговцам-французам, особенно инвалидам, ветеранам войны и т.д.

При оценке возможностей дальнейшего увеличения численности и повышения экономической роли китайской диаспоры

нельзя не учитывать, что за ней стоит отныне не нищая полуколониальная окраина, а вторая в мире по объёму ВВП и перспективами дальнейшего роста мощная держава глобального масштаба. В условиях экономической стагнации Париж всячески подчёркивает свою заинтересованность в максимальном расширении доступа на гигантский рынок КНР и притока оттуда инвестиций, способных укрепить хрупкое финансовое положение Франции.

В то же время наплыв дешёвых потребительских товаров из Китая, важным каналом для которых служит диаспора, вызывает нарекания французских предпринимателей. Баланс франко-китайских торговых отношений сводится с хроническим пассивом для французской стороны. Из Франции в КНР постоянно идёт отток капиталов и производств, привлекаемых дешевизной рабочей силы, щадящим налоговым режимом, менее затратной социальной и экологической политикой государства. Это ведёт к деиндустриализации, обостряя и проблему занятости – главную болевую точку общественной жизни страны.

Китайских инвесторов обвиняют в копировании известных французских торговых брендов, незаконном заимствовании передовых технологий с нарушением прав интеллектуальной собственности, игнорировании норм санитарной безопасности. Неоднократно имели место конфликты китайского менеджмента с французским персоналом и профсоюзами, которые протестовали проив массовых увольнений. Поскольку большинство крупных китайских компаний контролируется государством или использует льготные кредиты государственных банков, французы упрекают партнёров в недобросовестной конкуренции.

Как результат в поведении французских правящих кругов и предпринимательского сообщества очевидна двойственность: наращиванию экономического сотрудничества с КНР, крупным контрактам в ядерной энергетике, авиа- и автопроме, фармацевтике противоречат кампании французских СМИ по поводу нарушений в КНР прав человека, ущемления нацменьшинств (Тибет, Синьцзян), протекционистских мер по ограничению доли китайского капитала в ряде стратегически важных отраслей.

Тем не менее, если в 2009 г. общий объём китайских прямых инвестиций во Франции составлял 2,7 млрд долларов, то в 2010 г.

он достиг 3,6 млрд, а в 2011 г. уже 9,8 млрд, то есть за три года вырос в 3,5 раза. Больший общественный резонанс вызвало приобретение китайскими телекоммуникационными компаниями «Хуавэй» и ZTE (деятельность которых запрещена в США, Канаде и Австралии в связи с обвинениями их в промышленном шпионаже) ряда французских фирм аналогичного профиля. Китайские инвесторы способствовали преодолению трудностей автогиганта «Пежо – Ситроен» (ПСА). Среди иностранных банков во Франции всё более весомую роль начинает играть «Гонконгско-Шанхайская банковская корпорация» (HSBC), головной европейский офис которой находится в Лондоне.

От совместных инвестиций в общие с КНР проекты во многом зависит также будущее системообразующих инфраструктурных корпораций Франции – таких как ЭДФ (электроэнергетика), ЖДФ – СЮЭЗ (газ). Китайские фирмы увеличивают свою долю в туристическом бизнесе «Клуб – Мед», скупают всемирно известные виноградники Бордо. Проблемам сохранения контроля над предприятиями, важными с точки зрения национальной безопасности, от проникновения китайского капитала, был посвящён специальный доклад сенатора Жан-Мари Бокеля.

* * *

Особенности истории и структуры китайской диаспоры во Франции имеют мало общего с китайским присутствием в РФ. Тем не менее некоторое сходство просматривается. Тенденция к формированию этнических общин с собственными внутренними структурами, правилами поведения, взаимопомощью, в том числе финансовой, налицо. Совпадают и сферы экономической деятельности – импорт, торговля, порой контрабандная, дешёвым и низкокачественным ширпотребом с нарушениями трудового и налогового законодательства. Впрочем, те же черты более выражены у диаспор кавказского или среднеазиатского происхождения, опирающихся на финансовые, криминальные, а порой и политические группы влияния.

Взаимосвязь китайской диаспоры в России с широкомасштабным российско-китайским межгосударственным и деловым сотрудничеством (энергетика, ВПК) пока не очень просматривается. В отличие от Франции трудовая миграция китайцев в РФ оседает

больше в пограничных зонах Восточной Сибири и Приморья, чем в Москве и Московской области. Вместе с тем французский опыт регулирования условий пребывания китайской диаспоры может быть полезен. Во Франции к китайским иммигрантам применяются общие нормы национального законодательства – требование наличия работы, жилья, знания языка, соответствия санитарным требованиям и т.д. Её структура по профессиональному профилю, возрасту, полу, семейному статусу и т.д. определяется двусторонними межправительственными соглашениями со странами-донорами, согласованными в рамках Евросоюза.

Сочетание этих уровней было бы целесообразно применить и в России, где до сих пор вопросы миграции китайцев регулировались отдельно от масштабных соглашений, определяющих условия межгосударственного сотрудничества. Видимо, назрела необходимость включить миграционные составляющие в экономический и юридический контекст взаимодействия РФ – КНР в целом, а возможно, и будущего Евроазиатского союза.

ЧАСТЬ III.
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ГЛАВА 1. ТИЛЬЗИТ

Встреча двух императоров – Александра I и Наполеона 25-26 июня 1807 г. в Тильзите является одним из самых ярких эпизодов русско-французских отношений начала XIX в. Дело, разумеется, не в помпезном театральном декоруме этого свидания, происходившего в знаменитом павильоне на плоту посреди Немана и сопровождавшегося парадами гвардейских частей обеих сторон, а в огромном значении подписанных в Тильзите документов для судеб Европы. Действительно, прочный мир и союз двух самых мощных к тому моменту её держав теоретически мог бы, казалось, стать краеугольным камнем биполярной системы международных отношений на континенте. Такая система отражала бы не только баланс геополитических интересов наполеоновской Франции, находившейся тогда в зените своего военного могущества, и бескрайней России с её неисчерпаемыми природными и людскими ресурсами, но и определённый компромисс между противоположными социально-политическими системами – самодержавно-крепостнической православной монархией Романовых и душеприказчиком Французской революции, стремившимся легитимировать её итоги утверждением наследственной империи.

Однако как раз в Тильзите и после него этот грандиозный проект обнаружил свою полную несостоятельность, а в конечном счёте, и обречённость.

В анализе исторической роли Тильзита следует учитывать, что определяющим фактором европейской и мировой политики являлся тогда непримиримый антагонизм Франции отнюдь не с Россией, а с Англией, истоки которого уходили в далекое прошлое.

С конца XVII в. между Францией и Англией продолжалась перманентная конфронтация, получившая у историков название «второй Столетней войны». Но если первая (XIV–XV вв.) имела

типичный для средних веков феодально-династический характер, то вторая, развернувшаяся с конца XVII в., являлась уже столкновением экономических и геополитических интересов национальных государств нового времени.

Море или суша, Европа или заморская империя, промышленная революция и свобода торговли или сельское хозяйство и мануфактура под протекционистской защитой государства – по всем этим фундаментальным позициям интересы Англии и Франции оказывались несовместимыми.

Будучи в XVII–XVIII вв. самой густонаселённой европейской страной (22 млн человек – каждый четвёртый европеец был тогда французом!), Франция при Людовике XIV и особенно Наполеоне открыто претендовала на безраздельную политическую гегемонию в Европе при опоре на многочисленную сухопутную армию. В то же время внешняя политика Англии с её могучим флотом и финансовыми ресурсами строилась на «блестящей изоляции» и гибком лавировании в «европейском концерте» с тем, чтобы избежать превосходства одной державы или коалиции над остальными.

На протяжении XVIII в. такая угроза исходила в глазах Лондона, прежде всего, от Франции, что предопределяло антифранцузскую позицию британских правящих кругов во всех вооружённых конфликтах на европейском континенте – войне за испанское наследство (1701–1713 гг.), Семилетней войне (1756–1763 гг.) и т.д.

Буржуазная демократическая революция, сопровождавшаяся гражданской войной, диктатурой Кромвеля, казнью короля, произошла в Англии гораздо раньше, чем во Франции, и завершилась компромиссом между элитами – консервативной аристократией и либеральной торгово-промышленной буржуазией в рамках парламентской монархии. Во Франции с её традиционно централизованной структурой государства власть оказалась неделимой, что придало борьбе не только верхов и низов, но и разных фракций самих верхов радикальный характер, решительно осуждавшийся в Англии. Неудивительно, что англо-французское геополитическое и экономическое противостояние XVIII – начала XIX вв. прибрело и в сфере идей ещё более ожесточённый оборот, чем естест-

венный ценностный антагонизм идейных вдохновителей Французской революции и феодально-абсолютистской реакции. Так, например, критика террористических эксцессов революции во Франции английским либералом Эдмундом Бёрком была гораздо последовательнее, убедительнее и беспощаднее, чем аргументация идеолога европейской феодальной реакции Жозефа де Местра, видевшего свой идеал в российском самодержавии (недаром он провёл много лет в Санкт-Петербурге как посланник короля Сардинии).

С учётом всех этих факторов неудивительно, что на протяжении четверти века революционных и наполеоновских войн именно Англия являлась главной вдохновительницей всех антифранцузских коалиций. Не располагая достаточно многочисленной сухопутной армией, Лондон финансировал своих союзников на континенте и прикрывал их своим флотом с моря.

Роль арбитра в англо-французском противостоянии выпала на долю России. Остальные участники «европейского концерта» – германские государства могли играть лишь вспомогательную роль. Одряхлевшая средневековая «Священная империя германской нации» со столицей в Вене давно стала анахронизмом и была окончательно упразднена Наполеоном в 1806 г. Распылённая Вестфальской системой, завершившей Тридцатилетнюю войну (1618–1648 гг.), на сотни суверенных королевств, княжеств, вольных городов, ослабляемая постоянным соперничеством двух самых крупных среди них – Австрией и Пруссией, Германия была не столько самостоятельным субъектом, сколько объектом борьбы за европейскую гегемонию между Францией и Англией, поставляя солдат той или другой стороне в зависимости от военной обстановки в обмен на финансовые субсидии (в основном британские). Именно германские государства оказывались в незавидном положении основного поля боя, где успех почти неизменно сопутствовал Наполеону: из его многочисленных побед, имена которых увековечены на Триумфальной арке в Париже, почти все одержаны над австрийцами либо пруссаками.

С Россией дело обстояло по-иному. Гигантские размеры территории, суровый климат, удалённость от Западной Европы существенно ограничивали её стратегическую уязвимость. В то же

время численность и боевые качества российской армии делали её наиболее серьёзным потенциальным оппонентом для любой державы, включая наполеоновскую Францию и, соответственно, предметом особого внимания противницы последней – Англии.

С началом французской революции российские самодержцы, как и подавляющее большинство правящего класса, крепостнического дворянства, испытывали к ней непримиримую вражду, переносившуюся и на Наполеона. Синод русской православной церкви официально предал его анафеме, объявив Антихристом. Времена декабристов и романтическое увлечение наполеоновской легендой были для России ещё очень далеки.

В то же время идеологический антагонизм отнюдь не заслонял того факта, что объективные геополитические интересы Франции и России сталкивались довольно ограниченно и скорее косвенно, чем прямо.

Главным приоритетом российской внешней политики к началу XIX в. являлась не дальнейшая экспансия на Запад, а закрепление территориальных итогов царствований Петра I и Екатерины II – обеспечение выхода к Балтике на севере и Чёрному морю на юге, открывавших России доступ к мировым торговым путям, жизненно важным для развития её внешней торговли.

Эти завоевания были осуществлены в ходе многочисленных войн с тремя сопредельными государствами так называемого «восточного барьера», отрезавшего Россию от Европы – Швецией, Польшей и Оттоманской империей. Между тем эти же государства долго являлись естественными «тыловыми союзниками» Франции против «наследственного врага» династии Бурбонов – австрийских Габсбургов, которые в XVI–XVII вв. объединяли под своим скипетром не только «Священную империю германской нации», но и Испанию с её заморскими владениями в Южной Америке и богатейшими Нидерландами. Хотя на протяжении XVIII в. империя Габсбургов и её соперница на Балканах – Оттоманская Порта вступили в полосу исторического упадка, их военная мощь была сломлена, а Польша разделена между Россией, Австрией и Пруссией, Франция – сначала королевская, затем революционная, наконец, наполеоновская, по инерции продолжала поддерживать с государствами «восточного барьера» привилегированные

связи, что негативно отражалось на русско-французских отношениях. Именно на это делала ставку британская дипломатия, обоснованно видевшая в России гораздо больше, чем в Австрии или Пруссии, «твёрдое ядро» всех антинаполеоновских коалиций на континенте.

Выбор между Францией и Англией при определении оптимальной внешнеполитической стратегии, наиболее полно отвечающей государственным интересам страны, расколол правящие круги России и её дворянскую элиту на два лагеря.

Проанглийская «партия» исходила из того, что Англия являлась основным покупателем традиционных товаров российского экспорта – зерна, леса, льняного полотна, пеньки, дёгтя, сала, из которых строилась опора морского и колониального могущества Британии – её королевский флот. Вместе с тем Россия немало зависела от импорта промышленных товаров из Англии. Русско-английский торговый баланс был традиционно активным, а финансовые субсидии и кредиты Лондона участницам антифранцузских коалиций служили существенным подспорьем для бюджета России, сводившегося с хроническим дефицитом.

В геополитическом плане сторонники сближения с Англией исходили из того, что наследие Петра Великого – выход к Балтике диктует России преимущественную ориентацию на близкие к Лондону государства Северной Европы, с которыми у российского императорского дома издавна установились тесные династические связи. Эти настроения активно поддерживались многочисленными выходцами из северогерманских государств на русской службе во главе с матерью Александра I Марией Фёдоровной – немецкой принцессой, глубоко ненавидевшей Наполеона, в том числе и за обращение со страной, где она родилась.

Наконец, небольшая, но влиятельная группа сторонников модернизации самодержавной империи путём ограниченных реформ сверху видела образец для себя не в революционной или даже наполеоновской Франции, а в Англии, где выборная Палата общин уравновешивалась наследственной аристократической Палатой лордов.

К ним относился, в частности, кружок так называемых «молодых друзей» Александра I времён либеральных веяний начала

его царствования – А.А. Чарторыйский, Н.П. Новосильцев, П.А. Строганов. Среди проанглийской ориентации особенно выделялись граф Н.П. Панин, посол в Лондоне С.Р. Воронцов, его брат А.П. Воронцов, посол в Вене А.К. Разумовский, представители «прусской партии» – генерал Беннигсен, граф Ливен, барон Будберг и др. Причём Н.П. Панин, А.П. Воронцов, А.Я. Будберг занимали в разное время ключевой пост канцлера – министра иностранных дел.

Им противостояла не менее влиятельная группировка в администрации, дипломатии, при дворе, считавшая ориентацию на Северную Европу чересчур односторонней и поэтому невыгодной для России. Её представители выступали за гибкое лавирование между Лондоном и Парижем, Берлином и Веной с тем, чтобы обеспечить российской внешней политике максимальную свободу рук, особенно на юге.

Речь шла о продолжении традиций екатерининской эпохи, главным достижением которой являлся выход России к побережью Чёрного моря. Для представителей этого лагеря будущее России зависело от развития национального производства, в том числе промышленного, задавленного британским импортом, под протекционистской защитой государства и торговли на собственных судах (а не английских, как на Балтике, под флагом принципов фритредерства). А это предполагало пристальный интерес к черноморским проливам, судьбе Константинополя, расширению российского присутствия на Балканах.

Условно говоря, «профранцузское» течение возглавлялось не менее, а порой и более влиятельными представителями российской аристократической верхушки, нежели проанглийское – посол в Париже князь А.Б. Куракин, Н.П. и С.П. Румянцевы, Н.С. Мордвинов, министр внутренних дел В.П. Кочубей, наконец, видный государственный деятель России начала XIX в. М.Н. Сперанский.

Вопреки утверждениям их соперников – англофилов данная группировка отнюдь не грешила ни чрезмерным либерализмом, ни симпатиями к постреволюционной Франции. Например, Сперанский, который лично перевёл Гражданский кодекс Наполеона, использовав его при редактировании Свода законов Российской империи, был убеждённым сторонником сохранения основ суще-

ствующего строя и активно участвовал впоследствии в подготовке процесса над декабристами России.

Реалистическую основу сближения и даже союза с Францией А.Б. Куракин видел в разделе между ними сфер влияния на континенте: «Когда не соединятся и в совершенное по европейским делам единогласия вступят сии два государства, могуществом своим сотворённые одно для первенства в севере, другое для первенства в западе Европы, тогда будут оные, без малейшего противоборства, законодатели и сберегатели спокойствия и блаженства оной»[1].

Разумеется, последнее слово оставалось за Александром I, его колебания между этими группировками, т.е., в конечном счёте, между войной и миром с Францией, объяснялись отнюдь не слабохарактерностью императора («властитель слабый и лукавый» – А.С. Пушкин), а реалистической оценкой постоянно менявшейся военно-политической ситуации в Европе и финансовой – в самой России.

К тому же самодержавный характер власти царя в России XVIII – начала XIX в., согласно известному определению, «ограничивался цареубийством»: император не забывал печальную судьбу отца и деда, убитых в дворцовых переворотах, тем более, что о предстоящем убийстве Павла I он был заранее осведомлён сам. Причём одной из причин гибели Павла считали его поворот к миру и в какой-то мере даже союзу с Наполеоном.

Тем не менее с воцарением Александра политика, начатая при Павле, с некоторыми поправками ещё продолжалась. После разгрома Австрии при Маренго вторая антифранцузская коалиция распалась. 1 октября 1801 г. мирный договор с Францией в Амьене подписала её главная противница – Англия, а неделю спустя, 9-10 октября в Париже, – Россия. Это была по существу своего рода «генеральная репетиция» Тильзита – стороны заявили о восстановлении дипломатических отношений, обязались не помогать враждебной одной из них державе, а также выразили намерение заключить торговое соглашение. Третья, секретная конвенция сводилась к фактическому разделу сфер влияния на континенте, пре-

[1] Цит. по: Сироткин В. Наполеон и Александр I. М., 2003. С. 79.

жде всего в Германии и Италии.

Однако мир продержался недолго. 21 марта 1804 г. похищение французскими войсками на чужой территории родственника королевской семьи герцога Энгиенского и расстрел его без суда и следствия по обвинению в причастности к заговору против Наполеона вызвали бурю возмущения всей монархической Европы, в том числе России, заявившей официальный протест. Ответ Наполеона гласил, что Александр-де поступил бы точно также, если бы знал, где находятся убийцы его отца. С учётом того, что соучастие сына в убийстве отца было общеизвестно, это выглядело демонстративным личным оскорблением царя, которое никак не могло остаться безнаказанным. Наполеон, уверенный в превосходстве своих сил, умышленно провоцировал новую войну.

Результатом стало создание очередных антифранцузских коалиций – третьей, затем четвёртой. Хотя формально их возглавляли германские государства, на территории которых происходили боевые действия, и они же поставляли основную массу солдат, вдохновительницей и финансовым спонсором обеих коалиций оставалась, как всегда, Англия, а основной военной силой – Россия.

Судьба этих коалиций оказалась столь же незавидной, как и двух предыдущих. 20 октября 1805 г. австрийская армия была разгромлена при Ульме, 2 декабря того же года – австро-российские войска потерпели сокрушительное поражение при Аустерлице, 14 октября 1806 г. та же участь ждала пруссаков в Вене и Ауэрштедте, 8 февраля и 14 июня 1807 г. – пруссаков и русских в Прейсиш-Эйлау и Фридланде. Наполеон, безраздельно контролировавший отныне всю Западную Европу и перекраивая по своей прихоти границы её государств, казался на вершине своего могущества.

Однако его главный враг – Великобритания оставалась в военном отношении недосягаемой. Разгром французского флота 21 октября 1805 г. британским во главе с адмиралом Нельсоном сделал бессмысленной подготовку Наполеоном высадки в Англии («булонский лагерь»). Поэтому император пошёл на беспрецедентный шаг – подписал 21 ноября 1806 г. в Берлине акт о «Континентальной блокаде» – запрете торговли и любых иных сношений с Англией всем государствам Европы.

Очевидно, что эта попытка экономического удушения Анг-

лии, достаточно авантюристическая сама по себе, могла иметь хоть какие-то шансы на успех только при одном непременном условии – участии России.

Зондаж на предмет возможностей франко-русского сближения, апогеем которого стал Тильзит, был начат с обеих сторон ещё с середины 1806 г. миссией специального посланника царя П.Л. Убри в Париже. Одновре́менно российская дипломатия вела переговоры и с Англией, где со смертью 21 января 1806 г. непримиримого врага Наполеона Питта-младшего к власти пришло более умеренное правительство Фокса. Как в Париже, так и в Лондоне представители России стремились выторговывать с помощью игры на противоречиях партнёров удовлетворение своих давних геополитических требований – присутствие на Балканах и в Центральной Европе (Польша). На первых порах этот торг оказался безуспешным: подписанный Убри проект соглашения не был ратифицирован царём, а переговоры с Фоксом зашли в тупик.

Год спустя – после разгрома Пруссии, краха четвёртой антинаполеоновской коалиции, а главное – поражения русской армии под командованием Беннигсена при Фридланде военно-политическая ситуация изменилась. Между тем русско-британские отношения осложнились из-за трудностей англичан с субсидиями и кредитами России, которая испытывала серьёзные финансовые проблемы. В ответ Санкт-Петербург отказался от продления русско-британского торгового договора 1797 г., выгодного англичанам.

Стремясь использовать благоприятную ситуацию, Наполеон ещё с января 1807 г. сам начал осторожный зондаж на российском направлении. К июню сразу же после Фридланда, когда французская и русская армии вышли на берега Немана, он предложил прямую встречу двух императоров для решения всего комплекса спорных проблем между ними. Причём император французов вопреки своему обыкновению дал понять, что не собирается использовать свой военный успех для навязывания России унизительных условий, включая территориальные уступки: помня судьбу Павла I, он не хотел дискредитировать его сына в глазах российской дворянской элиты.

Между тем раскол коснулся даже само́й царской семьи: брат императора Константин, охваченный паникой после Фридланда,

требовал немедленного мира, тогда как его мать Мария Фёдоровна и сестра Екатерина настаивали на продолжении войны.

В этих сложных условиях Александр I проявил присутствие духа и незаурядные дипломатические способности. Понимая, что прекращение военных действий необходимо, он стремился в ходе мирного урегулирования хотя бы частично уравновесить военно-политическое преимущество Наполеона собственными козырями. Главными из них были острая заинтересованность последнего в легитимации титула «императора французов» в глазах монархической Европы (да и своих подданных), в разрыве России с Англией, объявлении войны, а главное – присоединении к континентальной блокаде.

После подписания 21 июня 1807 г. перемирия Наполеон немедленно предложил Александру через маршала Бертье личную встречу, состоявшуюся на плоту посреди Немана пять дней спустя. В ходе её оба императора ограничились лишь зондажем взаимных намерений и подходов к спорным вопросам. Конкретную работу по составлению текстов договора о мире и дружбе и секретного Договора о наступательном и оборонительном союзе продолжили в самом Тильзите Куракин и Талейран. 9 июня оба документа были ратифицированы императорами и вступили в силу.

На первый взгляд могло казаться, что Наполеон добился своей главной цели – не только мира, но и союза с Россией, обязавшейся разорвать отношения с Англией, объявить ей войну и примкнуть к континентальной блокаде. За ним был официально признан титул «императора французов». Поэтому не только проанглийская группировка в российских верхах, но и большинство общественного мнения расценили Тильзит как «унижение», не скрывая своей враждебности к нему.

Однако Александру удалось обставить свои уступки таким количеством оговорок, что они оказывались во многом сомнительными. Выбор конкретных форм разрыва с Англией оставался за российской стороной. Присоединение к континентальной блокаде не упоминало вопрос о торговле с нейтральными странами. Это оставляло Санкт-Петербургу широкое поле для манёвра. Между тем свои главные задачи – мир при сохранении территориальной целостности России (и даже передаче ей Белостокской области),

Александр решил сразу, о чём и оповестил своих подданных специальным манифестом.

Участникам встречи так и не удалось обеспечить гарантию прочности достигнутых договорённостей негласным разделом сфер влияния в Европе. Если Александр добился сохранения Пруссии, пусть в урезанном виде, в качестве канала русского влияния на германские дела, то Наполеон в пику партнёру сохранил «герцогство Варшавское» – заявку на реставрацию Польши. Осталась в подвешенном состоянии и важнейшая проблема судьбы турецких владений на Балканах, черноморских проливов и Константинополя: соблазняя Александра возможностью раздела европейской части Оттоманской империи, Наполеон в то же время категорически отвергал любую конкретную договорённость по проливам. «Константинополь – это господство над миром!», – заявил он. Впоследствии, уже на острове Св. Елены император признал, что основными причинами провала Тильзита стали два ключевых спорных вопроса – Польша и Константинополь.

Неудивительно, что русско-французский союз начал давать одну трещину за другой. Уклонившись от попыток Наполеона втянуть Россию в поход на британские владения в Индии (на что опрометчиво согласился в своё время Павел I) и от проекта женитьбы императора французов на одной из русских великих княжон, Александр укрепил положение России мирными договорами с «фланговыми» государствами, вóйны с которыми негласно поощрялись Парижем – Турцией, Ираном и Швецией, добившись к тому же от них весомых территориальных уступок, в том числе Финляндии. В то же время тыл Наполеона ослабляла партизанская война в Испании, пользовавшаяся активной британской поддержкой.

Конфликт из-за герцогства Ольденбургского, наследственного владения родственников царя в Германии, давал последнему удобный предлог не только для подрыва контроля Наполеона над германскими делами, в том числе Австрией и Пруссией, но и главного – обхода режима континентальной блокады Англии через торговлю с нейтральными государствами.

Попытка Наполеона спасти тонущий союз в ходе второй и последней личной встречи с Александром в Эрфурте (28 сентября – 14 октября 1808 г.) ценой санкции на присоединение к России ду-

найских княжеств – Молдавии, Валахии и Финляндии не увенчалась успехом. Вопреки обязательствам по союзному договору царь сохранил фактический нейтралитет в ходе очередной войны Франции с Австрией.

В таких условиях единственным способом принýдить Россию стать реальным партнёром Франции в её историческом противоборстве с Англией Наполеон счёл войну. 24 июня 1812 г. «великая армия» императора перешла русскую границу, что стало началом конца наполеоновской эпопеи.

Неудача Тильзита не была случайной. Она являлась логическим следствием действия объективных факторов, прежде всего несовместимости экономических интересов России с континентальной блокадой Англии. Однако немалую роль сыграли и факторы субъективного порядка, в первую очередь роковая недооценка Наполеоном потенциальной мощи России и нежелание в связи с этим идти на реальные договорённости с ней по вопросам, представлявшим в то время основу внешнеполитических ин тересов Российской империи, заложенную Петром I и Екатериной II.

ГЛАВА 2. ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С ФРАНЦИЕЙ В ПОЛИТИКЕ А.М. ГОРЧАКОВА*

Российско-французским отношениям во второй половине XIX в. посвящены обширная научная и мемуарная литература, публикации архивных документов, где центральной фигурой выступает А.М. Горчаков как российский министр иностранных дел в 1856–1882 гг. Достаточно сослаться на работы таких виднейших отечественных историков, как Е.В. Тарле, А.З. Манфред, А.С. Ерусалимский, С.Д. Сказкин, В.М. Хвостов, монографию Ю.В. Борисова, а также работы К. Керлина, А. Леруа-Больё, Мишона, Пинона и др. Повышенный интерес к этому этапу дипломатической истории России в значительной мере связан с тем, что его

* Ю.И. Рубинский. Отношения России с Францией в политике А.М. Горчакова. В кн.: Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., «Международные отношения», 1998 г. 406 с. С. 150-167.

апогеем стал франко-русский союз 1891 г., дополненный военной конвенцией 1893 г. (остававшейся секретной целых 20 лет).

Если фактическая сторона дела известна сейчас достаточно полно, то её интерпретация неоднократно менялась в весьма широком диапазоне – от безоговорочной апологетики в годы после подписания франко-русского союза до резкой критики в 1920–1930-е гг. как одной из главных причин Первой мировой войны, а затем вновь к позитивной в целом оценке после Второй мировой войны под влиянием преобладавшей тогда в советской историографии антигерманской и, соответственно, профранцузской тенденции.

Сейчас наступает время для более взвешенного, беспристрастного подхода к российско-французским отношениям в период, отдалённый от нас уже более чем столетием. Только такой подход, освобождённый от эмоций и идеологических стереотипов, даёт возможность по достоинству оценить роль А.М. Горчакова как одного из крупнейших государственных деятелей Российской империи за всю её долгую историю.

В многогранной деятельности А.М. Горчакова как глав*ы* российской дипломатии связи с Францией всегда занимали особое место. Хотя он не служил в посольстве России в Париже, солидное классическое образование, полученное будущим канцлером, было отмечено прежде всего французской культурой. Подобно всем воспитанникам Царскосельского лицея пушкинской поры, «он по-французски в совершенстве мог изъясняться и писал». Это было необходимо не только для бесед в светских салонах: в течение почти всего XIX в. на языке Талейрана говорила вся европейская дипломатия, на нём составлялись ноты, меморандумы, депеши, в том числе нередко даже предназначенные для внутреннего пользования. Знаменитая фраза из циркулярной ноты Горчакова от 21 августа 1856 г. после Крымской войны – «Россия не сердится. Россия сосредоточивается» – была написана по-французски и такой вошла в историю. Утончённым литературным стилем своей дипломатической переписки Горчаков был немало обязан урокам Бодри – родного брата Марата, принявшего псевдоним при эмиграции. Оставшись в глубине души верным якобинским идеалам, Бодри не пытался обратить русского ученика в свою поли-

тическую веру, но всё же оказал определённое влияние на взгляды будущего канцлера, слывшего в петербургском обществе относительным либералом, а среди самых замшелых ретроградов – даже вольтерьянцем из-за присущей его перу тонкой иронии.

Тем не менее Горчакова отнюдь нельзя считать безоговорочным франкофилом, как, впрочем, не был он ни германофилом, ни англофилом. Решительно осуждая односторонний подход к тем или иным державам – позитивный или негативный, основанный на личных симпатиях и антипатиях, предубеждениях и приверженности к традициям, канцлер любил повторять: «Все, кто причиняет зло России, – мои противники, все, кто делает ей добро, – мои друзья, как бы их ни звали»[2].

Это явно перекликается с известной фразой Дизраэли насчёт того, что у Англии нет постоянных друзей и союзников – у неё есть лишь постоянные интересы. Шокируя своей откровенностью, если не цинизмом, она вполне естественно вписывалась в логику «реалистической политики» (Realpolitik), родоначальником которой считается Никколо Макиавелли, а наиболее известными практиками горчаковской эпохи – Меттерних, Бисмарк, Дизраэли. Все они видели свою задачу в поисках оптимального на данный момент расклада сил в «европейском концерте» держав. Его участники – Англия, Франция, Россия, Австрия и Пруссия – поддерживали между собой с помощью гибкой системы сдержек и противовесов определённый баланс, исключавший гегемонию одной державы в ущерб остальным, что делало неизбежной периодическую «пересдачу карт» – вчерашний партнёр становился противником, и наоборот.

Если первая половина XIX в. прошла преимущественно под знаком российско-французского противоборства, неоднократно выливавшегося в войны, то вторая – тенденции к прогрессирующему сближению двух держав. А.М. Горчаков возглавил внешнеполитическое ведомство России в момент, когда данная тенденция постепенно, с перерывами, откатами вспять, но неуклонно набирала силу. Отчётливо чувствуя это, канцлер неоднократно выступал в пользу активизации диалога с Парижем и добивался по-

[2] Grunwald C. De. Le Tsar Alexandre II et son temps. P., 1963. P. 44.

рой ощутимых результатов, даже если ему приходилось идти против течения в собственной стране. А так случалось нередко, причём по достаточно веским причинам. Несмотря на высокий престиж французского языка и моды среди русского дворянства, отпрысков которого учили воспитатели из Франции, в умах представителей двух поколений петербургской аристократической верхушки бюрократии и двора прочно укоренился образ Франции как очага безбожного свободомыслия и перманентной революционной смуты – смертельной угрозы тронам европейских монархов. «Я буду продолжать линию на соблюдение принципов, которые служили правилом для моего дяди и моего отца. Это принципы Священного союза, и если этот союз отныне не существует, то не по вине моего отца»[3], – заявил император Александр II на первом приёме дипкорпуса по случаю своей коронации.

Принципы, о которых говорил глава государства, А.М. Горчаков усвоил достаточно хорошо на личном опыте, сопровождая в начале дипломатической карьеры в 1820–1822 гг. тогдашнего министра иностранных дел К. Нессельроде на конгрессы Священного союза в Троппау, Лайбахе и Вероне. Пройдя суровую школу царствования Николая I, он тщательно избегал тени подозрения в том, что его мысли и тем более действия в малейшей степени расходятся с волей государя.

К тому же «царь-освободитель» полностью разделял весьма распространённое в России инстинктивное недоверие к династии Бонапартов, а тем самым и к французам вообще в связи с воспоминаниями об Отечественной войне 1812 г. и недавно проигранной Крымской войне, раны которой далеко не затянулись.

С другой стороны, Горчаков не мог не считаться с тем, что Александр II был сыном прусской и супругом гессен-дармштадтской принцесс, племянником Вильгельма I – короля Пруссии, впоследствии императора Германии. По происхождению самодержец всея Руси являлся не меньше Гогенцоллерном, чем Романовым. Династические семейные связи во многом объясняли особые отношения между Потсдамом и Санкт-Петербургом, прочно устоявшиеся на целое столетие, особенно с 1813 г. – финала на-

[3] Grunwald C. De. Le Tsar Alexandre II et son temps. P. 36.

полеоновских войн. Эту традицию всячески культивировал Бисмарк, который провёл многие годы на посту прусского посланника в Санкт-Петербурге.

Поэтому контакты России с Францией могли развиваться вплоть до 70-х гг. XIX в. лишь в той мере, в какой они не шли вразрез с интересами Пруссии, что существенно ограничивало свободу дипломатического манёвра Горчакова на французском направлении.

Наряду с этими субъективными факторами Россию времён Александра II отдалял от Франции весьма деликатный польский вопрос. Польша являлась яблоком раздора между ними ещё с XVI–XVII вв., когда она вместе с Швецией и Турцией служила центральным звеном в цепи «тыловых союзов» династии Бурбонов в их многовековом противостоянии Габсбургам. Эти три государства, преграждавшие России выход к незамерзающим морям, являлись её основными геополитическими противниками. Даже после того, как Петр I прорубил для своей державы «окно в Европу», объективное расхождение российских и французских интересов в польских делах не исчезло: недаром Людовик XV предпочёл в качестве супруги дочери Петра Елизавете, будущей императрице, Марию, наследницу польского короля Станислава Лещинского, свергнутого с престола не без помощи России и нашедшего убежище во Франции. Там же оседала основная масса польских эмигрантов после восстаний 1795 и 1830 гг. против русского владычества, находя в Париже сочувствие и поддержку. Создание Наполеоном I Великого герцогства Варшавского было одной из главных причин разрыва Тильзитского договора и вторжения французской армии в Россию в 1812 г.

В свою очередь Пруссию и Австрию, являвшихся вместе с Россией участниками трёх разделов Польши – 1772, 1793 и 1795 гг., не могла не объединять с ней заинтересованность в сохранении статус-кво.

Отдавая себе отчёт в серьёзных трудностях поисков общего знаменателя с Францией Наполеона III, А.М. Горчаков с приходом в 1856 г. на пост министра иностранных дел всё же счёл их полезными и перспективными. После проигранной Крымской войны важнейшей стратегической задачей российской дипломатии

стала подготовка условий для пересмотра ущемлявших её достоинство и государственные интересы положений Парижского мирного договора (запрет держать военные суда и строить укрепления на Чёрном море). Между тем пребывание на посту посла в Вене и участие там в конференции послов, безуспешно искавшей выход из войны путём компромисса, убедили будущего канцлера в том, что Россия оказалась в опасной дипломатической изоляции.

Наряду с военными поражениями в Крыму решающим фактором, который заставил Санкт-Петербург пойти на невыгодные условия мира, явился ультиматум Австрии, угрожавшей примкнуть к антирусской коалиции в составе Англии, Франции, Сардинии и Турции. Пруссия также намекала, что в таком случае не останется в стороне. Изменить эту ситуацию Россия могла только при условии, если бы ей удалось вбить клин в ряды своих противников, на чём и сосредоточил усилия новый российский министр.

Хотя французских войск в Крыму по численности было втрое больше, чем английских, Горчаков не сомневался в том, что стержнем лагеря победителей являлась Англия, видевшая в России угрозу своим имперским амбициям в Азии от Черноморских проливов до Тихого океана.

Напротив, интересы Франции, обращённые не на Восток, а на Юг, к Средиземноморью, Африке, практически не сталкивались с российскими. Для Наполеона III Парижский конгресс 1856 г. был, прежде всего, реваншем за Венский 1815 г., где побеждённой стороной, несмотря на все усилия Талейрана, являлась Франция. Окончательно похоронив давно дышавший на ладан Священный союз, французский император счёл свой долг перед памятью великого дяди – Наполеона I – выполненным. Не имея более претензий к России, он перенёс внимание на извечную соперницу Франции в Европе – Австрию, чьё господство над значительной частью Италии всегда считалось французами неприемлемым.

Трещина между двумя основными союзниками по Крымской войне в подходе к России обозначилась уже в ходе Парижского конгресса. Ещё до его окончания глава делегации Сардинии Кавур поставил в повестку дня итальянский вопрос, получив, несмотря на жёсткую оппозицию австрийца Буоля и явную настороженность британского министра лорда Кларендона, поддержку

французского председателя графа Валевского. В свою очередь Наполеон III в первой же беседе с главой русской делегации Орловым попросил его заверить царя в своей «дружбе». Этот жест имел вполне определённый смысл: французский император начинал зондаж позиции России в случае конфликта Франции и Сардинии с Австрией. Благодаря умелому использованию французской карты Орлову и его заместителю Бруннову удалось выторговать ряд немаловажных уступок, в частности эвакуацию австрийских войск из Дунайских княжеств.

Следующим шагом Франции навстречу России стали два визита герцога де Морни, сводного брата Наполеона III, в Санкт-Петербург в том же 1856 г., чтобы передать поздравления французского императора Александру II с восшествием на престол, а затем присутствовать на торжествах по случаю его коронации. В состав французской делегации входили столь видные представители Второй империи, как герцог де Грамон-Кадерус, маркиз де Галифе и граф Мюрат, секретарь Законодательного корпуса.

К этому времени престарелый К.В. Нессельроде, символ канувшего в прошлое Священного союза, уже был в отставке. Его преемник А.М. Горчаков недвусмысленно дал понять французскому собеседнику, что новое царствование в России означает и новую внешнюю политику[4]. «Я рад видеть вас здесь, – говорил Александр II де Морни. – Ваше присутствие отмечает конец ситуации, которая больше не должна повторяться. Я никогда не забуду благожелательное влияние, которое оказывал император Наполеон III в отношении нас на всём протяжении переговоров». В послании французскому императору он подчёркивал: «Я думаю вместе с Вами, что искреннее согласие Франции и России является лучшим залогом спокойствия в мире»[5].

Авансы Наполеона III встретили в Санкт-Петербурге столь благосклонный приём не в последнюю очередь потому, что поведение Австрии на заключительном этапе Крымской войны и в ходе Парижского конгресса было воспринято там как чёрная небла-

[4] Cbarles-Roux Pr. Alexandre II, Gortchakoff et Napoleon III. P. 125.
[5] Во время пребывания в России де Морни женился на княжне Софье Трубецкой. См. Morny, duc de. Une ambassade en Russie, 1856. P., 1892.

годарность, более того, как прямое предательство бывшего партнёра по Священному союзу – партнёра, которому Николай I оказал неоценимую услугу вооружённой интервенцией в Венгрии в 1849 г. Для Горчакова подобная реакция российской общественности оказалась весьма кстати. Она облегчала ему нелёгкую задачу подведения Александра II, ещё недавно публично заявлявшего о своей приверженности «принципам Священного союза», к мысли о том, что союз мёртв и пытаться воскресить его – дело безнадёжное.

Автор известного труда по дипломатической истории Европы А. Дебидур обоснованно констатировал, что после Крымской войны Россия «явно сближалась с Францией и становилась в отношении Австрии если не в угрожающую, то по крайней мере определённо враждебную позицию. Новый канцлер царя Горчаков ещё сильнее своего монарха ненавидел Австрию и, хотя не ставил абсолютным правилом своей политики любезную сердцу императора французов (национальную) идею, всё же находил, что теория национальностей может представить значительные выгоды для русского правительства»[6].

Первым примером эффективного взаимодействия России и Франции на этой почве была совместная поддержка ими независимости Румынии. В объединении Дунайских княжеств – Молдавии и Валахии, вплоть до Парижского мирного договора находившихся под российским протекторатом, а затем оккупированных австрийскими войсками, Горчаков видел фактор, подрывающий позиции двух враждебных империй – Австрии и Турции, которые пытались переделить между собой Балканы при отстранении России. В то же время близкий сердцу Наполеона III «принцип национальностей» побуждал французское правительство сочувственно относиться также к освободительным стремлениям балканских народов, тем более что они ослабляли общего противника России и Франции – Австрию, чьи войска под совместным русско-французским нажимом были вынуждены покинуть Дунайские княжества.

[6] Дебидур А. Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса (1814–1848). Т. II. Революция. С. 150, 162.

Со своей стороны, Австрия, Турция, а вместе с ними и Великобритания косо смотрели на перспективу объединения княжеств, в котором чувствовали угрозу своим интересам, пытаясь оттянуть или сорвать его подтасовкой выборов в законодательные органы Молдавии и Валахии (диваны). Франция и Россия решительно потребовали аннулировать результаты этих выборов. 25 сентября 1857 г. Александр II и Наполеон III встретились в Штутгарте, где была достигнута договорённость о том, что Россия не будет чинить препятствий французским усилиям по объединению Италии, а Франция окажет содействие в обретении суверенитета Румынией. Последняя провозгласила себя независимым государством в 1862 г.

Пруссия также поддерживала российско-французскую политику в вопросе о Дунайских княжествах, стремясь в тот момент ослабить Австрию (королём нового государства стал под именем Карла I представитель прусской династии Гогенцоллерн-Зигмаринген). Такую же благожелательную линию она избрала и по вопросу об объединении Италии с помощью Франции: по расчётам Бисмарка, это должно было ещё более ослабить Австрию и приблизить объединение Германии вокруг Пруссии. Таким образом, России на этом этапе не приходилось выбирать между Парижем и Берлином, чего всегда стремился избегать Александр II.

Не менее важным для России объектом согласованных дипломатических акций с Францией явился проведённый по инициативе Горчакова успешный совместный демарш против попытки Австрии установить на фоне ослабления турецкого господства в Сербии собственный контроль над ней с помощью своего ставленника – князя Карагеоргиевича. Демарш оказался вполне успешным: Карагеоргиевич был отрешён от власти сербской Скупщиной и заменён Милошем Обреновичем, сторонником пророссийской ориентации. Примерно в то же время обрела независимость и Черногория.

Когда же Наполеон III и Кавур достигли в Пломбьере (Швейцария) секретной договорённости о союзе с целью изгнать австрийцев из Италии, А.М. Горчаков скрупулёзно выполнил взятые Александром II обязательства перед французским императором. В секретном документе, подписанном в Париже 3 марта 1859 г.,

он обещал, что в случае войны Франции с Австрией Россия будет соблюдать благожелательный нейтралитет, в обмен на что она рассчитывает на французскую поддержку при пересмотре ряда положений Парижского трактата 1856 г. Российские послы и посланники при дворах европейских монархов получили соответствующие инструкции, которые неукоснительно выполнялись.

При этом Россия не ограничивалась ролью стороннего наблюдателя: на всём протяжении сложного процесса объединения Италии она стремилась ощутимо влиять на ход событий. Именно Александр II выступил по негласной просьбе Наполеона III с призывом собрать конгресс великих держав для решения итальянского вопроса, заведомо рассчитывая на то, что Австрия отвергнет его и тем самым возьмёт на себя ответственность за развязывание войны против Сардинии, за которую немедленно вступится Франция. Так оно и случилось, что сделало беспредметными попытки Англии предотвратить подобный исход.

Циркулярной нотой от 27 мая 1859 г. Горчаков решительно предостерёг государства, входящие в Германский союз, от вмешательства в военные действия на стороне Австрии. «Принимая во внимание, что царь сосредоточивал сильную армию в Польше, циркулярная нота явно означала, что если Германия окажет помощь Австрии, то она, в свою очередь, может тотчас же подвергнуться нападению со стороны России»[7].

Вместе с тем дипломатическому почерку Горчакова было свойственно стремление избегать чересчур тесной привязки России к одному из участников «европейского концерта». Он, по известному французскому выражению, «держал несколько утюгов на огне», с тем чтобы иметь возможность оказывать воздействие не только на основного противника, но и на союзника. Так было и в ходе российско-французского сближения второй половины 50-х гг. XIX в.[8]

На втором этапе процесса объединения Италии мощная волна освободительного движения итальянских патриотов во главе с Га-

[7] Дебидур А. Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса (1814–1848). Т. II. Революция. С. 185.

[8] Аналогичной тактики придерживался и Бисмарк, а для британской политики это вообще был основной принцип («блестящая изоляция»).

рибальди перехлестнула рамки ограниченных договорённостей Наполеона III с австрийским императором Францем-Иосифом II (Цюрихский договор 1859 г.), смела прогнившие троны неаполитанского короля Обеих Сицилий, мелких князей и герцогов Центральной Италии, создала угрозу владениям папы Римского. Проведя в Варшаве встречу российского и австрийского императоров и регента Пруссии, Горчаков застраховался на случай выхода событий из-под контроля. Россия оказалась в выгодной роли фактической посредницы при окончательном урегулировании австро-французского конфликта и гарантом его устойчивости. В результате всего за три года она окончательно вышла из дипломатической изоляции времён Крымской войны и вновь стала полноправной участницей «европейского концерта», а не просто «блестящим секундантом» в авантюрах честолюбивого, но близорукого императора французов.

Вскоре, однако, дипломатическое взаимодействие между Санкт-Петербургом и Парижем вступило в полосу тяжёлого кризиса, главной причиной которого оказалась проблема Польши. Освобождение Александром II крепостных крестьян, поддержка им вместе с Францией национальных чаяний славянских и православных народов Балканского полуострова – сербов, черногорцев, болгар, а также румын и греков – породили у поляков надежды на то, что ослабленная Крымской войной Российская империя согласится на восстановление автономии Польши, предоставленной ей на Венском конгрессе, но спустя 15 лет упразднённой Николаем I после восстания 1830 г. Вожди польской эмиграции многого ожидали от вмешательства великих держав, особенно Франции, где они пользовались сочувствием широких кругов общественности.

Наполеон III, провозгласивший «принцип национальностей» (т.е. право наций на самоопределение) основой своей политики, не мог не считаться с этим. Франция и Великобритания предпринимали неоднократные демарши перед Санкт-Петербургом в пользу политического урегулирования польского вопроса, причём французские требования шли дальше других. Предложив созвать конференцию для обсуждения польского вопроса, французский император направил тайного эмиссара к вчерашнему противнику

– Францу-Иосифу II в Вену, предлагая ему совместно перекроить карту Европы за счёт России и Пруссии с целью восстановления независимой Польши.

А.М. Горчаков с тревогой констатировал, что его настойчивые усилия по сближению с Францией рискуют пойти прахом, тем более что Наполеон III не спешил выполнять свои обещания о содействии пересмотру ущемлявших российские интересы статей Парижского мира (ряд которых, в частности нейтрализация Чёрного моря, был принят по французской инициативе). Восстание в Польше грозило вообще поставить крест на этой договорённости. Поэтому министр старался разрядить обстановку, склоняя Александра II к возможно большей гибкости в польских делах.

По свидетельству министра внутренних дел Валуева, вице-канцлер убеждал императора в том, что сильное правительство может позволить себе пойти на уступки, которые не обязательно будут истолкованы как признак слабости. Категорически отвергая ультимативный тон французских нот, упрекая Париж в поощрении экстремистских требований польских эмигрантов о восстановлении независимой Польши в границах 1772 г. – от Чёрного моря до Балтики с включением украинских и литовских земель, российский министр в то же время признавал, что у поляков могут быть реальные причины для недовольства и в принципе допускал рассмотрение предложенных державами реформ.

Но Александр II придерживался иного мнения, считая, что в трудном положении России любой шаг, способный поставить под вопрос целостность империи, полностью исключён. «Я не завоевал, а унаследовал Польшу, и мой долг – сохранить её»[9], – подчёркивал император в беседе с французским послом герцогом де Монтебелло. За некоторыми примирительными жестами российского наместника в Варшаве князя Михаила Дмитриевича Горчакова, родственника министра, которые лишь подлили масла в огонь, последовали беспощадные репрессии генералов Берга и Муравьева.

Попытки А.М. Горчакова спустить кризис на тормозах увенчались успехом только в одном отношении: польское восстание

[9] Grunwald C. de. Le tsar Alexandre II et son temps.

1863 г. не переросло в европейскую войну против России. Великобритания и Австрия даже не помышляли о вооружённом конфликте из-за Польши: ловко вытолкнув на первый план Францию, они ограничились словесными протестами. Международная конференция по польским делам так и не собралась. Зато российско-французские отношения тяжело пострадали: Александр II затаил глубокую обиду на Наполеона III.

Полным фиаско закончилась и попытка министра иностранных дел сломать лёд между двумя странами организацией визита императора во Францию четыре года спустя, в 1867 г., по случаю открытия Всемирной выставки. Царь собирался в Париж с намерением предложить императору французов смелую дипломатическую инициативу (автором которой, судя по всему, был А.М. Горчаков): создать русско-франко-прусский альянс, способный уравновесить англо-австрийский тандем в «концерте держав». Однако к этому времени реальных предпосылок для такой комбинации, вполне мыслимой в конце 1850-х гг., уже не было.

Сразу же после прибытия Александра II во французскую столицу атмосфера резко накалилась. Возгласы присутствующих адвокатов «Да здравствует Польша!» во время посещения российским самодержцем парижского Дворца правосудия, покушение поляка Березовского на его жизнь в ходе военного парада полностью перечеркнули впечатление от пышного приёма официальных властей. Разочарованный император вернулся в весьма мрачном расположении духа. Российская дипломатия взяла курс на сближение с одной Пруссией, которая под твёрдым руководством Бисмарка давно уже вела дело к объединению Германии вокруг неё «железом и кровью».

После побед над Данией и Австрией единственным препятствием на этом пути оставалась Франция, потерпевшая сокрушительное поражение в ходе франко-прусской войны 1870 г. В ходе всех этих событий Россия придерживалась благожелательного для Пруссии нейтралитета – она даже твёрдо предостерегала Австрию от любого вмешательства на стороне Франции.

Разгром французской армии под Седаном, где Наполеон III попал в плен, и падение Второй империи вызвали у Александра II, не забывшего ни Севастополь, ни польское восстание 1863 г.,

мстительное замечание: «Он получил то, чего заслуживал». Посетив Россию в сентябре 1870 г., глава французского правительства «национальной обороны» Тьер был встречен Горчаковым любезно, но сдержанно: русский министр, как и император, уклонился от посредничества, пообещав лишь повлиять на прусского короля в духе умеренности.

В подобных обстоятельствах А.М. Горчаков счёл обстановку созревшей для решительного шага, о котором мечтал со дня своего прихода к руководству российской дипломатией. 19 (31) октября 1870 г. он сообщил циркулярной нотой европейским правительствам о том, что Россия больше не считает себя связанной положениями Парижского договора от 30 марта 1856 г., которые ограничивали её суверенитет на Чёрном море, ссылаясь на то, что западные державы сами не раз нарушали их. Ни одна европейская держава не могла предпринять в ответ какие-либо активные действия: Франция и Пруссия были парализованы войной, Турция и Италия – бессильны, Австрия и Великобритания не готовы были идти на риск вооружённого конфликта с Россией. Созванная по предложению Бисмарка Лондонская конференция ограничилась тем, что подтвердила новое положение вещей договором от 13 марта 1871 г.

Акция Горчакова, встреченная российским общественным мнением и печатью с энтузиазмом, по праву считается зенитом его дипломатической карьеры. Именно тогда ему был пожалован редчайший титул «светлейшего князя», который носили прежде в основном лишь великие русские полководцы, в том числе Суворов и Кутузов.

Между тем Александр II, встревоженный свержением множества законных монархов в ходе объединения Италии и Германии, счёл, что оно девальвирует сам принцип легитимизма. В то же время Парижская коммуна вновь оживила в его глазах призрак Французской революции, на сей раз не только политической, но и социальной. Поэтому Александр II взял курс на Союз трёх императоров – российского, германского и австрийского, скреплённый их встречей в Берлине в сентябре 1872 г. Общим врагом был объявлен Интернационал, война против которого провозглашалась «единственной ещё возможной войной в Европе». Полгода спустя

в ходе визита Вильгельма I в Санкт-Петербург граф Мольтке и фельдмаршал Берг подписали российско-германскую военную конвенцию, которая обязывала стороны оказывать помощь друг другу армиями численностью в 200 тыс. солдат в случае, если одна из них подвергнется нападению какой-либо европейской державы. В июне 1873 г. Александр II посетил Вену, скрепив примирение с Австрией аналогичным, хотя и менее определённым соглашением. Казалось, будто альянс «трёх северных дворов», служивший некогда краеугольным камнем Священного союза, вновь возрождался из пепла.

Однако такое впечатление было бы обманчивым. Как уже отмечалось, А.М. Горчаков всегда старался сохранять за Россией максимально широкую свободу действий. Лояльно выполняя волю Александра II, он в то же время попытался снова ввести в свою дипломатическую игру французскую карту, способную создать противовес чрезмерному крену в сторону Германии. Уже в начале франко-прусской войны ближайший сотрудник Горчакова Жомини, швейцарец по происхождению, писал одному из своих друзей: «В настоящее время события ставят нас между Пруссией и Францией, поддержка одной может прикрыть нас в Польше, поддержка другой – помочь нам на Востоке. Кто скажет нам, что наши нынешние внешние предпочтения Пруссии не связаны с происходящим торгом и что в конечном счёте мы решимся выбрать тот из этих двух союзов, который предложит нам больше выгод?»[10]. Яснее сформулировать самую суть «реалистической политики» Горчакова в отношениях с Германией и Францией поистине трудно.

В то же время эта политика никоим образом не предполагала постоянной равноудалённосги от всех участников «европейского концерта», чреватой утратой способности к дипломатическому манёвру. Под руководством канцлера Россия сближалась то с одним, то с другим из них, чтобы решить с его помощью свои конкретные проблемы в обмен на встречные услуги, но стремилась не попасть в зависимость от него, чтобы не оказаться втянутой в

[10] Феоктистов Е. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. Л., 1929. С. 65.

рискованные ситуации, далёкие от её собственных интересов.

Именно такая опасность могла возникнуть в Союзе трёх императоров, где фактически доминировала Германия. Оттеснив Австро-Венгрию, она всё более явно брала курс на европейскую гегемонию. Между тем главные вопросы, лежавшие прежде в основе тесных отношений России с Пруссией (помимо династических связей), – ликвидация последствий Крымской войны для одной, объединение Германии для другой, Польша для обеих – были либо решены, либо временно сняты с повестки дня. Эти же вопросы перестали разделять Россию и Францию, у которой после 1870 г. были другие заботы – уплата контрибуции немцам, освобождение своей территории, предотвращение новой войны с Германией, а в отдалённой перспективе – создание условий для возврата утраченной Эльзас-Лотарингии.

Очевидно, что в таких условиях чрезмерное ослабление Франции и усиление Германии не отвечали российским интересам, на что прямо указывал Горчаков в отчётах Александру II за 1871 и 1872 гг.: «Для нас важно, – писал он, – чтобы она (Франция – *Авт.*) в целях равновесия вновь заняла своё законное место в Европе»[11]. Объективную почву для русско-французского сближения видел и Бисмарк, стремившийся любой ценой предотвратить его. «Вполне понятно, что с точки зрения русской политики удельный вес Франции в Европе не должен падать ниже определённых пределов. Мне кажется, что эти пределы были достигнуты франкфуртским миром...», – вспоминал он впоследствии[12].

Следует подчеркнуть, что в тот момент ни о каком «перевороте союзов» – переходе России от преимущественно прогерманской ориентации первой половины века и особенно конца 60 – начала 70-х гг. к франко-русскому военному альянсу начала 90-х речь идти не могла. Горчаков считал Францию, глубоко травмированную поражением, Парижской коммуной и раздираемую острой борьбой вокруг утверждения республики, слишком слабой вовне и неустойчивой внутри, чтобы стать достаточно надёжным

[11] Борисов Ю.В. Русско-французские отношения после Франкфуртского мира. 1871–1875 гг. С. 61.
[12] Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т II. М., 1970. С. 120.

партнёром и тем более главным союзником России. Его политика сводилась лишь к тому, чтобы предотвратить новую франко-германскую вооружённую конфронтацию, выступая в роли примирителя, арбитра между Берлином и Парижем, что укрепляло бы престиж и влияние России в Европе.

Поскольку военный потенциал Германии был гораздо внушительнее, чем Франции, то опасность превентивной войны явно исходила от немцев. Поэтому линия поведения российского канцлера в ходе острых франко-германских кризисов 1872, 1873, 1874 гг., наконец «военной тревоги» 1875 г. заключалась в том, чтобы не позволить Бисмарку изолировать Францию, втянув Россию в фарватер антифранцузской политики через Союз трёх императоров, и, наоборот, использовать этот союз в качестве инструмента нажима на Германию, сдерживая её агрессивные устремления.

Для решения столь сложной задачи требовались крепкие нервы. Излюбленным методом Бисмарка являлось нагнетание страстей вокруг тех или иных шагов правящих кругов Франции (например, принятие в 1872 г. закона о всеобщей воинской обязанности), которые изображались берлинской дипломатией и прессой с подачи канцлера как бесспорное доказательство подготовки французами реванша.

В ответ французское правительство неизменно обращалось за поддержкой прежде всего к России, ибо на Англию и уж тем более на Австрию или Италию надежды было мало. Именно так случилось весной 1875 г., когда принятие во Франции закона о кадрах и новой военной организации вызвал очередную яростную алармистскую кампанию в Германии, воспринятую как психологическую подготовку к войне. Президент Мак-Магон в беседе с русским послом в Париже Орловым заявил, что вверяет Францию «покровительству императора» (Александра II). Аналогичный демарш был предпринят французским послом в Санкт-Петербурге генералом Ле Фло перед Горчаковым, который заверил его, что предпримет соответствующие усилия по сдерживанию «нетерпения» Берлина: «Интересы Франции и России идентичны», – заверил он.

Эти слова не остались без последствий. В ходе визита царя в Берлин он получил заверения в том, что миру не угрожает опас-

ность. 13 мая 19875 г. последовала циркулярная телеграмма Горчакова, в которой он выразил уверенность в «примирительных намерениях» Германии. Вызвав гнев Бисмарка, она потребовала серьёзного выяснения отношений с глазу на глаз между двумя канцлерами, в результате чего обстановка разрядилась. Слова Горчакова перед отъездом из германской столицы «мир обеспечен», искажённые телеграфистом («теперь мир обеспечен»), прозвучали особенно унизительно для Бисмарка, который оказывался в зависимом от России положении, на что он жаловался Александру II.

Утверждать, подобно многим советским историкам, что в тот момент только Россия спасла Францию от нового разгрома, ещё более жестокого, чем в 1870 г., было бы, на наш взгляд, преувеличением.

На основании архивных документов можно предположить, что Бисмарк вряд ли всерьёз намеревался тогда развязать войну против Франции (хотя германский генштаб во главе с фон Мольтке действительно хотел и готовил её). Его усилия сводились лишь к тому, чтобы запугать Париж, притормозив военную программу французов, и в то же время облегчить прохождение германских военных кредитов через рейхстаг. Судя по всему, Горчаков просто понял, что в такой ситуации Россия, заняв перед лицом Германии твёрдую позицию в пользу мирного решения конфликта, мало чем рискует, тогда как морально-политический выигрыш её в глазах благодарной Франции, да и всей Европы будет значительным. Этот расчёт полностью оправдался.

Многие историки упрекают Горчакова в том, что поддержка им Франции в середине 1870-х гг. впервые с начала века посеяла семена недоверия и вражды в российско-германских отношениях. Результатом оказались, мол, предательство Бисмарком интересов России на Берлинском конгрессе 1878 г. после победоносной для неё русско-турецкой войны, пересмотр выгодного для российских интересов Сан-Стефанского договора, конец дипломатической карьеры Горчакова и ускорение подготовки франко-русского союза, втравившего-де Россию в войну 1914 г. «С этого дня был положен конец безоговорочной поддержке берлинского кабинета. С момента прихода к власти Горчаков весьма успешно практиковал старую систему взаимозаменяемых союзов, он поочередно опи-

рался то на Францию, то на Пруссию – Германию. Теперь он восстановил против себя того, кто был настоящим хозяином рейха, тогда как Франция, ещё не оправившаяся от своих неудач, была слишком слаба, чтобы играть решающую роль на международной “шахматной доске”»[13].

Эта версия вряд ли звучит убедительно. История, как известно, не терпит сослагательного наклонения. Упрекать А.М. Горчакова за ход событий, происшедших после его отставки и кончины, было бы по меньшей мере несправедливо. В конкретной обстановке, сложившейся в Европе после Крымской, а затем франко-прусской войн, прагматический горчаковский курс на сближение с Францией был оптимальным, более того – единственно возможным для России ходом в защите государственных интересов, без которого она рисковала утратить роль самостоятельной великой державы и скатиться на положение сателлита Германии (как это произошло с другим участником «европейского концерта» – Австро-Венгрией).

Конфликт России с Германией определялся не столько личными настроениями Бисмарка (кстати, всю свою жизнь убеждённого сторонника русско-германского сотрудничества), сколько объективно неизбежным столкновением русских и австро-германских интересов на Балканах в борьбе за оттоманское наследство, торговым соперничеством, наконец, гегемонистскими устремлениями Вильгельма II в Европе и далеко за её пределами. Именно это и сделало неизбежными сначала перерастание франко-русского сближения в союз, скреплённый как геополитическими, так и финансовыми связями, оказавшимися сильнее династических, к которому в конечном счёте примкнула Великобритания. «Концерт держав» – главный инструмент мира в глазах Горчакова – распался, он уступил место расколу Европы на две враждебные коалиции, война между которыми в мировом масштабе стала лишь вопросом времени.

На рубеже III тысячелетия н.э. человечество вступило в качественно новый этап своей истории. Его отличием от всех предыдущих является неоднозначность основного вектора дальнейше-

[13] Grunwald C. de. Le tsar Alexandre II et son temps. P. 267-268.

го развития, который может вести как к беспрецедентному материальному и духовному расцвету, так и к глобальному кризису, грозящему гибелью человеческой цивилизации, если не жизни на Земле вообще.

Характерно, что мрачные пророчества о якобы неминуемом конце света, являющемся божьей карой за грехи людей, но сохраняющем надежду на вечное блаженство для немногих праведников, свойственны почти всем великим религиям, в частности, иудео-христианству с его легендами о всемирном потопе, гибели Содома и Гоморры, Апокалипсисе.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I. **Экономика, государство и право**…… 5

Глава 1. ***Долгосрочные программы социально-экономического развития***…… 5
Этапы эволюции…… 5
Организационная структура…… 13
Содержание проектов……...16

Глава 2. ***Государство и социальные партнёры***…….. 19
Государство и бизнес……... 19
Общеэкономическая политика государства и патронат……...26
Промышленная и региональная политики……33
Социальная политика……... 38
Создание, ликвидация бизнеса и решение хозяйственных споров……...44
Контрольные функции…… 46
Внешнеэкономические связи……...49

Глава 3. ***Малый бизнес***……56

Глава 4. ***Государственная служба***……61
Историческая специфика…… 61
Правовой статус госслужбы…… 63
Организационная структура…… 65
Подготовка кадров……68
Контрольные, дисциплинарные и арбитражные инстанции…… 70
Права, обязанности и социальные гарантии госслужащих…….. 75

Глава 5. ***Коррупция и борьба с ней***……78
«Более равные, чем другие»…… 84
«Кадры решают всё»…… 88
Противостояние коррупции……90
Что могут и чего не могут законы…….. 92

Часть II. **Политика и культура**……97

Глава 1. ***Политические циклы***…….. 97

Глава 2. ***Французские переживания эпохи перемен***…… 102

Глава 3. ***Демографические проблемы***……108

Глава 4. ***Конфликт цивилизаций или кризис моделей?***.....118

Глава 5. ***Новые правила игры?***.....133
Избирательные системы и политические партии……133
Обманчивая нормализация……... 133
История болезни……136
Игроки и правила игры……..138

Глава 6. ***Эволюция режима Пятой республики***……...148
Французская политическая культура и конституционные циклы……148
Кризис и компромисс……174
Государство и общество…… 198

Глава 7. **Партийно-политическая система: правые, левые, центр**……...317
Трансформация голлизма…….. 317
Судьбы либералов…….. 236
Ипостаси ультраправых……237
Обновление соцпартии и её лимиты……245
Маргинализация коммунистов……..263
Левее здравого смысла……...270
Некоторые итоги……272

Глава 8. **Опасное «сожительство»**……..279
Контекст…….. 279
Первый тур……..284
Второй тур……...288
Что дальше?..... 291

Глава 9. **Конфликт и компромисс**……..294

Глава 10. **Культура гражданского противостояния**……...316

Глава 11. **Национальная идея в политической жизни Франции**……...329
Особенности формирования французской нации…... 329
Национальная идея в периоды Четвёртой и Пятой республик…….. 350
Жан-Мари Ле Пен и деградация французской национальной идеи……..369

Глава 12. **Корсиканский национализм и его пределы**……...377

Глава 13. **Китайская диаспора во Франции**…….380
История образования и география размещения…….. 380
Особенности организации и адаптации……383
Место китайской диаспоры в экономической жизни…….. 385

Часть III. **Страницы истории**……..390

Глава 1. **Тильзит**……....390

Глава 2. **Отношения России с Францией в политике А.М. Горчакова**……401

Научное издание

Ю.И. Рубинский

Приметы времени

Выпускающий редактор: И.А. Аверьянова
Редактор: Е.В. Дрожжина
Фото: О.В. Швейцер
Художник: М.Н. Терентьева
Компьютерная верстка: Е.В. Дрожжина

Подписано в печать: 19.10.2018.
Формат 60x90/16. Гарнитура «Times».
Усл. п.л. 26,5. Тираж 500 экз. Заказ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Европы Российской академии наук
125009 Москва, ул. Моховая, д. 11. стр. 3
тел.: (495) 692-10-51
факс: (495) 629-92-96
e-mail: europe@ieras.ru
www.institute of europe.ru

Отпечатано: АО «Т8 Издательские технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект,
дом 42, корпус 5
www.t8group.ru; info@t8print.ru
тел.: 8 (499) 332-38-30